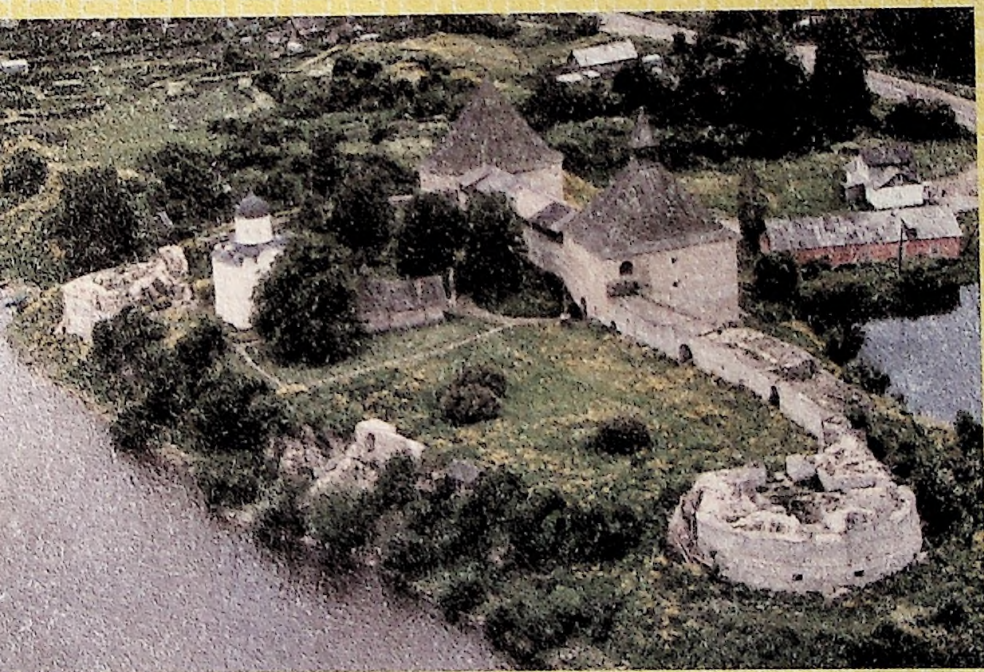

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ДРЕВНОСТИ
СЕВЕРНОЙ РУСИ
И ЕЁ СОСЕДЕЙ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ДРЕВНОСТИ СЕВЕРНОЙ
РУСИ И ЕЕ СОСЕДЕЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1999

Предлагаемый сборник состоит из 23 статей ученых из различных научных центров России, Польши, Украины и Эстонии, затрагивающих актуальные проблемы изучения раннесредневековых древностей Северной Руси и ее соседей. Особое внимание уделено исследованию славяно-скандинавских контактов и становлению древнейших городов на Руси. Несколько работ касаются различных аспектов истории Старой Ладogi и ее округи. Значительный интерес представляют статьи о древнерусском оружии, развитии ремесла, различных аспектах духовной культуры и религиозного сознания и некоторые другие.

Редколлегия:

*Е.Н. Носов (отв. редактор); О.И. Богуславский;
Т.С. Дорофеева; А.А. Пескова (отв. секретарь)*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Благотворительного фонда
“Русь Изначальная”

*На обложке:
каменная крепость в Старой Ладoge
и Старая Ладoga — церковь Святого Георгия.
Фото А.П. Кириичникова*

THE INSTITUTE FOR THE HISTORY
OF MATERIAL CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

EARLY MEDIEVAL ANTIQUITIES
OF THE NORTHERN RUS
AND ITS NEIGHBOURS

ST.-PETERSBURG
1999

The collection presented here includes 23 articles by scholars from different scientific centres of Russia, Poland, Ukraine and Estonia. The articles concern the problems urgent for the study of the early medieval antiquities of the Northern Rus and its neighbours. A special attention has been devoted to the investigation of Slav-Scandinavian contacts and formation of the earliest towns in Rus. A number of works concern different aspects of the history of Staraya Ladoga and its neighbourhood. Of considerable interest are the articles on the ancient Russian weapons, development of handicrafts, on various aspects of the spiritual culture and religious perception, etc.

Editorial board:

*E.N. Nosov (chief editor); O.I. Boguslavskii; T.S. Dorofeeva;
A.A. Pescova (chief secretary).*

Published by the financial support
of the Philanthropic foundation
"Rus Age-old"

Front cover:

*The stone fortress in Staraya Ladoga
and the St. George cathedral in Staraya Ladoga.
The photo of A.N. Kirpichnikov*

СОДЕРЖАНИЕ

К: семидесятилетнюю Анатолия Николаевича Кирпичникова	7
Белецкий С.В. (Санкт-Петербург). Каменное грузило с изображениями княжеских знаков из раскопок в Пскове	11
Джаксон Т.Н. (Москва). Исландские саги о роли Ладоги и Ладожской волости в осуществлении русско-скандинавских торговых и политических связей	20
Дубов И.В. (Санкт-Петербург). Погребения с мечами в Ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке)	26
Зюценко В.Н. (Киев). Высокие наконечники ножен мечей конца X — начала XI вв.	35
Кашнов С.Ю. (Москва). Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова	49
Жильдюшевский В.И. (Санкт-Петербург). Оружие XIV—XVI вв. из раскопок крепости Орешек	63
Жондратьева О.А. (Санкт-Петербург). “Язык” гребня. К вопросу о семиотическом статусе вещи	80
Жузьмин С.Л. (Санкт-Петербург). Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX века	89
Журбатюк А.В. (Санкт-Петербург). Наследие М.К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка	100
Жurnatowska Z. (Poznań). Die Bewaffnung in den Burgen aus der Stammeszeit in Westpolen (Großpolen und Schlesien).	118
Щециjewicz L. (Wroclaw). The Baltic as the Mediterranean Sea of Northern Europe in the Early Middle Ages	123
Щосinski W. (Poznań). Rolle des Frühpiastenreiches in der Geschichte der westslawisch-skandinavischen Kontakte	129
Мусин А.Е. (Санкт-Петербург). Меч и крест: новое религиозное сознание Древней Руси по данным археологии	134
Носов Е.Н. (Санкт-Петербург). Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии	151
Пуцко В.Г. (Калуга). Перынский каменный крест	164
Рождественская Т.В. (Санкт-Петербург). Средневековые библейские тексты в интерьере новгородских храмов	173
Рябишин Е.А. (Санкт-Петербург). “Деревянный мир” раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973-1985 гг.)	180
Сакса А.И. (Санкт-Петербург). Итоги изучения карельских крепостей эпохи средневековья	192
Седов В.В. (Москва). Становление первых городов в Северной Руси и варяги	206
Сорокин П.Е. (Санкт-Петербург). О некоторых тактических приемах борьбы на воде в Древней Руси	211
Толочко П.П. (Киев). Ладога и ее округа в первые века русской истории	216
Тыниссон Э. (Таллин). Замок и его округа в начале XIII в. в Эстонии	221
Фроянов И.Я., Михайлова И.Б. (Санкт-Петербург). Город или протогород? (Об одной надуманной исторической категории)	228
Список научных работ А.Н. Кирпичникова	237
Аспиранты и соискатели, защитившие кандидатские диссертации, научное руководство которыми осуществлял А.Н. Кирпичников	254

CONTENTS

To the seventieth anniversary of Anatoly Nikolaevich Kirpichnikov ... 7	7
<i>Beletskii S.V. (St.-Petersburg)</i> . A stone fishing weight with representations of Prince's marks from the excavation in Pskov ... 11	11
<i>Jackson T.N. (Moscow)</i> . Icelandic sagas on the role of Ladoga and Ladoga Volost in the Russian-Scandinavian trade and political relations. 20	20
<i>Dubov I.V. (St.-Petersburg)</i> . Graves with swords at Yaroslavl Burial Grounds (an ethnic and social consideration) 26	26
<i>Zotsenko V.N. (Kiev)</i> . The high tips of sword sheathes of the late 10th - early 11th century A.D. 35	35
<i>Kainov S.Yu. (Moscow)</i> . Lancet-shaped arrow-heads from excavations at Gnezdovo 49	49
<i>Kil'dyushevskii V.I. (St.-Petersburg)</i> . Weapons of the 14th-16th centuries from excavations at the fortress of Oreshek. 63	63
<i>Kondrat'eva O.A. (St.-Petersburg)</i> . The language of comb. On the problem of the semantic status of an artifact 80	80
<i>Kuz'min S.L. (St.-Petersburg)</i> . Mounds of the Lower Volkhov region: the view on the problem at the end of the 20-th century 89	89
<i>Kurbatov A.V. (St.-Petersburg)</i> . Tanning industries in the ancient Polotsk (consideration of the material from excavations by M.K. Karger in the Upper Castle in 1957). 100	100
<i>Kurnatowska Z. (Poznań)</i> . Die Bewaffnung in den Burgen aus der Stammeszeit in Westpolen (Großpolen und Schlesien) 118	118
<i>Leciejewicz L. (Wrocław)</i> . The Baltic as the Mediterranean Sea of Northern Europe in the Early Middle Ages 123	123
<i>Losinski W. (Poznań)</i> . Rolle des Frühpiastenreiches in der Geschichte der westslawisch-skandinavischen Kontakte 129	129
<i>Musin A.E. (St.-Petersburg)</i> . The sword and the cross: the new religious perception in the ancient Rus in terms of the archaeological evidence 134	134
<i>Nosov E.N. (St.-Petersburg)</i> . The Varangian Problem: Russian Historical tradition v.s. New Archaeological Evidence 151	151
<i>Putsko V.G. (Kaluga)</i> . The stone cross of Peryn 164	164
<i>Rozhdestvenskaya T.V. (St.-Petersburg)</i> . Medieval Scripture texts in the interior of the Novgorod Temples 173	173
<i>Ryabinin E.A. (St.-Petersburg)</i> . "The Wooden World" of the early medieval Ladoga (on the material from excavations at the Zemlyanoe Gorodishche in 1973-1985) 180	180
<i>Saksa A.I. (St.-Petersburg)</i> . The results of study of Karelian fortresses of the Medieval period. 192	192
<i>Sedov V.V. (Moscow)</i> . The Varangians and the formation of the first towns in the northern Rus 206	206
<i>Sorokin P.E. (St.-Petersburg)</i> . On some tactical ways of ship-fight in the ancient Rus 211	211
<i>Tolochko P.P. (Kiev)</i> . Ladoga and its surroundings in the first centuries of the Russian history 216	216
<i>Tynisson E. (Tallinn)</i> . The Castle and its neighbourhood in Estonia in the early 13th century 221	221
<i>Froyanov I.Ya., Mikhaylova I.B. (St.-Petersburg)</i> . Town or proto-town? (On one far-fetched historical category) 228	228
Bibliography of A.N. Kirpichnikov's works 237	237
Doctor thesis worked under the supervision of A.N. Kirpichnikov ... 255	255

К семидесятилетию Анатолия Николаевича Кирпичникова

В июне 1999 г. исполняется 70 лет со дня рождения одного из ведущих отечественных специалистов в области изучения археологии и истории Древней Руси и России, заведующего Отделом славяно-финской археологии ИИМК РАН, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Анатолия Николаевича Кирпичникова.

Анатолий Николаевич родился 25 июня 1929 г. в Ленинграде в семье инженера-строителя. Здесь он учился в средней школе, в осажденном городе провел годы блокады, а в 1948 г. поступил на кафедру археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. Именно в студенческую пору сформировались его научные интересы, связанные с изучением русской истории и культуры. В 1953 г. после окончания с отличием университета А.Н. Кирпичников был принят научным сотрудником в Артиллерийский исторический музей, где проработал до 1955 г.

В 1955 г. он поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) и с тех пор его судьба неразрывно связана с этим академическим центром археологической науки Ленинграда – Санкт-Петербурга. Здесь А.Н. Кирпичников прошел научный путь от аспиранта до ведущего научного сотрудника, а в 1974 г., в связи с образованием в структуре института сектора (позже отдела) славяно-финской археологии, стал его заведующим. В 1963 г. А.Н. Кирпичниковым была успешно защищена кандидатская диссертация по теме “Русское оружие ближнего боя X-XIII вв.”, а в 1975 г. – докторская диссертация “Военное дело Руси IX-XV вв.”. В 1991 г. А.Н. Кирпичникову за большие заслуги в деле подготовки специалистов-археологов было присвоено звание профессора и в том же году за значительный вклад в отечественную науку – почетное звание “Заслуженный деятель науки Российской Федерации”.

Круг научных интересов А.Н. Кирпичникова чрезвычайно многообразен. Это археология и история, культура и архитектура, ремесло и градостроительство Древней Руси, России и сопредельных стран. Его перу принадлежит более 450 печатных работ – от газетных статей до солидных монографий, увидевших свет во многих странах Европы, в том числе в Австрии, Бельгии, Германии, Дании, Испании, Норвегии, Польше, Чехии и Финляндии. А.Н. Кирпичниковым написано 16 различных по характеру книг, среди которых своды археологических источников, обобщающие исторические труды, публикации письменных источников, научно-популярные издания.

В творческих изысканиях А.Н. Кирпичникова можно выделить несколько важнейших направлений, в разработке которых исследовательские заслуги автора особенно заметны и плодотворны. Прежде всего, А.Н. Кирпичников несомненно является крупнейшим отечественным исследователем-оружиеведом, имя которого широко известно за пределами России. Он впервые изучил и систематизировал огромный источниковедческий материал по древнерусскому вооружению IX-XIII вв., военному делу Руси XIII-XV вв., осадной технике и военному искусству. Свод А.Н. Кирпичникова по оружию, выполненный с большой источниковедческой точностью и полнотой, с привлечением обширных сравнительных материалов стали настольными книгами всех исследователей материальной культуры Киевской Руси и сопредельных территорий. По существу в своих трудах автор предложил новую оригинальную концепцию развития русского военного дела эпохи раннего средневековья. А.Н. Кирпичников внес выдающийся вклад и в изучение древнерусского оборонительного строительства, крепостной архитектуры Северо-Западной Руси IX-XVII вв. При этом все исследования автора выполнены на широком историческом фоне и в них ясно показано место и роль Руси и России не только в военном, но и в культурном развитии средневековой Европы в целом.

В рамках этого же направления, А.Н. Кирпичниковым создана и обобщена новая в отечественной науке отрасль знаний – клинковая эпиграфика,

связанная с массовым обнаружением надписей и знаков на средневековых мечах. Им расчищены более 250 клинков из музеев России, Украины, Польши, Норвегии, Швеции и Финляндии, на десятках из которых удалось обнаружить ремесленные клейма, различные начертания и дамаскировку. Как образно заметил сам исследователь: “лезвия с надписями напоминают страницы “железной” книги, текст которой был скрыт много сотен лет и вдруг увидел свет”.

Вторым важнейшим направлением изысканий А.Н. Кирпичникова является открытие и введение в научный оборот неизвестных ранее или малоизвестных письменных и графических источников по истории и культуре России. Среди них описи городов, перечни их вооружения, чертежи, планы, рисунки городов-крепостей и всякого рода древностей, свидетельства иностранных путешественников. Комплексное сопоставление различных групп источников позволило А.Н. Кирпичникову нарисовать яркие и живые образы жизни и быта средневековой России.

Наконец, третьим важнейшим направлением творчества ученого, является изучение этнических и историко-культурных процессов, происходивших на севере Руси в период образования Древнерусской государственности. Этот круг проблем охватывает анализ взаимоотношений славян с местным финским населением и с пришлыми скандинавскими находниками, вопросы происхождения первых городов на Руси и изучение ее международных связей.

Со студенческой скамьи А.Н. Кирпичников принимал участие в раскопках славяно-русских древностей. С 1968 г. он ежегодно возглавляет археологические экспедиции ведущие работы на Северо-Западе России, был начальником Ленинградской областной, Псковской областной, Новгородской архитектурно-археологической и, наконец, Старо-ладожской экспедиции, с завидной энергией и упорством добиваясь необходимого финансирования исследований в наших отнюдь не благоприятных для этого условиях. Во время этих экспедиций выявлены новые памятники материальной и строительной культуры, сделан целый ряд важнейших археологических открытий.

А.Н. Кирпичников принимает активное участие в пропаганде прошлого нашего страны, совершенствовании охраны памятников ее истории и культуры. С 1978 г. он являлся заместителем председателя Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а с 1997 г. его председателем и членом его всероссийского Президиума. В первую очередь, благодаря усилиям А.Н. Кирпичникова, в 1984 г. в Старой Ладоге создан историко-архитектурный и археологический музей-заповедник республиканского значения, а в наши дни руководимое им Ленинградское областное отделение Общества охраны памятников вместе с администрацией Ленинградской области, Президиумом Санкт-Петербургского научного центра РАН и ИИМК РАН активно ведет работу по включению Староладожского музея-заповедника в число особо ценных объектов российской культуры.

А.Н. Кирпичников всегда активно участвовал и участвует в общественной, научной и культурной жизни Ленинграда — Санкт-Петербурга и всей страны. Он неоднократно входил в состав различных Ученых

советов научных организаций и музеев, являлся заместителем главного редактора Кратких сообщений Института археологии АН СССР, членом Всероссийской аттестационной комиссии по защите диссертаций в области археологии и истории, был активным организатором целого ряда научных конференций, в том числе международных, подлинным вдохновителем советско (российско)-финляндского сотрудничества в области археологии. С 1993 г. А.Н. Кирпичников входит в число экспертов Межпарламентской ассамблеи стран СНГ в области законодательства по культурному наследию. Он многократно выступал с лекциями в музеях и университетах Бельгии, Дании, Норвегии, Польши, Франции и Швеции.

А.Н. Кирпичников награжден медалями “В память 250-летия Ленинграда” (1958 г.) и “Ветеран труда” (1986 г.), бронзовой медалью ВДНХ (1986 г.), имеет почетные и благодарственные грамоты Президиума АН СССР (1974 г.), Общества “Знание” (1970 и 1978 гг.), Президиума ВООПИК (1981 г.).

Под руководством А.Н. Кирпичникова Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН стал авторитетным научным коллективом, сохраняющим доброжелательную атмосферу заседаний, дух научного творчества, при высокой требовательности к выполняемым в нем исследованиям, уважении трудов предшественников. С отдельными построениями и заключениями работ А.Н. Кирпичникова можно спорить, не соглашаться, но, что не вызывает сомнений, так это его убежденность в своей правоте, искренность в высказываемых взглядах, студенческая увлеченность и энтузиазм. Он готов хоть завтра отправиться на экскурсию в Ладугу с неожиданно появившимся зарубежным коллегой или очередной группой скандинавских дипломатов и областных чиновников, готов бросить все дела и ехать в Псков, Казань или Киев, чтобы расчистить еще один клинок или увидеть интересную находку, готов составлять десятки писем и проникать во многие начальствующие кабинеты, пробивая финансирование экспедиции или продвигая свой новый научный проект или идею. А потом А.Н. Кирпичников будет увлеченно рассказывать перед началом заседания отдела, или закрывшись в своем институтском “закутке” – кабинете с одним из сотрудников, о крайне удачном сделанном им снимке гнездовских курганов, о почти детективной истории поисков в архивах ФСБ материалов дела репрессированного известного оружейоведа Арендта, или успехе своей очередной инициативы. За всем этим стоит неподдельный интерес к занятиям наукой, архивным изысканиям, стремление пропагандировать и сохранять памятники национальной истории и культуры, что и составляет подлинный смысл всей научной и общественной деятельности А.Н. Кирпичникова.

Друзья, коллеги и ученики Анатолия Николаевича в эту юбилейную дату желают ему крепкого здоровья, новых традиционных ежегодных лыжных походов во время весеннего отпуска, желают как можно дольше сохранять поразительную творческую активность и надеются на появление его новых трудов по истории нашей великой Родины, так любимой им России.

Е.Н. Носов

КАМЕННОЕ ГРУЗИЛО С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ КНЯЖЕСКИХ ЗНАКОВ ИЗ РАСКОПОК В ПСКОВЕ

Предметы с изображениями так называемых “знаков Рюриковичей” — знаков в форме двузубца или трезубца — хотя и распространены на памятниках древнерусского времени достаточно широко, но, все-таки, не принадлежат к числу массовых находок: каждый такой предмет заслуженно вызывает к себе повышенное внимание и большинство из них, как правило, публикуется вскоре после обнаружения. Тем не менее, некоторые предметы, несущие изображения “знаков Рюриковичей” продолжают оставаться не введенными в научный оборот.

К числу подобных находок относится каменное грузило для рыболовной сети, найденное при раскопках в Пскове (рис. 1). Грузило обнаружено в северо-западном углу раскопа 1956 г., в кв. А9 на глубине -243. По стратиграфической схеме Г.П. Гроздилова, глубинная отметка находки соответствует горизонту В, датированному исследователем XII-XIII вв. (Гроздилов 1962: 57). В горизонте В застройка на этом участке раскопа отсутствует, и слой перегной, из которого происходит грузило, накапливался в период жизни постройки нижележащего горизонта Г (XII в.)

Грузило имеет неправильно-трапециевидную форму (6,8x3,4-6,5 см) вырезано из известняка. В верхней, более узкой части просверлено сквозное отверстие. На одной из плоских сторон грузила процарапаны два знака в форме двузубца. Оба знака обращены зубцами влево. Знак Б (правый) — колоколовидной формы. Знак А (левый) — подпрямоугольной формы со скругленными переходами от основания к зубцам. Уверенно относить этот знак к двузубцам прямоугольных или же колоколовидных очертаний трудно, однако в сравнении со знаком Б знак А скорее следует сближать со знаками прямоугольных очертаний. Ножка левого знака размещена в пространстве между зубцами правого знака.

Аналогии знаку А широко представлены по территории древней Руси. Такие знаки зафиксированы в гончарных клеймах из Киева (рис. 2: 1-7) (Шовкопляс 1964: табл. V: 27; Зоценко, Брайчевська 1993: 67, рис. 15: 13,16; Калюк, Сагайдак 1988: 44, рис. 4: 1,2,4, № 61), Дорогобужа (рис. 2: 9) (Прищепа, Никольченко 1996: 61, 218, рис. 84: 26), Григоровки (рис. 2: 13) (Петрашенко 1992: 19, рис. 6: 4), Городца на Волге (рис. 2: 23) (Медведев 1968: 34, рис. 8: 20), Владимира (рис. 2: 24) (Кадиева 1999), в клеймах на поливных плитках пола из Суздальского собора (рис. 2: 11) (Воронин 1961: 119, рис. 72), в клеймах на кирпичах из Борисоглебского собора в Чернигове (рис. 2: 21-22) (Холостенко 1967: 208,

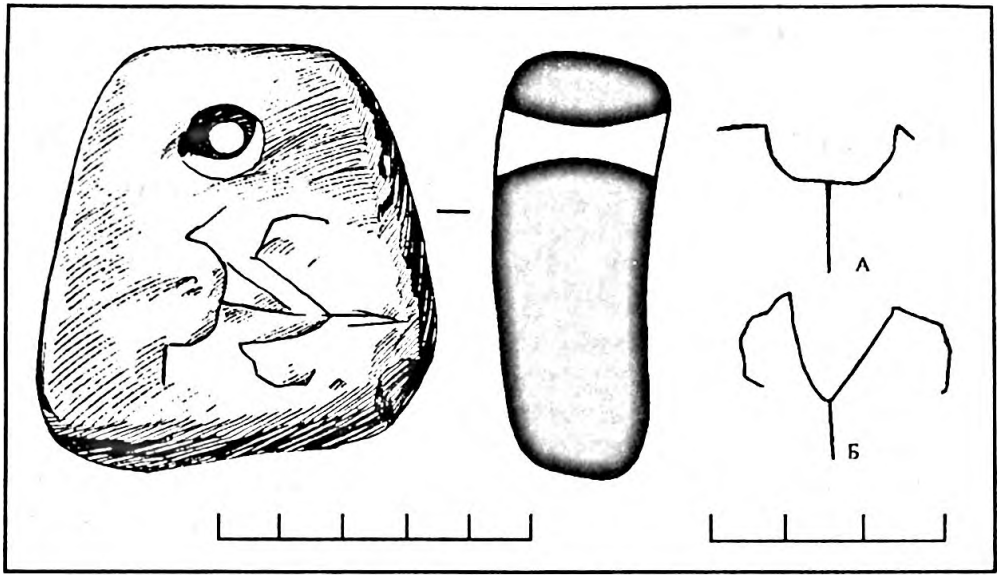

Рис. 1. Каменное грузило из Пскова
А, Б — знаки на грузиле

рис. 19: третий ряд сверху, первый и третий слева). Аналогичный знак процарапан на крышке саркофага из Василева (рис. 2: 8) (Тимошук 1979: 133, рис. 10), выбит на камне-следовике, найденном близ села Волгино Верховье (рис. 2: 12) (Ильин 1947: 179-181), помещен на пломбах из Дрогичина (рис. 2: 14-19) (Болсуновский 1894: № 341, 765, 607, 615, 635, 662, 811), Белоозера (?) (Макаров, Чернецов 1988: 239, рис. 3: 6¹), Новгорода (Ершевский 1985: табл. III: 81, 89) и Ладоги (рис. 2: 20) (Белецкий С., Петренко 1994: 240, № Пл/IV.2/25; 282: рис. 73). По-видимому, этот же знак вырезан на можжевеловой палочке, найденной при раскопках в Новгороде (рис. 2: 10) (Колчин 1968: 22, рис. 12: 6). Ножка последнего имеет в основании треугольник, обращенный острием вверх, поэтому строго говоря, знак не может считаться идентичным рассматриваемым знакам. Однако у знака в форме полутрезубца, вырезанном на той же палочке (Колчин 1968: 22, рис. 12: 7), оба конца ножки, а также конец зубца имеют аналогичные треугольные завершения, так что этот элемент у обоих является, вероятнее всего, не геральдически значимым, а декоративным.

Общерусская известность знака А представляется бесспорной. Датировка знака на можжевеловой палочке временем формирования слоя, в котором найдена сама палочка (1096-1116), позволяет утверждать, что владелец знака жил в начале XII в.

Аналогии знаку Б распространены менее широко: они зафиксированы в клеймах на днищах сосудов из Киева (рис. 2: 25-27) (Шовкопляс 1964: табл. VIII: 3; Брайчевська, Михайлов, Сагайдак 1993: 232, рис. 12, верхний ряд, второй слева; Калюк, Сагайдак 1988: 44, рис. 4: 3), Канева (рис. 2: 30) (Рыбаков 1940: 249, рис. 71²), Владимира (рис. 2:

¹ Завершение правого зубца не вошло в площадь заготовки.

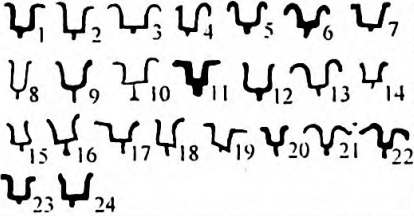

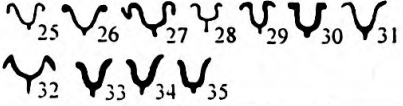

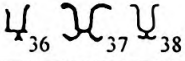

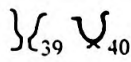

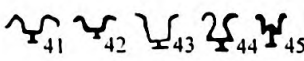

Знак	Схема знака	Аналоги
		
		
		
		
		
		

Рис. 2. Княжеские знаки из Пскова (А-Г) и аналогии этим знакам: 1-7, 25-27, 37, 39 — Киев; 8, 38 — Василёв; 9 — Дорогобуж, 10 — Новгород, 11 — Суздаль; 12 — Волгино Верховье; 13 — Григоровка; 14-19, 28, 29, 36, 40, 43, 46 — Дрогичин; 20 — Ладога; 21-22, 41, 42 — Чернигов; 23 — Городец на Волге; 24, 31-35, 44, 45 — Владимир; 30 — Канев

31-35) (Кадиева 1999), Трубчевска¹, а также на дрогичинских пломбах (рис. 2: 28-29) (Болсуновский 1894: 548, № 38).

Кроме рассматриваемых знаков на грузиле, в Пскове известны еще два типа княжеских знаков в форме двузубца: двузубец подпрямоугольных очертаний со скругленными переходами от зубцов к основанию, с отогнутыми наружу зубцами и раздвоенной ножкой (рис. 2: В; далее — знак В) и двузубец колоколовидных очертаний с отогнутыми наружу зубцами и Т-образной ножкой (рис. 2: Г; далее — знак Г). Оба знака зафиксированы в клеймах на кирпичах из ц. Дмитрия Солунского (Белецкий В. 1971). Близкородственный характер этих знаков знакам на грузиле очевиден — отличие заключено в форме

2 В подрисуночной подписи значится, что сосуд с данным клеймом происходит из Родни, однако в тексте статьи (Рыбаков 1940: 248) определенно сказано, что сосуд происходит из Канева. В "Ремесле древней Руси" Рыбаков отмечает, что сосуд происходит из Канева (Рыбаков 1948: 493, рис. 126: 2).

¹ Благодарю О.А.Щеглову (ИИМК РАН) за сведения об этой находке.

ножки. Кроме того, знаки из ц.Дмитрия Солунского имеют очень сходные со знаками на грузиле формы чашек: чашка двузубца В аналогична чашке знака А, а чашка двузубца Г аналогична чашке знака Б.

Если считать знак В двузубцем прямоугольных очертаний, то аналогии этому знаку зафиксированы на пломбе из Дрогичина (рис. 2: 36) (Болсуновский 1894: № 855.), в клейме на днище сосуда из Кисва (рис. 2: 37) (Каргер 1958: 445, рис. 124, второй ряд, слева), а также на крышке саркофага из Василёва (рис. 2: 38) (Тимошук 1979: 133, рис. 10). Если же относить данный знак к двузубцам колоколовидных очертаний, то аналогии ему обнаруживаются на пломбе из Дрогичина (рис. 2: 40) (Болсуновский 1894: № 406) и в клейме на днище сосуда из Киева (рис. 2: 39) (Толочко 1981: 297, рис. 129, нижний ряд, второй справа).

Как будто бы единственная прямая аналогия знаку Г — фрагментарно сохранившийся колоколовидный знак с Т-образной ножкой на пломбе из Дрогичина (рис. 2: 46) (Болсуновский 1894: № 157). Для двузубцев прямоугольных очертаний, имевших Т-образную ножку, круг аналогий несколько шире — такие знаки зафиксированы в клеймах на дне сосуда из Дрогичина (рис. 2: 43) (Musianowicz 1969: 25, tabl. V: 13), Владимира (рис. 2: 44-45) (Кадиева 1999), а также в клеймах на кирпичах из Пятницкой церкви в Чернигове (рис. 2: 41-42) (Холостенко 1956: 287, рис. 18, знаки справа в верхнем и втором сверху рядах).

Знаки в клеймах на кирпичах из ц. Дмитрия Солунского были предметом специального исследования в связи с проблемой строительной истории грама (Белецкий С. 1998). Можно считать установленным, что Дмитриевская церковь была поставлена в 1132 г. на средства новгородского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича (Белецкий С. 1986: 21-24); знаки В и Г были персонифицированы Всеволоду-Гавриилу и одному из его сыновей — Владимиру или Мстиславу (Белецкий С. 1998: 40). Вне зависимости от того, какой из двух знаков принадлежал Всеволоду-Гавриилу, а какой — его сыну, подчеркнут: у обоих знаков форма чашки двузубца одинакова — двузубец с отогнутыми наружу зубцами, лишенный дополнительных отрогов на зубцах. Различаются же знаки между собой формой ножки, что можно расценивать как отличие знаков отца и сына.

Близость знаков А и Б друг другу не вызывает сомнения: в обоих случаях это двузубцы с отогнутыми наружу зубцами и вертикальной ножкой. Главным отличием этих знаков от знаков В и Г является форма ножки. Если считать, что оба знака на грузиле принадлежали одному и тому же лицу, то отличие в форме ножки характеризует отношение владельцев знаков на грузиле и знака В как отца и сына, а сами знаки на грузиле следует персонифицировать отцу Всеволода-Гавриила Мстиславу Владимировичу — старшему сыну Владимира Мономаха, занимавшему новгородский стол в 1088-1094 и 1096-1117 гг. Именно Мстиславу Великому атрибуировал двузубец на можжевелевой палочке А.А. Молчанов (Молчанов 1984: Табл. II). Правда, В.Л. Янин связывал этот же знак с деятельностью Святополка Изяславича, однако обоснованием такой персонификации стала “близость этой тамги к знакам Изяслава Ярославича и Мстислава Изяславича” (Янин 1982: 150, 151, рис. 9).

Оставляя в стороне принципиальные различия между двузубцем на можжевельной палочке и знаками, атрибуированными Яниным Изяславу и Мстиславу Изяславичу, а также принципиальные различия между двумя последними (рис. 3: 1), подчеркну: персонификации знаков, приписанных Яниным Изяславу и Мстиславу, пока никем всерьез не доказаны, так что опираться на эти персонификации было бы, по меньшей мере, неосторожным.

В литературе принято различать двузубцы колоколовидной формы и двузубцы прямоугольных очертаний: прямоугольные двузубцы обычно связывают с потомками Мстислава Великого, а колоколовидные — с потомками Юрия Долгорукого. Поэтому вопрос о тождестве знаков на псковском грузиле требует специального рассмотрения. Главным обоснованием принадлежности двузубцев колоколовидной формы князьям-Юрьевичам обычно принято считать знаки, выбитые на камне Золотых ворот во Владимире (рис. 3: 2) (Воронин 1949: 215; 1961: 252, рис. 155: а) и на постаменте Боголюбовского кивория (рис. 3: 3) (Воронин 1946: 65, рис. 19; 1961: 253, 258, рис. 123, 125), а также знак на щитке перстня из Галича (Володченко 1951: 62-67¹) (рис. 3: 4) и на печатях № 297-298 по Корпусу В.Л. Янина (рис. 3: 5-6) (Янин 1970: 219, № 297, 298). Связывая эти знаки с деятельностью Андрея Боголюбского либо Святослава Всеволодича, низовским князьям приписывают и прочие двузубцы колоколовидных очертаний (Янин 1956: 16, рис. 6²; Молчанов 1984: табл. II). Однако при раскопках 1997 г. в Смоленске была найдена плита с выбитым изображением княжеского знака колоколовидной формы (рис. 3: 7) и надписью, сопровождающей знак³ (Новоселов, Седых 1998: 5, рисунок). Датировка плиты рубежом XII-XIII вв. опирается на палеографию надписи⁴ (Новоселов, Седых 1998: 5), а из текста ее следует, что владелец знака носил имя Ростислав⁵ (Новоселов, Седых 1998: 5, рисунок). Принадлежность Ростислава к смоленской ветви рода Рюриковичей

¹ По мнению З.А. Володченко, перстень является печатным. Если это так, то знак реально должен был быть зеркальным по отношению к самой печати-матрице. Однако из текста статьи следует, что бронзовый перстень был покрыт позолотой и эмалью, причем “позолота и теперь хорошей сохранности на внутренней части щитка, частично на кольце, в углублениях рамки и знака” (Володченко 1951: 63). Таким образом, использование перстня в качестве печати сомнительно — от частого употребления перстня в качестве печати-матрицы позолота поверхности щитка неизбежно должна была стираться. Предполагая, что перстень из Галича, как и большинство подобных перстней, не был печатным, я считаю возможным рассматривать знак в качестве прямой аналогии знакам на Золотых воротах Владимира и Боголюбовском кивории.

² Уточненная версия генеалогии знаков опубликована В.Л. Яниным в статье, посвященной знаку на Лопастичском кресте (Янин 1957: 34, рис. 10).

³ Материалы раскопок Е.Н. Торшина (Гос. Эрмитаж).

⁴ Заключение Т.В. Рождественской (СПбГУ).

⁵ “Степанъ тивунъ наѣлъ пѣтнъ Ростиславль”.

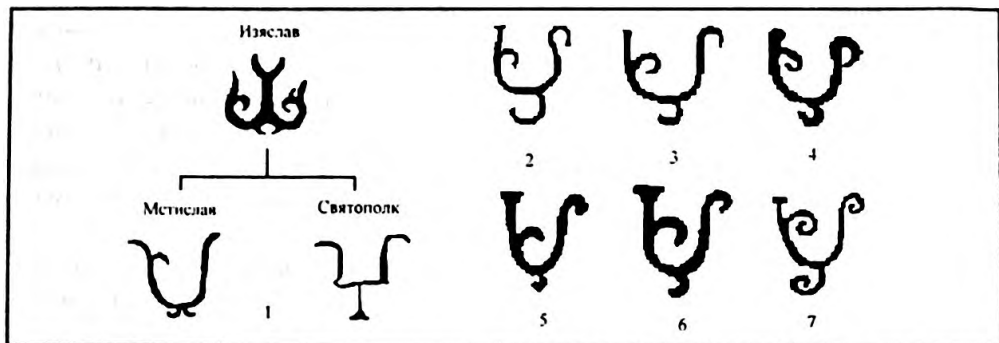

Рис. 3. 1 — генеалогия некоторых княжеских знаков из Новгорода (по В.Л. Янину); 2-7 — знаки колоколовидной формы (2 — Владимир, Золотые ворота; 3 — Боголюбово, киворий; 4 — перстень, Галич; 5 — печать № 297, Новгород; 6 — печать № 298, Новгород; 7 — “пятию Ростиславле”, Смоленск)

весьма вероятно, так что обоснование связи колоколовидных двузубцев с князьями суздальской ветви рода снимается.

Персонифицируя знаки из ц. Дмитрия Солунского Всеволоду Мстиславичу и его сыну, я, таким образом, связывал с двумя представителями одной ветви рода одновременно и двузубец прямоугольных очертаний, и двузубец колоколовидной формы. Это дает основание считать, что форма двузубца, вопреки общему мнению, не является геральдически значимой. Если так, то оба знака на псковском грузиле принадлежали одному и тому же лицу — новгородскому (позднее — великому киевскому) князю Мстиславу Владимировичу (†1132).

После сказанного есть основание вернуться к персонификации двузубцев из ц. Дмитрия Солунского. Если очертания двузубца не являются геральдически значимыми, то принципиально важным оказывается наличие знака, аналогичного знаку Г, в гончарном клейме из Дрогичина. Всеволод Мстиславич, скончавшийся 10 февраля 1138 г. в Пскове, в своей деятельности не был связан ни с Дрогичиным, ни с западно-русскими землями вообще: князь занимал новгородский (1117-1123?, 1125?-1132, 1132-1136) (НПЛ 1950: 204, 207)¹, псковский (1123?-1125?, 1137-1138) (НПЛ 1950: 209-210), переяславский (1132) (НПЛ 1950: 207) и вышгородский (1136-1137) (ПСРЛ 1962, т. II: стб. 300) столы. Связь Всеволода с Дрогичиным, таким образом, представляется немотивированной. В то же время нельзя исключать возможность пребывания в Дрогичине представителей Владимира или Мстислава Всеволодичей. Сведения письменных источников об этих князьях крайне скупы: Владимире в 1138 г. в возрасте 10-12 лет несколько дней занимал новгородский стол

¹ На летописное замечание “В то же лето посадиша на столе Всеволода новгородци”, приведенном в новгородской Первой летописи под 1125 г. (НПЛ 1950: 205), обратил внимание В.Л. Янин (Янин 1962: 67), предположивший, что князь был на короткое время лишен стола. В 1124-1125 гг. Всеволод Мстиславич находился, вероятнее всего, в Пскове (Белецкий С. 1996: 106-107).

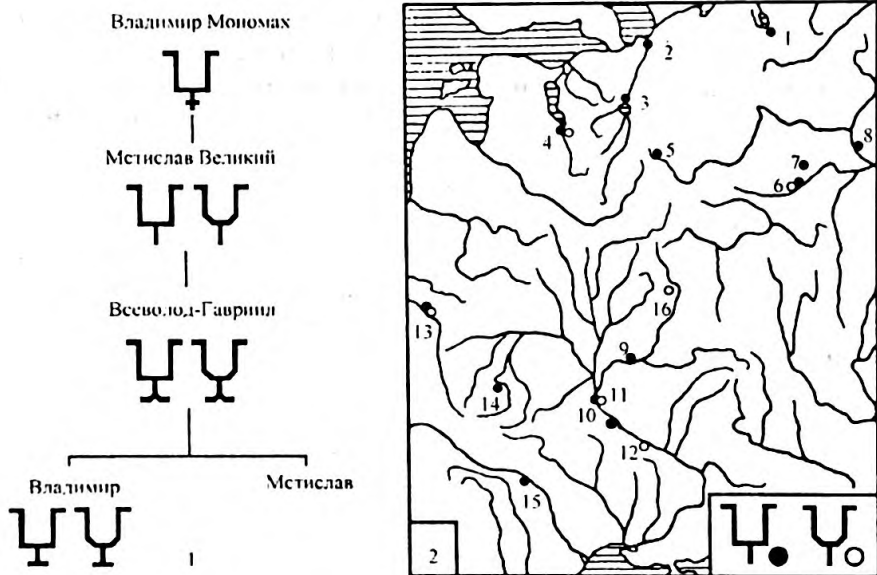

Рис. 4. 1 — генеалогия княжеских знаков

Мстиславичей-Мономашичей; 2 — распространение княжеских знаков Мстислава Великого по территории Руси

- (1 — Белоозеро; 2 — Ладога; 3 — Новгород; 4 — Псков; 5 — Волгино Верховье; 6 — Владимир; 7 — Суздаль; 8 — Городец; 9 — Чернигов; 10 — Григоровка; 11 — Киев; 12 — Канев; 13 — Дрогичин; 14 — Дорогобуж; 15 — Василёв; 16 — Трубчевск)

(НПЛ 1950: 209), а о Мстиславе известно лишь то, что он скончался в 1168 г. (ПСРЛ 1965, т. IX: 235) в возрасте не менее 30 лет.

Комментируя биографические сведения о сыновьях Всеволода-Гавриила, О.М. Рапов отмечал, что “судьба Владимира Всеволодича неизвестна” (Рапов 1977: 157). Однако Л.В. Войтович подчеркивает, что Владимир Всеволодич “бл. 1136 г. одружився з Ріксою, дочкою польского князя Болеслава III. По його смерті вона вдруге вийшла за шведського короля Сверкера I” (Войтович 1992: 83). В таком случае пребывание Владимира Всеволодича после ухода из Новгорода на одном из княжеских столов русско-польского пограничья оказывается весьма вероятным, и именно ему следует атрибуировать двузубец в гончарном клейме из Дорогобужа и знак Г из Пскова.

После сказанного, генеалогия знаков представителей старшей ветви Мстиславичей-Мономашичей принимает следующий вид (рис. 4: 1).

Широкое распространение двузубца Мстислава Владимировича по территории Руси (рис. 4: 2), в частности — распространение пломб с таким знаком на пространствах от Ладоги и Белоозера до Дрогичина, полностью соответствует масштабам деятельности Мстислава Великого и его общерусской известности. Отметим, что гончарные клейма и предметы, помеченные знаком Мстислава Великого, свидетельствуют о присутствии представителей княжеской администрации не только в Киеве и Новгороде, но также в Пскове, Владимире,

Григоровке, Городце на Волге, Каневе, Трубчевске и Дорогобуже. Изображение данного знака на культовом камне-следовике (то есть — объекте поклонения, издавна известном местному населению) у с. Волгино Верховье маркирует границу между Новгородскими и Ростово-Суздальскими землями, составлявшими владения старшего и младшего Мономашичей. Присутствие среди четырех знаков на крышке саркофага из Василёва двузубцев Мстислава Великого и Всеволода Мстиславича позволяет вплотную приблизиться к решению вопроса о том, кто был погребен в этом саркофаге. Обнаружение же знака Мстислава Владимировича на строительной керамике из Борисоглебского собора в Чернигове и Богородицкого собора в Суздале, безусловно, свидетельствует о причастности Мстислава Великого к возведению этих храмов. Напомню, что Борисоглебский собор был “создан” Давыдом Святославичем, занимавшим черниговский стол с 1097 по 1123 гг. (Раппопорт 1982: 41), а “создателем” Суздальского собора летопись называет Владимира Мономаха (Раппопорт 1982: 59). Замечу кстати, что обнаружение знаков Владимира Всеволодича на кирпичах из Пятницкой церкви в Чернигове¹ не только дополняет биографию князя, но позволяет также вернуться к вопросу о времени строительства храма и его “создателях”.

- Белецкий, В.Д.* 1971. Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // Советская археология 2.
- Белецкий, С.В.* 1986. “Яведова печать” // АИП 6: 21-24.
1996. К вопросу о датировке домонгольских храмов Пскова // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб.
1998. К истории строительства церкви Св. Дмитрия Солунского в Пскове // Церковная археология 4. СПб.
- Белецкий, С.В., В.П. Петренко.* 1994. Печати и пломбы из Старой Ладogi (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.
- Болсуновский, К.В.* 1894. Дрогичинские пломбы. Часть 1. Киев.
- Брайчевська, О.А., И.С. Михайлов, М.А. Сагайдак.* 1993. Дослідження ділянки Подолу по вул. Спаській у 1988-1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження. 1984-1989. Київ.
- Войтович, Л.В.* 1992. Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ.
- Володченко, З.А.* 1951. Перстень-печать XII в. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XXXVI.
- Воронин, Н.Н.* 1946. Боголюбский киворий // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XIII.
1949. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // Материалы и исследования по археологии СССР 11.
1961. Зодчество северо-восточной Руси XII-XV вв. (1). М.
- Гроздилов, Г.П.* 1962. Раскопки древнего Пскова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4.
- Ершевский, Б.Д.* 1985. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология (по материалам собрания Н.П. Лихачева) // Вспомогательные исторические дисциплины XVII.

¹ Время строительства Пятницкой церкви неизвестно; по архитектурным особенностям постройки П.А. Раппопорт датировал храм концом XII — первой половиной XIII в. (Раппопорт 1982: 44-45).

- Зоценко, В.М., О.А. Брайчевська.* 1993. Ремісничий осередок XI-XII ст. на Київському Подолі // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984-1989. Київ.
- Ильин, С.Н.* 1947. Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XVII: 179-181.
- Кадиева, Е.К.* 1999. Керамические клейма на сосудах из усадьбы второй половины XII-XIII вв. г. Владимира (предварительное сообщение) // II Тверская археологическая конференция, 23-27 марта 1999 г. Стеновый доклад.
- Калюк, О.П., М.А. Сагайдак.* 1988. Склад керамічної продукції XII ст. з київського Подолу // Археологія 61.
- Каргер, М.К.* 1958. Древний Киев (1). М.-Л.
- Колчин, Б.А.* 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // Свод археологических источников Е 1-55. Москва.
- Макаров, Н.А., А.В. Чернецов.* 1988. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М.
- Медведев, А.Ф.* 1968. Новые материалы к истории Городца на Волге // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 113.
- Молчанов, А.А.* 1984. Об атрибуции лично-родовых знаков князей-Рюриковичей X-XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины XVI.
- Новоселов, Н., В. Седых.* 1998. Исследования во Владимире и Смоленске // Ялик 25.
- НПЛ.* 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.
- Петрашенко, В.А.* 1992. Керамика IX-XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.
- Прищеп, Б.А., Ю.М. Никольченко.* 1996. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі. До історії населення Західної Волині в X-XIII століттях. Рівне.
- ПСРЛ.* 1962. Полное собрание русских летописей II. М.
1965. Полное собрание русских летописей IX. М.
- Рапов, О.М.* 1977. Княжеские владения на Руси в X – пер. пол. XIII вв. М.
- Раппопорт, П.А.* 1982. Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников // Свод археологических источников Е 1-47. Л.
- Рыбаков, Б.А.* 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // Советская археология VI.
1948. Ремесло древней Руси. М.
- Тимощук, Б.А.* 1979. Древнерусские города Северной Буковины // Древнерусские города. М.
1979. Древнерусские города Северной Буковины // Древнерусские города. М.
- Толочко, П.П.* 1981. Керамика // Новое в археологии Киева. Киев.
- Холостенко, Н.В.* 1956. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953-1954 гг.) // Советская археология XXVI.
1967. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // Советская археология 2.
- Шовкопляс, А.М.* 1964. Знаки на древноруському посуді з Києва // Археологія 17.
- Энин, В.Л.* 1956. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 62.
1957. К вопросу о дате Лопастницкого креста // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 68.
1962. Новгородские посадники. М.
1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. (1). М.
1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Musianowicz, K.* 1969. Drohiczin we wczesnym & redniowieczu // Materiały wczesnośredniowieczne VI.

ИСЛАНДСКИЕ САГИ О РОЛИ ЛАДОГИ И ЛАДОЖСКОЙ ВОЛОСТИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РУССКО-СКАНДИНАВСКИХ ТОРГОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Как показал в целой серии работ А.Н. Кирпичников, Ладога, практически с момента своего основания в VIII в., представляла собой "центр городской волости (с XI в. — наместничества), располагавшейся вдоль порожистой части Волхова (Гостиннопольские и Пчевские пороги). Входившие в состав этой волости, связанные с хозяйственным освоением окрестных земель поселения-сателлиты, а также дорожные станции контролировали низовье Волхова (длина около 60 км) и обслуживали международное судоходство" (Кирпичников, Рябинин, Петренко 1985: 50; Кирпичников, Сарабьянов 1996: 54).

Ладогу (*Aldeigjuborg*) в качестве промежуточного пункта на пути из Скандинавии в Новгород знают скандинавские саги — это не раз отмечалось в литературе. Впрочем, вероятно, в силу того, что маршрут этот был совершенно естественен, он крайне редко фиксируется в сагах (см.: Джаксон 1997). Мы знаем его лишь по "Кругу земному" Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.) и по "Саге об Оркнейцах", но лишь в той ее части, которая была переработана при участии Снорри Стурлусона (тоже ок. 1230 г.). Ни в скальдических стихах, использованных Снорри, ни в "Красивой коже", содержащей аналогичные рассказы о поездках из Руси в Швецию конунгов Магнуса Олавссона и Харальда Сигурдарсона, указания на путь через Ладогу нет.

Мне представляется, что саги сохранили также косвенную информацию о тех контрольно-пропускных функциях Ладожской волости, о которых писал А.Н. Кирпичников и вслед за ним целый ряд исследователей (Е.Н. Носов, П.Е. Сорокин и др.).

Так, последняя глава "Саги об Олаве Святом" в "Круге земном" Снорри Стурлусона повествует о поездке норвежских вождей на Русь за малолетним Магнусом в начале 1035 г. "Ранней весной начинают они свою поездку, Эйнар Брюхотряс и Кальв Арнасон, и была у них большая дружина и самые лучшие люди, какие только были для этого в Трёндалёге. Они поехали весной на восток через [горы] Кьёль до Ямталанда, затем в Хельсингьяланд и оказались в Свитьбод, сели там на корабли, поплыли летом на восток в Гардарики, пришли осенью в Альдейгьюборг. Отправили они тогда послов в глубь страны в Хольмгард к конунгу Ярицлейву с сообщением, что они предлагают взять с собой Магнуса, сына конунга Олава Святого, и сопровождать его в Норег и оказать ему помощь в том, чтобы

он добился своих родовых земель, и поддержат его в том, чтобы он стал конунгом над страной. И когда это сообщение достигло конунга Ярицлейва, тогда держал он совет с княгиней и другими своими хёвдингами. Все они согласились, что норвежцам следует послать слово и тем самым вызвать их к конунгу Ярицлейву и Магнусу. Был им дан мир для их поездки. И когда они прибыли в Хольмгард, то было решено между ними, что те норвежцы, которые туда приехали, переходят в руки Магнуса и становятся его людьми...” (F 1933, XXVII: 414–415).

Обратим внимание на выделенные части этого фрагмента. Приплывшие в Ладолгу норвежцы не отправляются все вместе вглубь территории, а посылают **послов** (*sendimenn*) к князю с сообщением (*með orðsendingum*) о цели своей поездки. Ярослав получает это сообщение и после обсуждения сложившейся ситуации решает послать норвежцам, оставшимся в Ладолге, **слово** (*gera orð*) и тем самым **вызвать их** (*stefna þeim þannug*) к себе. Снорри тут же уточняет, что им был дан мир для их поездки (*vagu þeim grip seld til þeirar ferðar*). Третье употребленный здесь термин *orð* — “слово” (с вариантом *orðsending* — “послание”) определенно указывает на то, что послы несли устную информацию. Для обозначения “мира” используется термин *grip*, отличающийся от синонимичного слова *gríðr* — “мир” тем, что выражает понятие, ограниченное во времени и пространстве. Речь идет о гарантированном безопасном проезде от Ладолги до Новгорода.

Вероятно, о том же гарантированном безопасном проезде по территории Руси говорит и монах Теодрик, лаконично излагая в своей латиноязычной хронике “История о древних норвежских королях” (1177–1180 гг.) историю возведения Магнуса на престол. Когда на Русь пришли четыре знатных норвежца, Ингигерд, жена Ярослава, отказалась отдать им мальчика, “если они клятвенно не пообещают, что он будет провозглашен королем... Те же, пообещав все и даже больше того, что от них требовалось, получают разрешение уехать...” (MHN 1880: 44–45).

Мне представляется необходимым привлечь внимание также к “Саге о Магнусе” в своде королевских саг “Гнилая кожа” (1217–1222 гг.). Здесь не упоминается *Альдейгьюборг* (Ладолга), и потому в работах, посвященных Ладолге, эта сага не фигурирует. Тем не менее информация, в ней содержащаяся, заслуживает самого пристального внимания.

“Сага о Магнусе” в “Гнилой коже” имеет совершенно иной зачин, нежели во всех прочих источниках. (Исключение — тождественная “Гнилой коже” версия “Книги с Плоского острова” на дополнительных листах второй половины XV в., а также восходящий к “Гнилой коже” и лишь отличающийся незначительно стилистически вариант саги по рукописи XIV в. “Хульда”). Здесь сага открывается неким, не известным по другим исландско-норвежским сочинениям, текстом, который также называют “Прядью о Карле Несчастном”.

В “Пряди о Карле” говорится следующее: “Нет теперь мира между Свейном Альвивусоном и конунгом Ярицлейвом, потому что конунг

Ярицлейв полагал, что норвежцы повели себя недостойно по отношению к святому конунгу Олаву, и некоторое время не было между ними торгового мира" (Msk. (1928–)1932: 5; ср.: Fms. 1825–1837, VI: 7).

Речь идет, как следует из дальнейшего изложения, о 1034 году. Е.А. Мельникова рассматривает "указание на отсутствие торгового мира при Свейне" как свидетельство того, что такой мир между Русью и Норвегией существовал "в предшествующее время". Исследовательница заключает на этом основании, что "во время правления Олава Харальдссона был заключен торговый мир с Русью, обеспечивавший свободную торговлю и безопасность норвежских купцов на Руси". Наиболее вероятными годами заключения договора о торговом мире с Норвегией Мельникова считает 1024–1026 гг., проведенные Ярославом в Новгороде, между проигранной им битвой при Листвене и его возвращением в Киев (Мельникова 1997; Melnikova 1997).

События 1034 г. развиваются, по "Пряди о Карле", таким образом, что на Русь ("в Аустрвег") решают отправиться со своими людьми два норвежских купца (солевары, накопившие денег и занявшиеся торговлей), Карл и его брат Бьёрн. Они осознают, что "из-за заявленного конунга Свейна и конунга Ярицлейва и того немирья, которое существует между ними, это нельзя назвать безопасным". И всё же они плывут на восток, "пока не приходят в Аустррики; и встают у большого торгового города". Думаю, можно не сомневаться, что "большим торговым городом", в котором купцы собираются "купить себе всего необходимого" и откуда затем отправляются в Хольгард (Новгород), была Ладога (ср.: Мельникова 1997: 38).

Норвежским купцам грозит нападение со стороны местных жителей, и Карл отправляется к конунгу. "Ничего не говорится о его поездке, пока он не приходит к конунгу Ярицлейву и приветствовал его". Ярослав "велел взять его и тотчас заковать в цепи, и так было сделано". Однако по просьбе Магнуса он освободил Карла. "И так хочет Магнус, — сказал он, — чтобы тебе был дан мир". ("И всем тем норвежцам," — добавляет "Книга с Плоского острова"). Ярослав предложил Карлу либо уехать назад в Норвегию ("Отправляйтесь с вашими товарами, как вам нравится"; в "Хульде" здесь следует вставка: "и позаботьтесь сами, чтобы вам был мир от других местных жителей, если я дам вам свободу"), либо остаться на зиму и весной выполнить его поручение.

Карл соглашается на второе предложение, едет по весне с поручением в Норвегию, но там попадает в неволю. Ему удается бежать не без помощи Кальва Арнасона, знатного норвежца, сражавшегося в битве при Стикластадире против Олава Святого, но сейчас готового присягнуть на верность его сыну Магнусу. "Затем едут они на восток в Гардарики к конунгу Магнусу, и оказывают конунг Ярицлейв и его люди Карлу самый что ни на есть радушный прием, и рассказывает он им все о своих поездках, и затем рассказывает он конунгу Магнусу о деле Кальва". Карл говорит, что Кальв готов поклясться, что он не убивал конунга Олава, и желает присягнуть

на верность конунгу Магнусу. “И вот посылают за Кальвом, и получил уже Карл мир для него”. Карл приехал к Ярославу. “Дал Карл тогда такую клятву, что он не убивал конунга Олава, и присягнул на верность с этого времени Магнусу”.

Вновь, если обратить внимание на выделенные части этого рассказа, мы можем заметить, что, как и знатные норвежцы, купцы тоже все сразу не едут вглубь страны — отправляется “к конунгу” один Карл. Очевидно, он должен получить разрешение (“мир”) для остальных купцов на проезд от Ладogi до Новгорода. Когда Ярослав освобождает Карла, он говорит, что Магнус просит дать мир ему и всем тем норвежцам, т.е. “мир” для Карла — не освобождение из заточения, а действительно право на провоз товаров, как и для остальных норвежцев, ожидающих его в Ладoge. Идущая ниже по тексту вставка в “Хульде”, противопоставляющая “мир” от местных жителей по пути следования Карла и “свободу” от конунга, подчеркивает, что в понятие “мира” входит также “личная безопасность”.

История Кальва Арнасона повторяет фактически ту же схему: “на восток в Гардарики” Карл и Кальв едут вместе, но к Ярославу приходит только Карл. Это означает, что Кальв остается ждать, чтобы ему дали “мир” на проезд. “Мир”, который Карл получает для Кальва Арнасона, вероятнее всего является гарантией его неприкосновенности, поскольку Ярицлейв и Магнус убеждены, что отец Магнуса, конунг Олав Святой, был убит именно Кальвом.

При том, что эта версия прибытия Кальва на Русь находится в противоречии с остальными вариантами того же сюжета в королевских сагах, при том, что мы не стремимся к извлечению из этого повествования прямой, буквальная, информации, мы определенно располагаем здесь очень важной информацией косвенной, а именно — указанием на то, что знатный норвежец, политический противник русского князя, должен был ожидать предоставления ему права на проезд вглубь страны. И конечно, самым вероятным местом его временного пребывания была Ладoga.

Любопытен в этом отношении рассказ “Пряди об Эймунде” о путешествии на Русь Эймунда Хрингссона и Рагнара Агнарссона:

“Эймунд со своими людьми не останавливаются теперь в пути, пока не пришли на восток в Хольмгард к конунгу Ярицлейву. Отправляются они сначала к конунгу Ярицлейву, как предложил Рагнар. Конунг Ярицлейв был в свойстве с Олавом, конунгом свеев. Он был женат на его дочери, Ингигерд. И когда конунг узнает об их прибытии туда в страну, посылает он мужей к ним с тем поручением, чтобы дать им мир и [пригласить их] к конунгу на хороший пир, и они охотно согласились” (Eym.s., 202).

Здесь в тексте содержится явное противоречие. Начинается рассказ со стереотипной формулы: “þeir litu eigi fyrr ferð sinni en þeir kmu...” — “они не останавливались в своей поездке (они не прерывали своей поездки), пока не приехали...” (Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957: 385). Но через три фразы выясняется, что остановиться

им, скорее всего, пришлось, — ведь только после того, как Ярослав узнал об их приезде, он послал им “мир”. (Здесь, впрочем, вместо термина “fríð”, “мир, личная безопасность”, употреблен термин “fríðland”, “мирная земля”, использовавшийся традиционно викингами, когда они давали обязательство не грабить ту или иную территорию при условии, что им будут гарантированы приют и свободная торговля). Похоже, что, вопреки стереотипному рассказу, в тексте отразились реальные черты — невозможность для знатных скандинавов беспрепятственно добраться до Новгорода и вероятная их остановка в Ладоге.

Вопрос в том, какого времени события перед нами — начала XI в., когда Эймунд и его попутчики отправились на Русь к князю Ярославу Мудрому, или конца XIV в., когда в состав самой крупной исландской рукописи “Книга с Плоского острова” (1387–1394 гг.) вошла “Прядь об Эймунде”? Приведенная выше стереотипная формула относительно безостановочного пути применялась в сагах в тех случаях, когда автор не располагал сведениями о каких-либо событиях во время пути. Делалось это регулярно и почти автоматически. Если бы составитель “Книги с Плоского острова” сознательно вносил в сагу информацию о “мире”, данном путешественникам Ярославом, он должен был бы опустить “путевую формулу”. Вероятнее, на мой взгляд, другая возможность: составитель “Книги с Плоского острова” не придал значения рассказу о “мире”, который присутствовал в более раннем тексте, и потому описал маршрут Эймунда еще и традиционным образом.

Вероятнее всего, и в XI в. “мир” давался тем же способом, что и в более позднее время. Для XII и XIII вв. мы такой информацией располагаем. Так, под 1188 г. Новгородская I летопись рассказывает о конфликте между новгородскими и немецкими купцами: в ответ на конфискацию новгородских товаров на Готланде новгородцы не позволили своим купцам отправиться за море, а находившихся в Новгороде варягов отпустили на очень сложных условиях — “ни съла въдаша Варягом, но пустиша я без мира” (НПЛ 1950: 39). Варяги, отпущенные из Новгорода, тем самым, не имеют гарантий личной безопасности: у них нет “мира”, т.е. некоего охранного документа, и нет с ними “съла”, т.е. человека, обязанного сопровождать иностранцев в пределах Новгородской земли, как при приезде, так и при отъезде (Рыбина 1986: 29, примеч. 15). О “послах”, выполняющих указанные функции, говорится в Торговом договоре Великого Новгорода с Немецкой Ганзой и Готландом от 1259 г. и в Проекте договора Великого Новгорода с немецкими городами и Готландом от 1269 г. (ГВНП 1949: NN 29, 31).

О том, как осуществлялись контрольные функции, как передавалась информация, в какой форме давался “мир”, мы можем судить также по серии работ, посвященных функционированию подвесок со знаками Рюриковичей на Руси и всрительных знаков (jartegnir) в Скандинавии (см., например: Белецкий 1996; Молчанов 1996).

Вполне естественно, что опорными и контрольными пунктами на водном пути от Ладоги до Новгорода служила цепочка укрепленных

поселений, располагавшихся вдоль Волхова, — Любша, Новые Дубовки, Городище, Холопий городок. Ладога действительно занимала “ключевое положение на этом пути, ведущем из Балтики вглубь Руси и далее на Восток”. А.Н. Кирпичников полагает, “что торгово-пропускные функции Ладожской области, отчетливо выступающие во времена новгородско-ганзейской “коммерции”, были унаследованы от значительно более ранней поры” (Кирпичников 1979: 96). Вероятно, в сагах мы находим подтверждение этого тезиса ученого.

- Белецкий, С.В.* 1996. Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской: 35-40. СПб.
- ГВНП.* 1949. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.
- Джаксон, Т.Н.* 1997. Ладога саг в археологическом освещении // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования: 61-64. СПб.
- Кирпичников, А.Н.* 1979. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь (На материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Киев.
- Кирпичников, А.Н., Е.А. Рябишин, В.П. Петренко.* 1985. Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги // Новое в археологии Северо-Запада СССР: 48-51. Л.
- Кирпичников, А.Н., В.Д. Сарабьянов.* 1996. Ладога — древняя столица Руси. СПб.
- Мельникова, Е.А.* 1997. Торговый мир Руси и Норвегии 1024-1028 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси // IX Чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы к конференции: 35-41. М.
- Молчанов, А.А.* 1996. “Верительные знаки” в древнескандинавских сагах // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской: 32-35. СПб.
- НПЛ.* 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. М.-Л.
- Носов, Е.Н.* 1981. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н.э. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР 164. Л.
1984. Поселения IX-X вв. в окрестностях Новгорода // Новгородский край: 123-127. Л.
- Рябишина, Е.А.* 1986. Иноземные дворы в Новгороде XII-XVII вв. М.
- Сорокин, П.Е.* 1993. К вопросу о сообщении Новгорода с Балтийским регионом в средневековье // Новгород и Новгородская земля: История и археология: 110-115. Новгород.
- Cleasby R., Gudbrand Vigfusson.* 1957. An Icelandic-English Dictionary. Oxford.
- Fms. 1825-1837.* Formanna sögur eptir gömlum handritum. Kaupmannahöfn, B. I-XII.
- IF.* 1933. Islenzk fornrit. Reykjavik.
- Melnikova E.A.* 1997. *Par var eigi kaupfriðr i milli Svens ok Jarizlefs: A Russian-Norwegian trade treaty concluded in 1024-1028?* // Archiv und Geschichte im Ostseeraum. Festschrift für Sten Körner: 15-24. Kiel.
- MHN.* 1880. Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildekrifter til Norges historie i middelalderen / G. Storm. Kristiania.
- Msk.* (1928-)1932. Morkinskinna // Finnur Jnsson (SUGNL. B. 53). Copenhagen.

ПОГРЕБЕНИЯ С МЕЧАМИ В ЯРОСЛАВСКИХ МОГИЛЬНИКАХ (к этнической и социальной оценке)

Открытие погребений с мечами в древнерусских могильниках или отдельные находки мечей всегда расценивались исследователями как события весьма значительные. И это не удивительно, ибо, во-первых, они не являются рядовыми фактами и, во-вторых, по справедливому замечанию А.В. Арциховского: “Меч являлся своего рода воснной эмблемой Руси” (Арциховский 1948: 420). А.Н. Кирпичников в своем фундаментальном труде, посвященном древнерусскому оружию, развил это положение: “Средневековый меч — своеобразный символ феодального строя, несотъемлемая принадлежность воина-дружинника, могущественное и драгоценное оружие” (Кирпичников 1966: 18). Таким образом, он отдал приоритет социальной оценке погребальных комплексов с мечами и определению высокого общественного положения людей, при жизни владевших этим грозным оружием средневековья. При этом А.Н. Кирпичников вполне обоснованно добавил: “Клиники были, видимо, дорогостоящим оружием и в погребениях, даже дружинных, они сравнительно редки” (Кирпичников 1966: 22).

В Ярославских могильниках — Михайловском, Тимеревском, Петровском исследовано около восьмидесяти погребальных комплексов, в состав инвентаря которых входили предметы вооружения — мечи, кольчуги, боевые топоры, копыя, стрелы, что составляет порядка 10% от общего количества захоронений в этих некрополях (Недошивина 1963: 63, 1991: 173; Фехнер, Недошивина 1987: 70). Из них лишь в девяти погребениях (Михайловское — 6, Тимерево — 3) найдены мечи (Недошивина 1963: 55). Т.е. только каждый десятый из погребенных с оружием при жизни носил меч.

Кроме того, до нас дошла случайная находка меча (Михайловское) — меч типа “V”, 1899, X в. (Недошивина 1963: 55). Из погребения по обряду трупосожжения (курган № 88 Петровского могильника) происходит только навершие рукояти меча. Отдельно наконечники ножен мечей обнаружены в Тимеревском могильнике (курган № 274 и случайная находка) (Недошивина 1963: 55-56).

В культурном слое Тимеревского поселения найден бронзовый крюк — деталь портупей для ношения меча (Дубов 1982: 152, рис. 13, 13). Несмотря на ее сильную оплавленность, что может свидетельствовать о возможном происхождении этого предмета из раскопанного погребения, совершенного по обряду кремации, на ней достаточно четко читаются две звериные маски. Допустимо, что это может быть и деталь конской сбруи. Аналогичная вещь происходит

и из распаханного кургана с мечом, находки из которого будут рассмотрены ниже.

Несомненный интерес представляют изображения мечей, также происходящие из Тимеревского комплекса. В состав инвентаря кургана № 459 входила бронзовая чаша, на одной из сторон дна которой четко читается изображение верхней части меча (Фехнер, Недошивина 1987: рис. 6: 1). По заключению Н.Г. Недошивиной: “Ближе всего это изображение мечам типа “Н”, большинство находок которых относится к X в.” (Недошивина 1963: 167).

На другой стороне дна этого сосуда схематически изображена ладь с парусом и поднятыми веслами. Такое сочетание рисунков говорит о военно-дружинном комплексе изображений, который характерен и для известных граффити на восточных монетах, происходящих с территории Древней Руси и Скандинавии (Дубов 1992: 29-31). Практически полностью можно реконструировать меч по его изображению на фрагменте костяной поделки, найденной во время исследований Тимеревского поселения. Четко читаются навершие, рукоять, перекрестие и часть клинка. Однако, ввиду крайней схематичности изображения говорить даже предположительно об определении типа меча невозможно. Прочие находки, обнаруженные поблизости, позволяют полагать, что данное изображение — граффити могло быть нанесено на костяное изделие в X в.

Таково общее описание находок мечей, вещей так или иначе связанных с ними и их изображений из ярославских памятников.

Наибольшее количество мечей — шесть экземпляров, обнаружено в Михайловском могильнике.

Курган № 10 (1897 г.). Меч типа “X”. Размеры насыпи: диаметр — 14,10 м; высота — 1,50 м. Погребение: кремация на месте. На кострище, кроме меча, обнаружены боевой топор, кольцевидная фибула, нож, наконечники стрел (2 ланцетовидных плоских, 1 ланцетовидный трехгранный, 2 ромбовидных), железная рукоять плетки, железный шип, обломки двух чашек от весов, несколько лепных сосудов. Н.Г. Недошивина определяет данное захоронение как одиночное воинское погребение вместе с боевым конем, датирует его второй половиной X в. и относит к числу славянских (Недошивина 1963: 55. Приложения).

Курган № 18 (1897 г.). Меч типа “E”. Размеры насыпи: диаметр — 12,80 м; высота — 1 м. Погребение: кремация на стороне. На материке — небольшая груда золы, угля и кальцинированных костей. В ямке — урна с кальцинированными костями человека и животных. Рядом с ней — обломки другого лепного сосуда и ореховая скорлупа. У края скопления — меч, согнутый пополам, две скорлупообразные фибулы овальной формы, нож, дирхем-привеска чеканки 805-809 гг. Судя по находкам — это парное захоронение мужчины и женщины. Н.Г. Недошивина датирует комплекс второй половиной X в. и относит его к славянским (Недошивина 1963: 55. Приложения).

Курган № 1 (1898 г.) Меч типа “V”. Размеры насыпи: диаметр — 13 м; высота — 1,50 м. Погребение: кремация на месте. На кострище

кроме меча и наконечника его ножен найдены два лепных сосуда, наконечники стрел ланцетовидной, трехгранной и четырехгранной формы, бронзовые пряжка и обойма ремня, нож с костяной рукоятью. Одинокое воинское захоронение, вторая половина X в., славянское (Недошивина 1963: 55. Приложения).

Курган № 34 (1898 г.). Меч типа "V". Размеры насыпи: диаметр — 17,35 м; высота — 1,60 м. Погребение: кремация на месте. На кострище — кальцинированные человеческие кости, обломки лепных сосудов. В железный котелок сложены вещи: стремяна, удила, копье, железная рукоять плетки, железная скобка от колчана, железные шипы, оселок, футляр для фитиля. Меч лежал рядом с котелком. Копье из этого кургана относится к типу "V" и датируется X в. (Кирпичников 1966а: 18). Погребение воина с боевым копьем, вторая половина X в., славянское (Недошивина 1963: Приложения).

Курган № 1 (1902 г.). Меч типа "Д". Размеры насыпи: диаметр — 9,25 м; высота — 1,10 м. Погребение: кремация на месте. На кострище — два скопления кальцинированных человеческих костей. 1) Урна с золой, углем и костями (Ю-В часть). Инвентарь: сломанный пополам меч, который лежал на урне; глиняная льячка, две каменные литейные формы, шестнадцать бус из горного хрусталя и сердолика, железная обойма и скобка, бронзовая круглая привеска, три бронзовых вбечника, фрагмент бронзовой привески в виде бутылочки. 2) Среди костей в северо-западной части кострища — железный шип, стрел-срезень, три серебряные поясные бляшки, три бронзовых ременных обоймы, две поясные пряжки — лировидная и пятиугольная, три бусины, бронзовый усатый перстень, бронзовая пластинка — оковка, ореховая скорлупа, шестнадцать заклепок от щита. Парное мужское и женское захоронение. Мужское — славянское, женское — финское, конец X в. (Недошивина 1963: 55. Приложения).

Как видим, все мечи в Михайловском могильнике происходят из погребений по обряду трупосожжения. Эти захоронения Н.Г. Недошивина относит к славянским и датирует второй половиной X столетия. Однако, все же остается открытым вопрос, насколько это обоснованно. Рассмотрим датировки типов мечей, найденных в Михайловском.

Курган № 10 (1897 г.). Тип "X". (X-XI вв. — Я. Петерсен; X-XI в. — А.Н. Кирпичников)¹. Других датирующих вещей в кургане нет, обряд погребения (кремация на месте) и размеры кургана ("большой") позволяют датировать его серединой X в., что не противоречит широкой датировке данного типа меча.

Курган № 18 (1897 г.). Тип "E". (IX-X вв. — А.Н. Кирпичников). Уточняют дату комплекса фибулы типа 51 К, которые в Скандинавии датируются второй четвертью X в. (Petersen 1928: 63, 68). Да и собственно мечи типа "E", как отмечает А.Н. Кирпичников, после 900 г. встречаются крайне редко (Кирпичников 1966).

¹ Данные о хронологии типов мечей приводятся по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 42).

В качестве сравнения следует привести пример определения даты сооружения известного гнездовского кургана № 13 из раскопок М.Ф. Кусцинского. Д.А. Авдусин датирует его X в. и скорее всего ближе к его середине (Авдусин 1967: 25). При этом он использует как главный аргумент весьма спорное положение, согласно которому железные гривны о привесках в виде молоточков Тора, а одна из них найдена в этом кургане вместе с мечом, бытуют на Руси в конце X — начале XI вв. Находки таких гривен, как в Скандинавии, так и в Древней Руси, не подтверждают это положение (Дубов 1970: 262-268) и не могут служить надежной опорой для омоложения комплекса в целом. А.Н. Кирпичников полагает, что данный курган следует относить, как и сам меч, к рубежу IX-X вв. (Кирпичников 1966: 30), против чего как раз и выступает Д.А. Авдусин. Полагаю, что вся совокупность находок в кургане 18 (1897 г.) Михайловского могильника позволяет датировать его первой половиной X в.

Курганы №№ 1, 34 (1898 г.). Тип "V". (IX в. — Я. Петерсен; IX-X вв. — А.Н. Кирпичников). А.Н. Кирпичников отмечает, что "Мечи этого типа бытуют в Скандинавии в течение всего X века, но больше всего они распространены в его первой половине" (Кирпичников 1966: 31-32), что и позволяет нам датировать данные комплексы первой половиной X в.

Курган № 1 (1902 г.). Тип "Д". (конец IX-X вв. — А.Н. Кирпичников). Н.Г. Недошивина на основании находки бронзового усатого перстня датирует курган концом X в. Она полагает, что такой тип перстней бытовал в Древней Руси в конце X-XII вв. (Недошивина 1967: 267). Однако, судя по приведенным ею же аналогиям, эта нижняя граница может быть расширена вплоть до IX в. По крайней мере для всего X столетия усатые перстни не являются чем-то необычным. Приведенные данные с учетом датировки меча позволяют утверждать, что курган мог быть насыпан не в конце X в., а в первой его половине.

Еще большие сомнения вызывает этническая интерпретация комплексов с мечами как славянских. Ряд признаков и набор инвентаря, а кроме мечей в них найдены этноопределяющие скорлупообразные фибулы, ланцетовидные стрелы, ореховая скорлупа, заклепки от щита, фиксация в двух курганах обычая порчи меча и в одном случае помещение вещей в котелок, парность погребений (мужчина и женщина), захоронение с конем — все это свидетельствует о скандинавском происхождении погребенных.

Богатство инвентаря, размеры насыпей, выделяющиеся среди прочих курганов, наличие оружия, импортов и торгового инвентаря, говорит о том, что захороненные отнюдь не были рядовыми членами местного общества, а видимо, принадлежали к его купеческо-дружинной прослойке. Все это свидетельствует в пользу того, что Михайловский центр, расположенный на важном ключевом месте Великого Волжского пути в первой половине X в., являлся опорным пунктом, прикрывавшим поворот водного пути с Волги глубины Суздальского ополья.

Однако постепенно эта роль переходит к усиливающемуся во второй половине X в. Тимеревскому центру, находившемуся на Которосли, то есть уже ближе к историческому центру Ростовской земли — Сарскому городищу. Длительное время, несмотря на широкомасштабные раскопки, погребения с мечами в Тимеревском могильнике известны не были и только после возобновления его исследований в 1974 году было найдено три таких захоронения. Два из них (курганы №№ 100 и 295) содержали ингумации, а третий распаханный курган — кремацию.

Этот курган, насыпь которого не сохранилась из-за распашки, и он не был обозначен на планах могильника, находился на юго-восточной окраине некрополя, где последний близко подступает к поселению (Дубов, Винокурова, Седых 1977: 51-52). Во время обследования поселения с помощью металлоискателя был обнаружен сначала меч, а затем на месте находки заложен раскоп, где и найдено кострище с кальцинированными человеческими костями и вещами, сопровождавшими погребенного (Дубов 1982: 128-129, рис. 6). Часть кальцинированных человеческих костей была собрана в урну, поставленную на кострище. Захоронен здесь был мужчина 30-40 лет. Большая часть вещей, видимо, погибла на погребальном костре — найдены оплавленные куски бронзы, железа, сожженные изделия из кости. Из сохранившихся предметов обнаружены три фрагмента накладок яственного гребня (на двух из них виден орнамент), железный ледоудный шип, часть ладейной заклепки, ланцетовидная стрела, две эчонковидные гирьки со знаками кратности.

Особый интерес вызывает бронзовый предмет в виде трапециевидной пластины с обломанным крюком на конце. Ее лицевая поверхность богато украшена масками фантастических зверей, лентами показаны их тела. Перед нами широко распространенный в северной орнаментике сюжет — звери, пожирающие друг друга. На задней стенке пластины сохранились два шпенька, видимо, с их помощью она крепилась к какой-то кожаной основе. Подобные находки — “пряжки”, как их называет В.И. Сизов, известны в погребениях Гнездовского могильника (Сизов 1902: 39, табл. II, 2, 3). В.И. Сизов затруднялся точно определить их назначение и относил железные с бронзовыми орнаментированными накладками к поясным наконечникам, а просто железные “пряжки” — к конским удилам. По заключению А.Н. Кирпичникова, тимеревские находки (еще одна упоминалась выше) можно интерпретировать как деталь портупей для ношения меча. Несомненно, что крюком такая пластина могла крепиться к кольцу или пряжке, а шпеньками к кожаному ремню или перевязи (Kivikoski 1973: 146, Tf. 137, Grab. 1202 a,c,d; 1203 — B)¹.

Сохранность самого меча удовлетворительна — утрачено навершие рукояти, которое реконструируется по аналогиям, и оконечность лезвия. Перекрестие меча украшено зонным ячеистым орнаментом и серебряной

¹Финляндские находки относятся к эпохе викингов.

плакировкой; по краям оно было окантовано витой серебряной проволокой. На торцах перекрестия сохранились железные шпеньки, к которым, возможно, крепились кожаные прокладки. После расчистки, произведенной А.Н. Кирпичниковым, на клинке была выявлена выполненная металлической проволокой надпись: "ULFBERHT" — клеймо известной Рейнской мастерской. Все буквы сохранились отчетливо, равно как и вступительный и заключительный кресты. На другой стороне клинка — орнаментальная композиция в виде перекрещенных полос. Такой рисунок весьма обычен в сочетании с именем "ULF-BERHT". Сам меч относится к типу "Е", русские находки которых А.Н. Кирпичников датирует IX-X вв. (Кирпичников 1966: 42). По его мнению, ячеистая орнаментация, расположенная не равномерно по всему полю перекрестия, а сгруппированная в семь ромбов, свидетельствует об изготовлении клинка после середины X в. Не противоречат такой дате и другие вещи рассматриваемого комплекса (Кирпичников, Дубов 1982: 150-152).

Все изложенное выше (находки: меч, весовые гирьки, ланцетовидная стрела, деталь портупей с изображением в северном стиле Борре) даст основание полагать, что захоронен здесь был человек, имеющий прямое отношение к торгово-дружинному слою и по происхождению скандинав.

Курган № 100. Меч типа "W". Размеры насыпи: диаметр — 14 м; высота — 1 м. Погребение парное (мужчина и женщина): ингумация в камере. Над ней обнаружены остатки сожженной ладьи. Внутри камеры — останки двух лошадей. Инвентарь: меч, серебряные височные кольца, каменная вставка от перстня, стеклянные бусы, бисер, наконечник копья, две стрелы, железные петли и оковка днища котла, детали уздечного набора, стремяна, удила с псалиями, железная рукоять кнута, золотой перстень, две чашечки от весов с кожаными футляром, гирька, дирхемы 961-976 гг. чеканки. По всем признакам комплекс датируется 70—80-ми гг. X в., относится к скандинавским. Погребен здесь был несомненно купец-воин. Это определение сделано с учетом замечания М.В. Фехнер и С.А. Яниной, согласно которому: "в ряде случаев трудно провести грань между древнерусской военной дружиной и купцом, которые в ту пору почти неотделимы друг от друга: дружинник выступал в качестве купца, а купец являлся и воином" (Фехнер, Янина 1978: 184-192). Я думаю, что напрасно эти исследователи чрезмерно осторожничают и не касаются этнического определения данного комплекса.

Курган № 295. Меч типа "U-особый" (первая половина X в. — Я. Петерсен; X в. — А.Н. Кирпичников). Погребение: ингумация. Инвентарь: фрагмент деревянной чаши с бронзовыми петельками, гирька, подковообразная фибула, фрагмент тесьмы из шелковых и металлических нитей от оторочки рукавов или ворота, бронзовые пуговицы, фрагменты ножен боевого топора. Датировка комплекса — вторая половина X в. Оценивая курганы с мечами Тимеревского могильника, М.В. Фехнер и Н.Г. Недошивина отмечали, что "среди

воинских захоронений второй половины X в. выделяются могилы знатных дружинников с мечами и разнообразным набором инвентаря (курганы 100 и 295), принадлежавшие, бесспорно, верхушке феодальной знати" (Фехнер, Недошивина 1987: 88). Они включали их, наряду с другими в состав погребений "феодализирующей знати" (Недошивина, Фехнер 1985: 113). Н.Г. Недошивина даже писала о "богатых боярских (?! — И.Д) захоронениях с мечами" (Недошивина 1991: 174).

Более осторожную и обоснованную оценку дает В.В. Седов: "Среди курганных насыпей этих ярославских могильников немало погребений воинов-дружинников, сопровождаемых, в отличие от рядовых умерших, мечами, наконечниками копий и стрел, топорами, поясными принадлежностями и т.п." (Седов 1982: 255). А.В. Арциховский к вооружению князей, бояр и дружинников-воинов относил мечи, копья, колчаны со стрелами, боевые топоры, т.е. он вообще считал практически любое оружие, кроме палок, рогатин, камней приоритетом феодалов, а рядовым смердам оставлял последнее (Арциховский 1948: 417). Более широкую социальную базу определяет А.Н. Кирпичников: "Очевидно, что меченосцы были воинами-дружинниками, нередко купцами или сборщиками дани, иногда, может быть привилегированными ремесленниками" (Кирпичников 1966: 24).

Однако И.Я. Фроянов, опираясь в основном на данные письменных источников, не соглашается с трактовкой А.Н. Кирпичникова. По его мнению, мечи имели широкое распространение в Древней Руси и их владельцами была не только знать (Фроянов 1980: 193). Он вполне определенно трактует сообщение летописи о том, что поляне давали хазарам дань "по мечу от дыма". Древности полян в настоящее время тщательно изучены археологами (Седов 1982: 106-112). Данные раскопок не дают возможности так интерпретировать летописный текст. Собственно в земле полян серийные находки мечей известны только в городских центрах — Киеве, Чернигове (Кирпичников 1966: рис. 2), а в многочисленных курганах полян на обширной территории Среднего Поднепровья они вообще не встречены. Из предметов вооружения отсюда происходят главным образом копья и стрелы (Русанова 1966: 17-24).

Таким образом, если и говорить о широком распространении мечей у полян, то касаться это заключение может исключительно городских центров. Конечно, археологические источники, тем более материалы погребальных комплексов, не отражают полностью и адекватно древнюю реальность. Это справедливо подмечает И.Я. Фроянов (Фроянов 1980: 192-193), ссылаясь на вполне обоснованное замечание того же А.Н. Кирпичникова, согласно которому "захоронения XI-XII вв., подходя к ним источниковедчески, можно сравнить с кривым зеркалом, в котором искажаются образы действительности" и "оружие мертвых!" не обязательно соответствует "оружию живых" (Кирпичников 1971: 46, 52). Однако А.Н. Кирпичников не относит это к языческим обрядам, которые более прямолинейно отражают реальность и происходит это "искажение" и "обеднение", по его мнению, в связи с христианизацией Древней Руси (Кирпичников 1971: 46). Впрочем, и письменные данные,

используемые для решения этого вопроса, могут иметь иную интерпретацию, ибо летописцы могли выдавать желаемые символы — идеалы за реалии жизни. Об этом писали и А.В. Арциховский, и Б.А. Рыбаков, и А.Н. Кирпичников, рассматривая вопрос о статусе самого грозного оружия средневековья — меча (Рыбаков 1963: 37).

А.Н. Кирпичников, касаясь вопроса об этносе погребенных в курганах с мечами, пишет: “Об этнической принадлежности воинов-меченосцев судить трудно; в погребениях меч — признак не этнический. Решать племенную принадлежность погребенных воинов можно на основе всестороннего анализа всего инвентаря. В курганах русских областей с мечами в большинстве случаев захоронены представители дружинной верхушки... Некоторые погребения с мечами, вероятно, окажутся скандинавскими” (Кирпичников 1966: 25). Именно эта совокупность всех признаков указывает на то, что погребения с мечами из Ярославских могильников были скандинавскими. Конечно, это не какие-то “феодалы” или “бояре”, а скорее всего предводители скандинавских военно-торговых отрядов. Михайловское и Тимерево в X в. являлись полиэтничными торгово-ремесленными протгородскими центрами на Великом Волжском пути.

И здесь опять справедливо заключение несомненно выдающегося российского археолога, ведущего оружейоведа и исследователя военного дела на Руси Анатолия Николаевича Кирпичникова: “Находки мечей указывают не только места пребывания дружинников, но и места торговли” (Кирпичников 1966: 49). В этих торгово-ремесленных дружинных центрах проживали или останавливались представители разных этносов — финно-угры, славяне и скандинавы.

Письменные источники, сообщая о финнах (финнах), говорят о том, что “все свои упования они возлагают на стрелы” (Корнелий Тацит) и достигли большого искусства в стрельбе стрелами (Саксон Грамматик).

Боевой арсенал славян одинаково характеризуют различные источники. Прокопий Кесарийский сообщает, что “вступая в битву, большинство из них (славян — *И.Д.*) идет на врагов со щитами и дротиками в руках”. Маврикий Стратег отмечает, что “Каждый вооружен двумя небольшими копьями... Они пользуются также луками и небольшими стрелами”. Аналогичную информацию дают и восточные авторы: “Оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют” (Ибн-Русте); “Их оружие — щиты, дротики и копьё” (Худуд ал-Алам); “Оружие, которым они сражаются — дротики, щиты, стрелы и копьё” (Ал-Гардизи).

В сообщениях о русах, в которых многие ученые видят варягов, как главное оружие постоянно фигурирует меч. “Когда у них рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: “Я не оставлю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом”; “дело решают оружием (мечами) и чей меч острее, тот и побеждает”; “все они постоянно носят мечи” (Ибн-Русте). “Если умирает у них человек ... сыновьям же дают только меч и говорят: “Отец твой добывал себе добро мечом, следуй его примеру ... ”.

Из таких разноэтничных элементов и складывались как древнерусская культура в целом, так и ее военный арсенал. Наличие в X в. в Ярославском Поволжье скандинавских погребальных комплексов с мечами, в которых захоронены представители торгово-дружинного сословия, вполне реально отражают ту роль, которую играл данный регион в трансъевропейских экономических и культурных связях Древней Руси.

- Авдусин, Д.А.* 1967. О датировке Гнездовского кургана с мечом из раскопок М.В. Кусчинского // *Культура и искусство Древней Руси*. Л.
- Арциховский, А.В.* 1948. Оружие // *История культуры Древней Руси* I. М.-Л.
- Дубов, И.В.* 1970. О датировке железных шейных гривен с привесками в виде "молоточков Тора" // *Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв.*: 262-268. Л.
1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
1992. Средневековые корабли-граффити восточных монет // *Краткие тезисы докладов нумизматической конференции*: 29-31. Санкт-Петербург.
- Дубов, И.В., М.Г. Винокурова, В.Н. Седых.* 1977. Ярославская экспедиция // *Археологические открытия 1976 года*: 51-52. М.
- Киртчичников, А.Н.* 1966. Древнерусское оружие // *Свод археологических источников* Е 1-36 (1). М:Л.
- 1966а. Древнерусское оружие // *Свод археологических источников* Е 1-36 (2). М:Л.
1971. Древнерусское оружие // *Свод археологических источников* Е 1-36 (3). М:Л.
- Киртчичников, А.Н., И.В. Дубов.* 1982. Новые расчистки мечей, найденных в Ярославском Поволжье // *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*: 147-152. Л.
- Недошивина, Н.Г.* 1963. Предметы вооружения из Ярославских могильников // *Ярославское Поволжье X-XI вв.*: 55-63. М.
1967. Перстни. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // *Труды Государственного исторического музея* 43: 253-274. М.
1991. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тиммеревского могильника // *Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси*. М.
- Недошивина, Н.Г., М.В. Фехнер.* 1985. Погребальный обряд Тиммеревского могильника // *Советская археология* 2: 101-115.
- Русанова, И.П.* 1966. Курганы полян // *Свод археологических источников* Е 1-24. М.
- Рыбаков, Б.А.* 1963. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.
- Седов, В.В.* 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.
- Сизов, В.И.* 1902. Курганы Смоленской губернии // *Материалы по археологии России* 28.
- Фехнер, М.В., Н.Г. Недошивина.* 1987. Этнокультурная характеристика Тиммеревского могильника по материалам погребального инвентаря // *Советская археология* 2: 70-89.
- Фехнер, М.В., С.А. Янина.* 1978. Весы о арабской надписью из Тиммерева // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*: 184-192. М.
- Фроянов, И.Я.* 1980. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Ленинград.
- Kivikoski, E.* 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Petersen, J.* 1928. Vikingetidens Smykker. Stavanger.

ВЫСОКИЕ НАКОНЕЧНИКИ НОЖЕН МЕЧЕЙ КОНЦА X – НАЧАЛА XI ВВ.

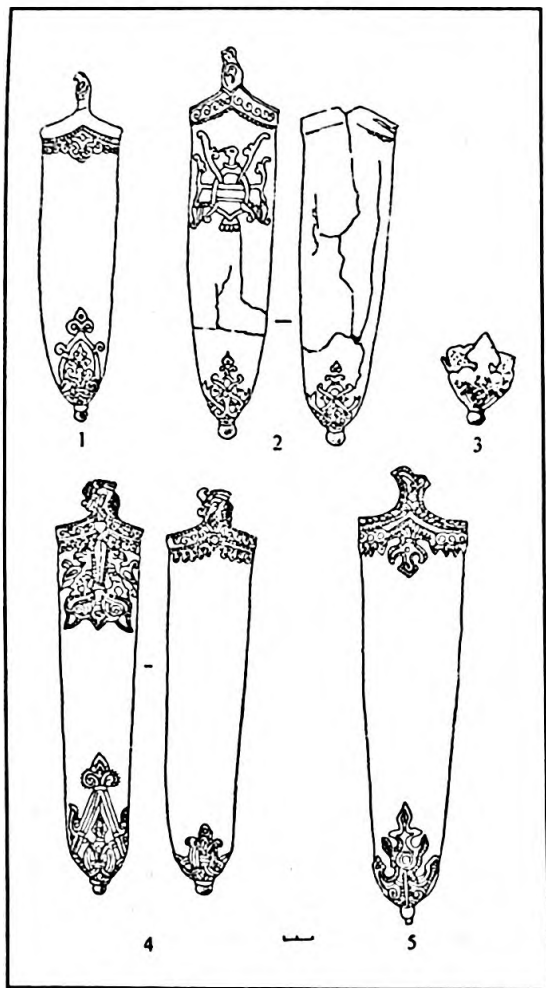
Среди наконечников ножен мечей, обнаруженных на территории между Черным и Балтийским морями, выделяется немногочисленная, но довольно выразительная серия. Эти наконечники объединяет близкая техника изготовления и оформление венца и нижней части изделия. Их корпус изготовлен из листового серебра. Высота наконечников от 181 до 226 мм. Нижние их части представляют собой напаянные колпачки. По венцу идет также напаянная орнаментальная полоска.

Один из них происходил из погребения, обнаруженного в 1938 г. при исследованиях Десятинной церкви в Киеве под руководством М.К. Каргера в западной части центрального нефа на север от линии фундаментов южных столбов. Наконечник находился на деревянных ножнах вместе с клинком. К сожалению, клинок оказался без навершия грифа – наиболее информативной в хронологическом отношении части оружия. Утрата рукояти могла произойти в результате разрушения юго-восточного края погребения, не исключено, при перестройке храма во второй половине XI в. (Каргер 1940: 12-20, рис. 4-5).

В последнее время появились новые данные, существенно дополняющие сложившиеся представления относительно назначения наконечника и времени погребения. Начиная с первых публикаций, клинок из этого комплекса воспринимался как остатки сабли или меча-сабли. Однако проведенная в 1996 г. рентгенография, выявила под ножнами обоюдоострый прямой контур лезвия меча с одинаковой плотностью по краю и долом вдоль центра полосы, конец которого практически совпадал с верхним обрезаем наконечника. Тогда же было проведено радиоуглеродное датирование по каллогену костей скелета погребенного. Калибровка полученных дат укладывается в пределах 997–1025 гг., при наиболее вероятностной среднестатистической дате захоронения – 1011 г. (Андрощук, Панченко, Ковалюх 1996: 44-47; Бредіс 1996: 44-47).

Остальные известные наконечники исследуемой группы по географии находок распределяются следующим образом:

2. Граужай, район Кядайняй, Литва – в составе клада XII в. (1969);
3. Путели Турайдос, Латвия, курган 21(22), из раскопок 1896 г. (мужская кремация конца XI – первой половины XII вв.);
4. Лиепенес Кримулдас, Латвия, курган 4, группы II, из раскопок 1960 г. (мужская ингумация последней четверти XI – начала XII вв.);
5. Валдарве, приход Эскелхем, Швеция (о. Готланд), фрагмент (нижняя часть вместе с колпачком высотой 42 мм) в составе клада начала – первой четверти XI в. (1851);
6. Оксарве, приход Хемсе, Швеция (о. Готланд), изогнутый, но с полностью восстанавливаемой высотой образец в составе клада самого

начала XI в. (1990) (Тыниссон, Граудонис 1961: 48-49, рис. 7; Hausman 1909: 23-25; Stenberger 1947: 50, abb. 186: 9¹; Urbanavičius 1970: 80-82, pav. 2-3).

Художественное оформление колпачков окончаний этих наконечников, кроме последнего, включая киевский экземпляр, выполнено в виде ажурного плетения, образующего трехлепестковую композицию. Основные линии орнамента на образцах из Киева и Валдарве подчеркнуты чернью. На киевском наконечнике к тому же имеется гравированный контур, нанесенный на корпус и повторяющий абрис пальметты нижнего колпачка. Пальметта наконечника из Путели также взята в окантовку, но ее узор составляет целое со всей композицией колпачка. Накладные бортики из Киева и Лиепенес декорированы псевдожемчужной обнизью в рубчатом ранте. На киевском образце под бортиком имелся гравированный растительный побег в меандровой композиции, а на лиепенском ряд мелкой псевдозерни, отлитой

Рис. 1 Высокие наконечники ножен мечей:

- 1 - Киев; 2 - Лиепенес Кримулдас; 3 - Валдарве; 4 - Путели Турайдос; 5 - Граужя

вместе с накладной деталью венца. Особенностью наконечника из Лиепенес является наличие в верхней части одной из сторон корпуса гравированного геральдического изображения орла с симметрично распростертыми крыльями и развернутой влево головой. Контур тела и крыльев выполнен в ленточном плетении с оконечностями, напоминающими процветший побег. Процветшие отростки пронзают и эллипсоподобное туловище птицы от "предплечья", симметрично поднимаясь под углом над головой. Шея

¹ За возможность ознакомиться с составомклада в Оксарве и переданные иллюстрации, автор признателен и сердечно благодарен доктору Ингмару Янссону.

обрамлена подобием гривны, которая украшена точечным рисунком. Изображение занимает, практически, всю ширину поля корпуса.

Пальметты нижних колпачков и орнамент верхних накладок на образцах из Путели и Граужай характеризует геометричность в исполнении рисунка и штриховка фона. При этом, поле верхней накладки у наконечника из Путели заполнено орнаментом в виде попарно соединенных волют, а нижняя ее кайма оформлена в виде пальметтового побега. В верхней части данного наконечника имелось также литое парное изображение грифонов с зеркально развернутыми головами по сторонам “древа жизни” с процветшим основанием, узор которого повторяет основной мотив накладного венчика. Орнамент верхней накладки наконечника из Граужай, в целом, повторяет узор нижней насадки в зеркальной компановке. Вершину накладок на венцы наконечников из Киева и Лиспенес увенчивали стилизованные птичьи головы, а из Путели и Граужай – драконьи. У последнего образца эта декоративная деталь лишь повторяет схему в самых общих чертах. Накладные детали этого наконечника – позолочены.

Орнаментика наконечника из Окксарве выполнена в иной манере. Его нижний колпачок имеет подромбическое очертание, боковые кромки обрамлены широким рантом с двумя восходящими линиями. Такой же рант, но с одной центральной бороздчатой линией, имеется и на венце. Вершины накладных деталей завершались зооморфными масками с выраженными ушными и челюстными складками, глазными яблоками, широким округлым носом с подчеркнутыми ноздревыми углублениями. При этом, верхняя маска напавалась отдельно. На одной из сторон корпуса имелось граффити в виде перекрещивающихся мечей с четко означенным трехчастным навершием рукояти. По очертаниям навершия изображенные мечи могут быть отнесены к типам T, V, W по Я. Петерсену.

Внимание исследователей прежде всего было сосредоточено на наконечниках из Путели Турайдос и Киева. П. Паульсен видел в них

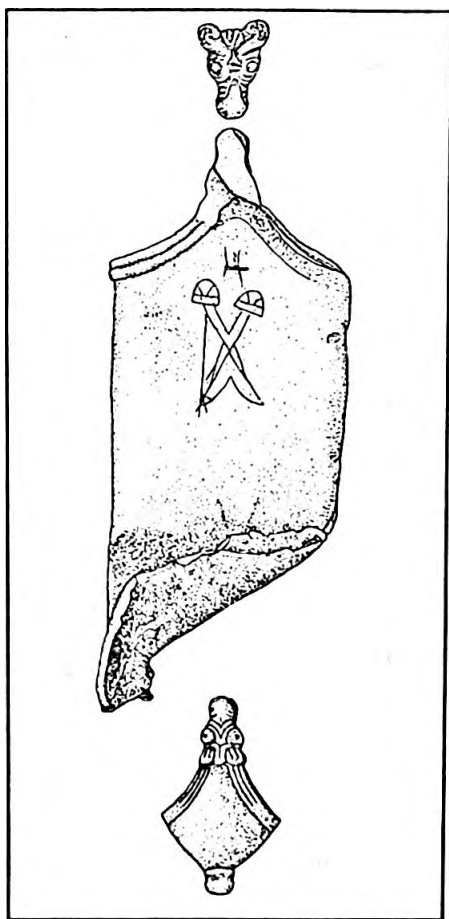

Рис. 2 Наконечник из клада в Окксарве (по И. Янссону)

венец развития выделенной им “варяго-балтийской” группы наконечников с “восточной пальметтой”. Несмотря на их близость, Г.Ф. Корзухина, П. Паульсен, Э.С. Мугуревич указывали на детали их орнаментики позволяющие говорить о местном изготовлении среднеднепровского и ливских образцов. К такому же мнению склоняется и Э. Тыниссон, но с определенной долей сомнения относительно окончательного решения вопроса о местном происхождении ливских экземпляров. После находки наконечника в Граужай, В. Урбанавичюс на основании того, что большинство экземпляров серии происходит из Прибалтики, допускал балтское или ливское происхождение и киевского образца. Возникновение этих наконечников связывали с приспособлением сабельных ножен, ссылаясь на комплекс из Десятинной церкви (Корзухина 1950: 71-74; Мугуревич 1965: 50-51; Paulsen 1953: 67, 73-84, 95; Tõnisson 1974: 101-103; Urbanavičius 1970: 82).

Рентгенографическое исследование клинка из погребения в Десятинной церкви сняло тезис об исключительной принадлежности высоких наконечников сабельным ножнам. Тем самым, образец из Киева был поставлен в один функциональный ряд с ливскими. Практическая синхронность комплексов, в которые входили наконечники из Киева и Оксарве ставит под сомнение и факт заимствования традиции изготовления последних от оружейников Среднего Поднепровья. Действительно, эта форма наконечников ножен в конце X – начале XI вв. явилась таким же новшеством в Киеве, как и в Прибалтике, то есть восприятие подобной формы произошло в обоих регионах одновременно. Если типологическая функциональность данных приспособлений имеющимися артефактами не подтверждена, то, надо полагать, разница между высокими и “обычными” наконечниками зависела от различия в принадлежности оружия одного вида.

Скорее всего, истоки данных наконечников следует искать в традиции художественного оформления парадных ножен холодного колюще-режущего оружия Византийской империи. Уже в VII в. парадные мечи византийского производства, как это видно по находкам с территории Аварского каганата и образцу из так называемого Перещепинского клада, имели ножны в сплошной золотой богато орнаментированной облицовке. Позднее, высокие наконечники усматриваются на ножнах императорских мечей в различного рода миниатюрах изобразительного цикла: например, на портрете Василия II – победителя болгар из Псалтыри 1019 г. в Библиотеке Марциана в Венеции или Исаака I Комнина на реверсе гистаменона чеканки 1057–1059 гг. Практически все миниатюры Мадридской рукописи (от конца XI до начала XIII вв.) хроники Иоанна Скилицы с эпизодами, участниками которых были императоры Византии с 811 по 1057 гг., изображают их мечи в ножнах с удлиненными наконечниками. Высокие декорированные наконечники ножен запечатлены и на оружии святых воинов. В этом случае, можно привести икону второй половины X в. св. Димитрия на слоновой кости из Клостер коллекции Метрополитен музея в Нью-Йорке. Ножны в богатой сплошной облицовке имелись и на мече Федора Тирона на иконе около 1200 г. из монастыря Иоанна Богослова

на Патмосе. Вместе с тем, та же византийская книжная миниатюра и иконография знает наконечники ножен мечей “обычной” высоты. Свита военачальников, сопровождающих Льва VI в его споре с Константином Дукой по поводу предводительства у ромеев, имеет мечи в ножнах именно с такими наконечниками. “Обычными” представлены также наконечники на ножнах у святых воинов на триптихах слоновой кости X–XI вв. из Музея Ватиканской библиотеки и, так называемого, Арбавильского (Залеская, Львова, Маршак, Соколова, Фоякова 1997: 129–130, кат. 25; Божков 1972: миниатюры на листах 12V, 42V: а, 43R: а, 75V, 114V: b, 114R; The Glory... 1997: 129, 132–134, 216).

Декор наконечника погребения из Десятинной церкви в полной мере соответствует продукции среднеднепровских мастерских художественной металлообработки второй половины (60–70 гг.) X – начала XI вв., выделенной Р.С. Орловым школы “Б”. Своим происхождением орнамента киевского образца связана с устойчивой местной традицией, представленной произведениями мастерских школы “А”, развитие декоративной стилистики которой происходило на протяжении всего X в. (Орлов 1984: 39–50). По таким стилистическим приемам, как “произрастание” трилистника из боковых ростков основного мотива, образующего миндалевидную сердцевину; перехваты у основания трилистника и над процветшим “корневым” стеблем; плетение в идеограмме двойного перекрещивания с наложением простого узла, понижающее по центру сердцевину и образующее за ее пределами боковые побеги, заканчивающиеся завитками; меандровые завершения по сторонам процветшего корневого стебля; наличие на ремнях плетенки гравированной контурной черты, декоративное оформление нижнего колпачка наконечника ножен меча из погребения в Лиепенес полностью отвечает “чистым” признакам школы “Б” киевской художественной металлообработки. В пользу одной и той же ремесленной традиции в изготовлении наконечников из Киева и Лиепенес свидетельствует также значительное сходство отливок накладок на венчики. Особенно выразительно их подобие проявляется при сравнении возвышающихся над ними птичьих голов, выполненных не без черт натуралистической конкретности по аналогичным формальным схемам.

Не несет характерных признаков “балтийско-нордического” орнитологического декора и геральдическое изображение птицы на корпусе наконечника из Лиепенес. В противовес указанному стилю, прослеживаемому по “шведско-варяжской”, “скандинавской” группам наконечников ножен с птичьим мотивом П. Паульсена и налобным конским подвескам прусских могильников Ирзскапинис и Вольное (Кулаков 1988: 106–116; Paulsen 1953: 17–34), абрис птичьей фигуры, деление и проработка оперения вертикально отвесными линиями на данном рисунке более соответствует изобразительной манере облика царственной птицы на резной шиферной плите парпетов хор Софии Киевской, истоки которого, скорее всего, следует искать в стилистическом синтезе христианской Византии и исламского Ирана. Позднее эта же компановка “птичьей” геральдики фиксируется на колте из клада

1896 г. на Княжей Горе и в центральном медальоне знаменитой арки мастера Константина из Вщижа. Причем, профиль головы геральдически распластанной птицы на последних произведениях, как и на гравировке наконечника из Лиспенес больше соответствует павлину, нежели – орлу или соколу (Висоцкий 1994: 117-119; Даркевич 1975: 155, илл. 225, 226; Макарова 1975: 31-32, табл. 3: 9; Рыбаков 1971: 81-83, илл. 120-121). Типично киевской манере орнаментального оформления отвечают и “процветшие” завершения крыльев – в меандровом завитке снизу и “арабесковой” пальметте сверху, подобно деталям бокового плетения на облицовке ножен так называемой “сабли Карла Великого”, на перекрестьях меча из Карабчисва Хмельницкой обл. (тип – А местный, по А.Н. Кирпичникову) или хвостового завершения грифона во фресковом медальоне из южной башни Софии Киевской (Высоцкий 1989: 159, 161, рис. 101; Кресальний 1960: 134, рис. 114; Макарова 1986: 32, рис. 12: 1; Орлов 1984: 49, рис. 9: 7).

Стилистические признаки школы “Б” художественной металлообработки Среднего Поднепровья в “чистом” виде усматриваются и в плетении, завершающемся трехлепестковым цветком, на насадке наконечника из готландского клада в Вальдарве. Особенностью орнамента данного изделия является большая геометричность в рисунке растительной розетки, чем это наблюдается на рассмотренных выше образцах. Определенная сухость декора наконечника из этого комплекса вызвана канонизмом в оформлении нижней части сердцевины плетения, которая приобретает не миндалевидное, а подтреугольное очертание. Однако, можно привести аналогичный мотив и в произведениях несомненно киевского производства. “Треугольность” сердцевины пальметты довольно четко представлена в основном мотиве орнамента перекрестия и оковок ножен “сабли Карла Великого”, на облицовке грифа меча типа “А местный” из Глуховцев Винницкой обл. Позднее, такое же решение пальметты с пятилепестковым цветком встречено на литом корпусе кистеня типа III (по А.Н. Кирпичникову) из Ольховца Киевской обл.

В то же время, наконечник из клада в Вальдарве несет в своем декоре и совершенно прозрачное сходство со стилистикой образца из Десятинной церкви. Имеются в виду характерное черное подчеркивание контура стебля плетенки и цветка, а также дополнительный обвод всего рисунка: гравированный, непосредственно по тулову – на киевском образце; контурный, образованный краями самой отливки накладки – на образце из Вальдарве. Свидетельством южнорусских связей может служить присутствие в составе клада, помимо наконечника, фрагмента серебряной обивки с тисненым орнаментом в виде обведенного контурной чертой сердца с вписанной в него трехлепестковой пальметтой (идеограмма “пальметты в сердцевидном стебле”), практически идентичной схеме с узором наременных сердцевидных бляшек из Чернигова и Табаевки, относимых Р.С. Орловым к продукции, выделяемой им школы “А” (Орлов 1984: 41, рис. 6: 1; Stenberger 1947: abb. 186: 4). Как пример юго-восточной направленности транзита отдельных предметов клада в Вальдарве, нельзя

исключать и наличие в его составе фрагмента серебряного оклада с обрезанным по нимбу ликом святого, выполненного тонкой четкой гравированной линией, явно византийской работы, а также обрезков двух миллиарисиев Иоанна Цимисхия. В принципе, восточное происхождение, в широком смысле, наконечника из данного клада не вызвало особого сомнения уже у М. Стенбергера. В этом не был уверен Т. Арне, хотя, более склонялся к его византийскому производству (Stenberger 1947: abb. 186: 2; 1958: 235, 237).

Оформление наконечника из второго готландского клада – в Оксарве, ближе всего соответствует художественной схеме образцов “восточнопрусской” группы, выделенной П. Паульсеном среди наконечников ножен с “восточной пальметкой”. Нижняя часть их цельнолитого корпуса лишена растительного узора и оформлена в виде треугольника, образованного двойными восходящими через все тулово линиями. Такие же линии образуют и окантовку высоко поднятого венца, острие которого завершается стилизованным до неузнаваемости зооморфным трехчастным оглавием или клювоподобным зубцом. Эти наконечники в абсолютном большинстве происходят из локального района в нижнем течении Немана, занятого памятниками прусского племени скальвов – 11 из известных 14 экземпляров, с распространением находок в соседней Самбии – 3 экз. (данные П. Паульсена и Б. ф.ц. Мюллена). П. Паульсен и Г.Ф. Корзухина усматривают в них затухание линии развития наконечников с “восточной пальметкой” (ряд V – Г.Ф. Корзухиной) и датируют, в целом как XI в., так и XII в. (Корзухина 1950: 67-68; v.z. Mühlen 1975 109-110; Paulsen 1953: 87-93).

Однако такая датировка, основанная, прежде всего, на формальной логике развития стиля, во многом умозрительна. Ей противоречит хронология комплекса из Оксарве, куда входил стилистически однотипный, но больших пропорций, наконечник. Согласно находкам в могильнике скальвов Ржевское (Полесский район Калининградской обл., бывш. Linkuhnen), где обнаружено 8 экземпляров “обычных” наконечников “восточнопрусской” группы, все они происходили из погребений, совершенных по обряду кремации на стороне. Ингумация на землях западных балтов во втором тысячелетии н.э., входит в обычай, начиная с XII в. Нижнее Понеманье, в этом отношении, исключения не представляет. Минимум в четырех случаях (погребения 8, 42, 71, 92) эти наконечники находились при мечех типов V, X по Я. Петерсену, которые в Юго-Восточной Балтии датируются от начала X в. до конца эпохи викингов (Kazakevičius 1996: 69-70, 72, 74), то есть за пределы XI в. их бытование здесь не выходит. Все это позволяет относить начальную дату появления наконечников данной группы, включая и образец из Оксарве, по крайней мере, ко второй половине X в. Эти наконечники датирует X – началом XI вв. и Б. ф.ц. Мюллен, принимая Нижнее Понеманье за центр их производства (v.z. Mühlen 1975: 40). На балтское происхождение образца из клада в Оксарве может указывать и вторичное граффити

на одной из сторон корпуса, на мечях которого, скорее всего, переданы схемы навершеный типов Т-II или V. Указанные типы во второй половине X в., в XI в., являлись наиболее распространенными на племенных территориях балтов. Если тип V, пользуясь популярностью в балтской среде, выступал все же как импорт, то среди мечей типа T многие исследователи выделяют местные дериваты, хотя бы в отношении рукоятей. Ярким примером тому является наверхие и перекрестье меча типа T-II из погребения 53 могильника Ржевское конца X – начала XI вв. или XI в. (Kazakevičius 1996: 44-50, 61-64. pav. 46).

Уже П. Паульсен отмечал прямое стилистическое родство “варяжской” и “восточнопрусской” групп наконечников с “восточной пальметкой” минуя, выделяемую им в этом же типе, “варяго-балтийскую” группу (Paulsen 1953: 84-85). Действительно, у наконечников первой и второй из названных групп, близки не только формообразующая рамка, но и схема зооморфного завершения венчиков. Она имеет четкое трехчастное стросние, и лишь у наконечников “варяжской” группы звериная личина не лишена черт реалистичности. На образцах “восточнопрусской группы” данный элемент крайне схематизирован и зооморфность скульптурообразующих частей достигалась плавностью овала внешних краев. При этом, в “варяжской группе” выделяется ряд наконечников, маски на венчиках которых стилистически сходны с мордами завершений образца из клада в Оксарве. Два из них обнаружены на территории, оспариваемой с 70-х гг. X в. Византией и Болгарским царством (Мадара под Преславом и Филиппополь Пловдивский), третий – на Билярском городище. Еще один наконечник дополнительно украшенный по литому корпусу прямоконечным крестом из глубоких кружковых вдавлений происходит из киевских находок В.В. Хвойки вошедших в собрание древностей Б.И. и В.М. Ханенко (Корзухина 1950: 67-68; Ханенко Б., Ханенко В. 1902: табл. XIV: 206; Paulsen 1953: 59-60). Морфологические признаки декора личин последнего экземпляра имеют наибольшую степень сходства с нижней мордой наконечника из названного готландского клада.

П. Паульсен расценивал звериноподобную маску на острие венчиков “варяжской” группы в качестве единственной детали, сохранившей “нордические” черты от предшествующих им ажурных образцов с “германским мотивом четвероного животного” и усматривал в скульптурных звериных головах крышки бамбергского ларца аналогю маске венца киевского наконечника из коллекции Ханенко (Paulsen 1953: 59). Сравнивая указанные элементы, нельзя не заметить весьма существенных различий в оформлении зооморфного окончания названных стилистических групп наконечников. Во-первых, большинство из наконечников с декором “эллиновского” плетения вокруг тела животного, обнаруженных в Северной Европе, венчает двухчастная зооморфная маска с округловыраженными глазными яблоками и заостренным вытянутым носом. Такая же заостренность характерна для скульптуры масок на ларце из Бамберга. Звериноголовая же оконечность образцов “варяжской группы” вместе с выделенными окружностями глаз,

имеет подчеркнуто выразительные ушные складки и закругленный поздреватый сектор носа. Лишь на некоторых экземплярах группы "эллинговского четвероногого", отличающихся массивным цельнолитым корпусом, лишенным ажурности в декоре, прослеживается четкая трехчастность маски венца, но, опять же, с вытянутым заостренным носовым завершением. Однако, хронология и география находок массивных цельнолитых наконечников с изображением животного в плетеном декоре (Ржевское, погребения конца X – начала XI вв., №№ 8, 183; Жясинас, Жямайче, р. Юра, погребение начала XI в. № 163; Даниловка, близ Камышина Волгоградской обл.; Венгрия, в пределах Среднедунайского нагорья) вероятно свидетельствуют о производстве этой разновидности оружейных приспособлений в то же время и тем же центром, что и наконечники с "восточной пальметкой восточнопрусской группы" П. Паульсена (Енносова 1994: 104).

Во-вторых, у наконечников ножен с "восточной пальметкой варяжской группы" выделяются образцы, имеющие вместо зооморфной маски на острие венца, клювовидный отросток, подобный тому, который встречается на отдельных предметах "восточнопрусской" группы. Эти наконечники происходят из Херсона (раскопки 1953 г. в южном нефе базилики II квартала XIX; стратиграфическая дата – конец X в.; раскопки 1987 г. в Портовом районе, юго-западный участок, стратиграфическая дата – конец X – начало XI в.) и Буштерек (Венгрия, погребение конца X – начала XI в. в комплексе с мечом типа Т) (Белов 1955: 275-277, рис. 19; Византийский Херсон 1991: 101; Корзухина 1950: 65, 91, табл. I: 44). Последний экземпляр П. Паульсен (Paulsen 1953: 67) отнес к промежуточной "варяго-балтийской" группе наконечников с "восточной пальметкой" (между "варяжской" и "балтийско-восточнопрусской"), отметив его близость по оформлению верхней кромки с высокими наконечниками из Киева и Путели Турайдос. Можно добавить, что по клювовидному отростку и жемчужному декору накладки на венчике, наконечник из Буштерек более близок образцам из Киева и Лиспенес. С образцом из Десятинной церкви его роднит также наличие контурной гравировки над основным орнаментом нижней части. В целом образец из Буштерек может быть причислен к "варяжской" группе вместе с аналогичными предметами из Филиппополя и Секешфехервара, отличающимися лишь деталями оформления пальметты и зооморфной оконечности венца. Принадлежность к названной группе усматривается и в декоративном оформлении нижнего колпачка фрагментарного наконечника, обнаруженного в прошлом веке близ Киева вместе с мечом без рукояти. Его декор практически идентичен схеме экземпляра из Буштерек (Корзухина 1950: 91, табл. I: 43).

Приведенные наблюдения с достаточной вероятностью представляют "варяжскую" группу как прототип для наконечников "восточнопрусской" группы. Причем, среди "варяжских" наконечников, пользуясь терминологией П.Паульсена, имеются образцы, которые также, как "прусские" не имели в декоре пальметты, но завершались книзу подтреугольными

фигурами. Один из них был упомянут выше. Это экземпляр из раскопок Портового района в Херсоне. Кроме оконечности из врезанных параллельных линий, образующих три сходящихся вершинами треугольника, в верхней части корпуса данного экземпляра имелась крестовая композиция, выполненная циркульным пуансоном. Второй, с треугольным рельефно выделенным основанием, составляющим одно целое с литым корпусом, также был обнаружен в Херсоне в прошлом веке (Корзухина 1950: 91, табл. I: 48). Исходя из географии находок наконечников с “восточной пальметкой” “варяжской группы”, центром их изготовления может быть названа одна из северопричерноморских фем Византии, не исключая Херсон. Г.Ф. Корзухина предполагала их производство в Подунавье (Корзухина 1950: 68). Византийскому происхождению образцов данной группы не противоречит и наличие на некоторых из них (Херсон, Киев) явственно христианской символики, которая в X – начале XI вв. вне пределов Юго-Восточной Европы являлась совершенно чуждым элементом оружейного декора. Звериные маски на венцах наконечников из Мадары, Филиппополя, Киева и Биляра также более соответствуют образам византийской тератологии, запечатленным в произведениях торевтики, скульптуры, глиптики IX–XI вв. (Даркевич 1974: 187-191, 200-201).

С учетом различий в орнаментальной стилистике наиболее ранних образцов “высоких наконечников”: киевского и готландского из клада в Оксарве, первоначально заимствования происходили параллельно, без ощутимого влияния среднеднепровской традиции на оружейные мастерские в Юго-Восточной Балтии. В основе декора среднеднепровских парадных наконечников ножен, форма которых, вероятнее всего, пришла из Византии, лежали устоявшиеся традиции местной художественной металлообработки (школы “А” и “Б” Р.С. Орлова). Балтские же оружейники на Нижнем Немане воспринимают не только формальные признаки этих приспособлений, но и орнаментальную стилистику византийских (причерноморских) прототипов. Во многом заимствованный декор наносится, здесь, как на “высокую” (из клада в Оксарве), так и на “обычную” формы наконечников (“восточнопрусская группа с восточной пальметкой”). Вместе с геометрическим, в мотиве треугольника, рисунком, занимающим совершенно определенное место в орнаментике “варяжской” группы (образцы из Херсона), балтскими мастерами усваивается и главный декоративный элемент “варяжских” наконечников – идеограмма пальметки в сердцевидном стебле. Есть форма, сочетающая в декоре основания корпуса деградированную пальметту и устремленный вершиной ввысь треугольник. Речь идет о наконечнике из Подгорцевского могильника (Золочевский район Львовской обл., Верхний Буг), обнаруженный вместе с мечом типа V, но ближе к T-II, и причисленный П. Паульсеном к “варяжской” группе, с оговоркой на схожесть с образцами восточнопрусской (Paulsen 1953: 61, 87).

О том, что этот комплекс на территории Предкарпатья можно рассматривать в качестве балтского оружейного импорта, свидетельствует

инкрустированный серебряной проволокой орнамент перекрестья и навершия меча, повторяющий геометрично и декоративные детали плетенки рукояти оружия из погребения 53 могильника Ржевское. Возможно, к стилистическим гибридам следует отнести и наконечник Люцинского (Лудзенского) могильника, на котором пальметта в сердцевидном стебле приращена к основанию треугольной композиции. Характерной деталью данного образца является и выступ венца в виде пальметты с высоким центральным лепестком в сходящейся под тупым углом штриховке. Истоки данного рисунка, так называемый “кома-орнамент”, находятся в металлопластике Юго-Восточной Европы VII–IX вв. (Корзухина 1950: 91, табл. I: 40; Станилов 1992: 236-237, обр. 4: 2).

География находок балтских дериватов наконечников “с восточной пальметкой” (“балтийско-восточнопрусская группа” П. Паульсена): 4 экз. – Скаловия, 2 из которых могильник Ржевское, погребение 8, вместе с наконечником в стиле “еллингского плетения вокруг тела животного” и 125; 5 экз. – Курземе, включая Палангу (погр. 199), по одному – в Жямайче (Бикавенай, погребение 210) и области Турайдских ливов (v.z. Mühlen 1975: 108, taf. 17; Paulsen 1953: 84-87; Volkaiti-Kulikauskienė 1981: 32-33, pav. VI: a-b), может свидетельствовать об их производстве в том же центре, что и образцов “восточнопрусской группы”, но с большим кругом распространения. По хронологии данные наконечники появляются практически одновременно с “восточнопрусскими” (без пальметты), а именно, во второй половине X в. и бытуют на протяжении всего XI в.

Влияние киеворусского прикладного искусства на развитие декоративной стилистики конца X–XI вв. Юго-Восточной Прибалтики, вопрос для историографии не новый. Неоднократно возвращавшийся к данному феномену П. Паульсен, на примере декора изделий различного функционального назначения, главным образом, с территорий балтов и ливов, расценивал Среднее Поднепровье в качестве исходного района для многих начинаний в материальной культуре европейского северо-запада, зоны контактов варяжского, исламо-восточного и византийского миров (Paulsen 1953: 93-96; 1956 130-133, abb. 5). В декоре рассмотренных ученым вещей используется, как наиболее устойчивый элемент, трехлепестковый цветок, произрастающий из боковых стеблей плетения подовальной (миндалевидной) формы. Данная деталь орнаментики высоких наконечников, соотнесенных выше с продукцией киевского златокузнечества, является самым характерным признаком школы “Б” среднеднепровской художественной металлообработки. В стилистически сохраненном виде такая пальметта присутствует на литых наконечниках ножен “варяго-балтийской” группы П. Паульсена, находки которых концентрируются, главным образом, на Нижнем Немане и в Курземе, и частично в Самбии и на землях ливов. Судя по декоративной отделке ливских лировидных щитковых пряжек, овальных цельнолитых фибул XI – начала XII вв. и так называемых подвесок со знаками Рюриковичей из женских и детских погребений XII–XIII вв. (Tõnisson 1974: 114, 119, 123, Abb. 8:2, Taf. VI: 2,

XXXV, XXXVI: 1, 3, 5), то идеограммы их узора, воспринятые на Даугаве и Гауе в “чистом среднеднепровском виде”, можно рассматривать в качестве этнооределяющего признака.

В то же время, на балтских землях наблюдается определенная его трансформация в соответствии с местной орнаментальной традицией. Так, наконечники ножен мечей из погребений 42, 43:е могильника Ржевское и 8 могильника Гинталишке (Литва, юго-восток территории куршей), датируемых в пределах XI в., несут в своем декоре схему такой же пальметты, но в четкой геометрической манере исполнения с заостренными оконечностями лепестков и ромбической сердцевинной побегов плетения (v.z. Mühlen 1975: Taf. 17: 4, 5; Vaitkunskienė 1979: 56, pav. 14: 9). Пальметта, выходящая из боковых побегов основного мотива, скорее всего, лежит в основе и декоративного оформления центрального сектора трехчастного навершия меча из погребения 53 могильника Ржевское, а также спинки лезвия топора из комплекса XI в. могильника Муромское (бывш. Laptau, Самбия). Здесь идеограмма пальметты из бокового плетения стеблей приближена к рисунку триплета с подокруглой сердцевинной, мотив которого в данном регионе Балтии традиционно известен, по крайней мере, с начала – середины X в. (Кулаков 1988: 112, рис. 7: 12; Paulsen 1956: Abb. 5: h, i). Как можно заметить, усвоение стилистического канона среднеднепровской художественной металлообработки школы “Б” в декоре Балтии рубежа X–XI вв. получило, в сравнении с причерноморско-византийской орнаментальной традицией, более широкое распространение в местной материальной культуре.

Декор высоких наконечников из Путели и Граужай отвечает признакам балтского художественного металла, стилистика которого восходила к среднеднепровским мастерским школы “Б”. Пальметта колпачка образца из Путели еще находится в схеме киевских златокузнецов, но округлость сердцевинной плетения сближает ее с орнаментикой только что упомянутых меча и секиры или стремян (серебряная плакировка по дужке) из погребения первой половины XI в. (№ 11) самбийского могильника Ирзекапинис (Кулаков 1990: 74, табл. XL: 1). Концентрическая же сердцевина пальметты экземпляра Граужайского клада уже не несет никакой конструктивной нагрузки в образовании орнаментальной схемы, и весь рисунок близок декору литых наконечников из погребений некрополя в Ржевском и Гинталишке. Выразительным признаком изготовления образцов из Путели и Граужай одним и тем же ремесленным центром является и графика передачи орнамента, характеризующаяся геометричностью гравированных внешних линий и штриховкой бордюрного фона основных элементов. Балтское происхождение путельского наконечника подтверждается в практически идентичном повторении мотивов его орнаментации на продольных профилированных пластинах окончаний витой серебряной гривны из Ликянай (Литва, Жямайче, междуречье Нявежиса и Шушве). Здесь нанесен гравированный рисунок в штрихованной окантовке. Он состоит из двух подовальных медальонов, образованных продольным

переплетающимся растительным побегом, оканчивающимся у основания овода гривны трехлепестковой пальметтой с высоко поднятым заостренным центральным лепестком. В медальоны вписаны птички профили, схожие с птицами, изображенными в верхней части тулова указанного наконечника (Tautavičienė 1981: 19, pav. 104). Подобные гривны известны лишь по серебряным экземплярам и являлись в XI–XIII вв. довольно редким, но весьма характерным жямайтийским украшением (Vaitkūniskienė 1991: 46).

На основании изложенного материала становится вполне вероятным предположение, что высокие наконечники ножен мечей во второй половине X–XI вв. изготавливались мастерами двух восточноевропейских центров оружейного производства. Один из них находился в Среднем Поднепровье, скорее всего, в Киеве. Второй – в Юго-Восточной Балтии, вероятно на Нижнем Немане в скалово-прусском (самбийском) пограничье. Первоначальные импульсы к их изготовлению оба региона получили из византийских провинций юго-восточной Европы, включая Крым. На данном этапе процесс освоения этого вида продукции проходил относительно автономно. К середине XI в. балтские мастера в изготовлении парадной серии наконечников ножен воспринимают и производственно-художественную традицию киеворусских оружейников. Результатом этого стал синтез в орнаментальной стилистике Балтии, органически сочетающей достижения местных и киеворусской школ торевтики. Появление данного вида продукции обоих производителей в одних и тех же регионах (Киевский центр; Лиепенес, Кримулдас – Ливония; Валдарве – Готланд; Скалово-прусская; Путели Турайдос – Ливония; Граужай – Жямайче; Оксарве – Готланд) может свидетельствовать об определенном устоявшемся спросе ливского и жямайтийского племенного нобилитета на представительский вид вооружения. Учитывая малочисленность данных оружейных приспособлений, не исключена работа на заказ. Поскольку готландские находки как киевского, так и балтского наконечников входили в состав кладов во фрагментарном виде, для объяснения их присутствия следует искать иной характер связей. Данный лом может отражать и чисто экономические контакты между регионами и дружинно-военные, при которых названные сокровища собирались на континенте – на Руси или в Прибалтике.

- Андруцук, Ф., М. Панченко, М. Ковалюх.* 1996. До передісторії споруджені Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна у Києві. Київ.
- Белов, Г.Л.* 1955. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949–1953 гг. // Советская археология XXIV.
- Божков, А.* 1972. Миниатюры от Мадридская ръкопис на Иоан Скилица. София.
- Бредіс, Н.* 1996. Технологічні дослідження стародавнього меча з княжого поховального комплексу // Церква Богородиці Десятинна у Києві. Київ. Кіпв.
- Византийский Херсон.* 1991. Византийский Херсон. М.
- Висоцький, С.О.* 1994. Герб Київської Русі за часів Ярослава Мудрого // Старожитності Русі-України. Київ.

- Высоцкий, С.А.* 1989. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев.
- Даркевич, В.П.* 1975. Светское искусство Византии. Киев.
- Епиосова, Н.В.* 1994. Ажурные наконечники ножен мечей X-XI вв. на территории Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. МГУ. 1997. Сокровища хана Курбата. СПб.
- Каргер, М.К.* 1940. Княжеское погребение XI в. в Десятиной церкви // Краткие сообщения Института истории материальной культуры IV.
- Корзухина, Г.Ф.* 1950. Из истории древнерусского оружия XI в. // Советская археология XIII.
- Кресальний, М.И.* 1960. Софійський заповідник у Києві. Київ.
- Куликов, В.И.* 1988. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX-XI вв. // Советская археология 3: 106-116.
1990. Древности пруссов // Свод археологических источников Г 1-9. Москва.
- Макарова, Т.И.* 1975. Перегородчатые эмали древней Руси. Москва.
1986. Черное дело древней Руси. Москва.
- Музуревич, Э.С.* 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв. Рига.
- Орлов, Р.С.* 1984. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X-XI вв. // Культура и искусство средневекового города. Москва.
- Рыбаков, Б.А.* 1971. Русское прикладное искусство X-XIII вв. Москва.
- Станилов, С.* 1992. Към въпроса за пръстена от Мътница // Годишник на Националния Археологически музей VIII.
- Тышисон, Э., Я. Граудонис.* 1961. Раскопки ливских курганов в Кримулле // Известия Латвийской Академии наук 10.
- Ханенко, Б.И., В.Н. Ханенко.* 1902. Древности Поднепровья. Вып. V. Киев.
- Hausman, R.* 1909. Übersicht über die archaologische Forschung in den Ost-seeprovinzen in letzten Jahrzehnt // Arbeiten des I Baltischen Historiker Tages zu Riga 1908: 23-25. Riga.
- Kazakevičius, V.* 1996. IX-XIII a. baltė kalavijai. Vilnius.
- Mühlen, B. v.z.* 1975. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte 9.
- Paulsen, D.* 1953. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart.
1956. Einige Sabelschwerter im Ostseeraum // Dokumenta Archaeologica W. La Baum dedicata. Bonn.
- Stenberger, M.* 1947. Die Schatzfunde Gotlarlds der Wikingerzeit (II). Stockholm.
1958. Die Schatzfunde Gotlarlds der Wikingerzeit (I). Stockholm.
- Tautavièienis, B.* 1981. III-XVI a. sidabriniai ir sidabru puošti dirbiniai. Vilnius.
- The Glory Byzantium.* 1997. The Glory Byzantium. New York.
- Tõnisson, E.* 1974. Die Gauja Liven und ihre materielle Kultur (II - anfang 13 Jhs.). Tallinn.
- Vaitkunskienė, L.* 1979. Gintališkes kapinynas // Lietuvos archeologija 1.
1981. Sidabras senovės Lietuvoje. Vilnius.
- Volkaiti-Kulikauskienė, R.* 1981. Ginklai // Lietuvių materialini kultura IX-XIII a. (II): 6-48.
- Urbanavičius, V.* 1970. Grauzi lobis // Lietuvos Mokslu Akademijos darbai, seria A 3 (34): 77-83.

ЛАНЦЕТОВИДНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ РАСКОПОК ГНЁЗДОВА

За более чем столетний период изучения Гнёздовского археологического комплекса накоплен огромный материал, позволяющий характеризовать многие аспекты материальной и духовной культуры Древней Руси. Масштабы комплекса и масштабы исследований по праву выдвигают Гнёздово в один из крупнейших и наиболее изученных памятников эпохи образования и становления древнерусского государства. В настоящее время важнейшей задачей является ввод в научный оборот колоссального количества информации, полученной в результате исследования памятника. Среди находок выделяется коллекция оружия, в которой представлены практически все категории вооружения, характерные для раннегосударственного периода истории Древней Руси.

Закономерно, что наиболее многочисленны наконечники стрел, которых за всю историю изучения памятника найдено не менее 450 экземпляров¹. На основе типологии, разработанной А.Ф. Медведевым (Медведев 1966), был рассмотрен 371 наконечник (курганы – найдено 190, типологизировано 149; городище – 160/130; селище – 100/92).

Количественно обращает на себя внимание группа наконечников стрел ланцетовидной формы, представленной типами 62,75,77,78,79 по А.Ф. Медведеву. В Гнёздове найдено 152 таких наконечника (табл. 1), что составляет около 40% от общего количества стрел, вошедших в типологию². По типам они распределяются следующим образом:

Тип 62. Ланцетовидные плоские. Наконечники характеризуется следующими параметрами: общая длина 80-160 мм, длина пера 50-120 мм, ширина 8-14 мм, вес 5-10 гр. Соотношение ширины пера к его длине 1: 6 – 1 : 10 и длина черешка от 15 до 25 мм считаются важными признаками для IX – первой половины XI вв. Вариант 1 отличается от варианта 2 отсутствием у первого упора (Медведев 1966: 73, 74).

Гнёздовские наконечники стрел этого типа имеют следующие размеры: общая длина 93-125 мм, длина пера 60-80 мм, ширина пера 8-15 мм, вес 7-15 гр., соотношение ширины пера к его длине 1:5-1:8,5 мм, длина черешка 14-25 мм (рис. 2: 1-6)³. Четыре наконечника выделяются своими размерами: общая длина 130-158 мм, длина

1 Приношу благодарность Т.А. Пушкиной за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал из раскопок Гнёздова.

2 К сожалению, при первой публикации этой таблицы было допущено несколько неточностей (Каинов 1997: 192).

3 Составные части ланцетовидных наконечников стрел указаны на рис. 1.

Таблица 1
 Типы ланцетовидных наконечников стрел Гнёздова
 (по А.Ф. Медведеву).

тип	вариант	место находки			всего
		городище	селище	курганы	
62	1	4	-	-	4
62	2	48	19	36	103
75	1	2	3	9	14
75	2	1	1	9	11
77	1	4	2	5	11
78	1	1	-	3	4
79	1	2	-	2	4
79	3	-	1	-	1
всего		62	26	64	152

пера 70-90 мм, ширина пера 11-13 мм, вес 15-18 гр., соотношение ширины пера к его длине 1 : 6 – 1 : 8, длина черешка 29-38 мм (рис. 2: 7).

Сечение пера у наконечников в виде сильно сплющенного ромба, очень редко – линзовидное. Сечение шейки у упора чаще круглое, иногда прямоугольное или ромбическое. Черешок в большинстве случаев в верхней половине круглый, в нижней квадратный. У наконечников вар. 1 сечение черешка – сильно сплющенный прямоугольник (рис. 2: 6). На черешке одного наконечника типа 62, вар. 2 сохранились остатки древка, обмотанного тонкой железной проволокой – подобная конструкция усиливала крепление наконечника и предохраняла древко от раскалывания при попадании стрелы в цель (рис. 2: 5).

Тип 75. Ланцетовидные трёхгранного сечения. Для этих наконечников характерны следующие параметры: длина 75-120 мм, длина острия с шейкой 60-97 мм, ширина грани 6-9 мм. Вариант 2 в отличие от варианта 1 имеет на шейке валик (Медведев 1966: 78, 79). Общая длина гнёздовских наконечников этого типа 88-120 мм, длина острия с шейкой 66-100 мм, ширина грани 6-8 мм, вес 8-10,5 гр., длина черешка 18-30 мм (рис. 3).

На гранях пятнадцати наконечников прослеживаются доли (рис. 3: 1,3). Причём у 10 наконечников дол имел треугольное или полукруглое сечение глубиной 1,5-2 мм, у остальных же, дол был только намечен неровной царапиной. Сечение шейки у упора чаще всего круглое, но встречаются прямоугольные и подтреугольные сечения. У одиннадцати экземпляров на переходе от головки к шейке прослеживаются валики¹ (рис. 3: 2). У двух наконечников валик был трехрядным, у одного – двухрядный и ещё в одном случае представлял собой простое утолщение². Сечение черешков в верхней половине

¹ Возможно, что на некоторых наконечниках, отнесённых к варианту 1, также имелись валики, но вследствие плохой сохранности с точностью об этом говорить нельзя.

² У пяти наконечников число рядов в валике установить нельзя.

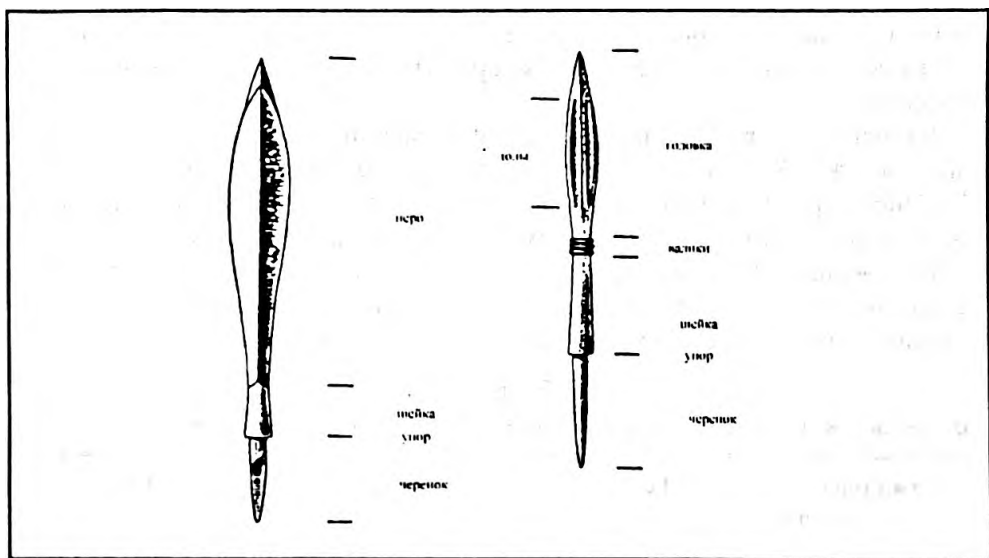

Рис. 1 Составные части наконечника стрелы

круглое, в нижней – квадратное. На трёх наконечниках (погребение в кургане Л-95) сохранились остатки древка, обмотанного тонкой железной проволокой.

Тип 77 (вар. 1). Ланцетовидные квадратного сечения. Общая длина наконечника 50-105 мм, отношение ширины грани к длине боевой головки 1: 8 – 1: 14; длина черешка 18-30 мм (Медведев 1966: 79).

Гнёздовские наконечники имеют следующие параметры: общая длина 94-120 мм, длина боевой головки 45-65 мм, ширина грани боевой головки 4-5 мм, вес 8,5-11 гр., соотношение ширины грани и длины боевой головки 1: 9-1: 16, длина черешка 24-30 мм (рис. 4: 1). Сечение шейки у упора квадратное или круглое. Сечение черешка чаще всего квадратное.

Тип 78 (вар. 1). Ланцетовидные ромбического сечения. Общая длина наконечника 55-100 мм, отношение ширины к длине боевой головки 1: 7 – 1: 8 (Медведев 1966: 79,80). Размеры хорошо сохранившегося гнёздовского наконечника этого типа: общая длина 115 мм, длина боевой головки 53 мм, её ширина 8 мм, вес 10,2 гр., длина черешка 21 мм (рис. 4: 2).

Тип 79 (вар. 1). Ланцетовидные сплюснутые. Наконечники варианта 1 имеют круглую или гранёную шейку, упор и короткий черешок длиной 17-25 мм. Общая длина наконечников 76-100 мм, вес 10-13 гр., отношение ширины к длине боевой головки 1: 7 – 1: 9. Вариант 3 не имеет шейки. Отношение ширины к длине боевой головки у этого варианта 1: 4 (Медведев 1966: 80).

Параметры гнёздовских наконечников вар. 1: общая длина 73-110 мм, длина боевой головки 43-60 мм, её ширина 8-9 мм, вес 7-10,5 мм, длина черешка 19-32 мм, соотношение ширины к длине пера 1: 5 – 1: 7 (рис. 4: 3). Сечение пера над уплощением –

ромб, сечение в районе уплощения – шестиугольник. Один наконечник не имеет четко выраженного упора (возможно, неоконченный экземпляр).

Вариант 3 представлен одним фрагментированным наконечником (рис. 4: 4). Установить удалось только пропорцию пера – 1: 6. Сечение пера в районе уплощения – шестиугольник, остальная же часть пера в сечении имеет ромб. Сечение шейки у упора круглое.

Из таблицы 1 видно, что основное количество ланцетовидных наконечников найдено на городище и в курганах. Типы наконечников сочетаются с вариантами погребального обряда следующие образом¹:

Таблица 2:

Встречаемость типов ланцетовидных наконечников стрел в погребениях.

тип погребения	ТС		ТПк		ТПя	
	кол-во нак-ов	кол-во пог-ий	кол-во нак-ов	кол-во пог-ий	кол-во нак-ов	кол-во пог-ий
62, вар. 2	6	4	13	4	-	-
75, вар. 1,2	9	6	-	-	4	2
77, вар. 1	3	2	-	-	-	-
всего	18	12	13	4	4	2

Количество ланцетовидных наконечников в одном погребении колебалось от 1 до 8. Они встречены как отдельно, так и в сочетании с другими типами наконечников. В погребении Поль-11 найдено 8 экземпляров наконечников типа 62 (вар. 2), которые, судя по их взаиморасположению, находились в связке или колчане.

В разные годы металлографическому анализу были подвергнуты 15 гнездовских наконечников ланцетовидной формы (Колчин 1953: 143-145; Пушкина, Розанова 1992: 214). Были выявлены три технологические схемы изготовления:

Таблица 3:

Технология изготовления гнездовских ланцетовидных

Технологическая схема	тип	кол-во	всего
Железо	62, вар. 1	7	11
	62, вар. 2	2	
	75	2	
Малоуглерод. или неравномерно науглероженная сталь	62, вар. 2	2	2

¹ТС – погребение по обряду трупосождения, ТПк – погребение по обряду трупоположения в погребальной камере, ТПя – погребение по обряду трупоположение в могильной яме

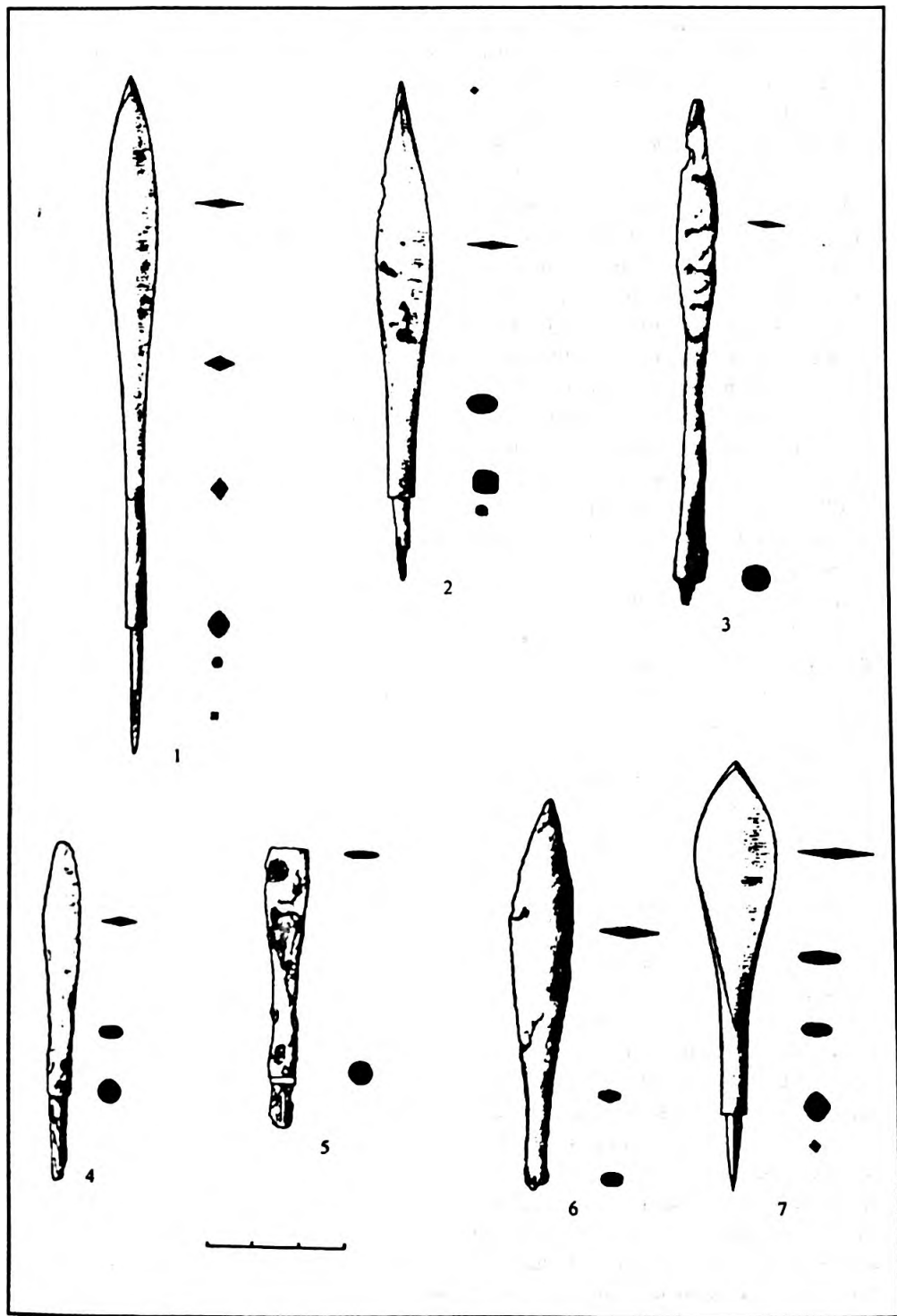

Рис. 2 Ланцетовидные наконечники стрел:
 1-5 - тип 62 (вар.2); 6 - тип 62 (вар. 1); 7 - тип 63

Опубликованы данные о результатах металлографического анализа ещё 5 ланцетовидных наконечников, найденных на различных древнерусских памятниках (Гурин 1987: 74, 75, рис. 33: 16, 17; 1996: 101, рис. 1: 8; Максимов, Петрашенко 1988: 124, 127). Из них четыре относятся к типу 62 и изготовлены из кричного железа, иногда с небольшим содержанием углерода (городище Монастырёк – 2 экз., городище Прудники – 1 экз., селище в Лукомле – 1 экз.). Ещё один наконечник, найденный на городище Кимбаровка, относится к типу 77, и, сделан из нескольких чередующихся слоев низкоуглеродистой стали и железа.

Как видно, ланцетовидные наконечники изготовлены в основном из железа и малоуглеродистой стали. Техника многослойного пакета редка (два наконечника из Гнёздова и один из Кимбаровки)¹. Функционально использование пакетной технологии для наконечников стрел вряд ли оправдано и, по-видимому, изготавливались подобные экземпляры из остатков трёхслойных заготовок.

Следует отметить высокое качество внешней обработки подавляющего большинства гнёздовских ланцетовидных наконечников, особенно заметное у наконечников типа 75 вар. 2. и свидетельствующее о высококвалифицированных навыках работы с металлом. Валики у наконечников этого типа вряд ли имели какое-либо функциональное назначение, и были своего рода знаком качества.

О хронологическом распространении того или иного типа и варианта ланцетовидных наконечников на данном этапе изучения гнёздовских древностей говорить сложно. Возможно лишь сделать предварительные замечания. Так, наконечники типа 62 были известны, по всей видимости, на всём протяжении существования Гнёздова (имеется в виду “дружинный” период – конец IX – начало XI века). Наконечники типа 75 (вар. 1,2), 77 (вар. 1), 78 (вар. 1) и 79 (вар. 1) датируются временем не ранее второй четверти X века. Во всех курганах, содержащих наконечники этих типов, найдена круговая керамика, т.е., основываясь на датировке появления гончарного круга в Гнёздово (920-930 гг.), не могут датироваться ранее второй четверти X века (Каменецкая 1977: 27). Датировки скандинавских ланцетовидных наконечников (см. ниже) позволяют относить распространение типа 77 (вар. 1) ко второй половине X века. Этим же временем, по-видимому, следует датировать и типы 78 (вар. 1), 79 (вар. 1).

На территории Древней Руси наиболее ранние ланцетовидные стрелы (тип 62) найдены в Старой Ладогe, в слое середины VIII века. Интересен тот факт, что наконечники связаны с производственным металлообрабатывающим комплексом. Это позволило предположить возможность изготовления ланцетовидных наконечников стрел непосредственно в самой Ладогe (Рябинин 1995: 55-56).

¹ Из исследованных 37 гнёздовских наконечников подобная техника выявлена на ещё одном наконечнике ромбовидной формы (Пушкина, Розанова 1992: 214).

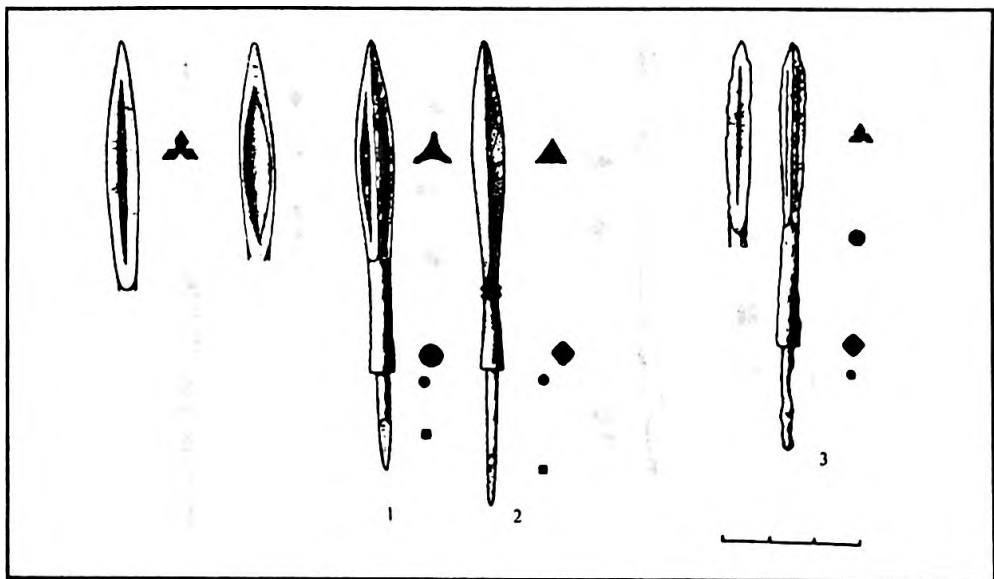

Рис. 3 Ланцетовидные наконечники стрел:
 1, 3 – тип 75 (вар. 1); 2 – тип 75 (вар. 2)

Наибольшее распространение наконечники ланцетовидной формы классических пропорций получают на территории Древней Руси в X веке, изредка встречаются до конца(?) XI века. Впоследствии некоторые типы исчезают или же сильно изменяются. Так, у наконечников типа 62 укорачивается перо и удлиняется черешок. Один такой наконечник найден в Гнёздове (рис. 2: 4). Эти изменения можно объяснить приспособлением ланцетовидных наконечников для стрельбы из сложного лука, усиленного роговыми накладками и обладающего значительно большей мощностью по сравнению с цельными или составными деревянными луками. Короткий черешок ланцетовидных наконечников не обеспечивал достаточно прочного соединения с древком. При выстреле из мощного лука это, скорее всего, привело бы к раскалыванию древка. Данное предположение подтверждается тем, что в степном регионе, где сложные луки с роговыми накладками были широко распространены, практически все наконечники стрел имели длинные черешки. В Скандинавии и северных районах Древней Руси подобные луки (или их части), относящиеся к X – первой половине XI вв., за редким исключением не найдены, а наконечники стрел имеют в большинстве случаев короткий черешок или же вообще лишены упора. Последнее также свидетельствует об использовании не очень мощных луков.

По вопросу появления наконечников стрел ланцетовидной формы на территории Древней Руси были высказаны разные мнения. А.Ф. Медведев настаивал на местном развитии этой формы, известной в Восточной Европе ещё с рубежа н.э. (Медведев 1966: 73, 74). Он относил это в первую очередь к наконечникам типа 62 вар. 1. Наконечники варианта 2, по его мнению, появились на Руси

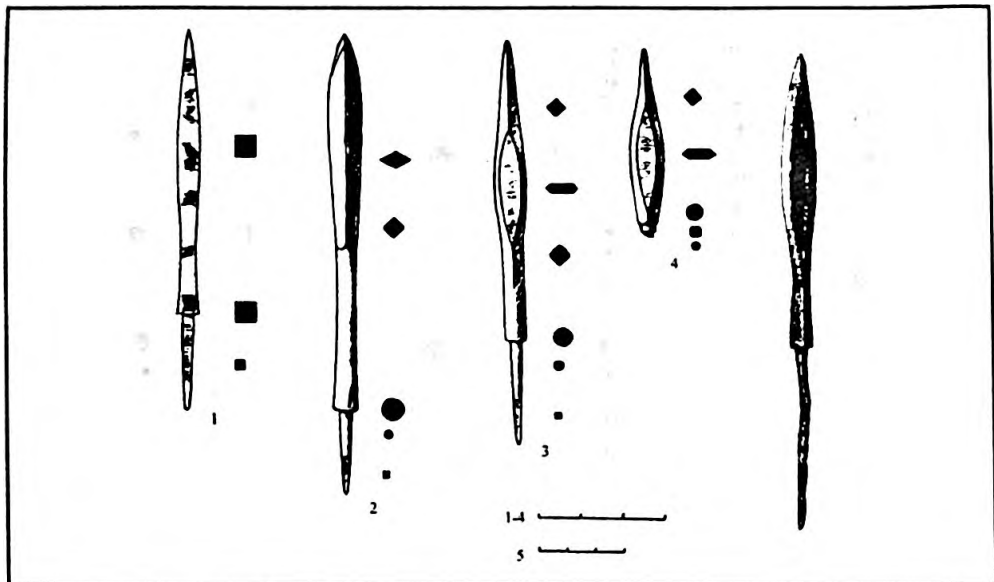

Рис. 4 Ланцетовидные наконечники стрел:

1 – тип 77 (вар. 1); 2 – тип 78 (вар. 1); 3 – тип 79 (вар. 1); 4 – тип 79 (вар. 3); 5 – наконечник из Норвегии

в VIII веке и отличались от скандинавских меньшими размерами. Происхождение других типов ланцетовидных наконечников А.Ф. Медведев не затрагивал, лишь в ряде случаев отметил распространение подобных стрел в Норвегии и Швеции (Медведев 1966: 79, 80). З настоящее время большинство исследователей древнерусских древюстей склоняются к мнению об их скандинавском происхождении и привнесении на территорию Древней Руси дружинами викингов (Кирпичников 1977: 168, 169; Носов 1990: 162).

А.В. Крыганов предположил азиатское происхождение наконечников типа 75. В Восточную Европу они, по его мнению, были занесены кочевниками в VII–VIII вв. (Крыганов 1990: 73). Но в отличие от древнерусских, найденные в степном регионе трёхгранные наконечники стрел не имеют шейки.

Ланцетовидная форма наконечников в Скандинавии была известна ещё в VII–VIII вв., основное распространение она получила в конце VIII — первой половине XI вв. Типология наконечников стрел для территории Швеции была разработана Э. Вегре, и в последние годы несколько пересмотрена и дополнена П. Линдбомом (Lindbom 1994; Wegraeus 1986) (рис. 5). Интересующие нас формы ланцетовидных наконечников скандинавские исследователи относят к двум типам с вариантами и подвариантами.

Тип А. Ланцетовидные плоские. Большинство наконечников имеют упор. Э. Вегре выделил два варианта: А1 – с более узким пером и шейкой короче пера и А2 – с шейкой, чья длина больше или равна длине пера. Первый вариант Э. Вегре считал универсальным (охотничьим и боевым), второй исключительно боевым. Впоследствии

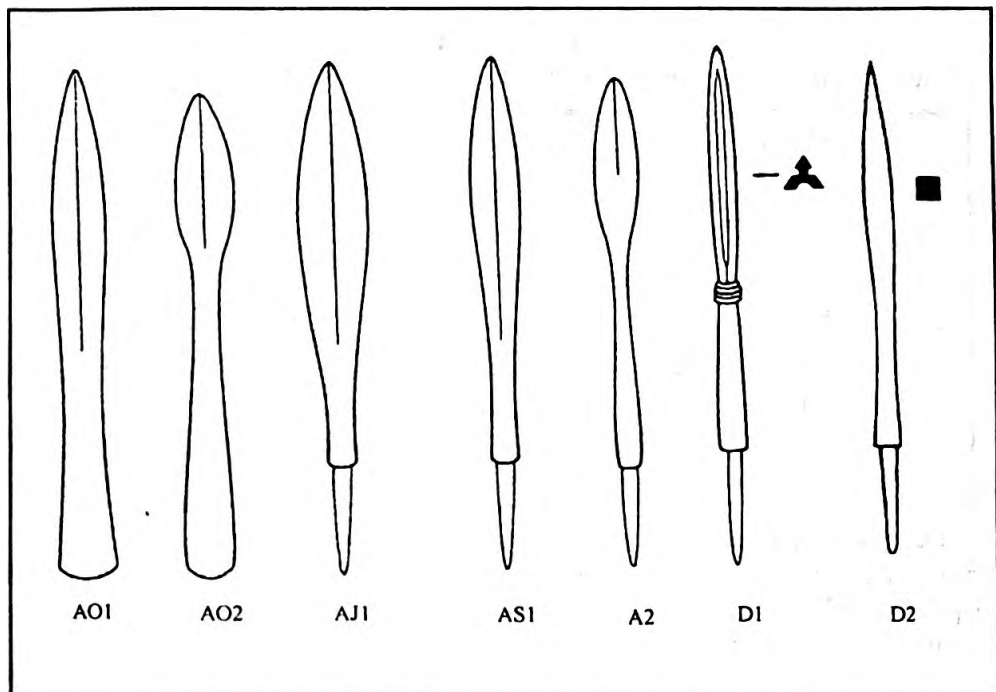

Рис. 5 Типология ланцетовидных наконечников стрел
Э. Вегре – П. Линдбома

П. Линдбом счёл возможным разделить вариант А1 на два подварианта: широкий и тяжёлый А11 и более узкий и лёгкий А12. Наконечники первого подварианта использовались на охоте, второго – на войне (Lindbom 1994: 445).

Тип D. Ланцетовидные гранёные. Наконечники варианта D1 имели трёхгранное сечение пера, варианта D2 – квадратное. Оба этих варианта являются боевыми. На шейке наконечников типа D1 встречаются один или несколько поясков. Интересно также отметить, что Э. Вегре приводит несколько случаев, когда древко стрелы в районе расположения черешка наконечника обматывалась железной, серебряной или латунной проволокой, как это было отмечено на гнездовых наконечниках типов 62 и 75 (Wegraeus 1986: 34).

Помимо Э. Вегре и П. Линдбома типологию ланцетовидных стрел предложил Т. Кемпке. Она основана на материале, полученном при раскопках западнославянского Стариграда (нем. Ольденбург). Т. Кемпке выделил следующие типы ланцетовидных наконечников: 1a – ланцетовидные плоские без упора, 1b – ланцетовидные плоские с упором и шейкой круглого сечения, 1c – ланцетовидные плоские с упором и гранёным сечением шейки, 2 – ланцетовидные трёхгранного сечения (Кемпке 1988: 294-295). Появление подобных наконечников на славянских памятниках южного побережья Балтийского моря исследователь связал с деятельностью скандинавов (Кемпке 1988: 293-296).

Типологии А.Ф. Медведева, Э. Вегре — П. Линдбома и Т. Кемпке соотносятся следующим образом:

Таблица 4:

Соотношение типологий А.Ф. Медведева, Э. Вегре-П. Линдбома

А.Ф. Медведев	Э. Вегре – П. Линдбом	Т. Кемпке
62 (вар. 1)	AS1	1a
62 (вар. 2)	AS1, A2	1b, 1c
63 (вар. 3)	AJ1	2
75 (вар. 1)	D1	2
75 (вар. 2)	D1	-
77 (вар. 1)	D2	-
78 (вар. 1)	AS1? D2?	-
79 (вар. 1)	-	-

Основное количество гнёздовских наконечников типа 62 соответствует скандинавскому подварианту AS1, В то время как наконечников варианта A2 найдено всего 14 экземпляров (12 из них связано с камерными захоронениями).

Подварианту AJ1 в отечественном материале соответствуют некоторые наконечники типа 63, вар. 2, имеющие широкое ланцетовидное или лавролистное перо и длинную шейку. В Гнёздове найдены два подобных наконечника, ширина пера которых достигает 18 мм. (рис. 2: 7) Встречены они также на городищах Рюриковом, Прудники и др. (Носов 1990: 116, рис. 40: 7, 9; Шадыро, Ласкавый 1994: 224, рис. 2: 7).

Точных аналогий наконечникам стрел типа 79, вар. 1 в Скандинавии обнаружить не удалось. Указанный в труде А.Ф. Медведева наконечник из Норвегии на самом деле несколько отличается от древнерусских. Уплощенная площадка у норвежского экземпляра проходит практически по всей длине пера, при этом не меняя ланцетовидной формы наконечника (рис. 4: 5) (Rygh 1885: рис. 536). В то время как у древнерусских наконечников уплощение занимает только среднюю треть пера, которая за счёт этого иногда значительно расширяется. По-видимому, древнерусские экземпляры следует считать собственной переработкой скандинавских образцов. Единственный гнёздовский наконечник типа 79, вар. 3 сильно отличается от всех ланцетовидных наконечников, как скандинавских, так и древнерусских, небольшими размерами и полным отсутствием шейки. Аналогия ему происходит с Правобережного Цимлянского городища и датируется IX веком (Медведев 1966: 80).

Трудно что-то сказать и о древнерусских наконечниках типа 78, вар. 1. Возможно, в типологии Вегре-Линдбома ему соответствуют некоторые наконечники типов AS1 и D2. Или же опять мы сталкиваемся с "древнерусским" ланцетовидным вариантом.

По материалам некоторых скандинавских "погребений в ладье" (Bootgräbern) ланцетовидные наконечники датируются: тип A1 – IX–X вв.,

типы A2, D1 – X – первая половина XI вв., тип D2 – вторая половина X – первая половина XI вв. (Wegraeus 1986: 32). Эти датировки во многом подтверждаются находками из хорошо датированных слоев Стариграда: 1a – конец VIII – третья четверть X века, 1b – конец VIII – третья четверть X века, 1c – последняя четверть X – третья четверть XI века¹, 2 – последняя четверть IX – третья четверть XI века (Kempke 1988: 294-295).

Важно отметить, что наконечники стрел вариантов AS1, A2, D1 и D2 встречаются в основном в Средней Швеции (Wegraeus 1986: 24). Контакты Древней Руси именно с этим регионом Скандинавии прослеживаются и на других категориях археологического материала (Носов 1990: 163).

Североевропейское происхождение большинства древнерусских наконечников стрел подтверждает картографирование находок (рис. 7). По имеющимся данным на территории Древней Руси отмечено не менее 52 пунктов, где найдены ланцетовидные наконечники стрел². Если не учитывать Гнёздово, то наконечников типа 62 насчитывается не менее 180 экземпляров, типа 75 – 8, типа 77 – 12, типа 78 – 3, типа 79 – 5. Основное их количество сконцентрировано на памятниках, расположенных на важнейших военно-торговых путях и там, где присутствие скандинавов подтверждается другими археологическими материалами.

Итак, кажется очевидным, что большинство ланцетовидных наконечников стрел попало на Русь при посредстве скандинавов. Но вполне допустимо, что уже на территории Древней Руси, и в частности в Гнёздове, кузнецы, первоначально, конечно, скандинавы, изготавливали хорошо знакомые им наконечники стрел.

Свидетельства местного древнерусского изготовления ланцетовидных наконечников есть. Во-первых, в Старой Ладогe, как уже отмечалось, ланцетовидный наконечник был найден в производственном комплексе.

1 В Гнёздове найдено не менее 15 наконечников подобного варианта. Из них 10 происходят из сильно нарушенных слоев городища и селища, остальные – из недатируемых курганов.

2 При составлении карты учтены в основном опубликованные находки, тогда как на самом деле их, несомненно, больше. Приношу благодарность С.С. Ширинскому и С.А. Изюмовой за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы из раскопок курганов у с. Кушлянщина и Супрутского городища.

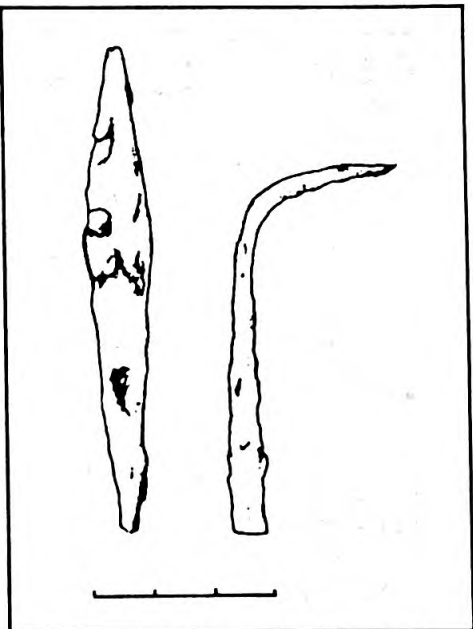

Рис. 6 Заготовка(?) ланцетовидного наконечника

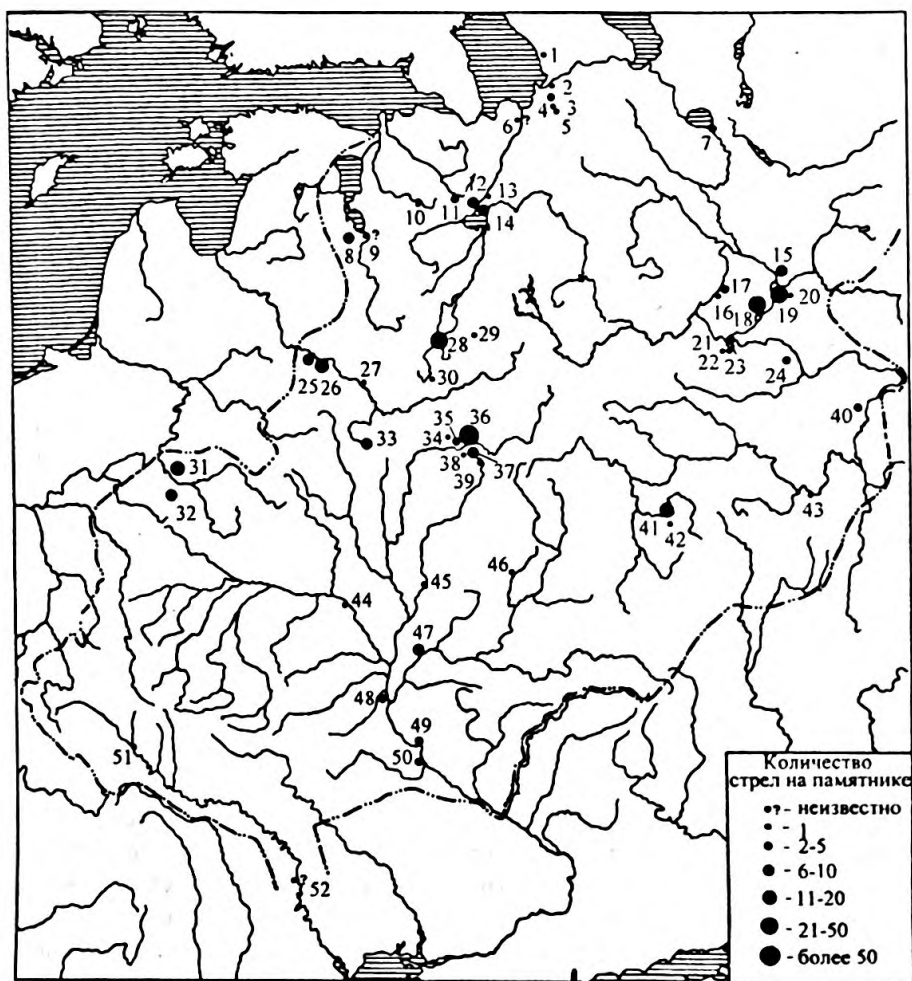

Рис. 7 Распространение ланцетовидных наконечников стрел на территории Древней Руси:

1 – Капшойла; 2 – Яровщина; 3 – Сязнига; 4 – Вахрушево; 5 – Заозерье; 6 – Ладога; 7 – Белоозеро; 8 – Изборск; 9 – Псков; 10 – Которск; 11 – Передольское; 12 – Новгород; 13 – “Холопий городок”; 14 – Рюриково городище; 15 – Михайловское; 16 – Грехов ручей; 17 – Углич; 18 – Сарское; 19 – Тимирёво; 20 – Петровское; 21 – Александрова гора; 22 – Осипова пустынь; 23 – Вельское; 24 – Выжегша; 25 – Маскавичи; 26 – Прудники; 27 – Полоцк; 28 – Городок на Ловати; 29 – Торонец; 31 – Усвяты; 31 – Кульбачино; 32 – Волковыск; 33 – Лукомль; 34 – Заозерье; 35 – Новосёлки; 36 – Гнёздово; 37 – Кушляница; 38 – Березянки; 39 – Ковшарово; 40 – Максимовка; 41 – Супруты; 42 – Крапивинка; 43 – Борки; 44 – Кимбаровка; 45 – Гомий; 46 – “Синин мост”; 47 – Шестовицы; 48 – Вышгород; 49 – Заруб (гор. Монастырёк); 50 – “Княжа гора”; 51 – Галич; 52 – Екимаяуцы

В Юго-Восточном Приладожье местная переработка скандинавских образцов привела к возникновению особого вида ланцетовидных наконечников типа 62 вар. 1 – классическая ланцетовидная форма пера была соединена с длинным прямоугольным в сечении черешком, характерным для большинства наконечников стрел из Юго-Восточного Приладожья (Богуславский 1991: 101; Бранденбург 1895: табл. XII, 8). По хронологии древностей этого региона, разработанной О.И. Богуславским, подобные наконечники стрел относятся к 890-950 гг. (Богуславский 1991: 108).

Наличие собственного кузнечного производства в Гнёздово подтверждают находки кузнечного инструментария и многочисленные шлаки. В пользу местного изготовления наконечников типа 62 может свидетельствовать заготовка (?), найденная на гнёздовском городище (рис. 6). Часть наконечников типа 75 также могла иметь местное происхождение. Так у ряда наконечников этого типа на гранях расположены долы в виде небрежно проведённых канавок, в то время как скандинавские и некоторые древнерусские наконечники имеют высококлассно прокованные треугольные или полукруглые долы. Кузнец, работавший в Гнёздово, скорее всего не понял функционального значения долов, решив заменить их слабым подражанием.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Среди всех раннесредневековых наконечников стрел, найденных на территории Древней Руси, выделяется группа наконечников, имеющих явное скандинавское происхождение – тт. 62 (вар. 1, 2), 75 (вар. 1, 2), 77 (вар. 1), частично 63 (вар. 2). Возможно, что наконечники типа 78 (вар. 1), и типа 79 (вар. 1) – древнерусская переработка скандинавских образцов.
2. Картографирование показало что, основное количество ланцетовидных наконечников найдено на памятниках, расположенных вдоль военно-торговых коммуникаций и там, где в той или иной степени ощущается “североевропейская вуаль”.
3. Ланцетовидные наконечники стрел на территории Восточной Европы появляются во второй половине VIII века (Старая Ладога). Период активного бытования подобных стрел за редким исключением укладывается в рамки X – начала XI вв. Впоследствии классические пропорции наконечников изменяются.
4. Помимо “импорта” ланцетовидных наконечников, по-видимому, существовало их местное, восточноевропейское производство (Старая Ладога, Гнёздово (?). Также возникали гибридные формы (Юго-Восточное Приладожье).
5. Гнёздовский археологический комплекс – памятник, где сосредоточено около 40% всех находок ланцетовидных наконечников стрел, обнаруженных на территории Древней Руси.
6. Ланцетовидные наконечники стрел составляют в Гнёздове около 40% от наконечников, вошедших в типологию, и более 30% от общего числа найденных стрел.
7. Высокая концентрация ланцетовидных наконечников стрел и других категорий вооружения североевропейского происхождения¹,

¹ К таковым, в первую очередь, относятся ланцетовидные наконечники копий, скрамасаксы, щиты с полусферическим умбоном. При посредстве скандинавов в Гнёздово попадали и мечи “карولينгского” типа.

свидетельствует о самом непосредственном и активном участии скандинавов в составе военного отряда (дружины) Гнёздова.

- Богуславский, О.И.* 1991. К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX–XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.,
- Бранденбург, Н.Е.* 1895. Курганы Южного Приладожья // Материалы по археологии России 18.
- Гурин, М.Ф.* 1987. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. Минск. 1996. Металаграфічнае вывучэнне кавальскіх вырабаў з Мазыра і Рэчыцы // Гістарычна археалагічны зборнік 8. Минск.
- Каинов, С.Ю.* 1997. Ланцетовидные наконечники стрел из Гнёздово // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.:СПб.
- Каменецкая, Е.В.* 1977. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Кирпичников, А.Н.* 1977. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // Скандинавский сборник XXII.
- Колчин, Б.А.* 1953. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР 32.
- Крыганов, А.В.* 1990. Азиатские элементы в вооружении раннесредневековых кочевников // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Максимов, Е.В., В.А. Петрашенко.* 1988. Славянские памятники у с. Монастырёк на Среднем Днепре. Киев.
- Медведев, А.Ф.* 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Свод археологических источников Е 1–36. М.-Л.
- Носов, Е.Н.* 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Пушкина, Т.А., Л.С. Розанова.* 1992. Кузнечные изделия из Гнёздова // Советская археология 2.
- Рябинин, Е.А.* 1995. Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладogi (материалы новых исследований) // Древности Северо-Западной России. СПб.
- Шадыро, В.И., Г.В. Ласкавий.* 1994. Средневековые наконечники стрел лука и арбалета из поселения у д. Прудники // Гістарычна археалагічны зборнік 4. Минск.
- Кемпке, Т.* 1988. Zur überregionalen Verbreitung der Pfeilspitzen des 8.-12. Jahrhunderts aus Starigrad/Oldenburger // Berichte der Romisch-Germanischen Kommission. Band 69.
- Lindborn, P.* 1994. Pilspetsarna från Valsgärde 13 // Tor, 27. Uppsala.
- Rygh, O.* 1885. Norske oldsaker ordnede og forklarade. Christiania.
- Wegraeus, E.* 1986. Die Pfeilspitzen von Birka // Birka II: 2. Stockholm.

ОРУЖИЕ XIV–XVI ВВ. ИЗ РАСКОПОК КРЕПОСТИ ОРЕШЕК

Крепость Орешек, основанная новгородцами в 1323 г. на острове у истоков р. Невы из Ладожского озера в течении почти четырех веков была местом ожесточенной борьбы между русскими и шведами. Она контролировала важный торговый путь из Ладожского озера по р. Неве в Балтийское море и была первым русским городом на невских берегах. С 1612 по 1702 гг. крепость находилась в руках шведов и была названа Нотебургом. В 1702 г. после осады и кровопролитного штурма она была освобождена войсками Петра I и переименована в Шлиссельбург.

Раскопки крепости Орешек проводились в 1968–1970-х гг. отрядом Ленинградской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А.Н. Кирпичникова и были продолжены в 1971–75 гг. автором этой статьи¹. На территории острова исследовано около 2000 кв. м. культурного слоя. В результате раскопок были открыты остатки новгородской каменной крепости 1352 г. обнаружены и частично исследованы остатки посадской стены 1410 г., уточнена дата строительства крепости московской поры – начало XVI в. (Кирпичников 1980: 11–33; 1984: 92–118; Кильдюшевский 1976: 17).

Стратиграфия культурных напластований делится на две части. На территории крепости 1352 г., которая занимала часть острова, обнаружены четыре строительных горизонта с остатками построек и мостовых. Два нижних горизонта погибли во время пожаров и перекрыты нивелировочными прослойками песка. На основании дендрохронологии (Колчин, Черных 1977: 109–110; Черных 1996: 100–104), письменных источников и стратиграфии, они датируются следующим образом. Нижний горизонт – 1323–1348 гг., погиб во время событий 1348 г. (ПСРЛ 1848, т. 4: 59). Средний – 1352–1386 г., когда во время пожара город сгорел, а сама крепость была повреждена (ПСРЛ 1848, т. 4: 93). Верхний слой новгородской крепости можно датировать концом XIV–XV вв., когда в начале XVI в. старая крепость была разобрана и началось сооружение новых оборонительных укреплений. Четвертый – началом XVI–XVII вв. На территории посада, окруженного в 1410 г. каменной стеной, культурные напластования датируются I пол. XV в. и II пол. XV в. (Кирпичников 1980: 35). После строительных и нивелировочных работ в начале XVI в., на всей площади острова выявлен слой XVI–XVII вв., сильно поврежденный во время событий XVIII–XX вв. Результаты раскопок опубликованы в ряде монографий и статей (Кирпичников, Савков 1972, 1979; ¹ Благодарю А.Н. Кирпичникова за предоставленную возможность использовать материалы из раскопок 1968–70 гг.

Кирпичников 1979, 1980, 1984; Кильдюшевский 1972, 1973, 1981, 1986; Кильдюшевский, Курбатов 1997 и других работах).

Среди материала собранного во время раскопок выделяются предметы вооружения, а также снаряжения коня и всадника – свыше 350 находок (табл. 1-3)¹. В их число не входят предметы XVI–XVIII вв., относящиеся к огнестрельному оружию, которых в коллекции насчитывается несколько десятков. Основную часть предметов вооружения составляют наконечники стрел (247 экз.), которые можно разделить на две группы: наконечники стрел от лука (16 экз.) и втульчатые от арбалета (231 экз.). По количеству это сопоставимо с новгородской коллекцией (245 экз. за 50 лет раскопок, и несколько меньше, чем в замке Отепя в Эстонии, где были найдены 292 наконечника арбалетных стрел (Колчин, Янин 1982: 77; Mässaly 1991: 180-181).

Классификация наконечников стрел была разработана А.Ф. Медведевым и уточнена А.Н. Кирпичниковым (Медведев 1959: 153-172, рис. 13-15; Медведев 1966; Кирпичников 1976: 68-71, рис. 30). Коллекция из Отепя подробно рассмотрена А. Мяэсалу (Mässaly 1991: 163-181, joon 1, taf. XXIII–XXIV). Среди втульчатых наконечников арбалетных стрел из Орешка можно выделить 4 типа, которые распределяются по слоям следующим образом²:

Таблица 1

типы	Крепость					Посад				Итого
	вт.чет. XIV в.	вт.пол. XIV в.	кон. XIV- XV в.	XVI в.	всего	п.пол. XV в.	вт.пол. XV в.	XVI- XVII в.	всего	
III	2	4	3	1	10	-	-	-	-	10/4%
IV	23	14	18	1	56	-	1	-	1	57/25%
V	15	39	44	7	105	5	1	-	6	111/48%
VI	2	13	11	4	30	3	2	2	7	37/16%
неоп- редел.	6	3	5	1	15	-	-	1	1	16/7%
всего	48	73	81	14	216	8	4	3	15	231

Тип III (4%). Наконечники стрел с вытянутым шиловидным острием, квадратным в сечении. Диаметр втулки как правило больше ширины боевой головки (рис. 1: 1). Они напоминают бронебойные черешковые наконечники стрел от лука и были приспособлены для пробивания брони.

Тип IV (25%). Отличаются утолщенной массивной боевой головкой с короткими режущими гранями, квадратной или ромбической в сечении.

¹Находки хранятся в археологических фондах Государственного музея истории С.-Петербурга.

²Использована типология, разработанная А.Н.Кирпичниковым и А.Мяэсалу.

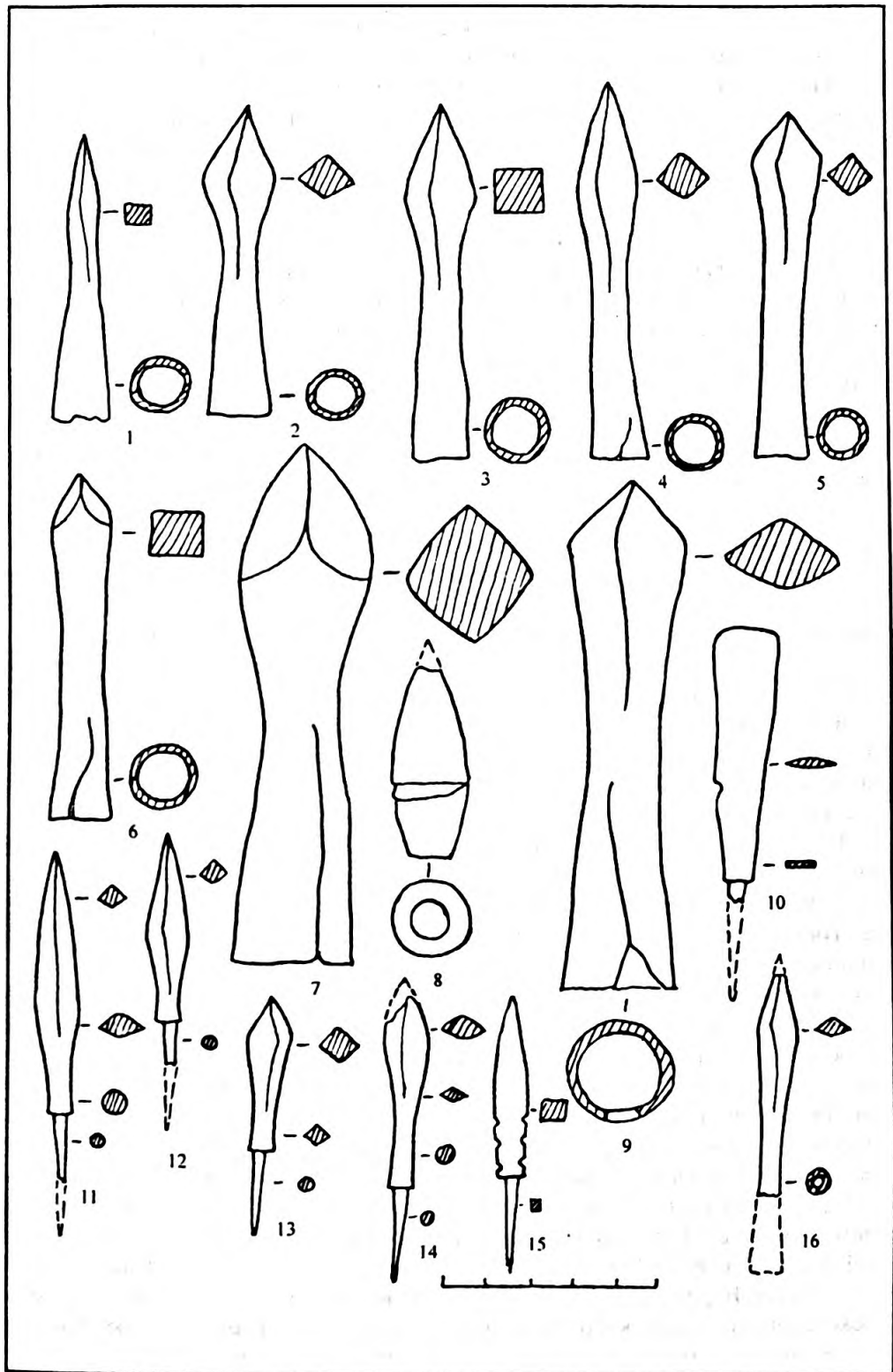

Рис. 1. Наконечники стрел XIV-XVI вв.

Диаметр втулки 1,2-1,5 см, несколько меньше боевой головки (рис. 1: 2-3). Самый массовый тип в слое II-й четверти XIV в. (50%).

Тип V (48%). Наконечники лавролистной формы, с расширением боевой головки выше середины, с удлиненной шейкой, ромбические в сечении. Они более массивны, увеличивается их длина (8-9 см) и вес, и рассчитаны на расщепление пластинчатого доспеха (рис. 1: 4). Широкое распространение этот тип наконечников получил со II половины XIV в. — по XV в. (более 50%).

Тип VI (16%). Отличается более массивной приземистой боевой головкой с расширением в верхней части. Увеличивается толщина шейки и диаметр втулки. Рассчитан не только на пробивание доспеха, но и на усиление удара. Наиболее характерен для слоев конца XIV–XV вв., в том числе и на территории посада (рис. 1: 5-6).

В Орешке, в слоях II пол. XIV–XV вв., и в крепости, и на посаде, найдены 10 наконечников от коловоротного самострела, из них 5 сломаны. Это массивные наконечники длиной 13-13,5 см, с шириной боевой головки 2,5-3,0 см, весом от 400 гр. Диаметр втулки — 2,5-3 см. Два из них можно отнести к V типу, остальные к VI-ому (рис. 1: 7, 9).

Древнейшие известия об арбалете в Европе относятся к четвертому столетию. В X–XI вв. это уже было обычным оружием и использовалось в первых крестовых походах. В XIII в. арбалет получил дальнейшее развитие и широко использовался в военном деле Европы вплоть до конца XV в. Так, в сражениях при Висбу (1361 г.) и в Грюнвальдской битве (1410 г.) противоборствующие стороны выпустили тысячи стрел из арбалетов (Ekdahl 1992: 17-20). Особенно часто арбалет использовался при осадах и штурмах укреплений. Арбалеты были широко распространены на Северо-Западе Европы: в Швеции, Прибалтике, Новгородской и Псковской землях (Тюленев 1995: 73, рис. 8; Шноре 1961: 46, табл. X: 1-5; Труммал 1971: 268, рис. 8; Артемьев 1978: 67-71). Но в отличие от находок на городищах Прибалтики, в городах Псковской земли, в Орешке полностью отсутствуют черешковые наконечники арбалетных стрел. Так, в городах Псковской земли из 79 наконечников — только 36 втульчатые (Артемьев 1998: 103-105). В Отепя среди наконечников стрел II половины XIV в. — почти 50% — черешковые (Mдssalu 1991: 181, рис. 2). Практически отсутствуют черешковые наконечники и среди находок в Выборге (Тюленев 1995: 7-8). По мнению Э.Д. Шноре черешковые арбалетные стрелы были характерны для немецких крестоносцев и их много на городищах Латвии (Шноре 1961: 46, табл. X).

На Руси первые арбалеты появились в XII в. и получили широкое применение со II половины XIII в. вплоть до конца XV в. — начала XVI в., когда были вытеснены огнестрельным оружием (Кирпичников 1976: 67-71). В описях Оружейной палаты Кремля упоминаются самострелы московского и псковского дела. Среди них есть и большие крепостные коловоротные самострелы с шестерёнками (Рабинович 1947:92).

Самым ранним типом наконечников арбалетных стрел в Орешке является тип III (4%). В основном он характерен для слоя XIV в.

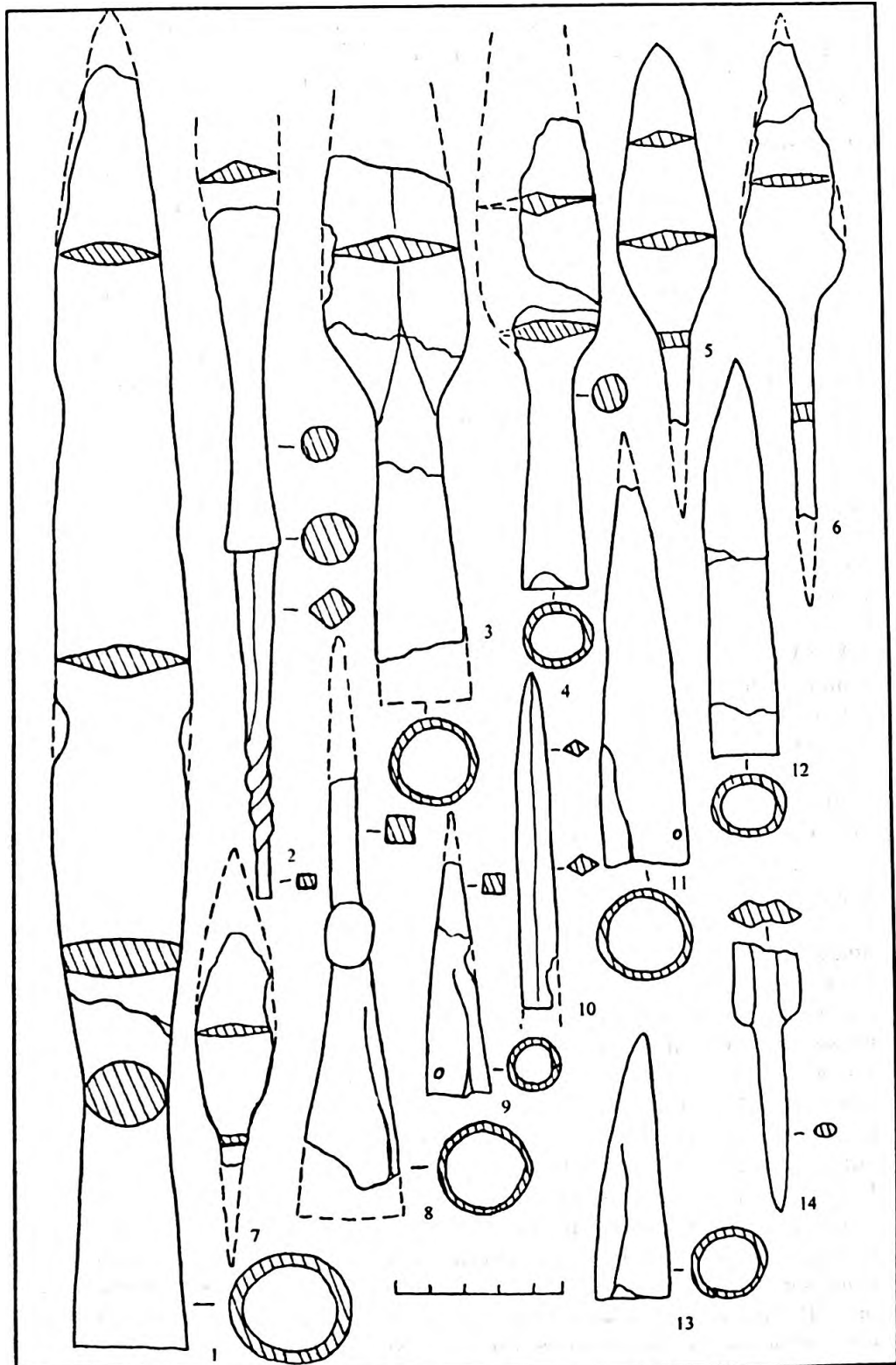

Рис. 2. Наконечники копий, пик, сулиц. Втоки

(табл. 1). В Прибалтике появляется с начала XIII в. вместе с крестоносцами, и бытует до середины XIII в. В Новгороде (тип 2 по А.Ф. Медведеву) они не встречаются позднее середины XIV в. (Mäsalu 1991: 180-181; табл. XXIII, 1-2; XXV, 1-3; рис. 1: 1-4; Медведев 1959: рис. 13: 5; рис. 15; 17). Аналогичная картина, с некоторым запаздыванием, наблюдается и в Орешке. Если большая часть находок III-IV типов обнаружена в слое XIV в., то наконечники V-го – VI-го типов характерны для слоев II половины XIV–XV вв., где они составляют более 50% находок, а также для слоев XV в. на посаде (табл. 1).

Наличие такого количества арбалетных стрел в Орешке, среди которых 20% составляют обломки, их концентрация в слое XIV в. крепости 1352 г., несомненно связаны с событиями 1348 г. В 1348 г. шведы после недолгой осады захватили крепость. В течение 7,5 месяцев новгородцы осаждали крепость и штурмом овладели ею (ПСРЛ 1848, т. 4: 59). Эти события нашли своё отражение в археологическом материале: следы пожара и обилие предметов вооружения в нижнем строительном горизонте (1323-1348 гг.). Можно предположить, что значительная часть наконечников стрел попала в слой во время этих событий (типы III-IV и частично V), или были перемещены в верхние слои во время планировочных работ. В то же время большое количество наконечников стрел поздних типов (V-VI) в слое конца XIV-XV вв., находки стрел (до 10 экз.) при расчистке некоторых комплексов, свидетельствует о наличии арбалетов у самих жителей крепости. Судя по набору предметов вооружения, среди них находились и профессиональные воины. Часть наконечников стрел могла попасть в слой и во время более поздних военных столкновений у стен крепости.

Вторую группу находок составляют наконечники стрел от лука (16 экз.). Лук на Руси широко применялся как в военном деле, так и в промысловой охоте и использовался значительно чаще, чем арбалет. Об этом свидетельствуют десятки тысяч наконечников стрел, найденных при раскопках могильников и поселений. Но в пограничных городах-крепостях Северо-Запада Руси среди находок большую часть составляют арбалетные наконечники стрел. Это можно объяснить как характером военных столкновений (осада и штурм), так и вооружением их противников – немцев и шведов. Так в городах Псковской земли из 124 наконечников стрел – 64% составляют арбалетные (Артемьев 1998: 101). В то же время в Новгороде у стен которого не было крупных военных операций, арбалетных наконечников найдено значительно меньше, чем наконечников стрел от лука (Медведев 1966: 93, табл. 31: 8-9).

По способу насадки их можно разделить на 2 группы: втульчатые и черешковые. К первой группе относятся всего 2 наконечника: бронебойный ромбической формы с расширением в верхней части (рис. 1: 16), и костяной томар биконической формы, использовавшийся для охоты на пушного зверя (рис. 1: 8). Остальные наконечники стрел (14 экз.) – черешковые, бронебойные, за исключением одного срезня. По форме боевой головки их можно разделить на 5 типов (табл. 2)

Таблица 2

типы	Крепость					Посад				Итого
	вт.чст. XIV в.	вт.пол. XIV в.	кон. XIV- XV в.	XVI в.	всего	п.пол. XV в.	вт.пол. XV в.	XVI- XVII в.	всего	
I			2		2			1	1	3
II	1	1	2		4		1		1	5
III			2		2					2
IV		1			1					1
V			1		1					1
всего	1	2	7		10		1	1	2	12

Тип I (3 экз.). Наконечники с пером остролистной формы, с шейкой и упором, ромбические в сечении (рис. 1: 11). По мнению А.Ф. Медведева они распространились в XIII-XIV вв. после монгольского нашествия (Медведев 1959: рис. 13: 39). Обнаружены в слоях XV-XVI вв.

Тип II (5 экз.). Ромбические, с расширением в средней части боевой головки, с круглой шейкой и упором. В сечении – квадратные или ромбические (рис. 1: 12). Появляются в XII в. и особенно характерны для XIV в. (Медведев 1966: табл. 28: 6-7, 17).

Тип III (2 экз.). Отличаются от предшествующего типа тем, что имеют расширение в верхней части боевой головки (рис. 1: 13-14).

Тип IV (1 экз.). Наконечник шиловидной формы, квадратный в сечении, с упором. Нижняя часть его украшена насечками (рис. 1: 15).

Тип V (1 экз.). Срезень в виде узкой вытянутой лопаточки с дугообразным остриём (рис. 1: 10). Найден при расчистке комплекса XV в. На Руси подобные наконечники появились вместе с монголами.

В Орешке найден также обломок детской деревянной стрелы с ромбическим наконечником (Кильдюшевский 1972: 86, рис. 29: 17) и 2 обломка костяных черешковых наконечников (рис. 2: 14).

Кроме наконечников стрел, в Орешке представлены и другие виды оружия и снаряжения (табл. 3).

Довольно редкой для средневекового русского города XIV-XV вв. явилась находка 4-х обломков мечей. Так в Новгороде за 50 лет раскопок найдено 10 фрагментов мечей (Колчин, Янин 1982: 76). В постройке I половины XIV в. обнаружено массивное дисковидное навершие рукояти меча с косым срезом по краю (рис. 4: 1) – тип VI по А.Н. Кирпичникову. По его мнению мечи с подобным навершием появились в Европе в начале XII в. и просуществовали вплоть до начала XV в. Начиная с XIII в. этот тип мечей становится самым распространенным на Руси (Кирпичников 1966: 55-56, табл. XXVII: 1-2). Они встречены в курганных древностях, в Новгороде (Медведев 1959: 13, рис. 4, 11-13). В Финляндии найдено 20 мечей с подобными навершиями, самые ранние датируются концом XI в. (Kivikoski 1951: 39, taf. 139: 1088-1089).

Таблица 3

типы	Крепость					Посад				Итого
	вт.чет. XIV в.	вт.пол. XIV в.	кон. XIV- XV в.	XVI в.	всего	п.пол. XV в.	вт.пол. XV в.	XVI- XVII в.	всего	
Обломки мечей	2	2			4					4
Копья	3		1		4		1	1	2	6
Сулицы	2	3		5						5
Пики		1						1	1	2
Втоки	1		3	1	5		1	6	7	12
Булавы	1				1					1
Топоры	5	2	3	1	11		1	4	5	16
Кинжалы	1				1	1				2
Наконеч. ножен кинжалов, мечей		2	1		3					3
Кольчужная ткань	3	3	1		7					7
Панцирные пластины	5		2		7					7
Шпоры	1(?)			2	3			1	1	4
Стремена		1	1					2	2	4
Удила	2	3	2	5	12		1	4	5	17
Конские подковы	1	1		1	3			7	7	10
Чесноки	1	1		1	3					3
Ледоходные шипы	3	4	6		13			4	4	17
всего										120

В слое I половины XIV в. найдено еще одно навершие – линзовидное, треугольное в сечении (рис. 4: 2). Подобные навершия на Руси встречены в комплексах XII-XIII вв. (Кирпичников 1966: 54-55, рис. 10). В этом же слое, в одной из построек обнаружен обломок лезвия меча длиной 15 см, шириной 4 см, толщиной 0,3-0,4 см. С неглубоким долом занимающим 1/3 ширины клинка (рис. 4: 7). Найдено также и длинное (16,5 см) прямое перекрестие меча, квадратное в сечении, с небольшим утолщением в центральной части (рис. 4: 14), что характерно для мечей начиная с середины XIII в. (Кирпичников 1966: 55). Аналогичное перекрестие найдено в Новгороде в слое рубежа XII-XIII вв. (Медведев 1959: 122, рис. 1: 9).

Копья (6 экз.). Четыре из них найдены на территории новгородской крепости (3 – в слое I половины XIV в., одно – в слое XV в.). Целиком сохранилось лишь одно из них (рис. 2: 1). Это

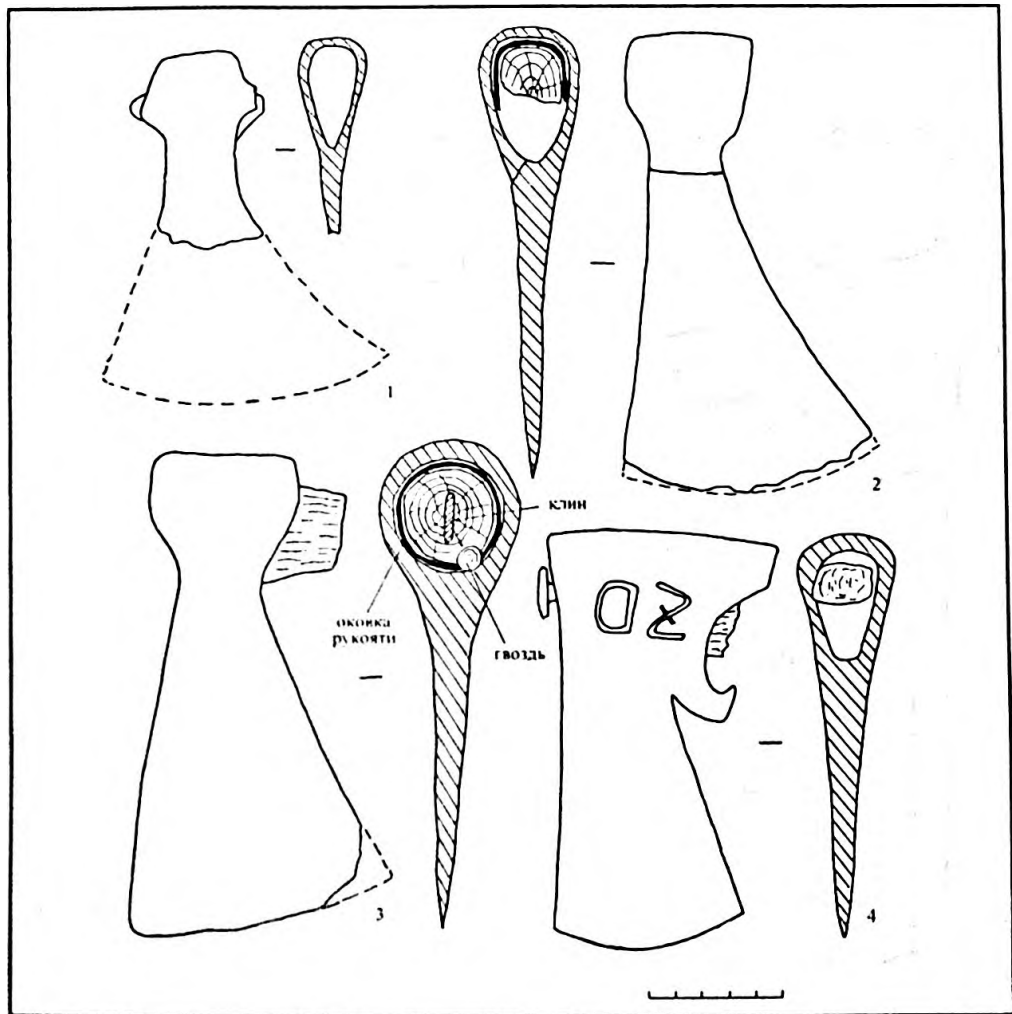

Рис. 3. Топоры

рогатина лавролистной формы длиной 42 см, диаметром втулки – 3,6 см. Сечение пера – тонкое, ромбовидное, шириной 4 см.

Два других втульчатых копья, сохранившихся в обломках, значительно меньших размеров, а диаметр их втулок 2,2 и 2,7 см. Одно из них (XV в.) со скошенными плечиками, пером шириной 4 см, удлиненно-треугольной формы, в сечении ромбическое, с заметной на лезвии гранью. На втулке – следы лужения оловом. Аналогичное копьё найдено в Изборске в слое II четверти XIV в. (Артемьев 1998: табл. 7, 8: 3). Другое (II четверть XIV в.), сохранившееся в обломках, – с пером листовидной формы и скругленными плечиками, имело небольшие размеры (рис. 2: 4). По классификации А.Н. Кирпичникова – это копья III-IV типов, характерные для Руси в XI-XIII вв. (Кирпичников 1966: 13, табл. VII: 9,11; табл. VIII: 1-4)

Четвертое копьё – черешковое (рис. 2: 2). Сохранилась лишь нижняя часть копья с черешком квадратным в сечении и перевитьем в нижней части. Длина черешка – 11 см. Лезвие узкое, ланцетовидной

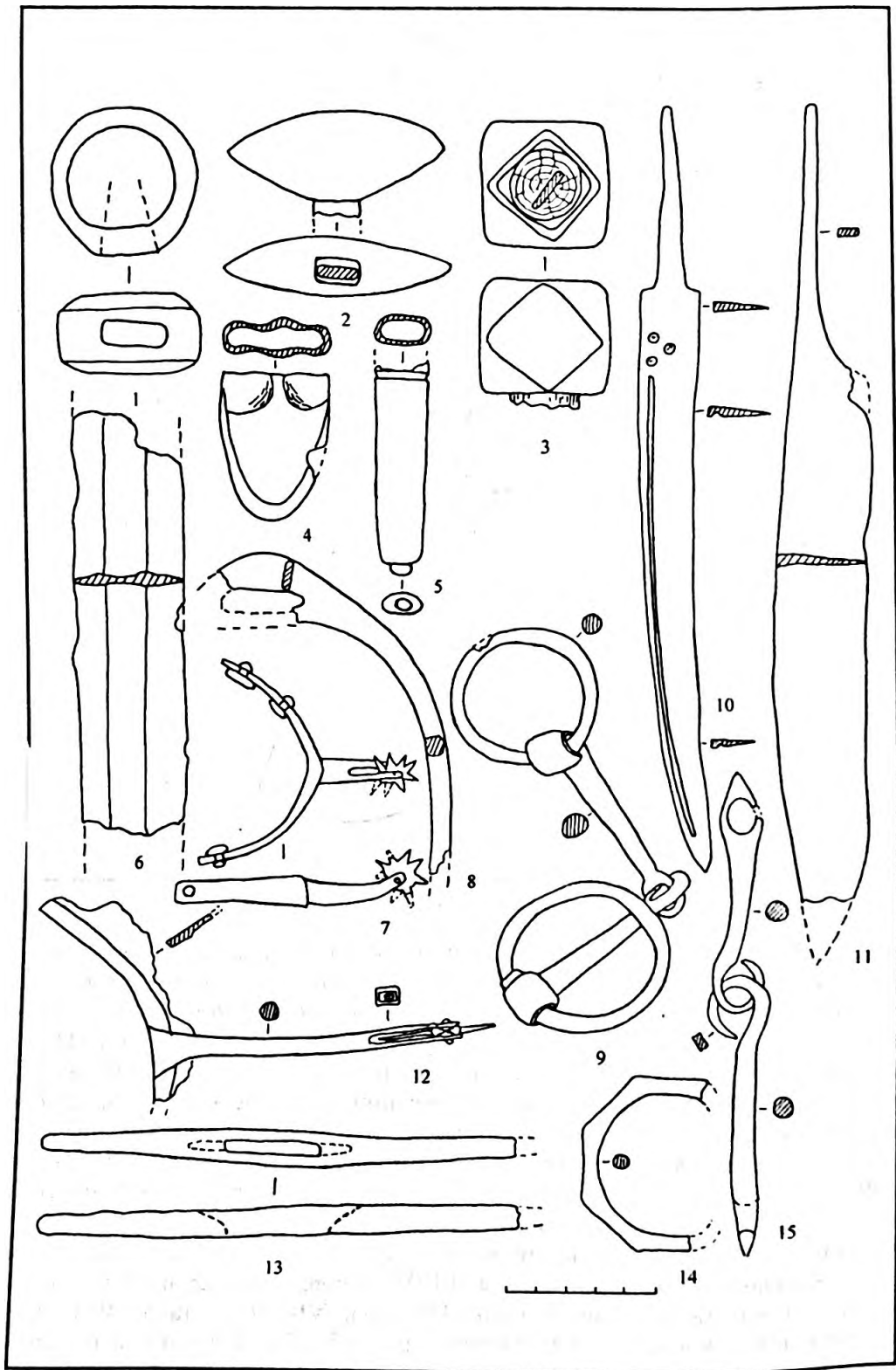

Рис. 4. Предметы вооружения и снаряжения

формы, ромбическое в сечении. Длина всего копия вероятно превышала 30 см. Близкий по форме экземпляр найден в Сязнеге (Кирпичников 1966: табл. X: 1). Еще два фрагмента копий обнаружен во время раскопок на посаде, в слоях II половины XV в. и в слое XVI в.

Пики (2 экз.). Обломок пики найден на раскопе 1 (посад) в слое XV в. Длина сохранившейся части 12,5 см. Втулка круглая, диаметром до 3 см, длиной 7-8 см, оканчивается яблоком яйцевидной формы диаметром 1,3 см. Перо – квадратное в сечении, толщиной 0,7 см, верх обломан. Подобные пики использовались для пробивания доспехов. Они появляются не позднее XV в. и хорошо известны в XVI-XVII вв. по находкам в Москве (Кирпичников 1976: 20, табл. III), в Новгороде, где найдены в слоях XIV в. (Медведев 1959: 130, рис. 4: 4-5).

Вероятно, к пикам относится и обломок узкого лезвия, ромбического в сечении, длиной 10,5 см, шириной 1,0 см. Найден в слое нивелировочного песка конца XIV – начала XV вв. (рис. 2: 10).

Сулицы (5 экз.). Из них 2 – мелкие обломки, по которым невозможно установить тип и размеры. Длина сулиц 15-17 см, а лезвие составляет 7-8 см. Ширина – 2,5-3 см. Все они черешковые. Две – плоские в сечении, 3 – ромбические. Одна сулица – удлиненно-треугольной формы (рис. 2: 6), 2 – лавролистной формы (рис. 2: 5, 7). А.Н. Кирпичников относит их к III и IV типам (Кирпичников 1966: 23, табл. X: 12-13). Они использовались пешими воинами не только для метания, но и в рукопашном бою. Все – из слоя XIV в., в основном при расчистке построек или около них.

Втоки (12 экз.). Железные втульчатые наконечники для нижнего конца древка копий и сулиц. Длина их, как правило, 8-12 см, диаметр – 2-2,5 см. Часть из них имеет отверстия для гвоздя, с помощью которого они крепились к древку (рис. 2: 11-13). Все они найдены в слоях XV-XVI вв., и лишь один (рис. 2: 9) – в слое I половины XIV в. В отличие от остальных он имеет гранёное острие и напоминает наконечник короткой пики. Аналогичный экземпляр происходит из раскопок в Пскове на ул. Гоголя (Сергина 1983: 88, рис. 7: 1-3). Два втока из слоя XV в. имеют медную обкладку (рис. 2: 11-12).

Топоры (16 экз.). В основном найдены в обломках, не позволяющих восстановить их форму. Среди них – 5 целых и один фрагмент, поддающийся реконструкции. Непосредственно к боевым типам можно отнести лишь два топора.

Один из них – широколезвийный топор с боевыми щековицами (рис. 3: 1), типичный для Северной Руси и Прибалтики с XII в. (Кирпичников 1966: 39, рис. 6). Он найден в постройке (II половины XIV в., пристроенной с внутренней стороны крепости XIV в., у ворот (караульное помещение воротника?). В этой же постройке был найден и обломок наконечника сулицы. Второй топор с клиновидным лезвием, украшенным геометрическим орнаментом со следами лужения, обнаружен на посаде, в слое XVI в. (Кирпичников 1976: 22, табл. II: 5).

Остальные топоры более массивные, длиной 16-17 см, шириной 8-11 см, с узким клиновидным лезвием. По типу – это рабочие топоры, но в случае необходимости они могли использоваться и в военных целях.

Об этом свидетельствует наличие у двух из них остатков обкладки древка рукояти железной оковкой (рис. 3: 2-3). В слое середины XV в., в хозяйственной постройке был обнаружен топор этого типа с сохранившейся круглой деревянной рукоятью длиной 80 см (Кирпичников 1972: 23, рис. на стр. 24).

В слое XVI-XVII вв. найден топор утяжеленной формы, с удлиненным плоским обухом и бородкой (рис. 3: 4). На его обухе выбиты буквы "DZ". Скорее всего он относится к шведскому периоду. А.В.Никитин относит их к топорам III-го типа, появившихся в Новгороде в XV в. и бытовавших в XVI-XVII вв. (Никитин 1971: 38-39, табл. 2,3). По мнению Р.Л. Розенфельда, бородки на таких топорах появились в середине XVII в. (Розенфельд 1971: 254-256, рис. 1, 10-12).

Булава (1 экз.). В постройке II четверти XIV в. найдено навершие булавы в виде куба со срезанными углами, выполняющими роль шипов (рис. 4: 3). В нижней части – отверстие для рукояти круглое, а в верхней – квадратное. Сохранились остатки деревянной рукояти с железным клином. По классификации А.Н. Кирпичникова – это II-й тип, появившийся на Руси в XII-XIII вв. (Кирпичников 1966: 48, рис. 10: 2). Булавы этого типа были оружием рядовых воинов, и встречены в слоях многих русских городов, в том числе в Новгороде (Медведев 1959: 137, рис. 7: 3) в слое I пол. XV в. На Райковецком городище найдено 26 булав такого типа (Гончаров 1950: 95, табл. XII: 13-14).

Кинжалы (2 экз.) В слое I пол. XIV в. найден узкий кинжал с клиновидным лезвием шириной 1,7 см, с пазом шириной 2 мм у спинки. Общая длина кинжала – 26,5 см, лезвия – 20 см. На одной из сторон лезвия, у рукояти – клеймо из 3-х ямок (рис. 4: 11). В слое I половины XV в., в одной из построек на посаде найден большой нож длиной около 30 см (конец обломан). Ширина лезвия – 3 см, длина – свыше 20 см (рис. 4: 12). В Новгороде найдена значительная группа больших ножей, которые могли применяться как боевые (Колчин, Янин 1982: 76).

В крепости, в слое II пол. XIV в. обнаружены обломки 2-х наконечников ножен кинжала (рис. 4, 5), а в слое XV в. – наконечник ножен меча (?) (рис. 4: 4). Они изготовлены из железа с бронзовой обкладкой. Аналогичный наконечник ножен кинжала был обнаружен при раскопках в Висбю (Thordeman 1939, t. I: fig. 145).

Защитная одежда в Орешке представлена как небольшими обрывками кольчужной ткани, так и фрагментами "досчатой брони". На территории крепости найдены 7 мелких фрагментов ткани (рис. 5: 3-4). Сохранность фрагментов очень плохая, но удалось определить, что диаметр колец 6-7 мм, сечение проволоки круглое 1,0-1,2 мм. Способ крепления колец определить не удалось. Кроме фрагментов кольчуги найдена также фрагменты доспехов: 5 – в слое II четверти XIV в., 2 – в слое XV в. (табл. 3).

Прежде всего отметим фрагмент пластинчатого доспеха из 39 пластин (рис. 5: 1). Это узкие слегка изогнутые пластины шириною 0,8-0,9 см и длиной 8,2 см. По краям по два отверстия. С внутренней

стороны, в верхней части – остатки 2-х прямоугольных пряжек, шириною 4-5 см. Вместе с этим фрагментом найдены и обломки более крупных пластин с отверстиями по краям (рис. 5: 2). К пластинчатому доспеху принадлежит обломок крупной пластины с закругленной стороной и многочисленными отверстиями по краю (рис. 5: 6). По мнению А.Ф. Медведева эта пластина – оторочка доспеха (Медведев 1959: 131, рис. 5.6). Обломки еще 2 пластин различных по форме и размерам найдены в слое II четверти XIV в. (рис. 5: 5) и в слое XV в. (рис. 5: 9). Удалось выявить также фрагменты двух железных пластин от чешуйчатых доспехов и бригантин. С помощью заклепок они крепились к одежде с внутренней стороны. Одна из них найдена в слое II четверти XIV в. (рис. 5: 7), вторая – в слое XV в. (рис. 5: 8). Защитное вооружение было широко распространено в Западной и Восточной Европе, постоянно совершенствуясь. Особенно большие изменения происходят с XIII по XIV вв., когда на смену кольчугам приходят пластинчатые доспехи.

Так, в Висбю, на Готланде, на месте сражения датчан и шведов в 1361 г. в захоронениях было найдено большое количество оружия, в том числе и различные виды доспехов: кольчуги, панцири и бригантины с пластинами, аналогичными найденным в Орешке (Thor-deman 1939: 123: 116, 407: 393). В Новгороде, слоях X-XIV вв. найдено 28 фрагментов кольчуг, 30 остатков пластинчатых доспехов (Колчин, Медведев 1982: 77-78).

В Пскове, во время раскопок В.Д. Белецкого в Довмонтовом городе был найден целый пластинчатый доспех из 120 деталей (Кирпичников 1976: 35). Часто эти доспехи были комбинированными и включали кольчужное плетение и пластины. Обрывки такого доспеха найдены в Изборской крепости в слое 1330-1369 г. (Артемов 1985: 134). Неожиданная находка была сделана в 1974 г. На территории новгородской крепости в слое XV в. у одной из построек была обнаружена войлочная шапка диаметром 19-20 см и высотой 14 см. Для уменьшения диаметра сзади был вырезан клин и края разреза сшиты (рис. 6). При реставрации шапки в лаборатории Гос. Эрмитажа на ней были обнаружены остатки небольших медных заклепок и многочисленные следы окиси от медных пластин покрывавших шапку. Рядом также были обнаружены следы медной окиси и оплавленной бронзы. Скорее всего это остатки защитного головного убора покрытого металлическими пластинами. Он был вырезан из войлочной шапки, подобно той, что была найдена в хозяйственной постройке 1438 г. на посаде (Кирпичников 1980: 51, рис. 18: 1).

Наличие в крепости Орешек профессиональных военных подтверждает присутствие среди находок деталей снаряжения всадника. Отметим, что большая часть их была сделана в слоях XV-XVII вв. (табл. 3).

Шпоры (3 экз.) Все они происходят из слоя XVI-XVII вв. и относятся к типу шпор с колесиком (тип 5 по А.Ф. Медведеву). Одна из них имеет держатель, круглый в сечении, длиной 10 см и колесико с длинными шипами. По своему облику она сходна с рыцарскими шпорами и пригодна для воина в сплошном доспехе (рис. 4: 12).

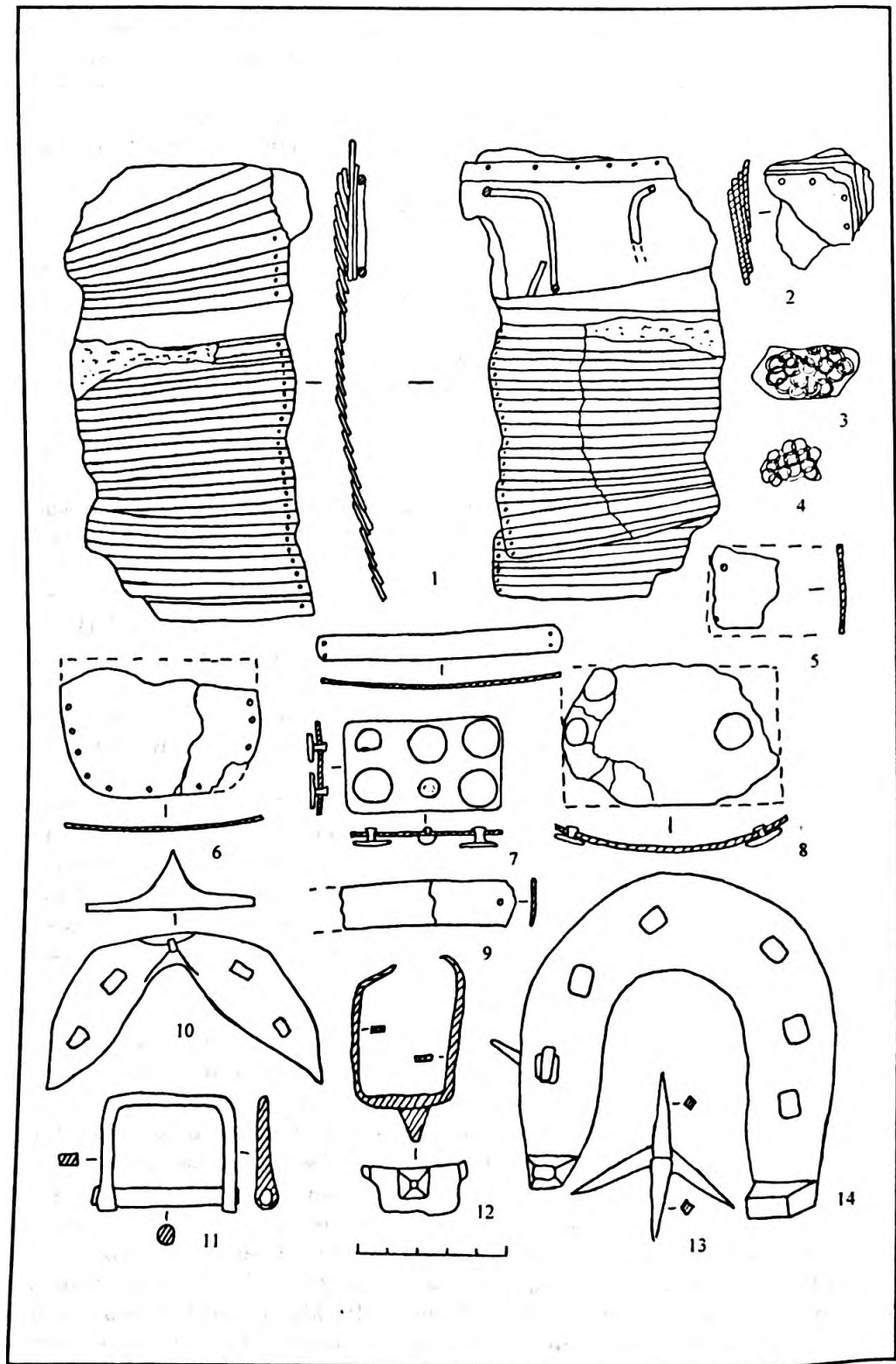

Рис. 5. Защитное вооружение и снаряжение

В Новгороде они появляются со II половины XV в. (Кирпичников 1976: 49-50, рис. 20, табл. 21: 4, 6). Вторая шпора – с коротким, слегка изогнутым держателем (2,5 см) и небольшим колесиком (рис. 4: 7). На краях дужки заклепки. Вероятно она крепилась к сапогу или металлической оковке сапога. Фрагмент подобного типа, обнаруженный в слой II четверти XIV в., из-за его плохой сохранности можно лишь предположительно отнести к шпорам.

Из других предметов снаряжения всадника отметим стремяна (4 экз.). На посадке, в одной из построек конца XV-XVI вв. найдены 2 стремяна. Одно из них имеет килевидную дужку, второе прямоугольную (Кирпичников 1980: 93, рис. 28: 1). Еще 2 обломка стремян с килевидной дужкой обнаружены на территории новгородской крепости в слоях II половины XIV в. и XV в. (табл. 3, рис. 4: 8).

Стремяна таких типов с широкой подножкой появляются на Руси в XII-XIII вв. и связаны с увеличением нагрузки и использованием обуви с жесткой подошвой, а также ведением боя с копьем (Медведев, Кирпичников 1985: 318, табл. 146: 16, 19).

Удила (15 экз.). Основная масса находок происходит из слоев XV-XVI вв. Лишь 5 экземпляров найдены в слое XIV в. (табл. 3). В большинстве случаев удила имеют круглые кольца, но найден и фрагмент 8-гранного кольца (рис. 4: 9, 14-15). Все они относятся к IV типу удил и были широко распространены на Руси (Медведев, Кирпичников 1985: 318, табл. 145: 7,8).

Подковы (10 экз.). Присутствуют оба типа: одношипные и подковы с двумя концевыми шипами (рис. 5: 10, 14). По сравнению с материалами других средневековых городов, в Орешке их немного, что можно объяснить островным положением крепости.

Ледоходные шипы (17 экз.). Равномерно распределены по всем строительным горизонтам (табл. 3, рис. 5: 12). Большая их часть использовалась для лошадей, хотя некоторые из них могли крепиться и на обувь. Учитывая ширину протоков Невы, замерзающих зимой, наличие их в слое вполне закономерно. Они вполне могли заменять подковы, особенно у легковооруженных всадников (Медведев, Кирпичников 1985: 319, табл. 148: 26-29). К снаряжению всадника относятся и подпружные пряжки разнообразной формы (рис. 5: 12).

Для борьбы с вражеской конницей и пехотой использовались шипы с 4-мя остриями, получившие в литературе название “чеснок”. Их разбрасывали по дорогам и перед укреплениями, для создания дополнительных препятствий. В Орешке, на территории новгородской крепости, в слоях XIV и XVI вв. было найдено всего 3 фрагмента (рис. 5: 13).

В слоях XVI-XVIII вв., найдено большое количество предметов, связанных с огнестрельным оружием: фрагменты пищалей, детали мушкетов, шомполы, пулелейка, свинцовые и железные пули, ядра, сотни фрагментов мортирных бомб, в том числе две целые. В основном эти предметы связаны с событиями XVII – начала XVIII вв.

Важное стратигическое положение крепости Орешек, расположенной на границе новгородских земель и охранявшей оживленный торговый

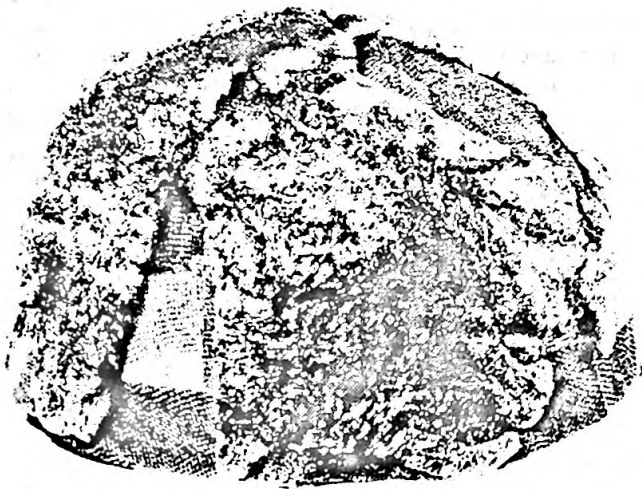

Рис. 6. Шапка войлочная

путь, бурные военные события XIV в. и последующих столетий нашли свое полное отражение в археологическом материале. Слои XIV в. насыщены разнообразными предметами вооружения и снаряжения. Тут и оружие профессионального воина – мечи, копья, доспехи, снаряжение коня. А с другой стороны – оружие простого ратника – сулицы, пики, топоры, боевые ножи, луки, арбалеты. Даже среди детских игрушек найден бронзовый кистень, деревянная стрела (Кирпичников 1976: 27, рис. 6: 3). Наличие в гарнизоне крепости профессиональных воинов подтверждается и письменными источниками. Так до середины XV в. Орешек часто передавался в “кормление” литовским князьям Гедиминовичам или другим русским князьям в обмен на несение пограничной службы. В крепости находился наместник князя с воинами (НПЛ 1950: 349). После строительства в начале XVI в. новой крепости, ее военное значение значительно усилилось, а также увеличилось количество жителей, занимавшихся военным делом. Так в 1545 г. для похода на Казань ореховцы должны были выставить 29 всадников и 17 пищальников (Кирпичников 1980).

Рассмотрев коллекцию оружия из раскопок Орешка, можно констатировать наличие в ней практически всех видов оружия и снаряжение XIV-XV вв., которое использовалось в это время на Северо-Западе Руси. Отметим, что предметы вооружения собранные во время раскопок, имели общеевропейский характер и свидетельствуют о высоком уровне военного дела в крепости Орешек.

Артельев, А.Р. 1978. Наконечники стрел из раскопок Изборска // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 155: 67-71.

1985. Стратиграфия и хронология Изборской крепости // Советская археология 2: 130-140.

1998. Города Псковской земли XIII-XV вв.

- Гончаров, В.К. 1950. Райковецкое городище.
- Кильдюшевский, В.И. 1972. Постройки XV в. из раскопок Орешка // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 129: 84-90.
1973. Рыболовные принадлежности из раскопок древнего Орешка // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 135: 105-109.
1976. Раскопки древнего Орешка // Археологические открытия 1975 г.: 17. М.
1981. Об одном из типов керамики XIV-XVI вв. крепости Орешек // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 164: 114-115.
1986. Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 183: 110-114.
- Кирпичников, А.Н. 1966. Древнерусское оружие // Свод археологических источников Е 1-36 (2).
1971. Древнерусское оружие // Свод археологических источников Е 1-36 (3).
1976. Военное дело Руси в XIII-XV вв.
1980. Древний Орешек.
1984. Каменные крепости Новгородской земли: 92-118.
- Кирпичников, А.Н., В.М. Савков. 1972. Крепость Орешек.
1979. Крепость Орешек. Историко-архитектурный очерк.
- Колчин, Б.А., Н.Б. Черных. 1977. Дендрохронология Восточной Европы: 109-110.
- Колчин, Б.А., В.Л. Яшин. 1982: Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 3-137. Москва.
- Медведев, А.Ф. 1959. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР 65: 153-172.
- 1959а. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология 2: 119-134.
1966. Ручное метательное оружие // Свод археологических источников Е 1-36.
- Медведев, А.Ф., А.Н. Кирпичников. 1985. Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село: 298-325.
- НПЛ. 1950. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.
- Никитин, А.В. 1971. Русское кузнечное ремесло // Свод археологических источников Е 1-34.
- ПСРЛ. 1848. Полное собрание русских летописей.
- Рабинович, М.Г. 1947. Из истории русского оружия // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия 1.
- Розенфельд, Р.Л. 1971. Инструменты московских ремесленников // Материалы и исследования по археологии СССР 167: 253-267.
- Сергина, Т.В. 1983. Раскопки в Окольном городе в 1978-1979 гг. // Археологическое изучение Пскова: 81-104.
- Трум, мал, В.К. 1971. Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г. // Советская археология 2: 265-271.
- Тюленев, В.А. 1995. Изучение старого Выборга.
- Шноре, Э.Д. 1961. Асотское городище // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР 2.
- Черных, Н.Б. 1996. Дендрохронология и археология.
- Ercdahl, S. 1992. Die armbrust im Dentschordensland Preussen zu beginn des 15 Jahrhunderts // Fascimli Archaeologiae historicae. Fasciculus I. Lodz.
- Kivikoski, E. 1951. Die Eiseuzeit Finnlands II. Helsinki.
- Thordeman, B. 1939-1940. Armour from the battle of Wisby 1361 I, II. Uppsala.
- Mäesalu, A. 1991. Otepää linnuse ammuooleotsad. Muinasaja teadus I. Arheoloogiline Kogumik. Tallinn: 163-181.

“ЯЗЫК” ГРЕБНЯ.

К вопросу о семиотическом статусе вещи

Среди обыденных предметов материальной культуры интересным и перспективным объектом исследования является гребень – традиционная принадлежность личной гигиены¹. В этом изделии заключен значительный объем культурной и исторической памяти, информационная характеристика вещи чрезвычайно разносторонняя и глубока.

Гребень, как многие бытовые вещи: полотенце, пояс, прялка, отдельные образцы утвари, мебели, наделен амбивалентностью. В нем ярко проявляется единство символического и практического. Данный предмет связан как с миром фактов, так и с миром знаков. Он может выступать в качестве определенного знака социальных отношений, вступая в глубинные взаимодействия с человеком на протяжении всей его жизни: от рождения до смерти. Перечисленное свидетельствует, что гребень, безусловно, является объектом интереса этнографа (Токарев 1970: 3).

В предметном окружении человека гребень (или его имитатор) присутствовал, по-видимому, всегда. Сначала это были слегка подправленные, функционально приспособленные природные материалы: зазубренные челюсти животных, например, дельфина, связки жестких травяных стеблей, деревянных, бамбуковых лучинок. На палеолитических памятниках встречаются уже специально изготовленные костяные гребни. В быту многих первобытных народов использовались разнообразные по форме изделия, выполненные из дерева или древесного тростника – бамбука (Происхождение... 1995: 115, рис. – 116).

Постепенно список материалов, употребляемых для изготовления гребней, значительно расширяется, он включает различные сорта дорогой кости: ископаемую мамонтовую, слоновую, моржовую, панцирь черепахи, а также более дешёвые кость и рог диких и домашних животных. Кроме того, гребни резались из дерева, их изготавливали из металла. В России в конце XIX – начале XX вв. широкое распространение нашли и т.н. “ложные” материалы, получаемые с помощью разнообразных технологий в рамках кустарных производств. Особой популярностью пользовались “ложные” черепаха и слоновая кость, из которых резались и гребни (Казначеев 1893; Ручной труд 1904: 29; 1904а: 27; Терлецкий ... : 27-28). Имитацией роговых гребней “под черепаху” славились резчики Вологодчины (д. Устье, Кадниковского уезда). Они же из привозного панциря резали прекрасные натуральные

¹ Производственные чесально-прядельные гребни, имеющие несомненную семиотическую связь с исследуемыми изделиями, в данной статье не рассматриваются.

черепаховые изделия. Галантерейный товар устьянских резчиков пользовался популярностью не только в России, но и за рубежом: в Польше, Берлине. В Петербурге черепаховые гребни устьянских мастеров сбывались в лучших французских магазинах как парижский товар (Ковалев 1893: 28-29; Уханова 1971: 107).

Несомненно, большое значение при выборе материала уделялось таким показателям, как целесообразность и полезность. Думается, последнее включало и понятие экологичности, что, безусловно, должно было учитываться, хотя бы из-за непосредственного соприкосновения изделия с волосами, обладающими, по народным представлениям, магической силой. Отдельные виды материалов (бивень мамонта, бронза, медь) наделялись сакральными свойствами, использовались в ритуальной сфере.

Существенным при подготовке сырья к производству был индивидуальный подход к материалу. Каждый вид сырья диктовал свои технологические приемы, последовательность операций. Мастер очень бережно относился к материалу, часто дорогому, экономно его расходовал. Учитывался не только вид самого материала, но и его конкретный фрагмент: концевая или срединная часть рога или бивня животного, определенные кости скелета, то есть то, что непосредственно пойдет в дело. Исходя из этого, резчик намечает последовательность операций (Ambrosiani 1981: 111, fig. 60).

Производство гребней из рога и кости требует высокой квалификации мастера, досконального знания свойств материала, использования разнообразных инструментов. В технологии изготовления этих изделий существует строгая рациональность. Процесс выверен, все операции функционально обусловлены. Иногда на практике для выработки гребня мастер использовал часть какого-либо предмета, например, пластину от ларца (инв. № ЭРК-476, хранится в Отделе русской культуры Государственного Эрмитажа). Приведенный пример служит отчасти подтверждением предположения о стремлении мастера-резчика к экономии дорогого материала. Однако, вполне вероятно, что мастером учитывались не только прагматизм и безотходность производства, но и ценность уже наработавшей вещи, пусть даже ее фрагмента. Возможно также, что здесь скрыта традиционная для народной культуры оппозиция: новое – старое.

Технология изготовления вещей, по мнению ряда исследователей, – область сакрального знания (Байбурин 1983: 64). К сожалению, в случае с изготовлением гребней нам неизвестно, сопровождался ли этот процесс исполнением каких-либо обрядов или ритуальных действий.

Форма гребней, их декоративное убранство и непосредственно с этим связанная семантическая наполненность предметов – самостоятельная область исследования, требующая особого осмысления. В данной статье выскажу некоторые замечания.

Многие изделия IX–XIX вв. украшены узором, представляющим различные комбинации линейного или циркульного орнамента. Набор определенных знаков-символов, употребляемых в убранстве археологических гребней,

отражает глубинные семантические слои, связанные с представлениями о мире, об отношениях человека с природой. Элементы орнамента: кружки, линии, по-видимому, символизировали солнце, небо, границы неких пространств или сфер. Перекрещенные линии в виде сетки, возможно, обозначали землю, а, может быть, и какую-то преграду. Таким образом, изображение данных символов на изделии отражало мировоззренческие представления человека о небесных и земных силах, призванных помочь и охранить от опасности.

Отдельные произведения, помимо геометрического узора на их поверхности, имеют фигурно вырезанную спинку, оформленную в виде парноголовых животных и птиц. Наиболее частыми изображениями являлись конь и лебедь, реже встречался медведь (Кондратьева 1981: 104, рис. 1, 105, рис. 2). Особый интерес вызывает гребень из Пскова, спинка этого изделия украшена изображением фантастического животного с четырьмя мягкими лапами и петушиным гребешком на голове. На плоскости гребня вырезан рисунок ладьи под парусом и дерево (Чернягин 1948: 306, рис. 1). В оформлении зооморфных образцов ярко проступает “эмоциональный диалог человека с природным окружением” (Байбурин 1983: 65).

Это положение, отмеченное А.К. Байбуриным как особенность, характерная для традиционной культуры, приложимо и к культуре средневековья. Украшая изделия изображениями животных, птиц, средневековый резчик наделял предмет особой силой, придавал своим произведениям значение оберега. По-видимому, между узором спинки зооморфного гребня и орнаментом на его плоскости существует смысловая, семантически обусловленная связь. Приведу такой пример. Поверхность некоторых удмуртских коньковых гребней украшена чешуйчатым узором. Известно, что “разнообразие сюжетных вариантов фольклора удмуртов, посвященных паре коней, тесно связано с культом воды, а чешуйчатый орнамент трактуется как изображение водной глади, волны или рыбьей чешуи” (Арматынская 1995: 91). Таким образом, в данном орнаменте закодирована определенная знаково-символическая информация.

Знаково-кодовая система, заключенная в орнаменте гребня, позволяет высказать этнические атрибуции. Так в памятниках прибалтийско-финского населения встречены в основном гребни, украшенные парными головками лебедей, в то время как в восточно-финских районах подобные изделия украшались изображением медведей. Вероятно, это свидетельствует о некоторых различиях в верованиях восточных и западных финнов. Однако, подмеченная особенность не абсолютна. В Старой Ладогге и Пскове, известных сложным этническим составом населения, были обнаружены зооморфные произведения обеих указанных групп. Зооморфные гребни – яркое явление народной культуры. Они встречаются не только среди древностей IX–X вв., но спорадически и в XIII–XVI веках.

Для XIX–XX вв. констатируем мощное привнесение в бытовую народную культуру зооморфных коньковых изделий: гребней, копоушек,

зеркалец для прялок, выполненных из различных металлов и сплавов: меди, бронзы, латуни. Спинки изделий украшают парные головки коней. Значительное число гребней украшено многоголовыми животными. На спинках отдельных образцов насчитывается до четырех пар коньков, выполненных в условной или вполне реалистической манере.

Центрами изготовления этих нарядных изделий, по мнению исследователей, были села Кимжа на р. Мезени (север Европейской части России) и Ижма на р. Печоре (Приуралье) (Гончарова 1983: 109). Металлические зооморфные гребни XIX–XX вв. находились в употреблении на Архангельском Севере у русских и соседних с ними народов: коми, саамов, а также в Поволжье: у марийцев, мордвы, удмуртов (Кондратьева 1997: 34). Причем поволжские гребни помимо фигурной спинки обильно украшены бисерными петельками, нашитыми пуговицами, снабжены массивными металлическими цепочками. Отдельные этнографические изделия своей формой поразительно напоминают археологические образцы (Кондратьева 1981: 104, рис. 1; 1983: 453). Декор зооморфных крестьянских изделий, их форма, наконец, материал, из которого они сделаны, насыщены символикой, связанной с космологическими представлениями и охранительной функцией (Ефименко 1874: 49-51; Миллер 1933: 156-157; Чернягин 1948: 308).

Бытование зооморфных гребней в Восточной Европе прослеживается в течение многих столетий. Крестьянские металлические гребни предстают изделиями “интегрированной” смешанной культуры, произведениями, в изготовлении которых устанавливается более чем тысячелетняя непрерывная традиция.

Декор гребня часто напрямую связан с практическим использованием предмета или деятельностью его владельца. В качестве примера укажем на архиерейские (епископские) и свадебные гребни. Декоративное убранство первых, как правило, включало элементы архиерейского сана и служения. Фигурная композиция декора этих гребней состоит из изображений митры, наперстного креста, панагии, посоха, двусвечника, трехсвечника и пр. (Свионтковская-Воронова 1929: 24; Уханова 1981: 192, илл.). Традиционным орнаментом свадебных гребней являются сцены чаепития и праздничного выезда. Нередко в орнамент свадебных изделий включены элементы брачной символики: пылающие и крылатые сердца на алтаре, пара голубей, венчальная корона, “гименеев” венок, гирлянды в виде лежащей на боку восьмерки (что означает “смерть едина нас развяжет”). Иногда изображается якорь как символ надежды. Часто такие изделия снабжены стандартной фразой: “Кого люблю того дарю” (Разина 1985: 137; Свионтковская-Воронова 1929: 22; Тарановская 1976: 29, илл. 31). Особая роль гребня в свадебной обрядности как ритуального символа – посредника между человеком и внешним миром будет освещена ниже.

Гребни, как многие предметы домашнего быта, обладают набором различных функций. Перечень этих функций (практическая, сословная, эстетическая, магическая, функция региональной принадлежности) был указан П.Г. Богатыревым при описании народного костюма (Богатырев

1971: 297-366). Иерархия функций, как подмечено исследователем, может меняться в зависимости от конкретной ситуации. Статус изделия повышается при вхождении его в семиотическую систему (обряд). Исключаясь из обряда, предмет утрачивает знаковую (Байбурина 1983: 78). Приведу такие примеры. Общеизвестно использование гребня в свадебной обрядности. Это использование имеет разнообразный характер. Гребень традиционно входит в номенклатуру предметов, предназначенных для подарков невесте женихом (Архангельский 1854: 21; Ильинский 1894: 364; Олеарий 1906: 217; Сахаров 1849: 28; Шмаков 1903: 60). Обычай включать этот предмет туалета в свадебные дары зафиксирован источниками начиная с XVI–XVII вв. (Олеарий 1906: 217; Рабинович 1978: 17). Вместе с другими мелкими изделиями гребень преподносился в ларце или шкатулке (Забелин 1990: 545; Маслова 1984: 25; Можаровский 1907: 110), иногда его вручали на тарелке (Иваницкий 1898: 59) или зеркале (Волков 1905: 208-209). Как в любом предмете, предназначавшемся для подарка, в свадебном гребне ценилась отделка изделия, его внешний вид. Не случайно поэтому, декор свадебных гребней, как правило, наряден и изобилует (что уже отмечалось выше) брачной символикой. При этом учитывалось и практическое назначение предмета, и связанная с этим повседневная полезность данного подарка. Выполняя свою традиционную практическую функцию – быть предметом личной гигиены, гребень в свадебной обрядности выступает как яркий ритуальный символ. Он связан прежде всего с волосами невесты, расчесывание которых перед венцом в свадебном ритуале означало “вступление в брак” (Бернштам 1988: 81). Отношение к волосам – средоточию жизненной силы, по народным представлениям (Происхождение вещей... 1995: 113), обуславливало и соответствующее отношение к гребню. Мотивированность использования гребня как ритуального символа в свадебной обрядности при расчесывании волос объясняется идеей плодородия, орошения. “В русских эротических новеллах слово “чесалка” может выступать как метафорическое обозначение фаллоса, а “чесать” означает “futuere” (Успенский 1982: 171). Волосы невесты, которым приписывалась особая продуцирующая сила, расчесывали, чтобы уродился хороший урожай. При этом зубья гребня имитировали дождь (Миллер 1933: 156, 157, рис. 21), орошающий пашню, а заплетенная коса ассоциировалась с хлебным колосом (Гаген-Торн 1933: 81). С идеей орошения (оплодотворения) связано и предварительное (перед расчесыванием) обмакивание гребня в мед или вино (Чулков 1786: 41-42). Нередко волосы при ритуальном расчесывании собирают с гребня и прячут (Гаген-Торн 1933: 80). В этом можно усмотреть стремление уберечь от глаза волосы девушки, а, следовательно, и будущий урожай.

Гребень вместе с мылом и зеркалом составляют так называемый “умывальный прибор”, используемый в свадебном банном ритуале (Колобов 1915: 45). Приведу описание “банного” гребня: “ ... в бане же невесте дарился деревянный гребень, на котором были вырезаны в лицах ожидавшие ее супружеские ласки ... ” (Ровинский 1900: 108, 109).

Значение гребня в свадебном обряде не ограничивается его ролью в ритуальном расчесывании волос и функции свадебного подарка. Высок семiotический статус металлических крестьянских зооморфных гребней, входящих в костюм невесты (праздничный женский костюм) у народов Поволжья (Кондратьева 1997: 35). Женщины носили их на груди (по подвеске на каждую грудь) в качестве украшения, а также на цепочке на поясе. В обоих случаях гребни-подвески являются важным элементом костюма, так как выполняют знаковую функцию – прикрывают грудь и чрево. Насыщенные охранно-магической символикой, эти изделия защищают уязвимые части тела женщины от злых духов, сглаза, болезни. Кроме того, обращенные наружу в качестве украшений в одежде гребни-подвески являются своеобразным знаком социальной (половозрастной) ценности владелицы.

Возможно, с охранительно-магической функцией связано и изображение коньковой подвески (полная аналогия металлическим гребням) на донце мордовской прялки (Мартьянов 1975: рис. 11, 3), кстати, традиционном свадебном подарке жениха.

Таким образом, в свадебной обрядности гребень выступает как в своей бытовой функциональной ипостаси, так и в символическом значении, как бы являясь посредником между людьми и силами внешнего мира.

Отметим еще один уровень использования гребня в свадебном обряде – графическое изображение этого предмета на огромных свадебных сундуках-парях у мордвы (Мартьянов 1971: табл. 4). По всей вероятности, включение изображений тупейных гребешков в орнаментальный декор паря наряду с женскими фигурами и производственными чесальными гребнями связано с ритуальным значением паря, которое тот имел не только в момент свадебного обряда, но и вообще в жизни мордовской женщины.

Чрезвычайно устойчивой оказалась традиция использования гребня в погребальной обрядности. Это подтверждается как археологическими, так и этнографическими материалами. Анализ вещественных находок в погребальных памятниках Древней Руси – России (IX – начало XX вв.) позволяет констатировать, что в состав предметов погребального инвентаря нередко входили и гребни (Кондратьева 1990: 37-42)¹. Они имеются в совершенных по обряду как кремации, так и ингумации, и имеют, в основном, стабильное размещение относительно костяка: в области груди или на поясе, что соответствует наиболее традиционным способам ношения этого предмета. Зафиксированы и другие местоположения гребня (Кондратьева 1990: 38,39).

Сам факт нахождения этого предмета в могиле свидетельствует о его ритуальном характере, назначении “сопутствовать” человеку в иной потусторонней жизни. Гребень в ритуале рассматривается как носимый, походный предмет – индивидуальная собственность покойного, или же он является напутственным приношением или даром, по-видимому, от семьи и родственников умершего (Кондратьева 1990: 40).

¹ В статье приведены данные этнографии по затронутой проблеме и соответствующая библиография.

Здесь можно говорить о престижном характере отдельных произведений для людей эпохи средневековья. Это относится к тем гребням, которые, наряду с оружием, украшениями, входили в состав инвентаря богатых дружинных захоронений. Уместно будет вспомнить о гребнеобразных подвесках-амулетах, выполненных из янтаря, встреченных в захоронениях средневековых воинов-литовцев (Украшения... 1966: 156, №№ 38, 39; Varnas 1978: 1, 5 раv, XXIV раv.). Вероятно, они носят тотемный характер, а их охранительная функция усиливается массой янтаря. Отметим также и металлические гребни-амулеты, представляющие своеобразные модели настоящих гребней, которые обнаружены в женских погребениях с другими имитациями предметов быта: ковшиками, ложками, ключами и т.д., что говорит о принадлежности этих изделий женскому убору (Альбом... 1941: рис. 3; Материалы... 1952; Успенская 1967: 95, 118). Амулеты – специфический объект материальной культуры, их практическая функция исключена, они напрямую связаны с духовной жизнью своего этноса, отражая его религиозную идеологию.

Традиция использования гребня в погребальной обрядности оказалась устойчивой и сохранилась в отдельных местах практически до наших дней. Этот предмет нередко продолжали помещать в гроб вместе с покойным как заупокойный дар. Укажем другие ритуальные действия, связанные с включением гребня в позднюю погребальную обрядность. Так, например, гребень, а также посуда, из которой мыли усопшего, выбрасывались, так как считались нечистыми. Их уносили в овраг или поле “обязательно на пути следования похоронной процессии” или на перекресток дорог, при этом горшок разбивали или зарывали в землю (Смирнов 1920: 29, 31). Иногда горшок с гребнем хоронили. Сохранились описания подобных “похорон” (Завойко 1914: 92).

К нашей теме имеет отношение и изображение гребней (в числе других предметов быта) на резных каменных надгробных стелах женских захоронений XV–XIX вв. в Дагестане (Маммаев 1979: 77). Возможно, изображение бытовых предметов означает необходимый набор погребального инвентаря, а отдельные изделия характеризуют деятельность покойного при жизни (Габуева 1987: 104).

В заключение отмечу, что изложенное не исчерпывает всей полноты затронутой темы. Однако, даже представленный материал позволяет с уверенностью считать гребень оригинальным и ярким явлением культуры.

- Альбом...* 1941. Альбом древностей мордовского народа 3. Саранск.
- Арма тынская, О.В.* 1995. Орнамент резной кости чепецких городищ // Материалы исследования городища Идна-Кар IX–XIII. Ижевск.
- Архангельский, А.* 1854. Село Давшино, Ярославской губернии Пошехонского уезда // Этнографический сборник II. Санкт-Петербург.
- Байбури, А.К.* 1983. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Ленинград.
- Бернштам, Т.А.* 1988. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Ленинград.

- Богатырев, П.Т.* 1971. Вопросы истории народного искусства. Москва.
- Волов, И.В.* 1905. Свадебные причеты // ЖС 1. Санкт-Петербург.
- Габуева, О.А.* 1987. Антропоморфные стелы как памятник традиционной культуры Осетии // Проблемы развития культуры народов и изучения культуры по музейным коллекциям. Омск.
- Гаген-Торн, В.И.* 1933. Магическое значение волос и головного убора // Советская этнография 5-6. Ленинград.
- Гончарова, Л.Н.* 1983. Художественные изделия из металла русских мастеров для народов Севера и Сибири (XVII-XX вв.) // Общественный быт и культура русского населения Сибири. Новосибирск.
- Ефименко, П.С.* 1874. Старинные гребенки в Пинежском уезде Архангельской губернии // Древности. Труды Московского Археологического общества 4/1. Москва.
- Забелин, М.* 1990. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Репринт 1880. Москва.
- Завойко, К.* 1914. Верования, обряды и обычаи великоросов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение СIII-CIV/3-4.
- Иваницкий, Н.* 1898. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // ЖС 1, год VIII. Санкт-Петербург.
- Ильинский, В.* 1894. Свадебные обычаи в Ряговском приходе Каргопольского уезда // Олонецкий сборник, выпуск третий, Петрозаводск.
- Казначеев, К.А.* 1893. Производство искусственной слоновой кости. Москва.
- Ковалев, С.* 1893. Справочная книга. Путеводитель от Москвы до Вологды, Архангельска и Соловецкого монастыря. Вологда.
- Колобов, И.* 1915. Русская свадьба Олонецкой губернии Пудожского уезда Корбозерской волости // ЖС I-III. Год XXIV. Санкт-Петербург.
- Кондратьева, О.А.* 1981. Зооморфные гребни IX-X вв. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 166. Москва.
1985. Крестьянские зооморфные металлические гребни и древние традиции в их изготовлении // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Ленинград.
1990. Гребень в погребальном обряде (по материалам древнерусских могильников X-XI вв.) // Язычество восточных славян. Ленинград.
1997. Металлические зооморфные гребни в бытовой и обрядовой культуре русских и финно-угров (XIX-XX вв.) // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов. Санкт-Петербург.
- Маммаев, М.М.* 1979. Художественная обработка кости в древнем и средневековом Дагестане // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала.
- Мартыанов, В.Н.* 1971. Памятники прикладного искусства мордвы. Саранск.
1975. Некоторые особенности резьбы по дереву у мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск.
- Маслова, Г.С.* 1984. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX - начала XX в. Москва.
- Материалы...* 1952. Материалы по истории мордвы VIII-IX вв. Моршанск.
- Миллер, А.А.* 1933. Элементы "неба" на вещественных памятниках // Из истории докапиталистических формаций. Известия государственной академии истории материальной культуры 100. Москва-Ленинград.
- Можаровский, А.Ф.* 1907. Свадебные песни Казанской губ. // ЭО 1-2.
- Олеарий, А.* 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Санкт-Петербург.
- Происхождение вещей...* 1995. Происхождение вещей // Очерки первобытной культуры. Москва.

- Рабинович, М.Г.* 1978. Свадьба в русском городе в XVI в. // Русский народный свадебный обряд. Ленинград.
- Разина, Т.М.* 1985. О профессионализме народного искусства. Москва.
- Ровинский, Д.* 1900. Русские народные картинки I. Санкт-Петербург.
- Ручной труд.* 1904. Ручной труд (8).
1904а. Ручной труд (9).
- Сахаров, И.* 1849. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков II. Санкт-Петербург.
- Свионитковская-Воронова, Л.* 1929. Резьба по кости. Москва.
- Смирнов, В.* 1920. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Кострома.
- Тарановская, Н.В.* 1976. Северное искусство // Добрых рук мастерство. Ленинград.
- Терлецкий, Г.И.* ... Производство роговых и костяных изделий. Екатеринослав.
- Токарев, С.А.* 1970. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография 4.
- Украшения...* 1966. Украшения древних литовцев // Литовское народное искусство 2. Вильнюс.
- Успенская, А.В.* 1967. Нагрудные и поясные привески: Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды Государственного Исторического музея 43. Москва.
- Успенский, Б.А.* 1982. Филологические разыскания в области славянских древностей. Москва.
- Уханова, И.Н.* 1971. Народные ремесла лесного края // Этнография народов СССР. Ленинград.
1981. Резьба по кости в России XVIII–XIX веков. Ленинград.
- Чернягин, Н.Н.* 1948. Гребень из Псковского городища // Советская археология X. Москва-Ленинград.
- Фулков, М.Д.* 1786. Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. Москва.
- Шмаков, И.Н.* 1903. Свадебные обычаи и причитанья населения Терского берега Белого моря // ЭО 4.
- Ambrosiani, K.* 1981. Viking Age combs, combmaking and combmakers in the light of finds from Birka and Ribe. Stockholm.
- Varnas, A.* 1978. Gintaro apdirbimas // Svietuvius materialine kultura IX–XIII amzinje. Vilnius.

СОПКИ НИЖНЕГО ПОВОЛХОВЬЯ: взгляд на проблему на исходе XX века

Материалы раскопок высоких насыпей расположенных в нижнем течении р. Волхов сыграли решающую роль при формировании представлений о специфическом виде археологических памятников Северо-Западной Руси – новгородских сопках. Именно на основании этих материалов делались широкие выводы относительно особенностей погребального обряда и инвентаря, хронологии и топографии, а в итоге, их культурно-исторической интерпретации (Седов 1970; Седов 1982).

Действительно, ни один из регионов Новгородской и Псковской земель, где сопки известны, не может сравниться по степени изученности этого вида памятников с Нижним Поволховьем. Здесь первые попытки научного исследования величественных курганов предпринял Зориан Доленго-Ходаковский, а во второй пол. XIX в. работы вели А.С. Уваров и А.Д. Европеус.

В 1883-1886 гг. известный русский археолог Н.Е. Бранденбург осуществил в окрестностях Старой Ладogi раскопки десяти насыпей, в том числе и огромной сопки у с. Михаил-Архангел (Бранденбург 1895). Эти работы велись на достаточно высоком для того времени методическом уровне (Петренко 1994: 31-36). Хотя Н.Е. Бранденбург осуществлял раскопки траншеями и значительный объем насыпи оставался неисследованным, их результаты вплоть до 1970-х гг. составляли основной фонд знаний о сопках. Полувековой перерыв в исследовании сопкок отрицательно сказался на возможности их дальнейшего изучения и сохранности. Когда С.Н. Орлов в 1940-х–1960-х гг. возобновил работы, то значительная часть известных в начале века памятников была либо уничтожена, либо получила существенные повреждения. Итоги изучения волховских сопкок на этом этапе подводились в работах С.Н. Орлова, Н.В. Тухтиной и В.В. Седова (Орлов 1955: 190-211; Тухтина 1968: 188-193; Седов 1970).

В 1970-х гг. цикл исследований сопкок Нижнего Поволховья осуществил В.П. Петренко. Предложенная им методика, как натурного обследования, так и анализа материалов раскопок предшественников, позволила получить качественно новую информацию. В.П. Петренко был составлен свод сопкок рассматриваемой территории в котором идентифицированы, соотнесены и точно локализованы исследовавшиеся в разное время объекты (далее будет использована нумерация этого свода, где арабскими цифрами обозначен номер пункта, а римскими указан номер сопки в группе: см. Петренко 1994: 118-136). К сожалению, результаты работ В.П. Петренко были в полном виде опубликованы лишь после его безвременной кончины (Петренко 1994).

В те же годы свой вклад в изучение высоких насыпей в окрестностях Старой Ладogi внесли В.А. Назаренко и Е.Н. Носов (Носов 1985: 147-155).

В 1989 г. разрушающуюся сопку у д. Вындин Остров исследовал Д.Л. Яблоник (23-I). Охранные раскопки сопок в зоне строительства нового автодорожного моста в г. Волхов в 1990 (17-II) и 1997 (17-III) гг. провела экспедиция под руководством автора (Кузьмин 1994). Следует отметить, что в отличие от объектов исследованных В.П. Петренко, грандиозная 9 метровая насыпь 17-II имела сравнительно хорошо сохранившуюся верхнюю часть. Раскопки последнего десятилетия подтвердили ряд выводов В.П. Петренко и существенно пополнили источниковедческую базу, сократив диспропорцию в степени изученности сопок в отдельных пунктах Нижнего Поволжья.

Каждый цикл раскопок приносил качественно новую информацию, а совершенствование методики раскопок и накапливающийся опыт расширяли (по удачному выражению В.П. Петренко) "исследовательскую амбразуру", то есть подмечалось и осмысливалось все большее количество фактов.

Стало ясно, что сопки нельзя изучать в отрыве от материалов как Староладожского поселения, так и других раннесредневековых поселений низовьев Волхова. Успехи в их исследовании позволяют конкретизировать ряд представлений о месте сопок среди древностей эпохи становления древнерусской государственности.

В настоящий момент есть данные об инвентаре и внутреннем устройстве не менее чем 25 сопок Нижнего Поволжья (примерно о 40% из известных ныне объектов¹). Следует отметить, что наиболее достоверные сведения о структуре насыпей и технологии их строительства получены в результате раскопок 1970-х-1990-х гг., поэтому интерпретация материалов полученных в предшествующее время требует исключительно критического подхода.

¹ В.П. Петренко было учтено 64 сопки в 27 пунктах. За прошедшие годы в Нижнем Поволжье была открыта неизвестная ранее группа из двух или трех сопок у д. Поляща (Петров 1997: 58-59), а по архивным материалам мной выявлена еще одна сопка у б.с. Михаил-Архангел. Только недоразумением можно объяснить отсутствие в своде В.П.Петренко южной насыпи в группе сопок в Старых Дубовиках, зафиксированной С.Н. Орловым в 1968 г. и сохранившейся до настоящего момента (Архив ИИМК, Ф 35, 1968 г., № 113, л. 9). А.Н. Кирпичников в частной беседе сообщил, что на рисунке прошлого века есть изображение еще трех сопок в районе д. Лопино. Таким образом, в Нижнем Поволжье существовало не менее 70 крупногабаритных насыпей. Не все из них следует непосредственно связывать с традицией сопок. Насыпи 13-I и 11-I явно выпадают из общей картины и, вероятно, не случайно иллюстрировали в классификации В.П. Петренко отдельные типы I и IV. Даже если делать поправку на разрушение сопок, максимум которого пришелся все же на наше столетие, то вряд ли их общее число превышало 80-100 насыпей, а вероятно было ближе к указанной выше цифре.

В частности, признавая большой опыт и наблюдательность Н.Е. Бранденбурга, вызывают определенное сомнение приведенные им схемы (а это именно воспроизведенные по памяти схемы!) раскопанных насыпей. Даже исследованная с особой тщательностью в 1886 г., то есть два года спустя после основной серии раскопок насыпей в Южном Приладожье, сопка в с. Михаил-Архангел (№ 145; 21-I по В.П. Петренко), в отчете не сопровождается графической документацией (Архив ИИМК. Ф. 1, 1886, № 17). Отсутствие масштаба на схемах в публикации, порой, явное его несоблюдение резко снижают доверие к общей интерпретации указанных объектов. Натурные наблюдения показывают, что и Н.Е. Бранденбург вскрывал, быть может за исключением сопки у с. Михаил-Архангел, только незначительную часть насыпи, оставляя не раскопанными их основания, находящиеся ниже современной дневной поверхности (Петренко 1994: 12-29). Не лишен погрешностей и может быть дополнен свод В.П. Петренко (Петров 1997: 58-59).

Итак, учитывая вышесказанное и основываясь на накопленных к настоящему моменту данных, попытаемся рассмотреть ряд аспектов характеризующих волховские сопки: топографию, технологию сооружения, внутреннюю структуру, количество и способы размещения захоронений, инвентарь, хронологию. Именно такой анализ позволит точно определить культурно-хронологическую позицию волховских сопок в мозаике древностей конца I тыс. н.э., а соответственно, дать им корректную историческую интерпретацию.

Все без исключения исследователи отмечали приуроченность сопок к берегу Волхова. Большинство расположено у края коренного берега и лишь отдельные насыпи в Старой Ладогe находятся ближе к воде, являясь несомненным исключением. В ряде случаев их топография совпадает с местами поселений раннего железного века и эпохи раннего металла (урочища "Сопки" и "Победище", Чернавино, Михаил-Архангел, Подсопье, Лопино). Под сопкой у д. Вындин Остров (23-I) выявлен культурный слой с лепной керамикой 2-й пол. I тыс. н.э. Похоже, что аналогичная ситуация зафиксирована С.Н. Орловым у д. Подсопье (пункт 24) в 1968 г. (Архив ИИМК, Ф. 35, 1968 г., № 113, л. 5).

Только в последние два десятилетия исследователи стали обращать внимание на следы древних полей, перекрытых сопками. В Нижнем Поволховье распашка под сопками выявлена в двух случаях (23-I и 17-III). В первом случае пахота затронула культурный слой с лепной керамикой 2-й пол. I тыс. н.э., что определяет ее дату. Во втором, зафиксировано два вида следов распашки: полосы темно-серого суглинка на поверхности материка по всей площадке-платформе в основании насыпи и полосы на поверхности погребенной почвы, заполненные желтоватым известняковым щебнем, локализующиеся преимущественно в северо-западном секторе. Если полосы в материке являются следами распашки обыкновенного поля, то полосы щебня — это грунт насыпи попавший в незатянувшиеся борозды ритуальной распашки, совершенной незадолго до начала в сооружения сопки.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что сопки возводились в местах традиционного освоения. Несомненна их связь с селом поселений конца I тыс. н.э., которая как-будто стала складываться до начала массового возведения сопок, что подтверждается сравнительным анализом их топографии и хронологии.

Большая часть сопок Нижнего Поволжья сосредоточена в двух скоплениях, в окрестностях Старой Ладogi и районе первых Волховских (Гостинопольских) порогов. Стрoладожское поселение окружают три топографически обособленных некрополя. Условно обозначим их как "Северный" (пункты 3-6), "Южный" (пункты 14-15) и "Правобережный" (пункты 9-10, 12). Некрополи состояли из 10-12 насыпей, то есть в них было сосредоточено около половины всех сопок рассматриваемого региона.

С крупным поселением при начале порогов, у д. Новые Дубовики, состоявшим из городища и селища, связаны 10 сопок, вытянувшихся цепочками к северу и югу от него (пункты 17-18 и 19). На другом берегу Волхова, напротив южной оконечности упомянутого комплекса находилось 4 сопки (пункты 21-22). Они явно связаны с синхронным Новым Дубовикам крупным поселением Михайловский погост, открытым автором в 1997 г. (Кузьмин 1997: 75-77). Среди сопок этих комплексов памятников преобладают насыпи больших размеров, 7-9 метровой высоты, в том числе и огромная 21-I (№ 145), исследованная Н.Е. Бранденбургом в 1886 г. достигавшая 10,5 м.

Таким образом, более 2/3 сопок связано с тремя крупными поселениями, и только треть с поселениями меньшего масштаба. Время возникновения Староладожского поселения известно – середина VIII в. Новые Дубовики несомненно переживали расцвет в IX – начале X вв., но их нижняя дата на основании находки дирхема 746/747 г. может быть удревнена, по крайней мере, до конца VIII – начала IX в. Дата Михайловского погоста может быть уточнена в ходе дальнейших раскопок. Замечу, что столь "концентрированное" расположение сопок надо учитывать при последующем анализе и построении конкретных выводов.

В.П. Петренко выделял четыре типа высоких насыпей Нижнего Поволжья (Петренко 1994: 44-69). Но сооружения I и IV типов (13-I и 11-I) вряд ли стоит причислять к собственно сопкам, они связаны с иными погребальными традициями. Насыпь 13-I является, по сути дела, обычным курганом с кремацией X в., входившим в состав небольшого курганного могильника. Сопковидное сооружение 11-I, находящееся в топографической связи с норманнским могильником урочища "Плакун", если и воздвигалось при участии людей связанных с традицией строительства сопок, то по своей внутренней структуре, а в особенности оформлении захоронений, оно вполне оригинально (Михайлов 1997: 105-117).

Насыпи II и III типов по В.П. Петренко, которым присущи каменные конструкции, дифференцируются наличием одного или нескольких ярусов. Однако, такое членение, при взгляде на конкретные

примеры, иногда обусловлено степенью сохранности памятника и уровнем методики его раскопок. В.П. Петренко очень верно отметил элементы конструкции ряда сопки, которые позволяют вычленять это особое культурное явление из общего массива высоких курганов Поволжья: платформы в основании насыпи и кольцевые или дугообразные валики в теле кургана.

Платформы в виде материковых останцов получались путем подрезки окружающего их пространства; при этом с нескольких сторон или вокруг платформы образовывался ров с крутым внутренним и очень покатым внешним краем. Платформы-останцы должны считаться весьма важным признаком. Это не просто технологический прием выборки грунта для насыпи. В сопках 17-II и 17-III удалось проследить затеки гумуса по склонам платформ. Грунт нижней части насыпей в ряде случаев не мог быть взят поблизости, он имеет другую структуру. Значит платформа готовилась заранее, а не образовывалась в процессе возведения насыпи. То что это был обязательный элемент во внутренней структуре ряда сопки подтверждает искусственное моделирование платформы для насыпи 15-I, "... возведенной в котловане, образовавшемся при строительстве соседней насыпи" 15-II (Петренко 1994: 127), с последующей специальной одерновкой ее площадки.

Показательно, что все (!) сравнительно крупные сопки исследованные в 1970-х–1990-х гг. имели в основании платформы. Если была возможность хорошо проследить стратиграфию насыпей (14-I, 15-II, 15-IV, 15-V, 17-II, 17-III и др.), то выясняется, что их нижний ярус представлял собой курган высотой до 2-2,5 м. Эти курганы имели плоские вершины и крутые склоны. Крутизна склонов задавалась валиками, отсыпанными из плотного грунта по краям площадок платформ. На площадках в основании насыпей прослеживаются следы активной ритуальной деятельности (каменные вымостки, огневища, разбросанные ветви деревьев и кости животных). На этом фоне особенно примечательно отсутствие человеческих погребений в этих "первоначальных" курганах. То что они не были промежуточным этапом строительства сопки, а представляли собой законченные сооружения говорят каменные обкладки в их основаниях (14-I, 15-IV, 15-V, 17-II), деревянные столбы, возвышавшиеся над их поверхностью (15-V, 17-III)¹, погребения совершенные у их основания (15-IV, м.б. 15-V). В качестве примера сохранившихся "первоначальных" курганов, не перекрытых позднейшими подсыпками можно предположительно назвать объект 5-IV.

Заманчиво было бы считать "первоначальные" курганы отправным звеном в цепочке эволюции как отдельных 2-х–3-х ярусных сопки,

¹ Выявить деревянные столбы в насыпи достаточно сложно. В плане они практически не прослеживаются и заметны лишь в профиле, если через них проходит стенка бровки. Столбы могли крепиться гирями камней фиксирующихся в центре площадок в основании насыпей или на разных уровнях.

так, возможно, в развитии традиции насыпей рассматриваемого облика в целом (рис. 1). Четырехъярусные сопки в Нижнем Поволжье мне неизвестны. Сопки 14-II и 21-I раскопанные Н.Е. Бранденбургом (№№ 140 и 145), приводимые в качестве примера 4-х ярусных сооружений, таковыми не являются¹. Если это так, то 2-х ярусные сооружения, достигавшие высоты 4-7 м, могли выглядеть как конические с острой вершиной, а 3-х ярусные как конические или полусферические с уплощенной или плоской вершиной, высотой 5-10,5 м. При этом предполагается, что на каждом этапе сопка приобретала окончательный, законченный вид, а последующие реконструкции не были предусмотрены строителями каждого этапа. Иллюстрацией высказанной гипотезы может послужить сопка 17-II (рис. 2), единственная столь крупногабаритная насыпь (высота около 9 м) сравнительно хорошей сохранности исследованная современными методами (Кузьмин 1994: 61-64).

Кроме описанных выше сопки, возведенных на платформах в 2-3 приема, есть и насыпи несколько иного облика. Они лишены платформы в основании и кольцевых каменных обкладок, возведены в один (или два?) приема и содержат захоронения на уровне погребенной почвы в центральной части площадки. Таких насыпей немного (4-II, 15-VI, м.б. 3-III). С первой группой сопки их связывает присутствие следов ритуальной деятельности до сооружения насыпи, наличие каменных конструкций в центральной части основания, размещение в единых ансамблях, где они занимают крайнее положение выше по течению Волхова относительно сопки первой группы. Существенно, что их высота не превышает 3 м. К сожалению, все три, приведенные в качестве примера, насыпи раскапывались несовершенными методами, либо имели существенные повреждения. Будучи связанными с традицией многоярусных сопки они составляют, судя по всему, немногочисленную группу памятников погребальная функция основного объема которых выражена более отчетливо. Неизвестно, были ли они окружены поверхностными погребениями подобно сопкам первой группы².

Существуют два мнения о количестве погребенных в сопках. В.В. Седов по-прежнему придерживается мнения о значительном количестве

¹ Об этом позволяет судить анализ соотношения глубины залегания от вершины и удаление от центра насыпей отдельных погребений. Подробная аргументация приводилась в докладе С.Л. Кузьмина и А.И. Волковникова "Некоторые парадоксы в изучении сопки" (Научная конференция "Новгород и Новгородская земля. История и археология.", Новгород, январь 1996 г.)

² Отмечу, что подобный дуализм среди насыпей сходного облика выявлен и в сопках северо-западных районов Новгородской земли, расположенных в одних и тех же пунктах. Это сопки № 1 и № 2 в группе Сквородка-II в бассейне р. Плюсы (Псковская область, Струго-Красненский район, раскопки С.Л. Кузьмина 1988 г.) и сопки Пристань-I и № 2 в группе Пристань-III на р. Ордеж (Ленинградская область, Лужский район, раскопки С.Л. Кузьмина 1989 г.).

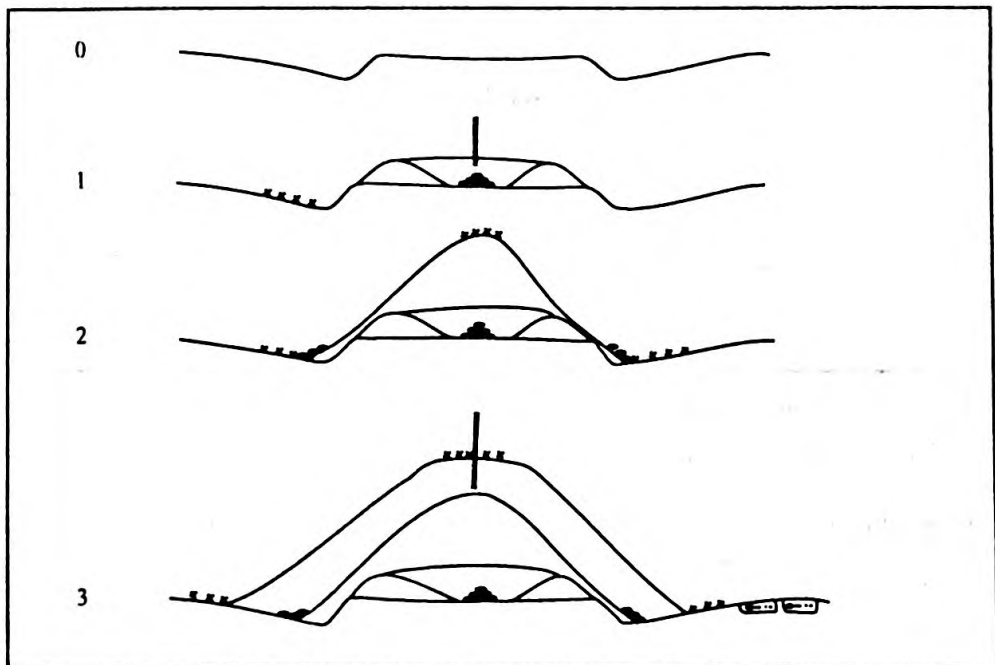

Рис. 1. Этапы строительства сопок Нижнего Поволжья

захоронений в основном объеме насыпи, помещавшихся в нее поэтапно. Он признает и существование части погребений непосредственно на вершинах сооружений (Седов 1995: 239-240). Однако, как убедительно показал В.Я. Конецкий, и это подтверждают результаты новейших исследований как в Поволжье, так и в других регионах, погребения внутри тела сопок единичны, а, зачастую, и вовсе отсутствуют (Конецкий 1989). Но из этого справедливого тезиса последовал вывод, поддержанный некоторыми исследователями, а ранее высказанный В.С. Пономаревым: в сопках погребены представители социальной верхушки. Такой вывод опирался на непропорциональное соотношение между трудозатратами по возведению сопок и количеством погребенных в них людей.

Столь прямолинейный подход весьма уязвим для критики. Во-первых, даже в целых, раскопанных на снос современными методами сопках иногда вообще отсутствуют не только хорошо выраженные погребения, но даже их следы. Во-вторых, среди захоронений в теле насыпей ("основные погребения") выявлены либо детские, либо погребения с женским инвентарем и, порой, просто останки животных. Мужских погребений с какими-нибудь остатками более-менее репрезентативного инвентаря практически неизвестно. Не исключено, что "основные погребения" или, по крайней мере, их значительная часть, – это следы жестоких жертвоприношений, сопровождавших возведение монументальных земляных курганов-храмов, свособразных центров сакрализованного пространства. При этом, нет сомнения: сопки строились сравнительно многочисленными, сплоченными коллективами, подчиненными единой воле.

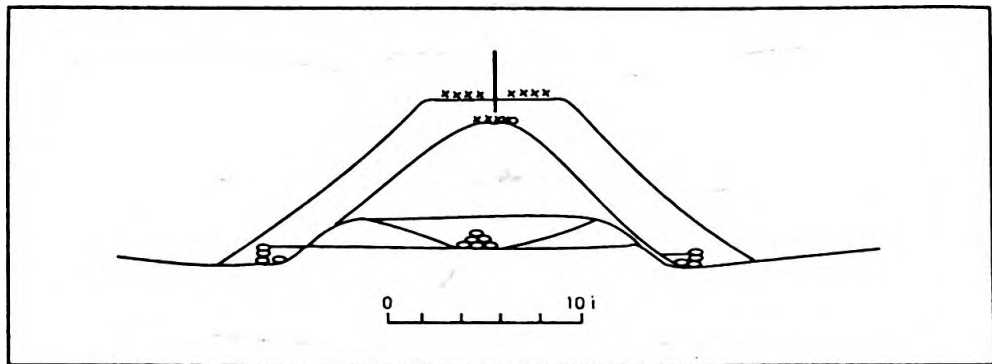

Рис. 2. Этапы возведения сопки 17-II по материалам раскопок 1990 г.

Где и как погребены люди связанные с сопками? Раскопки 1970-х–1990-х гг. дают ответ на этот вопрос. Часть их помещалась на вершинах ярусов сопки. Находясь на поверхности, они развсвалились и оползали. Старые раскопки велись достаточно грубо. Исследователи старались быстро углубиться траншеей или колодезем, а о разборке дерна ножами не было и речи, поэтому такие россыпи мелких кальцинированных костей и остатки поврежденных огнем миниатюрных предметов оставались зачастую незамеченными, но фиксируются иногда в отвалах прежних раскопок.

На поверхности сопки 17-II у д. Новые Дубовики, исследованной в 1990 г., зафиксированы россыпи кальцинированных костей. На вершине 2-го яруса выявлено каменное кольцо внутри которого расчищено не менее 5 захоронений. Их было больше, но примерно половина конструкции разрушена блиндажом. Два погребения содержали бронзовые украшения и бусы; они, несомненно, принадлежали женщинам. Три захоронения в лепных урнах можно считать мужскими. Важно отметить, что погребения открытые на вершине 2-го яруса сопки не были совершенно синхронными, хотя и помещались туда в сравнительно короткий промежуток времени. Последняя урна сохранилась целой, запечатанная последним, третьим этапом сооружения сопки, а две другие находились непосредственно под ней в развалившемся виде. Их обломки частично перекрывали остатки женских погребений. Отметим, что эта огромная насыпь не содержала “основных” захоронений, с ней связаны только “поверхностные” погребения.

Другой вариант размещения кремированных останков представляют выявленные В.П. Петренко россыпи и скопления кальцинированных костей по основаниям сопки, которые иногда не совсем корректно именуют “грунтовыми погребениями”. Анализ стратиграфии, размеров и характера залегания показывает их идентичность “поверхностным” захоронениям на вершинах сопки, а часть может и быть таковыми, но оползшими вниз. Они выявлены при сопках 10-III, 14-I, 14-II, 15-I, 15-II, 15-IV, 15-V. Напомним, что часть этих погребений была совершена до строительства 2-го яруса сопки.

Инвентарь “поверхностных” погребений достаточно богат и однообразен, особенно на фоне “основных”. Расценивать их как захоронения

исключительно рядовых членов связанных с сопками коллективов нет оснований. Особенно показательны погребения № 3 при насыпи 15-I. Его сопровождал набор весовых гирек и подвеска со знаками Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. Такие подвески рассматриваются как верительные знаки лиц княжеской администрации. Кстати, эта подвеска предоставляет уникальную возможность узкой датировки комплекса 1010-1014 гг.

Ныне уже никто всерьез не обсуждает возможности относить нижнюю дату сопки к VI в. Почти все исследователи приводят без особых доказательств широкие хронологические рамки VIII-X вв. (В.В. Седов, Е.Н. Носов, В.Я. Конецкий и др.). Эта же дата обосновывалась для сопки Нижнего Поволжья В.П. Петренко (Петренко 1994: 70-93). Доказательством появления сопки в VIII в. служат лишь находки двушипного черешкового дротика в насыпи 5-III (раскопки З. Ходаковского) и деталей неволинского пояса в погребении в основании насыпи 14-II (№ 140 по Н.Е. Бранденбургу).

Мне кажется, что дата дротика может быть вполне расширена вверх, за пределы 800 г. Хотя и типологически более далеская, но территориально несомненно самая близкая находка происходит из горизонта Е₂ Староладожского Земляного городища (V ярус по Кузьмину – Мачинской; ок. 840 – ок. 865 гг.). Дротик “Полой сопки” может быть как прототипом, так и дериватом, чего не учитывал В.П. Петренко, используя типологию М. Атгазиса (Петренко 1994: 89). Находка аналогичного дротика на городище Городец под Лугой, в слое не ранее 2 пол. IX в. (раскопки Г.С. Лебедева) подтверждает данный тезис.

Особо следует рассмотреть датировку погребения с неволинским поясом, в частности, и что представляет собой структура насыпи 14-II вообще. По всей вероятности, это обычная двухъярусная сопка, воздвигнутая на кургане предшествующей эпохи со значительным временным и, несомненно, культурным разрывом. Погребение № 2, расположенное в верхней части сопки, содержало 14-гранную сердоликовую бусину и оселок из шифера, и не может быть датировано ранее 2-й четверти – середины X в., чему не противоречит находка крупного бубенчика в погребении № 1. Учитывая, что хронология неволинских поясов не выходит за пределы 3-й четверти VIII вв., вряд ли можно предполагать устойчивую жизнь некоего коллектива хранившего и развивавшего свою традицию вне общего культурного фона в течение двух веков бурной истории Нижнего Поволжья. Скорее плоский курган был использован, сознательно или нет – неясно, для сооружения платформы при возведении типичной сопки.

Хорошим хронологическим индикатором являются граненые сердоликовые и, вообще, каменные бусы, что не учитывали в своих построениях В.П. Петренко и другие исследователи. В культурный слой Старой Ладogi они начинают выпадать не ранее 860-х гг. (Рябинин 1982: 165-173; Рябинин 1995). Их присутствие в инвентаре сопочных захоронений, в том числе и совершенных у основания первичных насыпей позволяет отказаться от VIII в. и первой пол. IX в. как времени возведения большинства сопки в Нижнем Поволжье.

Таковыми же хронологическими индикаторами, ограничивающими датировку погребений связанных с сопками X в., можно считать круговую керамику, изделия из шифера, фрагменты костяных гребней II группы по О.И. Давидан.

Наиболее точную дату имеет комплекс поверхностных погребений на вершине 2-го яруса сопки 17-II. Она основана на хронологии наборов бус и подтверждена радиоуглеродным анализом. Это конец IX – начало X вв. Инвентарь поверхностных захоронений, открытых вокруг сопки В.П. Петренко, тождествен материалу из сопки в Новых Дубовиках, а вместе они имеют аналогии как в горизонте E₁ (около 865–920-е гг.) Староладожского городища, так и в круге памятников 2-й пол. IX–X вв. активно исследуемых в последнее время на северо-западе Новгородской земли Н.И. Платоновой, О.В. Клубовой, С.Л. Кузьминым (Кузьмин, Михайлова 1997). Исходя из вышесказанного, есть основания полагать, что сопки Нижнего Поволжья сооружались в течение сравнительно короткого промежутка времени во второй пол. IX – первой пол. X вв., а отдельные кремации совершались при них вплоть до начала XI в., когда происходит смена обряда и вблизи некоторых насыпей возникают кладбища с ингумациями.

Подведем итоги. Технология строительства, организация внутреннего пространства, элементы погребальной обрядности едины для насыпей Поволжья выделенных В.П. Петренко в III тип. Именно они и могут рассматриваться как ядро культурного явления именуемого “сопки”, поскольку имеют близкие параллели в памятниках иных районов Новгородской земли. К ним тяготеют насыпи, которые В.П. Петренко определил как тип II.

Типо-хронологическая близость и сравнительно небольшое число нижеволховских сопки может объясняться, вероятно, кратким временем традиции их строительства. Отсутствие существенной вариативности внутреннего строения, взрывообразный характер распространения этой традиции говорят в пользу высказанной выше идеи и свидетельствуют об ее устойчивости, связанной с высокой степенью организации и коммуникативности общества, возводившего величественные курганы. Напомним, что сопки строились на освоенных местах и связаны с уже сложившейся системой поселений в Нижнем Поволжье. Выработке такой традиции должен соответствовать определенный период внешней и внутренней стабильности¹.

Находясь на стыке Балтийского и Восточноевропейского миров, Нижнее Поволжье в VIII–X вв. было весьма нестабильным регионом.

¹ В таком контексте не будет большой натяжкой провести параллель между активизацией церковного строительства в Новгородской земле, зафиксированного позднесредневековыми письменными источниками именно для периодов политической стабильности и экономического подъема, сопровождавшихся ростом населения. Интерпретация сопок как особых культовых объектов, возведение которых требовало определенных усилий и навыков, делает подобное сравнение вполне корректным.

Об этом свидетельствуют пожары на Староладожском поселении, сопровождающиеся изменениями в структуре застройки и материальной культуре, что в свою очередь следует связывать с частичной или полной сменой населения поселка с которым связана половина сопки. Периодами относительной стабильности можно считать время около 780 – около 840 гг., около 865 – около 950 гг., около 950 – 997 гг. (Кузьмин 1997а: 343-359). Соотнося периоды стабильности с данными о хронологии сопки, следует признать наиболее вероятной дату их возведения вторую пол. IX (не ранее 860-х гг.) – первую половину X в. Исходя из таких хронологических рамок и следует искать ответы на вопрос о том кому принадлежит рассматриваемая традиция.

- Бранденбург, Н.Е.* 1895. Курганы Южного Приладожья // *Материалы по археологии России* 18.
- Конецкий, В.Я.* 1989. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменя в VIII-X вв. // *Славяне. Этногенез и этническая история: (Междисциплинарные исследования)*. Л.
- Кузьмин, С.Л.* 1994. Сопка у д. Новые Дубовики // *Древний Псков. Исследования средневекового города*: 61-64. Псков.
1997. Волховские пороги в древности и средневековье // *Современность и археология. Международные чтения посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции*: 75-77. СПб.
- 1997а. Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // *Памятники старины. Концепции. Версии. Открытия*. 1: 343-359. СПб-Псков.
- Кузьмин, С.Л., Е.Р. Михайлова.* 1997. Новые материалы к проблеме славянского расселения на северо-западе Руси // *Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии* 3: 138-146. М.
- Михайлов, К.А.* 1997. Погребение воина с конями на вершине Плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // *Древности Поволховья*: 105-116. СПб.
- Носов, Е.Н.* 1985. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // *Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования*: 147-155. Л.
- Орлов, С.Н.* 1955. Сопки волховского типа около Старой Ладоги // *Советская археология* 22: 190-211.
- Петренко, В.П.* 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. Сопки северного Поволховья. СПб.
- Петров, Н.И.* 1997. Новые сведения об археологических памятниках Северного Поволховья (к археологической карте окрестностей Старой Ладоги) // *Древности Поволховья*: 58-63. СПб.
- Рябинин, Е.А.* 1982. Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973-1975 гг.) // *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*: 165-173. Л.
1995. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналоги) // *Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской*. Вып. 1: 56-61. СПб.
- Седов, В.В.* 1970. Новгородские сопки // *Свод археологических источников* Е 1-8. М.
1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.
1995. Славяне в раннем средневековье. М.

НАСЛЕДИЕ М.К. КАРГЕРА:

коллекция кожаных предметов из раскопок
1957 г. на Верхнем замке Полоцка

Ситуационная характеристика комплекса находок. Раскоп 1957 г. площадью 112 кв. м. занимал часть котлована под проектируемое здание в восточной половине Верхнего замка, к северо-востоку от Софийского собора средневекового Полоцка (Каргер 1957—А: л. 1-2). Археологические наблюдения здесь были начаты с уровня 3 м от современной дневной поверхности. При раскопках зафиксированы комплексы деревянных сооружений разного назначения, разделенные на 3 строительных яруса. Эти ярусы локализовались по глубине: I ярус — от 3,20-3,35 м до 3,70-3,80 м; II ярус — от 3,81-3,94 м до 4,02-4,18 м; III ярус — от 4,64 м до 4,90 м. Верхней границей III яруса, вероятно, можно считать тонкую прослойку гумуса со щепой (рис. 1-3). Отметим, что представляемые здесь чертежи полевой документации взяты из Рукописного архива ИИМК РАН. Ранее не публиковались. Судя по описаниям М.К. Каргера, а также по результатам позднейших раскопок Г.В. Штыхова, можно предположительно выделять ещё один — IV-й ярус на глубине 5,09-5,12 м, с остатками одного венца сруба. Материк в раскопе прослежен на глубине 5,88 м от современной поверхности.

По мнению И.К. Каргера, верхний ярус построек раскопа 1957 г. “не моложе XII — начала XIII вв.”, поскольку “уже в самых верхних слоях обнаружены фрагменты стеклянных браслетов и шиферные пряслица. Эти находки свидетельствуют о том, что все поздние (послемонгольские) слои городища в котловане удалены экскаватором”. В полевом отчете отмечено, что “в огромном количестве во всех слоях встречались остатки кожаных изделий, в первую очередь различной обуви. В ещё большем количестве попадались обрезки кожи, что свидетельствует о наличии где-то поблизости соответствующих мастерских. Среди кожаных изделий особое значение имеет найденный на глубине 4,6 м кошелек. Обе стороны его покрыты тиснением, мотивы которого близко напоминают орнаменты ювелирных изделий XI—XII вв.” (Каргер 1957—А: л. 8-9). Кошелек передан в Полоцкий музей руководителем работ вскоре после раскопок. Его описание, рисунок или фото отсутствуют.

Наблюдения и выводы М.К. Каргера, в определенной степени, сопоставимы с результатами раскопок Г.В. Штыхова 1959-1962 гг. в восточной части Верхнего замка, в непосредственной близости от раскопа 1957 г. (Штыхов 1975: 37 и сл.). Исследованный участок

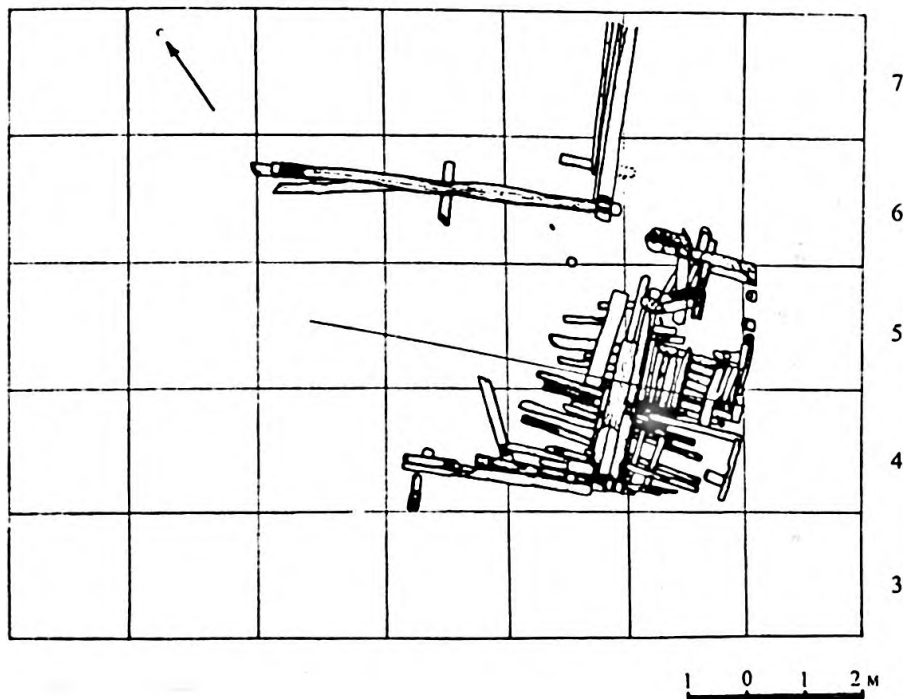

Рис. 1. Раскоп 1957 г. на Верхнем замке Полоцка.
План построек I яруса

охватывает два раскопа: № 2 (1959-1960 гг.) и № 3 (1961-1962 гг.). Мощность слоя здесь достигает 5,5 м. Деревянные конструкции хорошо сохранились начиная с глубины 0,9-1,5 м. В нижних слоях, мощностью до 1,5 м, дерево сохранилось фрагментарно. В площади раскопок выделено 14 строительных горизонтов, каждому из которых соответствуют культурные отложения в 0,1-0,5 м.

Сходные топографические условия раскопов 1957 г. и 1959-1962 гг., по оценке Г.В. Штыхова, практически примыкающих друг к другу, а также равная мощность отложений, отмеченная горизонтальность стратиграфии напластований и, по-видимому, степень сохранности органических материалов позволяют, в целом, сопоставлять строительные горизонты и ярусы этих раскопов по уровню залегания деревянных конструкций от современной поверхности. С учетом сказанного, ярусы в раскопе 1957 г. будут соответствовать следующим горизонтам в раскопах 1959-1962 гг. (см. Штыхов 1975: 50- 55, табл. 1, 2):

- I ярус (1957 г.) – VIII-IX горизонты (глубина 3,2-4,0 м);
- II ярус – IX (?)– X горизонты (глубина около 4,0 м – до 4,3 м);
- III ярус – XII-XIII горизонты (глубина 4,6-5,0 м).

Условный IV ярус в раскопе 1957 г. можно отнести к нижней части XIII горизонта по Г.В. Штыхову (глубина залегания 5,0-5,2 м).

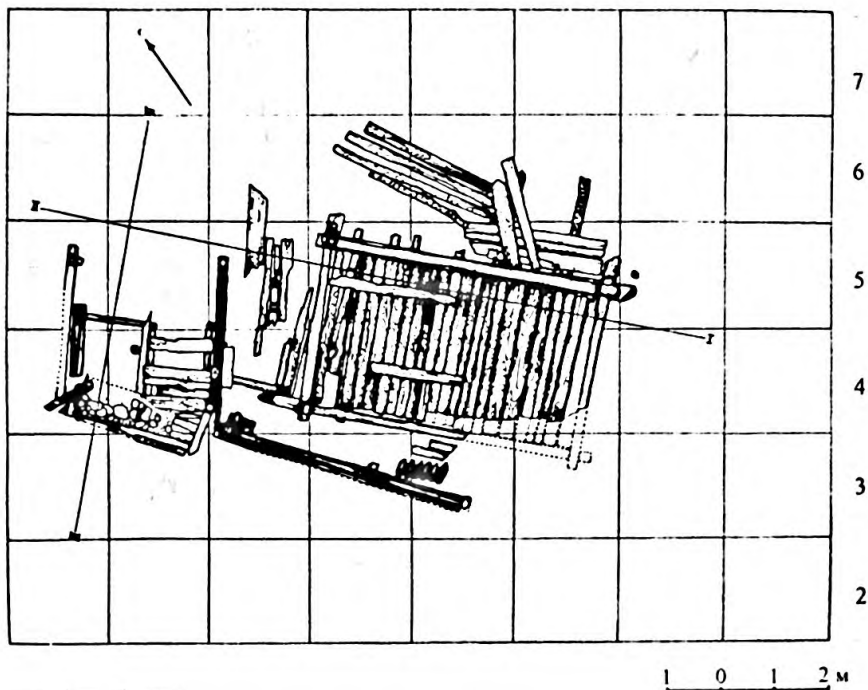

Рис. 2 Раскоп 1957 г. на Верхнем замке Полоцка.
План построек II яруса

Добавим, что выделенный Г.В. Штыховым XI горизонт – в раскопе 1957 г. отчетливо не вычлняется. Хронологическая привязка ярусов раскопа 1957 г. может опираться на серии дендродат из раскопов 1959–1962 гг. Таким образом, I ярус следует относить к 40–50-м гг. XIII в., II-й – к 30-м гг. XIII в., III-й – к рубежу XII/XIII вв. – 10-м гг. XIII в., а условный IV-й – к последней четверти XII в.

Правильность такого соотнесения подтверждают наблюдения за составом, количеством и динамикой распределения находок в разных слоях обоих раскопов. В раскопе 1957 г. отмечено: – большое количество шиферных пряслиц и разноцветных стеклянных браслетов во всех слоях “начиная с верхнего”; – редкость фрагментов амфор, стеклянных бус, перстней и тонкостенной стеклянной посуды; – отсутствие одноцветной поливной керамики, характерной для XII–XIII вв.; – большое число кожаных деталей во всех слоях.

По наблюдениям Г.В. Штыхова надежным признаком домонгольского слоя в Полоцке являются фрагменты красноглиняных амфор и тонкостенной стеклянной посуды, встреченные уже в слоях XI–XII вв. и исчезающие в конце 30-х гг. XIII в. Шиферные пряслица и стеклянные браслеты, наоборот, многочисленны в слоях XIII в. Количество пряслиц в слое увеличивается в начале XIII в. и сохраняется примерно на одном уровне почти до конца столетия. Браслеты, появившиеся

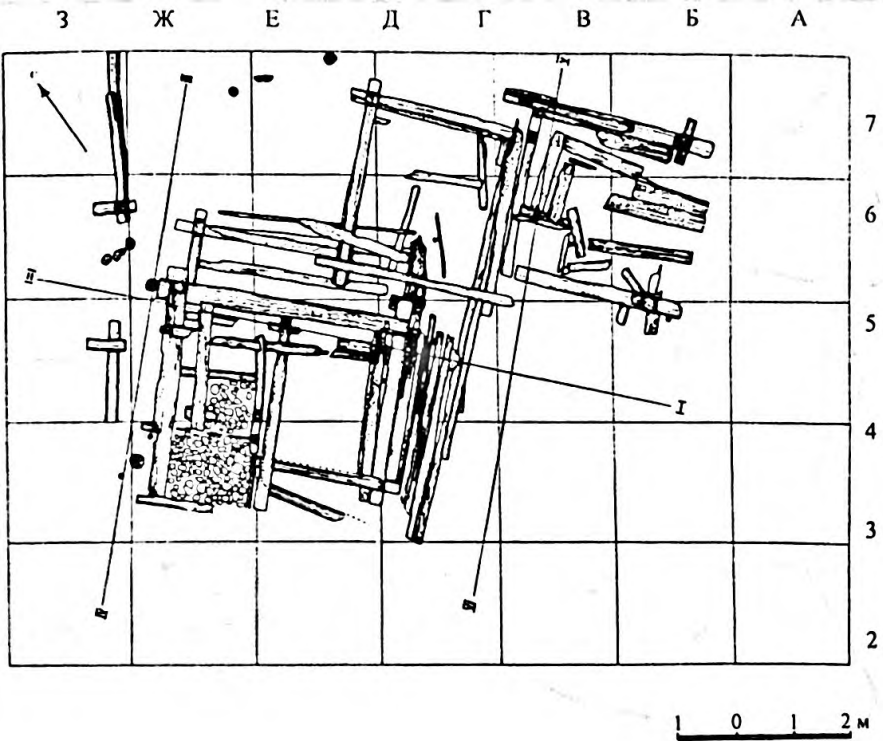

Рис. 3. Раскоп 1957 г. на Верхнем замке Полоцка.
План построек III яруса

в Полоцке к началу XIII в., резко умножаются в слоях 20-х годов и также резко начинают исчезать к концу столетия.

Предложенные сопоставления показывают, что строительные ярусы в раскопе 1957 г., как и весь массив культурного слоя, можно датировать в рамках конца XII – первой половины XIII вв. Для большей объективности следует рассматривать датировку ярусов в “узких” и “широких” границах, учитывая, что нижняя дата – конец XII в. – здесь не подтверждается “узко” датировемым материалом, а редкость некоторых групп предметов-“индикаторов”, например, амфор и стеклянной посуды, даст возможность, до определенной степени, поднимать нижнюю хронологическую границу. Поэтому для материалов раскопа 1957 г. предпочтительно использовать две временные “амбразуры”: узкую – 20–50-е гг. XIII в. и широкую – с конца XII в. по 50-е гг. XIII вв.

Состав и типология кожаных предметов. К моменту обработки коллекция кожаных предметов была депаспортизована, что ограничивает вещеведческий анализ всей совокупности находок. Материалы были разложены по пакетам и маркированы номерами, но паспортов не имели. Опись находок также отсутствовала.

Всего сохранилось 858 предметов: основных деталей обуви – 295, дополнительных деталей обуви (обшивка верха, заплаты, прокладки

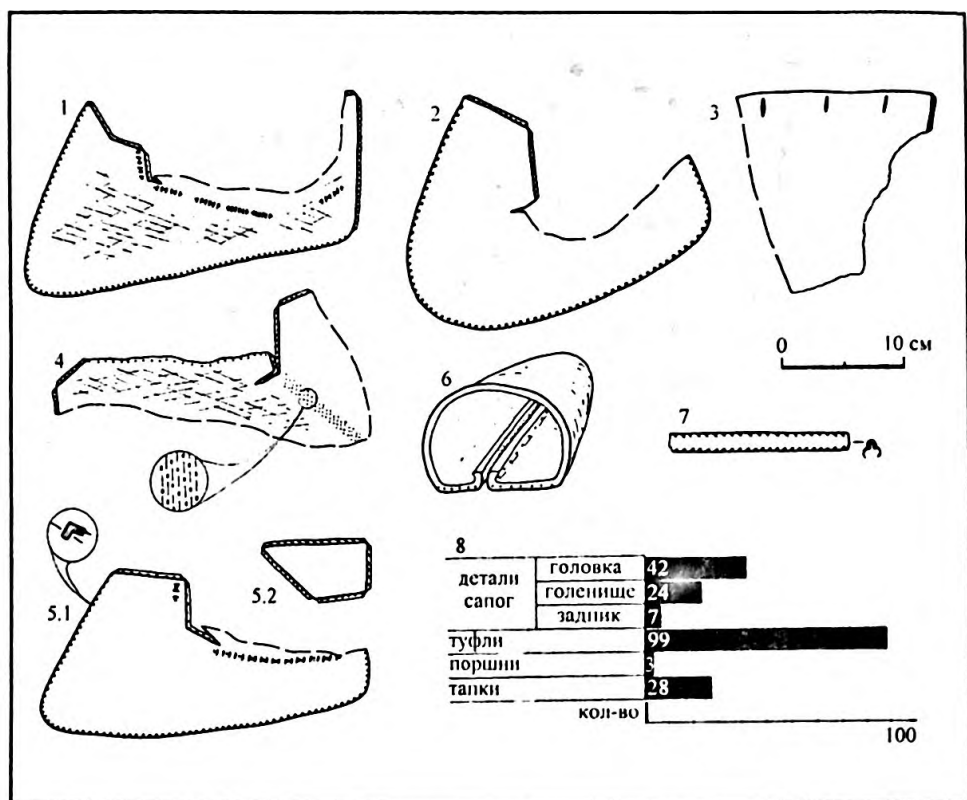

Рис. 4. Обувь из раскопок 1957 г.

1, 2, 4, 5.1-5.2 – варианты раскроя верха туфель; 3 – фрагмент поршня; 6 – реконструкция “домашних туфель”; 7 – обшивка верха обуви; 8 – количественное соотношение групп обуви

в шов) – 26, обрезков обуви – 208, обрезков от раскроя – 320, среди них 39 – с края кожного листа (признак – утолщение края и неполная сгонка волоса), других бытовых предметов – 9.

При вербальном и графическом описании использованы методические приемы и практика описания коллекций из других средневековых русских городов (Курбатов 1991: 130 и сл.; 1997: 132 и сл.).

Обувь. Выделено несколько видов мягкой обуви: сапоги, туфли, поршни и, с условным наименованием, “домашние (или “рабочие”) туфли” (рис. 4: 8). В ряде случаев подбор отдельных деталей по микропризнакам, сохраняющимся на швах и мерее, позволил восстановить целые модели или отдельные узлы обуви.

Туфли. Детали этой обуви в коллекции преобладают – 99 предметов. Конструкция туфель сочетает однослойную однодетальную подошву с одно- или двухдетальным верхом, без дополнительных внутренних элементов (прокладок). По форме раскроя, использованию отделки мереи и декору выделено три прима (варианта) конструирования.

Первый прием включает однодетальную асимметричную раскройку верха, где передняя часть – головка – намечена линиями отрезков, а на противоположном конце детали сделан вырез по форме бокового

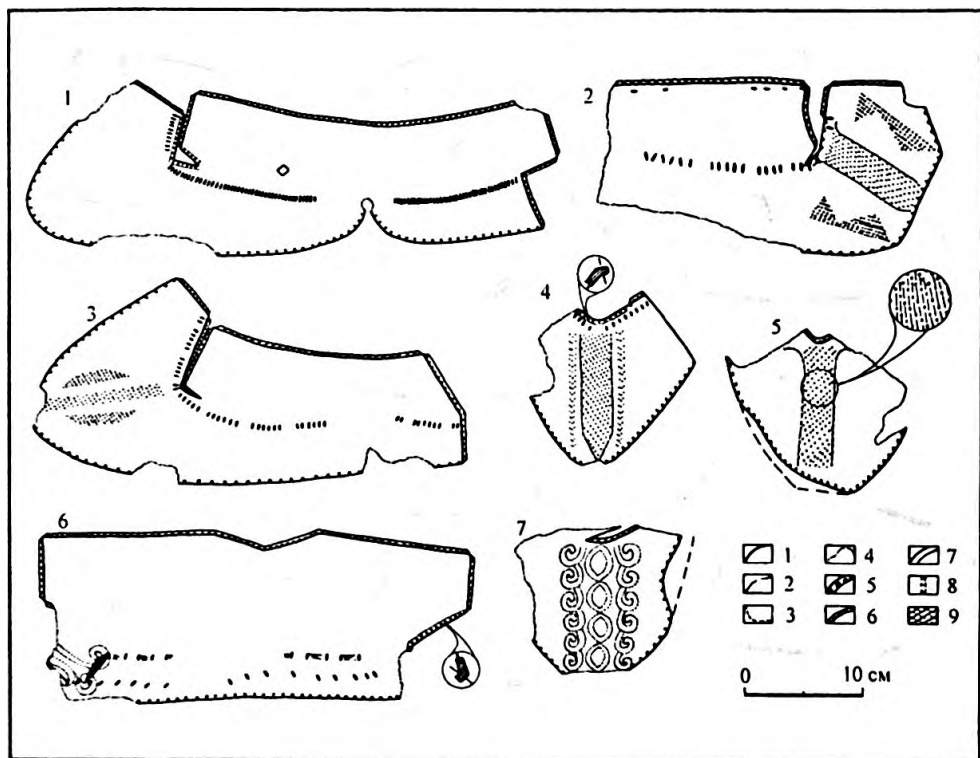

Рис. 5. Раскрой верха туфель.

Условные обозначения (для рис. 4-6, 8-11): 1 – первичный обрез раскройки; 2 – вторичный обрез детали; 3 – реконструкция первоначальной формы; 4 – разрыв детали; 5 – выворотный шов; 6 – точной шов; 7 – линии наружной и внутренней сторон кожи; 8 – “потайной шов” на внутренней стороне детали; 9 – линование “сеточка”

обреза головки. При сборке верх как бы “обёртывался” вокруг стопы движением с внешней стороны стопы на внутреннюю, где и располагался боковой шов (рис. 4: 4; 5: 1-7). Боковины верха, стоячие или отложные (высотой 5,0-5,5 см), закрывали лодыжку и низ голени. Обувь крепилась на ноге кожаными оборами, продетыми сквозь серии прорезов на уровне лодыжки. Для некоторых моделей, видимо, из-за отсутствия подходящего куска кожи, использована вставка на внутренней стороне стопы (рис. 4: 4; 5: 3). Одна туфля имела подошву с вытянутой удлиненной пяткой, вшитой в соответствующий вырез верха (рис. 5: 1). К этой группе туфель отнесено 19 предметов.

Для второго приема конструирования отличительным признаком является двухдетальный крой верха, в основе которого лежит симметричная, относительно продольной оси, закройка со швом на пятке. Только в одной модели верх скроен из цельного куска кожи (рис. 6: L). В остальных случаях верх сшивался из двух деталей: основной – закрывавшей носок и наружную половину стопы и дополнительной – прикрывавшей тыльную боковую часть стопы. Откидной “воротник”

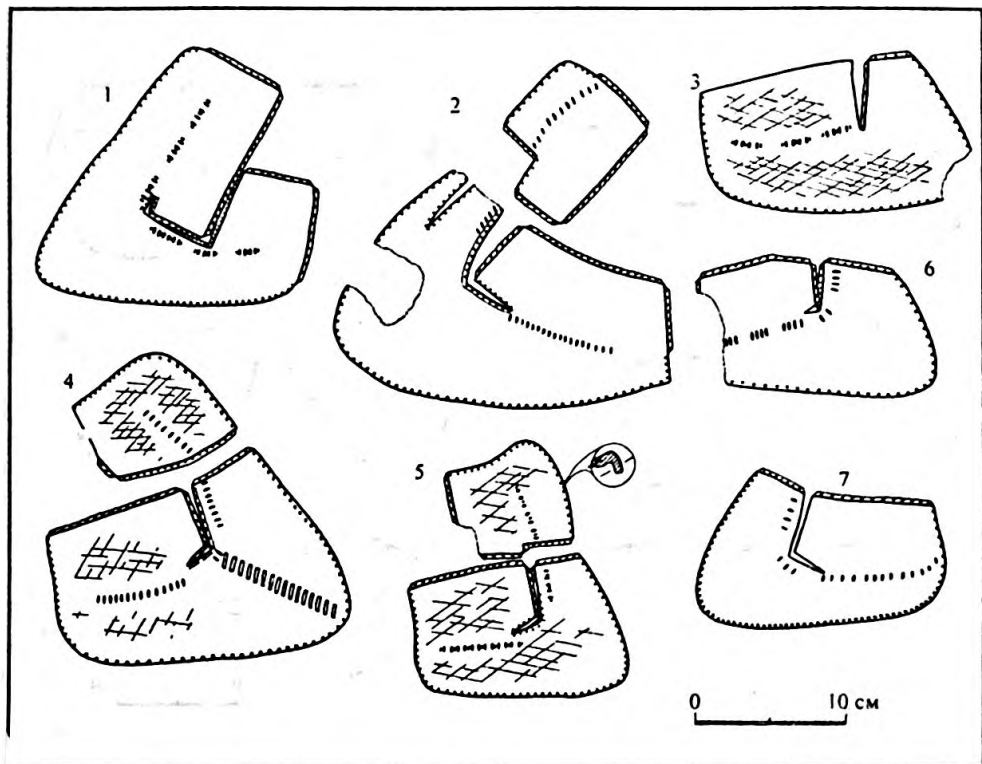

Рис. 6. Варианты раскроя туфель

(берцы), высотой около 5 см, частично подшит из отдельного куска кожи. В этой группе из 21 модели преобладают малые и средние размеры (рис. 4: 2, 5; 6: 1-7).

Третий приём конструирования представлен 2-мя моделями с асимметричным краем двухдетального верха (рис. 4: 1).

Для всех приёмов раскроя общим является: – способ крепления обуви на ноге – при помощи кожаных ремешков-обор, продернутых сквозь ряды прорезов на уровне лодыжки; – обшивка по краю верха; – отсутствие внутренних дополнительных элементов. Исключение составляют: одна раскройка без обшивки верха (рис. 6: 3) и две модели без обор (рис. 4: 2, 4).

Декор туфель. Он присутствует на 25 из 38 моделей (рис. 8). Учтены и отдельные фрагменты носков верха туфель, как правило несущие декор (рис. 7). По технике нанесения различаются: – диагональное линование перекрещивающимися линиями всего верха туфель, своего рода “сеточка” (рис. 8: 13); – полоса шириной 1,0-1,3 см по продольной оси носка, образованная диагональными отрезками спирально навитой вальцованной железной проволоки или ленты¹ шириной

¹ Мелкие фрагменты нити сохранились в швах и были замечены при разрыве изделия. Металлографический анализ выполнил к.х.н. А.Н. Егорьков в Лаборатории спектрального анализа ИИМК РАН. Номер образца 639-12. Основной металл – железо.

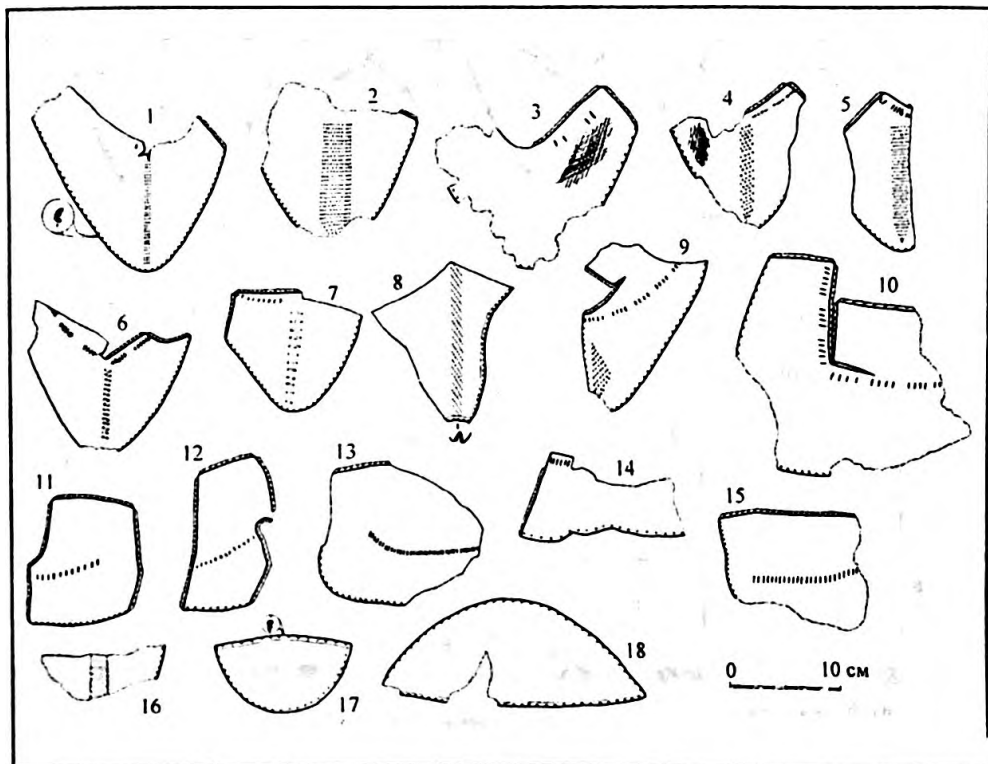

Рис. 7. Фрагментарные детали верха туфель (1-16) и детали неопределенных видов обуви (17-18)

1,5-2,0 мм (рис. 8: 2); – “продержка”, включающая парные полосы частых, через 1-1,5 мм, прорезов, сквозь которые в шахматном порядке продернуты узкие, до 1,5-2 мм, кожаные ремешки (рис. 8: 1); – расшивка обуви цветными нитями (рис. 8: 1, 3-12). Последний вид декора наиболее многочисленный и разнообразный по мотивам. Встречены многорядная “прошва”, завитки, геометрические элементы, а также сочетания расшивки с “продержкой” (рис. 8: 1). Из 13 выделенных вариантов декора наиболее представительны линование “сеточка” – 6 экз., одна из простейших форм “прошвы” – 4 экз., прошивка металлической лентой – 3 экз. Сочетание “прошвы” с “продержкой” и расшивными геометрическими фигурами встречено 2 раза. Остальные варианты декора присутствуют на единичных моделях.

Canogu. В коллекции определено 76 деталей этой обуви, включая 42 головки, 7 задников, 3 подошвы и 24 обрезка голенищ. Полные модели не реконструированы. По форме раскроя деталей выделено: два варианта головок – с прямым обрезом на подъеме и с выраженным мыском (рис. 9: 1.1-1.6), 2 варианта задников – узкие невысокие с мыском на верхнем обресе и также невысокие, но с прямым верхним обресом и вертикальным вырезом от нижнего края (рис. 9: 2.1-2.4). Последние сочетаются с подошвой, имеющей удлиненный и заостренный язычок на пятке (рис. 10: 14; 11: 2; 12: 4). Встречено также три экземпляра такой подошвы. Однако надо отметить, что

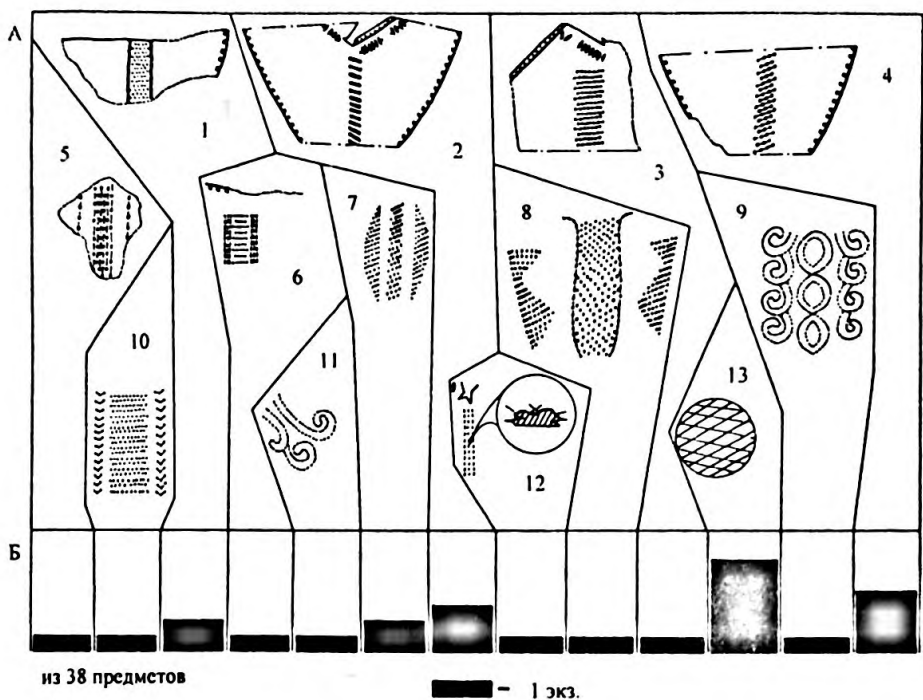

Рис. 8. Варианты декора туфель

подошвы с заостренной пяткой могут использоваться и в моделях мягких туфель, что невозможно проверить без подбора деталей по микропризнакам на коже.

Три типичные для сапог подошвы отличаются использованием тонкой (1,0-1,5 мм) кожи в 2-3 слоя и вертикальными сквозными отверстиями основного шва (рис. 12: 5, 6). Из 92 подошв колодкой коллекции на большинстве присутствует выворотный шов основного соединения (рис. 12: 7), а выкроены они из относительно толстой кожи (2-3 мм).

Поршни. Представлены тремя фрагментированными деталями (рис. 4: 3, 8) с признаками вторичного использования материала, т.е. перешитых из голенищ сапог. По краям раскрой видны редкие прорезы для обор.

“Домашние (рабочие) туфли”. Этот вид обуви здесь, как и в других коллекциях (Курбатов 1997: 136), встречен в виде обрезков с подошвы в количестве 28 экз. Реконструкция изделий показывает две детали – носок и пятку, со швом на подошве (рис. 4: 6). Обувь имела широкую сегментовидную раскройку носка. Форма головки напоминает деталь сапога, но с существенным отличием – ширина ее превышает длину. К носку подшивалась пяточная деталь также со швом на подошве, по форме напоминающая высокий и широкий задник сапога. В шов по продольной оси на подошве для герметизации вшивалась прокладка из сложенной вдвое полосы кожи. Для удобства ношения, видимо, внутрь вкладывалась толстая войлочная стелька.

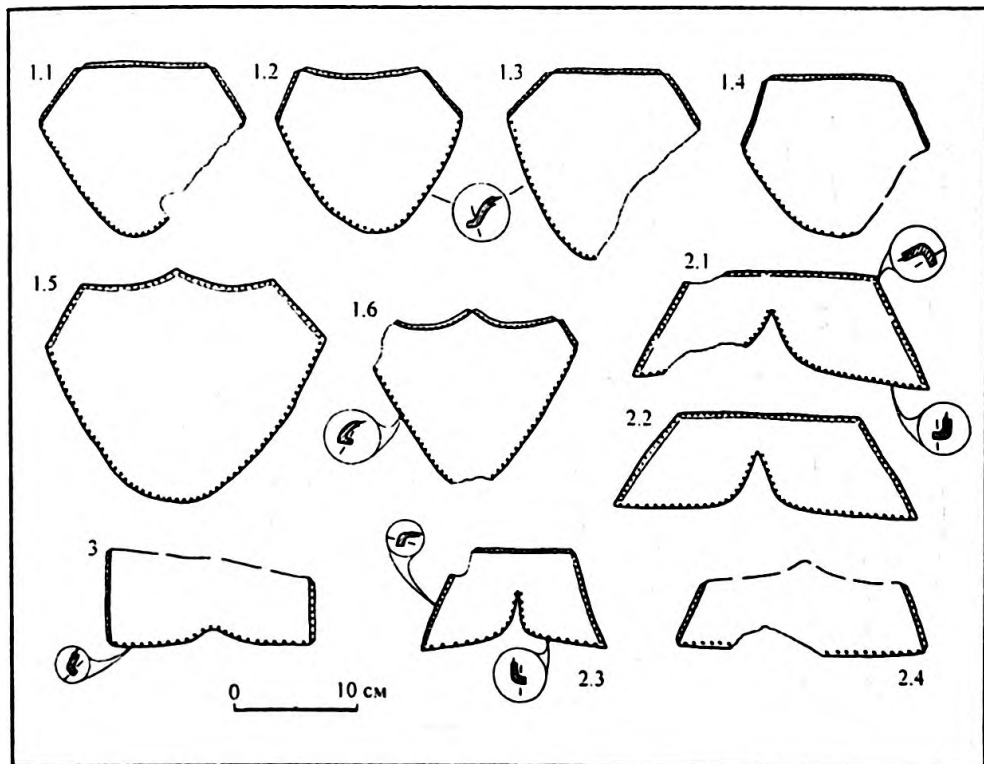

Рис. 9. Детали мягких сапог: 1.1-1.6 — головки; 2.1-2.4 — задники; 3 — голенище

Другие бытовые изделия. Среди немногочисленных изделий в делсны 2 детали рукавиц — голиц, одна деталь игрового мяча, д чехла для ножей или подобных изделий, две накладк для клапанов сумок и две завязки с узлами от неопределенных изделий (рис. 11: 18; 13: 1-5, 7).

Чехол для ножен шит из одного куска кожи, с широким боковым выступом, прошит по краю вальцованной железной нитью в две строчки (рис. 13: 1). Другой чехол скроен из тонкой, хорошо продубленной кожи, с тиснением “сеточка” по всей поверхности. Нижний край раздвоен, что позволяет предполагать использование изделия как чехла для миниатюрных ножниц или двузубой вилки (рис. 13: 2). Двойная строчка по боковой стороне сделана вальцованной проволокой. Сплошная (без прерывания стежков) строчка этого шва при использовании одной проволоочной нити достигнута смещением стежков лицевой и оборотной сторон на пол-шага относительно друг друга, с возвратом нити в предыдущее отверстие при прохождении ее сквозь толщю кожи (рис. 13: 2.1). Прошивка повторяет декоративные завитки на обрзе боковины. Чехол крепился на поясе тонким ремешком, вшитым в верхнюю часть чехла, как показано на реконструкции (рис. 14) и дополнительно скреплен двумя заклепками (сохранились рваные отверстия).

Обрезки. Представлено 208 обрезков со швами, указывающими на вторичное использование обуви и других изделий, а также 320

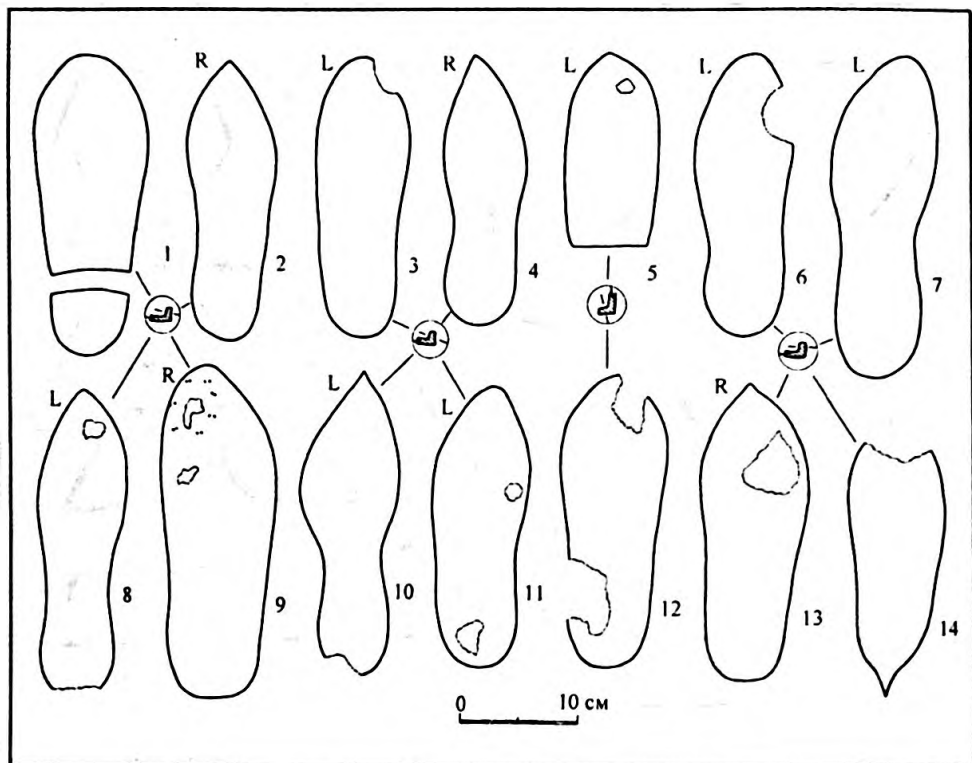

Рис. 10. Формы раскроя подошв

обрезков раскроя, в том числе, от деталей бывших в употреблении. Использование новых кож подтверждают обрезки с краев кожного листа с утолщением края и неполной сгонкой волоса. Некоторые обрезки указывают на раскрой определенных предметов, например игрового мяча (рис. 13: 10.1) или вторичное использование деталей для прокладок (рис. 13: 6). Обрезки от раскроя разных изделий, преимущественно деталей обуви, можно разделить по форме, толщине материала, фактуре поверхности на ряд групп: – с края кожного листа; – подтреугольные с вытянутыми сторонами; – треугольные разной формы и размеров; – прямоугольные и неправильных форм; – тонкие длинные нитевидные и широкие полосы, частично использовавшиеся как завязки или оборы. Количественное соотношение обрезков разных форм, возможно, показывает преобладание среди производимых изделий обуви (туфли, сапоги), что характеризует специализацию ремесленников (рис. 13: 10.1-10.6, 11).

Сравнительный анализ изделий. Рассматривая кожаные предметы из раскопок 1959-1962 гг. на Верхнем замке Г.В. Штыхов отметил некоторые тенденции моделирования обуви, доминирующие в XIII в.: – преобладание мягких однослойных туфель среди других видов обуви (исследователь называет их башмаками); – из туфель преобладают модели второго варианта кроя по Е.И. Ояевой – со скругленными носком и пяткой подошвы; – модели с вытянутой заостренной пяткой подошвы для XIII в. уже немногочисленны. Материалы из раскопок

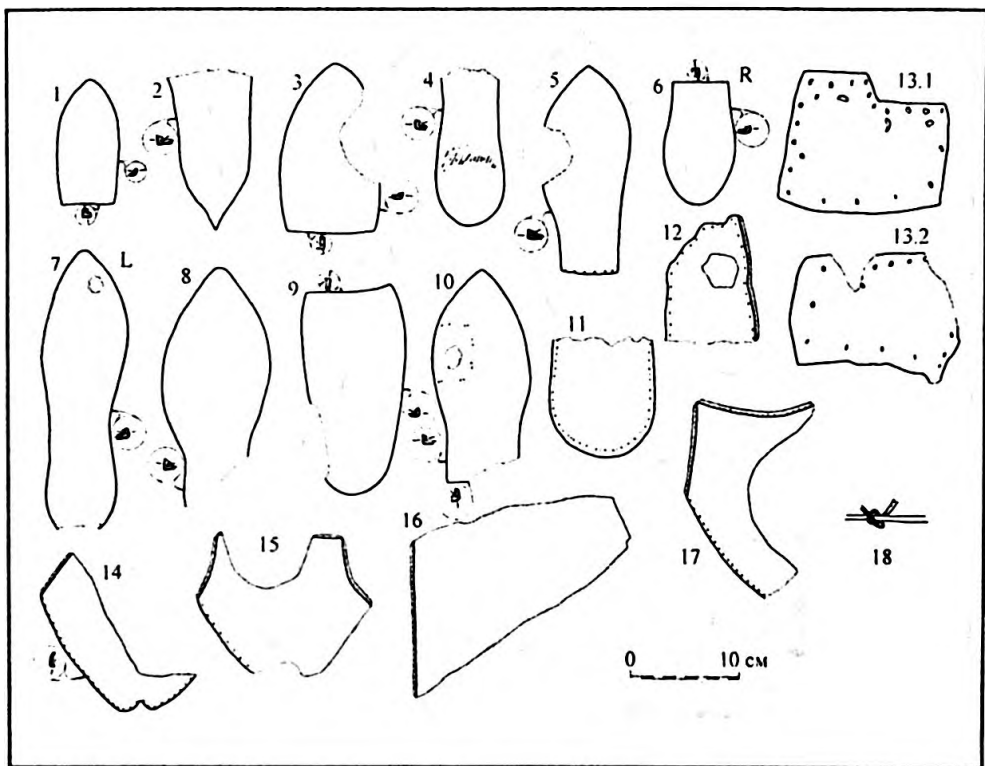

Рис. 11. Подошвы разных видов обуви (1-10), подметки (11-13), детали верха сапог (14-17), кожаный ремешок с узлом (18)

М.К. Каргера подтверждают указанные наблюдения (рис. 4: 8). К м делям архаичного, или выходящего из употребления, края относятся только 7 деталей – 3 подошвы, 3 задника сапог и верх туфли (рис. 5: 1; 8: 2.1-3; 9: 14). Надо отметить, что некоторые детали верха туфель – симметричного края со швом на пятке – соотносимые, по Е.И. Оятевой, с подошвами 1 варианта края, – с вытянутой пяткой, известные во Пскове, Белоозере и др. городах (Оятева 1962: 80-81, рис. 1: 5; Оятева 1973а: рис. 4: 1), в Полоцке, видимо, связаны с другой формой подошвы. Это прослеживается при подборе деталей верха и подошвы по микропризнакам совмещаемых швов – взаимному расположению отверстий стежков, складкам, стертости на внешней и внутренней сторонах деталей. Кроме того, число деталей верха данной формы раскроя значительно больше встреченных подошв 1 варианта края по Е.И. Оятевой, что, отчасти, подтверждает правомерность предположения. Подбор деталей показывает сочетание в одной модели таких деталей, которые по схеме Е.И. Оятевой (Оятева 1973б: 199, рис. 71, 72) должны принадлежать разным вариантам обуви (рис. 6: 1-7). Однако в силу выборочности сохранившейся коллекции кожи статистика находок будет малоказательной.

Разные виды обуви в раскопках Г.В. Штыхова представлены в близких соотношениях к материалам 1957 г. Так, отношение деталей разных видов обуви (туфли-поршни-сапоги) составляет в раскопках 1959-

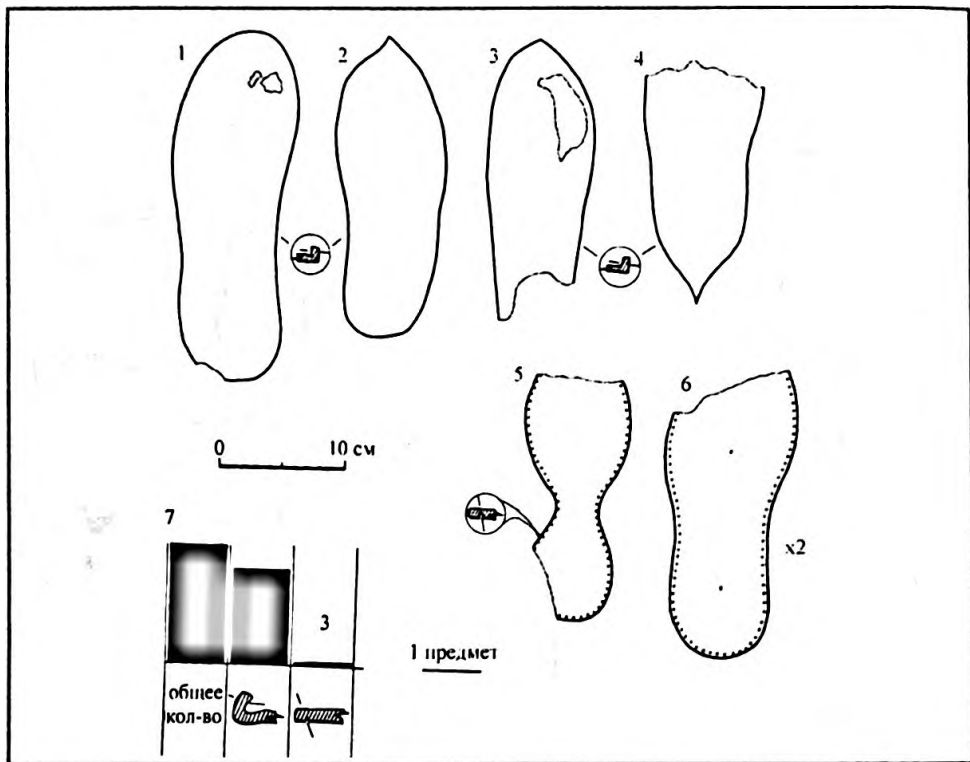

Рис. 12. Формы раскроя подошв (1-6) и количественное соотношение видов подошв (7)

1962 г. – 260: 29: 136, а в раскопе М.К. Каргера – 99: 3: 76. Фрагменты “домашних туфель” показаны в иллюстрациях к работе Г.В. Штыхова, но не выделены в отдельный вид обуви (Штыхов 1975: рис. 35: 16). Данный вид обуви до последнего времени не был описан в отечественных исследованиях, хотя и присутствует в отдельных публикациях (Фоняков 1989: 86, рис. 7). Он есть в коллекциях из Пскова и Новгорода, хранящихся в фондах музеев. Реконструкция, описание и статистика этой обуви проведена на материалах г. Твери (Курбатов 1995а: л. 48; Курбатов 1997: 136). Судя по данным раскопок в Твери, “домашние туфли” для XIII–XIV вв. были одним из наиболее популярных видов обуви.

Декор туфель в коллекции М.К. Каргера имеет определенную корреляцию с вариантами раскроя. Так, асимметричные раскройки верха, как правило, декорированы нитяной расшивкой и только 1 экземпляр имеет дополнительно линование “сеточка” (рис. 4: 4). Симметричные раскройки верха, напротив, несут другие виды декора – “сеточку”, “дорожку” из металлической проволоки (рис. 4: 1; 6: 1-7). Декоративное значение имеют и прорези для обор, сгруппированные по 4-5, на расстоянии 2-2,5 см между группами. В материалах раскопок Г.В. Штыхова последние варианты декора не отмечены.

Орнаментация изделий настоящей коллекции находит аналогии в других древнерусских городах. Например, мотивы расшивки туфель – “дорожка”,

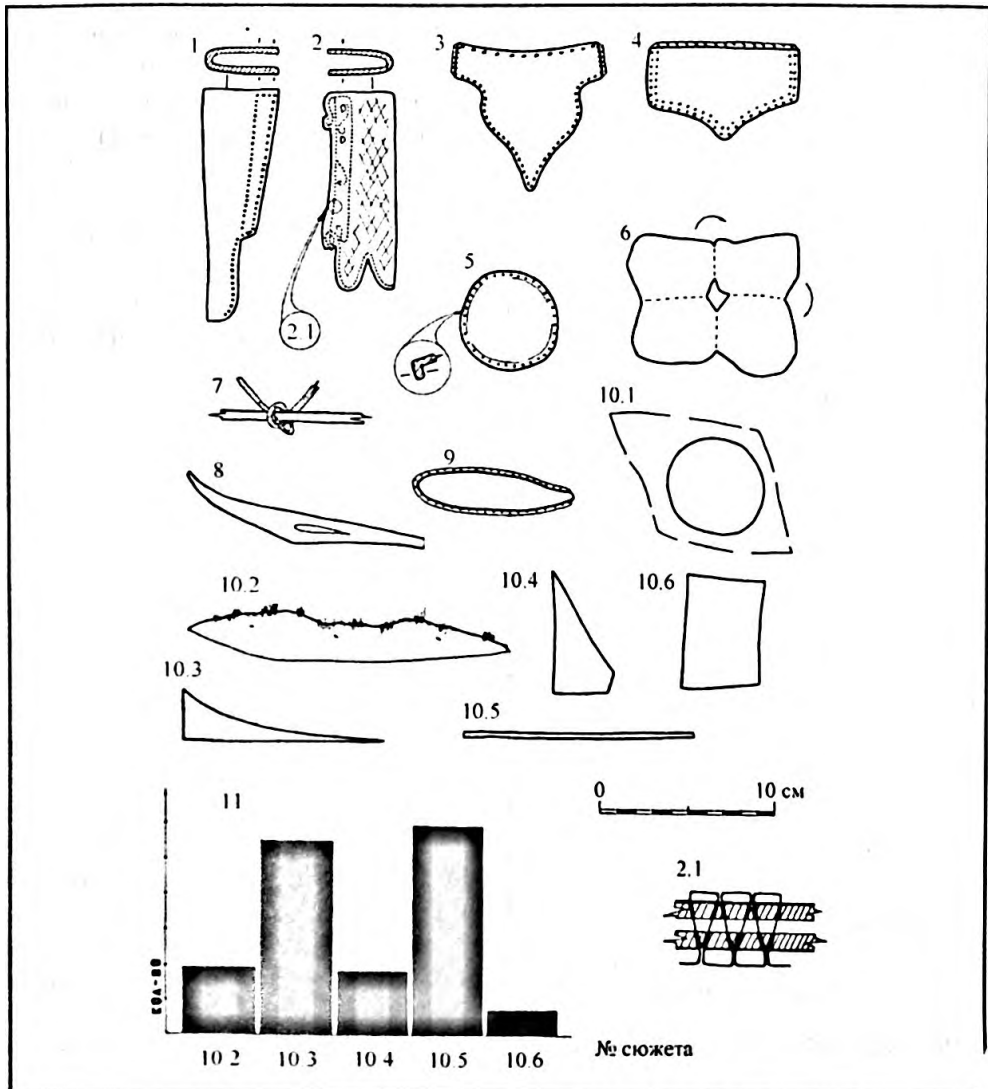

Рис. 13. Бытовые кожаные изделия:

1, 2 – чехлы; 3, 4 – накладки клапанов сумок; 5 – деталь игрового мяча; 6 – прокладка; 7 – ремешок с узлом; 8, 10.1-10.6 – обрезки от раскроя; 9 – вышивная заплата; 11 – количественное соотношение разных форм обрезков

прошва, крины, геометрические элементы встречены во множестве вариантов в Новгороде, Пскове, Смоленске, Берестье, Гродно, Минске (Изьмова 1959: 203, 205; Ояева 1962: 81-82; Полонская 1991: 109, рис. 2; Лысенко 1985: 288-294, рис. 201, 203, табл. 51, 52; Загорьский 1982: 267, рис. 169; Трусау, Собаль, Здановіч 1993: 64-65). На примере Пскова (рис. 15) отмечалось, что в дальнейшем, по мере накопления материалов, станет возможным выделять наиболее популярные виды декора кожаных изделий, надо полагать, сменявшихся в каждом центре более или менее динамично (Зубкова, Курбатов

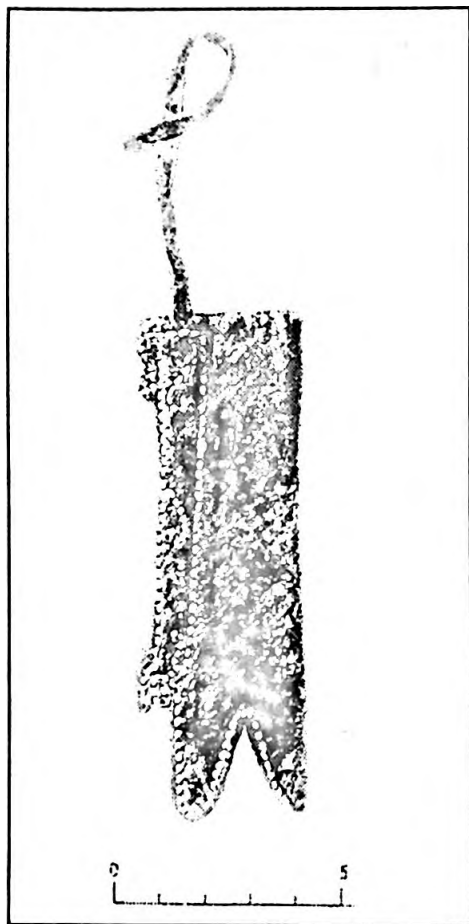

Рис. 14. Реставрированный чехол для ножниц

1983: 232, аф. 197). Полоцкие чехлы находят близкие аналогии в материалах Новгорода и Пскова по раскрою и по декору. Чехол для ножа, асимметричный с широким уступом и двойной строчкой, по наблюдениям Т.С. Варфоломеевой, как тип преобладал в слоях Новгорода до середины XIV в. (Варфоломеева 1993: 163, рис. 1) и вероятно в это же время бытовал во Пскове (Оятева 1962: 93-94, рис. 10: 13-19). Чехол для миниатюрных ножниц (?) по оформлению края завитками прямо соотносится с чехлами для ножей из Новгорода и Пскова, где они датируются XI-XIV вв. (Оятева 1962, рис. 10: 15; Варфоломеева 1993, рис. 1: 1, 3, 7, 14). Добавим, что в Лядинском могильнике и подмосковных курганах XI-XII вв. встречены кожаные кошельки, прошитые по краям медной проволокой (Левашова 1959: 43).

Заключение. Различные кожаные изделия, а также обрезки от раскроя из раскопа 1957 г., по-видимому, могут указывать на наличие в конце XII – первой половине XIII вв. в восточной части Верхнего замка Полоцка специализированных кожевенно-обувных производственных комплексов, где шили обувь, а возможно, и другие изделия,

1992: 39-42). Некоторые виды декора, вероятно, редко применявшиеся на обуви в русских городах и известные сейчас только в Полоцке, находят аналогии в городах Польши. Так, плетение металлической нитью было в ходу в Ополе с конца X в. до середины XII в. (Norska-Gulkowa 1964: 10, Rys. 3a, 13), в Гданьске в середине XII в. (Wiklak 1969: 499, Rys. 42e). В Ополе встречены и мотивы расшивки цветными нитями, близкие или аналогичные металлической оплетке (Holubowicz 1956: 324, Rys. 143).

Тиснение кожи "сеточкой", ранее не отмеченное на древнерусской обуви, в последнее время выделено в материалах Твери (Курбатов 1995-А: л. 50; Курбатов 1997: 136). На других бытовых изделиях – чехлах для ножей, кошельках такой декор встречен в Новгороде (Изюмова 1959: 216-218, рис. 10: 7; Варфоломеева 1993: 162-165, рис. 1: 1, 3, 7, 14) и Пскове (Оятева 1962: 93-94, рис. 10: 13, 15), а за пределами Руси – в Стокгольме (Dahlback

IX	1	1	1						
X	3	2	5		1		3	5	3
XI	6	2	6	1	1		1		2
XII	1		1						2
XIII	4	4	2			1	3		
XIV	1		2	5					

Рис. 15. Варианты орнамента псковских средневековых туфель из раскопов на ул. Ленина
(римскими цифрами даны номера раскопов)

как из новых кож, так и из вторично используемых деталей. Мастера-обувщики занимались также ремонтом и перешивом кожаных изделий, на что указывают подметки и заплаты, в том числе вшивные (рис. 13: 9), а также многочисленные детали и обрезки со следами вторичного использования (рис. 4: 3). Наличие коженых мастерских отмечено и в раскопах 1959-1962 гг. Там найдены постройки с зольниками, скопления извести, шерсти и целых пластов кожаных обрезков возле строений. В комплексах обнаружен инструментарий – раскроечные ножи, шилья, обувные колодки (Штыхов 1975: 75- 76).

В целом, комплекс полоцких находок из раскопа М.К. Каргера, в первую очередь обувь, имеет свои, наиболее употребительные модели, варианты пошива и декоративной отделки, в большинстве сопоставимые с изделиями других древнерусских городов. По набору и вариациям кроя, а также декора, полоцкая обувь, видимо, наиболее близка изделиям из Смоленска и Белоозера (Оятева 1973б; Полонская 1991). В ряде находок прослеживаются контакты с юго-западным славянским миром и с крупнейшими центрами Северной Руси – Новгородом и Псковом. Однако при анализе вероятных культурных связей по материалам коженного производства надо учитывать неполноту и случайность выборки данной коллекции, что может существенно влиять на выводы.

На наш взгляд, сходство полоцкой коллекции с материалами из Белоозера и Смоленска может определяться хронологической близостью этих комплексов находок. Для Белоозера существенные уточнения сделаны Л.А. Голубевой¹. Основываясь на стратиграфических наблюдениях и реконструкции застройки исследованных участков, а также на данных дендроанализов (Черных 1965: 90) Л.А. Голубева уточняет положение в слое ряда находок. Так, детали обуви верх (Оятева 1973: рис. 72: 10; 73: 1) и подошвы (Оятева 1973: рис. 74: 6, 17, 24) найдены на уровне нижней границы VI пласта и в пласте VII – в слое со щепой, на уровне мостовой 2 яруса застройки и под ней, в раскопах XVII–XVIII. Они датируются второй половиной XII в. Связанный с этим слоем частокол в кв. 40, 45, 50, 55, 60, 65 относится к 1195 г. (Черных 1965: 90), но постройки возникли ранее частокола и настила (Голубева 1973: 96-97, 105-106, рис. 28, 36). Сруб № 4, например, к моменту сооружения настила, перекрывшего частокол с дендродатой 1195 г., по мнению Л.А. Голубевой “простоял не менее четверти века”. Также уточняется положение других деталей обуви (Оятева 1973: рис. 72: 3, 5; 73: 3, 5, 13, 15), происходящих с раскопа XXX 1959 г. Открытые здесь деревянные строения относятся к XIII–XIV вв. (Голубева 1973: 62-63, 110-111). Таким образом, имеются некоторые основания для хронологического соотнесения моделей кожаной обуви из Белоозера и Полоцка. Можно предложить отнесение большей части опубликованной белозерской кожаной обуви ко второй половине XII – первой половине XIII вв.

Выделение узко датированных комплексов кожаных изделий в дальнейшем позволит рассматривать динамику изменения конструкций и декора предметов в пределах 50-60 лет или менее. В настоящее время используются более широкие временные границы, – XI–XIII вв. (Оятева 1973: 199; Полонская 1991: 108, 109).

Барфоломеева, Т.С. 1993. Кожаные ножны XI–XV вв. из раскопок Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология 7. Новгород.

Загорюльский, Э.М. 1982 Возникновение Минска. Минск.

Зубкова, Е.С., А.В. Курбатов. 1992. Некоторые вопросы сложения традиций средневекового русского кожевенного производства (по материалам Пскова) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991. Псков.

Изюмова, С.А. 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР 65. М.

Каргер, М.К. 1957–А. Отчет о раскопках Полоцкой археологической экспедиции ИИ АН БССР в 1957 г. // Архив ИИМК РАН, ф. 85, Р-24.

Курбатов, А.В. 1991. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Археологические изыскания 3. Л.

1995а. Кожаные предметы из раскопок Тверского кремля в 1994 г. // Лапшин В.А. Раскопки в Тверском кремле на участке строительства

¹ Из переписки Л.А. Голубевой и Е.И. Оятевой. Любезно предоставлены мне Е.И. Оятевой.

здания Тверского гос. музея по ул. Советской д. 7 в 1994 г. Архив ИА РАН, Р-1.

1997. Кожевенное производство Твери XIII – первой половины XV вв. по раскопкам Тверского кремля 1993-1996 гг. // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь.

Левашова, В.П. 1959. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ 33. М.

Лысенко, П.Ф. 1985. Берестье. Минск.

Оятева, Е.И. 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4. Л.

1973. К методике изучения древней кожаной обуви // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 15. Л.

1973а. Белозерская кожаная обувь // Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.

Полонская, М.Ю. 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. М.

Трусая, А.А., В.Б. Собаль, Н.И. Зданович. 1993. Стары Замак у Гродне XI–XVIII ст. ст. Минск.

Фояков, Д.И. 1989. Обувь и другие кожаные изделия из раскопок Торопца // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 195. М.

Черных, Н.Б. 1965. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белозера // Археология и естественные науки. М.

Штыхов, Г. В. 1975. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск.

Dahlback, G. 1983. Helgeansholmen. 1000 ar i stockholms ström. Stockholm.

Holubowicz, W. 1956. Opole w wiekach X–XII. Katowice.

Norska-Gulkowa, M. 1964. Wczesnośredniowieczne hafty na wyrobach skorzanych z Ostrowka w Opolu z X–XIII w. // Wiadomości Archeologiczne XXX. Warszawa.

Winklak, H. 1969. Polskie obuwie wczesnośredniowieczne z VIII–XIII w. na podstawie wykopalisk // Materiały Wczesnośredniowieczne VI. Wrocław-Warszawa-Kraków.

DIE BEWAFFNUNG IN DEN BURGEN AUS DER STAMMESZEIT IN WESTPOLEN (Großpolen und Schlesien)

Der Wandel in der Struktur und Organisation der slawischen Gesellschaften in der Zeit des Frühmittelalter spiegelt am besten sich im Bau der befestigten Burgen wider. Mit den Überresten von solchen Anlagen sind vor allem die von den Westslawen bewohnten Gebiete gesättigt, und diese sind seit Jahrzehnten der Gegenstand der Terrainuntersuchungen und verschiedener Forschungen unter Berücksichtigung der breiteren Problematik. Letztens wird ein großer Wert der Präzisierung der Chronologie des Burgenbaus bei den Slawen beigemessen, womit das Problem der Anfänge des befestigten Bauwesens verbunden ist. Auch das Problem der Verteilung von diesen Burgen, insbesondere der Änderungen in diesem Bereich, ist von Bedeutung. Die traditionelle Forschungsrichtung sind ebenfalls die Konstruktionen der Befestigungen. In Hinsicht darauf, daß die einzelnen Objekte, vor allem diese, die vor der Bildung des polnischen Staates funktionierten, in geringem Umfang untersucht wurden, wurde der Vergleichsanalyse des Innenausbaus und der in den Burgen freigelegten Gegenstände, meistens wenig abwechslungsreichen, wenig Wichtigkeit beigelegt. Auffällig ist jedoch das häufige Auftreten in diesen Burgen der Bewaffnungselemente, insbesondere der Reiterausrüstung. Gerade dieses Problem ist der Gegenstand der nachfolgenden kurzen Bemerkungen.

Aus Großpolen (incl. Lubuser-Land) kennen wir zwar nur einige Burgwälle, die die Bewaffnungselemente geliefert haben. Es ist jedoch die Widerspiegelung des Untersuchungszustandes von Objekten dieses Typs (vgl. Kurnatowska 1998: Abb. 1-3). Diese Funde stammen aus wenigen Burgwällen, deren Forschung wenigstens einige Kampagnen umfaßte, wenn die meisten Objekte bisher nur mittels Sondierungen oder Bohrungen untersucht wurden. Es ist jedoch zu betonen, daß fast jedes plangemäß untersuchte Objekt die Bewaffnungselemente geliefert hat, was zu vermuten läßt, daß sie für die Burgwälle dieser Zeit typisch sind.

Am öftesten legen wir in den Stammesburgen die als örtliche Produkte anerkannten Hakensporen von verschiedenen Typen und Varianten (Biskupin – ansehnliche Sammlung von 12 Sporen; Bonikowo – 2 Exemplare; Sp³awie – 2 Exemplare; L'd – 2 Exemplare; Niesulice – 1 Sporn; Nowy Dworek – 1 Sporn) frei (vgl. Ćak, Małkowiak-Kotkowska 1988, passim; Brzostowicz 1993). Nur in Bruszczewo wurde ein Sporn vom Karolinger-Typ mit eisernem Sporngarniturelement freigelegt, was für Großpolen ein ungewöhnlicher Fund bisher ist (Brzostowicz 1997). Das zweite, in den Stammesburgen ziemlich allgemein auftretende Bewaffnungselement

sind die Pfeilspitzen (Bonikowo – 1 eisernes Exemplar sowie eine kleine Spitze aus Gweih; Bruszczewo – 3 Pfeilspitzen mit der Tülle sowie 3 Pfeilspitzen mit Bolzen; Spławie – 7 Pfeilspitzen mit der Tülle und den Gräten; Siemowo – eine Pfeilspitze mit den Gräten und verdrehter Tülle; Biskupin – zahlreiche Pfeilspitzen). Seltener sind die Speerspitzen (2 Fragmente aus dem Burgwall in Spławie) oder Fragment eines Gebisses (Bonikowo) zu treffen. Ein sehr ungewöhnlicher Fund ist das Schwert vom Typ X, das aus dem Burgwall in Siemowo stammt (Hilczerówna 1967: 153. Abb. 24).

Viel reicher und mehr unterschiedlich sind die Bewaffnungsfunde aus den schlesischen Burgwällen (ausführliche Angaben vgl. Wachowski 1997). Neben den Hakensporen (die Burgwälle in: Połupin, Gilów, Lubomia, Skoczów-Międzywiecie), findet man ziemlich oft die Sporen aus der frühen und späten Karolingerzeit sowie ihre Nachahmungen (die Burgwälle in: Stary Zamek, Niedów, Stargard Gubiński, Tyniec a/Źłêża, Niemcza, Gilów, Kamieniec). Öfter treten auch andere Bewaffnungselemente, wie die ganzen Äxte oder Beile und deren Fragmente (Popêszyce, Gostyń, Stary Ksi'ę), Speerspitzen (Gostyń) auf. In dem Burgwall in Lubomia wurde auch eine Knaufstange freigelegt. Es ist noch zu erwähnen, daß die Teile von Schwertgarnituren (Stary Ksi'ę, Lubomia, Gostyń, Gilów, Niemcza) und Gebißfragmente, darin vom altungarischen Typ (Niedów, Rzymówka) freigelegt wurden.

Wie können diese Funde interpretiert werden? Es ist schwer, diese Frage eindeutig zu beantworten. Die auf dem ganzen Gebiet Westpolens freigelegte Burgbewaffnung darf nicht gleich betrachtet werden. Es ist die unterschiedliche geokulturelle und geopolitische Situation zu berücksichtigen. Durch seine nähere Entfernung von den damaligen Zivilisationszentren ist das Gebiet Schlesiens in die Zone der Kultureinwirkung des Westens und der sich in Mähren und dann in Böhmen bildende politischen Organismen früher eingegangen. Das Landgebiet Großpolen lag dagegen in dieser Zeit noch weit von diesen politischen und Kulturzentren.

Den Versuch, die früher gestellte Frage zu beantworten, beginnen wir also in Bezug auf Großpolen. Früher muß man noch das Problem der Anordnung von Burgen auf dem Gebiet Großpolens besprechen, die diesen ähnlich sind, welche die genannten Bewaffnungselemente geliefert haben. An der Wende der Stammeszeit waren sie noch unregelmäßig angeordnet. Ihre größte Dichte beobachten wir im südwestlichen und westlichen Großpolen. In Mittelgroßpolen, wo sich später das Zentrum des frühpiastischen Reiches mit seinen Hauptstädten Gniezno und Poznań befand, gibt es, dagegen, nicht viele Burgwälle aus dieser Zeit. Nur einzelne Objekte dieses Typs werden auch an den nördlichen und östlichen Grenzen Großpolens festgestellt. Diese Tatsache spiegelt unbezweifelnd verschiedene Modelle der inneren Struktur von einzelnen Stämmen, die das Gebiet des späteren Großpolens bewohnten, wider. Die Stämme aus dem südlichen und westlichen Teil dieses Gebietes errichteten zahlreiche, kleine Burgen, während der Stamm, der später zur Grundlage der Bildung des

polnischen Staates wurde, fast keine Burgen baute. Das innere Gelände dieser kleinen Burgen war in der Regel sehr klein, konnte nur einige Gebäude umfassen, deshalb konnte sie auf die Dauer nur sehr begrenzte Menschenzahl bewohnen. Wer konnte also in diesen Burgen ansässig sein? Diese Frage wurde schon mehrmals in der Literatur gestellt und verschieden beantwortet. Man versuchte, in den Bewohnern dieser Burgen entweder die Vertreter der sich abgesonderten Feudalklasse oder die für eine bestimmte Zeit gewählten Stammesbefehlshaber oder Menschen, die andere wichtige Funktionen im Rahmen der Stämme ausübten, zu sehen. Dabei ist die Tatsache zu berücksichtigen, daß die uns interessierenden Burgen in der Regel von den unbefestigten Siedlungen, die mit ihnen kleine Bezirke bildeten, begleitet waren. Es scheint also, daß es am richtigsten ist, in den Bewohnern dieser Burgen, die sicher die ganze Gemeinde errichtete, die Häuptlinge dieser kleinen Bezirke zu sehen. Die Annahme einer solchen Hypothese läßt also zu, in den freigelegten Bewaffnungselementen, vor allem in den Sporen, die Zeichen ihrer Würde und des gesellschaftlichen Rangs zu sehen. Wie bekannt, waren eben die Sporen auch in den nächsten Jahrhunderten ein Zeichen des Ritterstandes. In Hinsicht auf kleine Größe der Burgbezirke und ihre hohe Dichte dürfen die Häuptlinge mit z.B. Dorfführern (Satrapas) verglichen werden, die z.B. von Beda dem Verehrten bei der Beschreibung der Mission irischer Mönche bei den Sachsen vor deren Eroberung durch Karl den Großen (Strzelczyk 1997: 109) erwähnt wurden. Die Macht dieser Häuptlinge war gering, nur während des Krieges wurde einer von ihnen zum Heerführer gewählt, aber nur für die Zeitdauer dieses Krieges. Sie stammten sicher aus der Stammesaristokratie und daraus folgte ihr Prestige und ihre Rolle im Rahmen des Stammes. Die große Anzahl von diesen Häuptlingen von gleichem Rang erschwerte, wie es scheint, den Staatsbildungsprozeß. Es ist jedenfalls charakteristisch, daß der Staatsbildungsimpuls aus dem Gebiet Mittelgroßpolens ausging, wo wir kein dichtes Netz der kleinen Burgen aus der Wende der Stammeszeit beobachten.

Es ist jedoch erwähnenswert, daß sich die Freilegung der Sporen nicht auf die Burgwälle beschränkt. Wir kennen sie auch aus manchen unbefestigten Siedlungen, die auf dem ganzen Gebiet Großpolens zerstreut waren. Es sind unter anderen die Siedlungen in: *ytowiecko* in Südgroßpolen, *Luboń* bei *Poznań*, *Ujœie* am *Notec*-Fluß. Auch in diesen Siedlungen dürfen wir gewiß die Anwesenheit der damaligen Stammesaristokratie vermuten.

Die Situation Schlesiens ist, wie bereits erwähnt, komplizierter. Die innere Organisation des nördlichen Teils Schlesiens knüpft an die oben charakterisierte Organisation der Stämme aus dem südlichen und westlichen Großpolen an. Ähnlich ist es bei einem kleinen Stamm, der das *Gubin*-Gebiet bewohnte. Anders sieht die Raumstruktur der Stämme aus anderen Gebieten Schlesiens aus. Es gibt dort weniger Burgen aus der uns interessierenden Zeit und sie umgaben eher die Stammesterritorien. Besonders deutlich ist es in Oberschlesien, wo sich im Zentrum des

Stammesterritoriums eine Burg (Lubomia) befindet und die sonstigen umgeben das Stammesterritorium (Kurnatowska 1997a).

Wie früher erwähnt, sind die in schlesischen Burgen freigelegten Bewaffnungsteile zahlreicher und unterschiedlicher. Ein besonderes Interesse erwecken Funde, die von dem großmährisch-böhmischen Bereich hergeleitet werden können. Die Einreihung Schlesiens in die Zone der Kultureinwirkung dieser sich bildenden und expandierenden Staatsorganismen, Großmähren und dann Böhmen, sowie die Übernahme der Elemente der elitären Kultur durch die örtliche Stammesaristokratie erklärt das Problem nicht völlig. Man muß die Frage stellen, unter welchen Bedingungen zum Durchdringen dieser Kulturelemente auf das Gebiet Schlesiens gekommen ist.

Ziemlich allgemein wird die Herrschaft Böhmens in Schlesien angenommen; das Problem der Angehörigkeit Schlesiens dem Großmährischen Reich ist dagegen in der Literatur strittig. Die Eroberung Schlesiens durch den Großmährischen Staat ist wenig wahrscheinlich. Die politischen Zusammenhänge von anderer Art können jedoch nicht ausgeschlossen werden. Es könnte die Unterordnung der örtlichen Stammeshäuptlinge den großmährischen Fürsten, oder, wovon die Anwesenheit nicht nur der Bewaffnung sondern auch anderer Kulturelemente (das Auftreten von Wällen mit Steinfluchten, deutliche Zusammenhänge bei der Keramikproduktion u. a. – vgl. Wachowski 1997) zeugen könnte, die Beherrschung und Besetzung mit eigenen Mannschaften von manchen wichtigen Burgen, z.B. bei den Hauptstraßen usw. sein.

Aus den bisherigen historischen Untersuchungen und aus der Analyse des Besiedlungsmaterials erfolgt, daß es auch im Falle Böhmens schwer ist, von der Eroberung und Inkorporation Schlesiens an den böhmischen Staatsorganismus zu sprechen. Im 10. Jh. bildete Böhmen noch keinen völlig gestalteten und integrierten Staat (Sláma 1995). Es ist auch bemerkenswert, daß Schlesien besonders lang seine archaische Stammesstruktur (mit den Stammesnomenklaturen) erhalten hatte, was davon zeugen würde, daß dieses Gebiet keinen intensiven Umwandlungen unterlag. Man kann also der Meinung sein, daß Schlesien eine Pertinenz von Böhmen war. Eine ähnlich nicht einheitliche Struktur des frühen Staates ist im Falle des piastischen Staates (Łowmiański 1985; von der archäologischen Seite: Kurnatowska 1997) gut bekannt. Ein solcher politischer Status Schlesiens schloß, natürlich, die Anwesenheit der böhmischen Besatzungen in manchen Schlüsselburgen nicht aus.

Die hier berührten Probleme bedürfen, natürlich, weiterer vertiefter Analysen und breiter Vergleichsstudien. In dem Aufsatz wurde nur auf die Möglichkeiten hingewiesen, die in der komplexen Analyse des beweglichen Inventars der Burgen aus diesem wichtigen Abschnitt unserer Geschichte versteckt sind, insbesondere auf den anzeigenden Charakter der Bewaffnungsfunde, vor allem der Luxuswaffe und der Reiterausrüstung.

Brzostowicz, M. 1993. Wczesnośredniowieczne grodzisko w Sp'awiu, gm. Ko'aczkowo, woj. poznańskie. Wstępne podsumowanie wyników archeologicznych

- badań ratowniczych z lat 1991-1991 // Wielkopolskie Sprawozdania Archeologiczne 2: 115-132.
1997. Elementy kultury wielkomorawskiej na wczesnośredniowiecznym grodzisku w Bruszczewie, woj. leszczyńskie // Sł' sk i Czechy a kultura wielkomorawska (ed. K.Wachowski): 135-140. Wrocław.
- Hilcezerówna, Z.* 1967. Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początków XI w. // The Basin of the Upper and Middle Odra from the VIth to the Beginnings of the XIth Century. Wrocław.
- Kurnatowska, Z.* 1997. Badania nad początkami państwa polskiego. Próba bilansu (Forschungen nach dem Entstehen des polnischen Staates. Versuch einer Bilanz) // Slavia Antiqua 28: 25-38.
- 1997a. Territorial structures in West Poland prior to the Founding of the State Organisation of Mieszko I // Origins of Central Europe (ed. P.Urbańczyk): 125-135. Warszawa.
1998. Forschungen zu frühmittelalterlichen Burgen in Grosspolen // Frühmittelalterlicher Burgenbau in Mittel- und Osteuropa (ed. J.Henning u. A.T.Ruttka): 31-36. Bonn.
- Łowmiański, H.* 1985. Początki Polski VI/I. Warszawa.
- Sláma, J.* 1995. Slavníkovci – významná èi okrajová záležitost českých dijin 10 století? // Archeologické Rozhledy 47: 182-224.
- Strelczyk, J.* 1997. Apostołówie Europy, Warszawa.
- Wachowski, K.* 1997. Sł' sk w dobie przedpiastowskiej. Wrocław.
- Wak, J., L.Maakowiak-Kotkowska.* 1988. Studia nad uzbrojeniem środkowoeuropejskim VI-X wieku // Studien zur mitteleuropäischen Bewaffnung des 6-10 Jahrhunderts. Poznań.

THE BALTIC AS THE MEDITERRANEAN SEA OF NORTHERN EUROPE IN THE EARLY MIDDLE AGES

Integrating functions of seas are well known in the history of humanity. The ancient Roman civilization was a very demonstrative though not the only example of this fact. In discussions dealing with the turning-point dividing antiquity from the Middle Ages attention was also directed at the significance of the breaking up of the unity of the mediterranean world caused by Arab conquests in the seventh and eighth centuries and the essential economic functions the North Sea began to fulfil in those times. I would like to devote attention to similar functions fulfilled by the Baltic Sea some time later in relation to north European populations.

Societies at the Baltic coast differed in many aspects from those inhabiting western and southern Europe. In antiquity only scanty information about that far-away barbaricum was relayed to the mediterranean world by sailors and merchants who had ventured into those lands to buy amber and other profitable goods. This was where some German tribes – that invaded the empire in the migration period – came from. The abodes of some Slavs, who penetrated the Balkan Peninsula at the dawn of the Middle Ages, were also in the catchment area of the Baltic. Socio-economic and political transformations that led to changes in many sections of culture and facilitated the union with great medieval civilizations took place among inhabitants of the south and western Baltic coast only in the ninth and tenth centuries.

These changes invested neighbourly contacts maintained by sea with a new sense and initiated cultural processes that were to distinguish inhabitants on the coast from their inland kinsmen. This multi-directional process is of a great interest for culture anthropologists. We acquired some knowledge of it from native and foreign written records, however, they were until the twelfth century few in number and often not identical in meaning. Most of our knowledge concerning those phenomena derived from archaeological sources relating to Viking Scandinavia and Slavic Central Europe, to some extent also to Baltic and Finnish tribes on the eastern and northern coast.

I would like to direct attention at some factors that contributed to the emergence of integration functions of contacts maintained by these societies by sea. One included certain differences in their cultural structures, still barbaric everywhere at the beginning of the Middle Ages but often revealing many specific features conditioned by the natural environment and historic traditions.

Let us begin with the Normans on the Scandinavian Peninsula, Jutland and near by islands. As a Germanic race they belonged to the Indo-European people who tilled land and bred animals since the Neolithic turning-point. However, ecological conditions, extensive mountain ranges in the western part of the Scandinavian Peninsula, only small enclaves of fertile land in spreading forests and among numerous lakes, inclined these groups to considerable deviations from this model. Animal breeding was usually more important in providing food than agriculture and it was often necessary to improve upon hunting or fishing methods. But these shortcomings were made up with other natural goods, above all, deposits of high grade iron and copper ore, etc. They provided a basis for metallurgical development unparalleled in other north European countries and, consequently, the development of trading.

Scandinavia's specific ecological conditions were the reason why water became there one of the basic routes for men, goods and information. Nowhere else in Europe, besides ancient Greece, did the marine environment exert such an influence on culture. This was seen in the development of sailing, the range of oversea contacts and in many customs. Contacts with the Roman heritage also occurred there earlier and were more fertile in many sections of culture than was the case with other Baltic neighbours. This was probably favourably influenced by the ethnic kindred with Germanic people of the Merovingian circle, but not only. The peculiar life conditions referred to led to a greater than anywhere else openness to foreign influences.

Slavic societies inhabiting central and eastern Europe differed in many ways. They also belonged to the Indo-European group and engaged in agriculture and animal breeding since the Neolithic revolution. But, contrary to the Normans, they were through and through inland communities. The fact is that the relation of the length of the coastline to the area of occupied territory was almost thirty times smaller with the western Slavs from what it was with the Scandinavians. The fertile land at the foot of central European mountain ranges and in the lowlands provided various opportunities for the development of corn farming. Land cultivation was a basic trait of the Slavic economic structure distinguishing them among other inhabitants of barbaric Europe. The cycle of agrarian work left a much stronger impression on their everyday life and their conception of the world than on other societies. Hence the greater than in Scandinavia conservatism of original cultural structures and a relative isolation broken only during the great early feudal turning point in the ninth and tenth centuries.

Ethnically related to the Slavs were Balts dwelling on the south-eastern coast of the Baltic. It is known that linguists even assume the existence in ancient times of a Balto-Slavic linguistic community in the Indo-European family. At the turn of the antiquity and the Middle Ages differences became evident and the dividing line between the two ethnic communities coincided with the range of dense forests in north-eastern Europe in such an obvious way that it brings out clearly one of the

essential factors of division relating to ecological conditions. Agriculture had rather limited possibilities of progressing in the forest environment and animal breeding became more important. In certain areas there was a considerable development of metallurgy. It was comparable to the Scandinavian art of working metals although raw material had to be imported. But various reasons delayed the process of socio-political changes. The native Lithuanian statehood, followed by a turning point in civilization, crystallized there only in the thirteenth to fourteenth centuries.

The north and north-eastern Baltic coast, in turn, was inhabited by Ugro-Finnic groups. They belonged to the large family of a non-Indo-European origin occupying extensive areas in northern Europe and Asia. Their culture was also subjected to natural conditions: surrounding dense forests, extensive bogs at the foot of Scandinavian mountains in the west, numerous lakes in the east, the tundra in the distant subarctic north. The sustenance of these tribes was based on animal breeding (including reindeers), hunting and fishing. Land was tilled to a small extent – if rough natural conditions allowed. Inhabitants in those areas learned the art of working metal – including iron – from the Scandinavians. Despite the continuous economic and political Swedish and Ruthenian penetration, they retained the specific traits of social and cultural tribal culture for many centuries.

The different cultural structure provided defined opportunities for the exchange of goods and experiences but was not decisive in making contacts. The dynamics of cultural changes taking place among particular societies were more important. The most spectacular feature was the Viking movement, but at present we know that behind it were deeper transformations of Scandinavian socio-economic and political structure. The economic necessity to provide sufficient food was connected with endeavours to maintain rule. The result was, among others, the rise of native early feudal states. The same current of changes embraced a many-sided economic progress, the development of barter and craft and, further, the growth in the north of the first urban settlements. The final result was the Christianization of the Normans and their acceptance of patterns of Latin civilization.

Changes occurring among other people inhabiting the Baltic coast were hitherto almost disregarded by historiography. In the ninth century there was more and more evidence of a growing socio-economic development among the western Slavs. They took part in distant trade, considerably developed handicraft, the first towns grew up in certain regions including the Baltic coast. In the ninth and tenth centuries early feudal states developed in Moravia, Bohemia and Poland and, after some efforts, in Polabia. A strong resistance of inhabitants against monarchic rule, suppressed only in the twelfth century, was specific of the coastal region. Christianization spread and Latin cultural patterns were adopted in the tenth to twelfth centuries.

Signs of economic animation can be perceived in the ninth to tenth centuries also among Baltic tribes on the south-eastern coast. They

were rather comparable to those existing in Scandinavia and among the Slavs but, as I have said before, the process of creating a native statehood was delayed there. This may have been caused by the earlier strengthening of the Polish and Old-Ruthenian states in the neighbourhood. More conservative, however, were further to the north dwelling tribes of Estonians, Finns and Lapps. Rough environmental conditions made access difficult and allowed southern neighbours to take over the economic and political initiative.

Discussing the significance of the Baltic in the early Middle Ages we should devote attention to one more aspect, namely distant trade contacts of inhabitants of that region. Sought after goods, especially furs, were in the north, while local noblemen were interested in imports of luxury articles. In early medieval Europe two great trade routes met at the Baltic: the western, operative in the Merovingian circle-Scandinavian section already in the sixth to eighth centuries, reaching in subsequent ages up to the remaining coastal lands, and the eastern – that grew in importance at the second half of the eighth century and – via the great Volga and Dniepr water-ways – linked the Baltic area with the absorbing Muslim and Byzantine markets. Inhabitants of North Sea lands, eastern Slavs and nomads of Turkish descent in the East-European Lowlands were also drawn into the current of this exchange. The most enterprising mediators were the Normans but their importance should not be exaggerated. The requirements of local communities were decisive in the end. The Slavization of the Old-Ruthenian Varangians was the most demonstrative albeit not the only example in his case.

How did the integration function of the Baltic Sea manifest itself? We should begin with the barter between people living in coastal areas – let us recall the output of Scandinavian blacksmiths, goldsmiths and other craftsmen whose products have been found in Slavic, Baltic and Finnic settlements. Discoveries at Fyrkat revealed that the equivalent provided by the Slavic side was often corn which was in short supply in Scandinavia where fertile soils were scarce. Construction timber and perhaps salt were sometimes also imported from the south. Polabian and/or Pomeranian pottery has been found in places from Oslofiord to northern Ruthenia. Amber appeared on the south and eastern coast products of native artistic craft were also valued. Traces of many other goods, however, above all furs and slaves often referred to in written records, are inaccessible to archaeologists.

What social groups mediated in the exchange of goods? Merchants were, of course, in the foreground. Adam of Bremen, describing Birka in central Sweden, related that it was visited by: “omnes Danorum vel Nortmannorum itemque Sclavorum ac Semborum naves alique Scithiae populi pro diversis commerciorum necessitatibus”. While the Slavic Wolin at the mouth of the Oder “celeberrimam praestat stationem Barbaris et Graecis qui sunt in circuitu”; according to the Bremen canon “advenae Saxones” also lived there.

On the other hand, there is increasing archaeological evidence that craftsmen also led an itinerant mode of life. This may explain, among others, the striking similarities of techniques and forms of ornamenting combs and other horn products, from Ireland to northern Ruthenia. Petrographic analyses have shown that a considerable number of Slavic type clay pottery was manufactured in Sweden from local raw material. Certain parts of defensive fortifications discovered at north Ruthenian settlements also indicate the presence of Pomeranian builders.

Mediators in barter were also warriors, political exiles and others who settled on the other side of the sea or, in times of a crisis, sought shelter abroad. They were mentioned in Rimbert's ninth century records, later by Adam of Bremen and other historians.

Although the saga referring to Jymsvikings at the mouth of the Oder at the end of the tenth century turned out to be a literary fiction, we know that Harald Blue-tooth died in about 986 in Wolin, a town that was also later considered to be a „certissimum Danorum profugium” (Saxo Gramaticus). Graves of members of the social elite of Scandinavian origin have been discovered in many eighth to tenth century cemeteries on the south and east coast of the Baltic (Menzlin, Cwielubie, Elbl'g, Grobin, etc.).

Nonetheless, we should critically assess the often propagated opinion that this was chiefly a Norman infiltration into foreign environments. We know of mutual family connections of ruling dynasties. Archaeological discoveries confirm conjectures based on toponymy concerning the existence of Slavic agricultural settlements on south Danish islands in the eleventh and twelfth centuries. Swedish researchers even assume that Slavs were present in those times at Eketorp on Öland.

In the wake of personal contacts there followed experiences, preferences and beliefs. Not without reason can we assume Scandinavian inspiration in the case of generally used plank ships. But this was not a passive adaptation. The flat-bottomed ships used by Slavs more often than the Vikings sufficed for the Baltic and, at the same time, facilitated sailing on inland rivers. Experiences in producing handicraft – blacksmith's, goldsmith's, horn – articles were put into practice by both sides. The Arabic dirhem and later west European and native denarii were a common means of payment throughout Baltic lands. The dirhem was probably the basic weight unit used in this part of Europe. Finally, both sides accepted not only many artistic patterns from each other but even religious trends – as finds of religious objects indicate. There developed a specific cultural zone in which oversea contacts impressed their mark on many spheres of life and influenced the perception of the world.

Archaeologists examining the multidirectional processes of culture must ask themselves the question whether, as regards Baltic Slavs, this is where they should seek the causes for prolonged endeavours to gain independence from early feudal inland states. The rise of the aristocratic class linked with the sea endowed the early towns with oligarchic

features and created social conditions for a growing resistance against monarchical rule.

One can see there are many pertinent problems requiring detailed studies. Archaeologists have satisfactorily elucidated many issues concerning economy, settlement, etc., historians have verified assumptions relating to social and political structures. Nonetheless, investigations of the influence of mutual contacts on the forms of culture of inhabitants living in Baltic areas, require further, thorough analyses. We may assume that these studies will provide a key for the understanding of specific development trends of these societies, trends concurrent in many aspects despite clearly outlined ethnic dissimilarities.

- Ambrosiani Bj., H. Clarke, eds.* 1994. Development Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age // Birka Studies 3. Stockholm.
- Bulkin, V.A., I.V. Dubov, G.S. Lebedev.* 1978. Archeologičeskie pamjatniki drevnej Rusi IX-XI vekov. Leningrad.
- Foot, F.G., D.M. Wilson.* 1980. The Viking Achievement. The society and culture of early medieval Scandinavia. 2nd edition. London.
- Hajdú, P.* (ed.) 1976. Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Budapest.
- Herrmann, J.* 1981. Zwischen Hradschin und Vineta. Frühe Kulturen der Westslawen, 3rd edition. Leipzig-Jena-Berlin.
- Herrmann, J.* (ed.) 1982. Wikinger und Slawen. Zur Frühgeschichte der Ostseevölker. Berlin.
- Kazakevičius, V., V. Iulius, (eds.)* 1997. Balts and their Neighbours in the Viking Age // Archacologia Baltica 2. Vilnius.
- Kirpiěnikov, A.N., I.V. Dubov, G.S. Lebedev.* 1986. Rus' i varjagi (rusško-skandinavskie otnošenija domongol'skogo vremeni) // E.A. Mel'nikova (ed.) Slovjane i skandinavcy: 189-297. Moskva.
- Labuda, G.* 1964. Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej. 2. Poznań.
- Lebedev, G.S.* 1985. Epocha vikingov v severnoj Evrope // Istoriko-arheologičeskie očerki. Leningrad.
- Leciejewicz, L.* 1979. Normanowie. Wrocław.
1989. Słowianie Zachodni. Z dziejów tworzenia się ódniowiecznej Europy. Wrocław.
1994. Il "barbaricum": presupposti dell'evoluzione altomedievale // Storia d'Europa 3 (Gh. Ortalli, ed.): 41-81. Torino.
- Loit, A., E. Mugurevičs, A. Caune* (eds.). 1992. Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Stockholm.
- Lindquist, S.O.* (ed.) 1985. Gesellschaft und Handel im Ostseeraum während der Wikingerzeit // Acta Visbyensia VII. Visby.
- Roesdahl, E.* 1991. The Vikings. London.
- Roesdahl, E., D.M. Wilson* (eds.) 1992. From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800-1200. Uddevalle.
- Sawyer, P.H.* 1982. Kings and Vikings. Scandinavia and Europe AD 700-1100. London-New York.
- Sedov, V.V.* (ed.) 1987. Finno-ugry i balty v epochu srednevekov'ja // Archeologija SSSR. Moskva.
- Łuski, K.* 1969. Słowianie zachodni na Bałtyku w VII-XIII wieku. Gdańsk.

ROLLE DES FRÜHPIASTENREICHES IN DER GESCHICHTE DER WESTSLAWISCH-SKANDINAVISCHEN KONTAKTE

Trotz der älteren Meinungen, die auf kaum sporadischen und Gelegenheitscharakter der skandinavisch-westslawischen Kontakte bis zur 2. Hälfte des 10. Jh. hinweisen (Tak 1963-1967; 1975: 48 u.w.; 1988: 179 u.w.; 1988a: 675 u.w.), sieht dieses Problem im Lichte neuerer Forschungen durchaus anders aus. Die wirtschaftlichen Zusammenhänge wurden bereits am Ende der Vendel-Zeit angeknüpft und am Anfang des 9. Jh. wesentlich intensiviert (Łosiński 1997: 73 u.w., darin weitere Literatur).

An der Ostseesüdküste fangen auch sehr früh an, unbefestigte Handwerks- und Handelssiedlungen zu entstehen, in denen das normannische ethnische Subjekt eine wesentliche Rolle spielte (Łosiński 1995: 79 u.w., darin weitere Literatur). Zu den ältesten Siedlungen in Nordpolaben gehörten die in den letzten Jahren untersuchten Siedlungen in Dierkow (Warnke 1988: 70 u.w.; 1992: 63 u.w.; 1992/1993: 197 u.w.) und Groß-Strömkendorf (Wietrzichowski 1993; Jöns, Lüth, Müller-Wille 1997: 193 u.w.) sowie die nächsten, nicht viel jüngeren, die aus Menzlin an der Peene (Schoknecht 1977) und Ralswiek auf der Insel Rügen (Herrmann 1978: 163 u.w.; 1984: 91 u.w.) bekannt sind. In polnischem Pommern erschienen die Siedlungen dieses Typs – wie es die Ausgrabungen in Cielubie bei Kołobrzeg nachgewiesen haben (Łosiński 1979: 513 u.w.; 1995: 71 u.w.) – spätestens um die Wende des 8 zum 9. Jh. Sie wurden immer in der direkten oder nicht weiten Nähe von slawischen Zentren der Stammesmacht lokalisiert. Höchstwahrscheinlich funktionierten sie auch mit Zustimmung der örtlichen politischen Faktoren (das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen hat am vollsten Herrmann besprochen 1988: 720 u.w.). Die Tatsache selbst, daß die Siedlungen dieses Typs existierten, weist auf ihre belebten Tauschkontakte mit den örtlichen Gemeinschaften hin, die vermutlich nicht nur den Handel mit Luxuswaren, für die sich vorwiegend die slawische Stammeselite interessierte, sondern vor allem mit Massenartikeln umfaßte, die in der Folge von den Handwerks- und Messesiedlungen auf den Märkten des Fernhandels verkauft waren.

Die meisten von diesen frühen Handwerks- und Handelssiedlungen wurden spätestens um 900 liquidiert. Nur wenige davon haben sich länger erhalten, wobei sie jedoch langsam verschiedenartige Transformationen erlitten haben. Es ist nicht auszuschließen, daß es mit ihrem Verfall zu einer Einschränkung der Austauschskala zwischen den slawischen Ostseeküsten und den skandinavischen Zentren des Wirtschaftslebens gekommen ist. Dieser Meinung stimmt letzters J. Callmer (1988: 672) auf Grund von Ergebnissen einer Analyse der chronologischen Verteilung der in Skandinavien freigelegten slawischen Keramik zu. Vielleicht ist

es eine richtige Vermutung, weil es eine Zeit war, in der die direkten wirtschaftlichen Zusammenhänge zwischen den Ostseeslawen und frühstädtischen Siedlungen des Nordrussland an Stärke zugenommen haben (Łosiński 1988: 145; 1993: 26). Von der Wende des 9. Jh. beginnend, floß direkt davon auf die Ostseesüdküste, unter Hintansetzung des Skandinaviens, ein großer Strom des arabischen Silbers, der sich vor allem im 2. Drittel des 10. Jh. verstärkte, als der Dirhamstrom, der früher die Böden des normannischen Nordens in Massen überschwemmte, wesentlich gehemmt wurde (Łosiński 1993: 11 u.w., 24 u.w.). Es ist also wahrscheinlich, daß in der 1. Hälfte des 10. Jh. zu einer Verminderung des Anteils des Austausches mit Skandinavien an der allgemeinen Bilanz des slawischen Fernhandels wirklich gekommen ist.

Die gegenseitigen Kontakte haben sich jedoch früh, bereits in der 2. Hälfte des 10. Jh. wiederbelebt, was, vermutlich in nicht kleinem Grade, mit dem Erscheinen eines neuen Handelspartners des Skandinaviens – der Frühpiastenmonarchie – verbunden war. Diese neue Situation illustriert sehr gut eine Karte der Verbreitung auf polnischen Böden der Produkte skandinavischer Herkunft, die auf 2. Hälfte des 10. Jh. und 1. Hälfte des 11. Jh. datiert werden (Abb. 1). Neben Pommern, wo sie schon früher, jedoch hauptsächlich in einem dünnen Küstenstreifen, auftraten, bilden sie eine deutliche Ansammlung auf dem Gebiet Großpolens und auf dessen Nachbargebieten, die zur Pertinenz der frühpiastischen Domäne gehörten. Die Liste der mit skandinavischem Milieu verbundenen Produkte ist lang. Schon vor langer Zeit hat sie J. Ćwikowski zusammengestellt (1963-1967) und die neueren Untersuchungen haben diesen Katalog mit weiterem Material ergänzt. Wertvolle Freilegungen haben vor allem die erneuten Ausgrabungen auf dem schon seit langem bekannten Gräberfeld in Łubowo bei Gniezno (Untersuchungen von mgr M. Kara) gebracht. Besonders bemerkenswert ist dort ein Beil des Typs Trelleborg. Die Militaria bildeten sicher diese Gruppe des skandinavischen Handwerks, an deren Import die ersten Herrscher Polens besonders interessiert waren. Nicht alle Waffenfunde, die aus großpolnischen Fundstellen bekannt sind, sind jedoch als Gegenstände zu erkennen, die dort infolge eines Handelsaustausches gelangten. Einen Teil davon bilden sicher Gelegenheitsgeschenke, ein anderer Teil kann mit skandinavischen Gefolgsmännern verbunden werden, die im frühpiastischen Dienste waren (Kara 1991: 99 u.w.; 1992: 33 u.w.).

In diesem Kontext sind die Handlungen erster Piasten, die nach Besetzung der pommerschen Böden strebten, völlig verständlich. Der politischen Annexion war eine wirtschaftliche Penetration vorausgegangen. Auf Grund einer Analyse der frühen Silberdepositen aus Großpolen kann man denken, daß schon um ca. 930 eine Verlagerung der ersten Kontingente des arabischen Silbers auf das Gebiet dieses Landes begann (Łosiński 1993: 31 u.w.). Im Lichte der letztens unter der Leitung von Prof. Z. Hilczer-Kurnatowska geführten Untersuchungen über die Chronologie großpolnischer Burgwälle ist die Entstehung der ältesten frühstaatlichen Burgen in diesem Teil unseres Landes auf diese Jahre zu datieren.

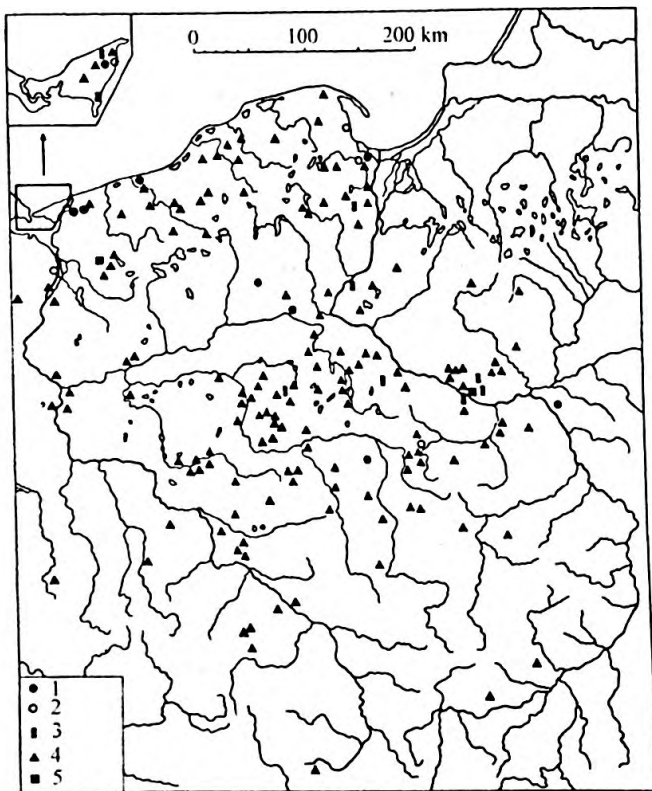

Abb. 1. Verbreitung von Funden skandinavischer, englischer und irischer Provenienz (960-1040). Nach J. Ćak (1988)

1 — Wehranlage-Burganlage-Frühe Stadt, 2 — Siedlung, 3 — Grab, 4 — Depot, 5 — Streu oder Einzelfunde

Am Anfang gelangte das orientalische Silber höchstwahrscheinlich aus Ostpommern. Das Gebiet der Wis'a-Mündung wurde auch früh zum Schauplatz der Kriegshandlungen von Mieszko I. Allgemein ist man der Ansicht, daß die Burg Gdańsk erst in den Jahren 970-980 gegründet wurde, es scheint jedoch, daß ihrem Bau die Errichtung einer älteren Festung an der Mot'awa, anstelle einer pommerschen Siedlung, deren Entstehungszeit auf das 9. Jh. zurückging, vorausgegangen war (Zbierski 1978: 79 u.w.; 1985: 299; Spors 1982: 40). Es ist aber nicht bekannt, wann diese Siedlung mit Befestigungen umfaßt wurde. Die Technik der Befestigungserrichtung paßt aber zur Tradition des frühpiastischen Festungsbauwesens.

Genauso aktiv war der frühpiastische Faktor auf dem Gebiet an der unteren Oder. Die Ausfallbasis war dort sicher Santok. Auf dem Gebiet von Cedynia wurde in der 2. Hälfte des 10. Jh. eine Burg errichtet, oder nur wiederhergestellt, die den Übergang über die Oder auf einem wie ein Breitenkreis verlaufenden Weg, der durch Wilzen-Gebiete bis zu den Zentren des Deutschen Reiches führte, schützte. Von der Bedeutung dieses Übergangs zeugt die Gründung, in der näheren und weiteren Nachbarschaft von Cedynia, eines Burgnetzes nach dem aus dem Grenzgebiet von Großpolen und Schlesien gut bekannten Beispiel (Kurnatowska

1984; 1991). Die Besetzung des Mündungsabschnittes der Oder war jedoch wichtiger. Auch dieses Gebiet unterlag bereits früh der frühpiastischen Herrschaft – Szczecin und Wolin fanden sich innerhalb der Staatsgrenzen. Im Lichte neuerer Forschungen scheint die Vermutung, die den erheblichen Ausbau von Szczecin in der 2. Hälfte des 10. Jh. mit der Tätigkeit des ersten historischen Herrschers Polens verband, wahrscheinlicher zu sein (Cnotliwy, Łosiński 1995: 79-80; Łosiński 1996: 136-7).

Dritte Hauptrichtung der sowohl wirtschaftlichen wie auch politischen Penetration von Mieszko I in Pommern war auf die Mündung des Parsêta-Flusses gerichtet, wo bereits um Mitte des 9. Jh. eine Burg in Ko³obrzeg entstand. Die örtliche Salzsiederei, mit einer alten Tradition, die auf Anfänge des Frühmittelalters zurückgeht, war unbezweifelt ein dieser Faktoren, die eine frühe Besetzung dieses Teils von Pommern und der wesentlichen Rolle bei der wirtschaftlichen Entwicklung der ganzen Ostseezone ermöglichten (Łosiński 1972; 1979: 513 u.w.). Ein besonderes Interesse des Mieszko I für dieses Gebiet ist auch begreiflich. Die letzten Kontrollgrabungen bestätigten die älteren Festlegungen betreffs Erneuerung der Befestigungen bei der Burg in Ko³obrzeg bereits unter der Herrschaft von Mieszko.

Alles das bestätigt gut die Seepolitik der ersten Piasten. Ihnen ist vermutlich die Initiative einer erheblichen Verbreitung der Skala von wirtschaftlichen Kontakten mit Skandinavien und anderen Ländern der Ostseezone in der 2. Hälfte des 10. Jh. zuzuschreiben. Von der Seeseite wurde also der Zugang zu den noch weiter liegenden westeuropäischen Zentren des wirtschaftlichen Lebens eröffnet.

- Callmer, J.* 1988. Slawisch-skandinavische Kontakte am Beispiel der slawischen Keramik in Skandinavien während des 8. und 9. Jahrhunderts // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69: 654-674.
- Cnotliwy, E., W. Łosiński.* 1995. Szczecin/Stettin. Vom frühstädtischen Zentrum zur Lokationsstadt. // *Slavia Antiqua* 36: 73-92.
- Herrmann, J.* 1978. Ralswiek auf Rügen – ein Handelsplatz des 9. Jahrhunderts und die Fernhandelsbeziehungen im Ostseegebiet // *Zeitschrift für Archäologie* 12: 163-180.
1984. Ralswiek – Seehandelsplatz, Hafen und Kultstätte. Arbeitsstand 1983 // *Ausgrabungen und Funde* 29: 128-135.
1988. Zur Struktur von Handel und Handelsplätzen im südwestlichen Ostseegebiet vom 8. - 10. Jahrhundert. // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69: 720-739.
- Jöns, H., F.Lüth, M.Müller-Wille.* 1997. Ausgrabungen auf dem frühgeschichtlichen Seehandelsplatz von Groß Strömkendorf, Kr. Nordwestmecklenburg. Erste Ergebnisse eines Forschungsprojektes // *Germania* 75: 193-221.
- Kara, M.* 1991. Z badań nad wczesnośredniowiecznymi grobami z uzbrojeniem z terenu Wielkopolski // *Od plemienia do państwa. III sk na tle wczesnośredniowiecznej Słowiańszczyzny zachodniej*: 99-120. Wroc³aw.
1992. Siły zbrojne Mieszka I. Z badań nad sk³adem etnicznym, organizacją i dyslokacją drużyny pierwszych Piastów // *Kronika Wielkopolski* 3: 33-47.
- Kurnatowska, Z.* 1984. Próba odtworzenia organizacji zarządu terytorialnego państwa pierwszych Piastów w Wielkopolsce // *Obronność polskiej granicy zachodniej w dobie pierwszych Piastów*: 81-91. Wroc³aw.

1991. Z badań nad przemianami organizacji terytorialnej w państwie pierwszych Piastów. // *Studia Lednickie* 2: 11-22.
- Łosiński, W. 1972. Pocz'tki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII-X/XI w.). Wrocław.
1979. Die Kontakte zwischen Pommern und Skandinavien im frühen Mittelalter im Lichte von Forschungen im unteren Parsęta-Flußgebiet // *Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave* 1: 513-517. Bratislava.
1988. Chronologia nap'lywu najstarszej monety arabskiej na terytorium Europy // *Slavia Antiqua* 31: 93-181.
1993. Chronologia, skala i drogi nap'lywu monet arabskich do krajów europejskich u schy'ku IX i w X w. // *Slavia Antiqua* 34: 1-41.
1995. Zur Genese der frühstädtischen Zentren bei den Ostseeslawen // *Burg-Burgstadt-Stadt. Zur Genese mittelalterlicher nichtagrarischer Zentren in Ostmitteleuropa*: 68-91. Berlin.
1996. Próba nowego spojrzenia na dzieje wczesnośredniowiecznego Szczecina // *50 lat archeologii polskiej na Pomorzu Zachodnim*: 131-152. Szczecin.
1997. Rola kontaktów ze Skandynawi' w dziejach gospodarczych S'owian nadba'tyckich // *Przegl'd Archeologiczny* 45: 73-86.
- Schoknecht, U. 1977. Menzlin. Ein frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin.
- Spors, J. 1982. Lokalizacja miasta lokacyjnego na prawie lubeckim w Gdańsku w drugiej po'owie XIII i pocz'tkach XIV w. // *Rocznik Gdański* 42: 17-81.
- Warnke, D. 1988. Frühstädtische Zentren bei den Nordwestslawen // *Fennoscandia Archaeologica* 5: 69-77.
1992. Rostock-Dierkow – ein Wirtschaftszentrum des 8./9. Jahrhunderts an der Unterwarnow // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters* 20: 63-80.
- 1992/1993. Der Hort eines Edelmetallschmiedes aus der frühslawischen Siedlung Rostock-Dierkow // *Offa* 49/50: 197-206.
- Wietrzichowski, F. 1993. Untersuchungen zu den Anfängen des frühmittelalterlichen Seehandels im südlichen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung der Grabungsergebnisse von Groß Strömkendorf // *Wismarer Studien zur Archäologie und Geschichte* 3. Wismar.
- Zbierski, A. 1978. Rozwój przestrzenny Gdańska w IX–XIII w. // *Historia Gdańska. Tom I do roku 1454*: 71-125. Gdańsk.
1985. The Development of the Gdańsk Area from the Ninth to the Thirteenth Century // *The Comparative History of Urban Origins in Non-Roman Europe: Ireland, Wales, Denmark, Germany, Poland and Russia from the Ninth to the Thirteenth Century* (ed. H. B. Clarke, A. Simms). BAR International Series 255: 289-334.
- ak, J. 1963/1967. "Importy" skandynawskie na ziemiach zachodnios'owiańskich od IX do XI wieku. Czêœc katalogowa 1963. Czêœc analityczna 1967. Czêœc syntetyczna 1967. Poznań.
1975. Kontakte zwischen Skandinavien und Westslawen des 9.-11. Jahrhunderts n. Chr. im Lichte der archäologischen Quellen // *Offa* 32: 48-53.
1988. Problem "importów" skandynawskich w dorzeczu Odry i Wis'y w IX, X i XI wieku // *Studia nad etnogenez' S'owian i kultur' Europy wczesnośredniowiecznej* 2: 179-187. Wrocław.
- 1988a. Das Problem der skandinavischen "Importe" im Oder-Weichsel-Raum während des 9.-11. Jahrhunderts // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 69: 675-689.

МЕЧ И КРЕСТ:
новое религиозное сознание Древней Руси
по данным археологии¹

Вопросы отражения в археологических материалах религиозных и идейных представлений эпохи средневековья остаются до сих пор дискуссионным моментом в современной науке. Это касается и христианизации Древней Руси в IX-XI вв. Молчание письменных памятников и неоднозначность интерпретации вещественных древностей создают определенные трудности для изучения этой темы. Однако внимательное прочтение летописных текстов и агиографических произведений позволяет выявить особенности менталитета древнерусского общества и процесс сложения раннефеодальной символики. Параллельное изучение на основе строгой археологической методологии всего универсума памятников вещественных древностей дает исследователю возможность очертить те же особенности уже на основе совершенно иного вида источников. Сопоставление выводов, полученных при анализе разнохарактерных материалов, способно дать принципиально новые уникальные результаты, на основе которых возможны достоверные заключения в области исследуемой проблемы. Полученные результаты не только раскрывают перед нами особенности древнерусского христианского сознания, но и способствуют становлению исследовательской методики в области выявления раннехристианских древностей и корреляции письменных памятников и археологических источников. Однако основой достоверности исследования является строгая археологическая методика, в основе которой лежит выявление всего корпуса артефактов, связанных с распространением христианства на определенной территории в соответствующую эпоху, составление общей типологии на основе не столько морфологического, сколько иконографического подхода, рассмотрение христианских древностей в комплексе артефактов, вместе с которыми они были депозированы, поиск аналогий и территориально-культурных источников христианских импульсов и сопоставление археологических данных с данными письменной традиции.

Обратимся к ранним христианским древностям на Руси. Для начальной эпохи христианизации X-XI вв. эти древности оказываются связанными с дружинными могильниками и некрополями открытых торгово-ремесленных поселений на важнейших торговых путях того времени. Это прежде всего могильники Киева, Шестовиц, Гнездово и Тимерево. Речь идет о крестовидных подвесках из листового серебра, которые в настоящее время найдены на территории Древней Руси

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 97-01-00510 "Христианские древности Северной Руси IX-XIII вв."

в 12 пунктах в количестве 31 экземпляра. Этим подвескам была посвящена обстоятельная статья Н.Г. Недошивиной (Недошивина 1983: 222-225). Исследовательницей было учтено 12 экземпляров из 4 пунктов. В настоящее время эта сводка представляется неполной. Расширилась география находок, увеличилось количество известных экземпляров. К настоящему времени кресты найдены в 23 погребениях X–XI вв. и одном кладе конца XI в. (рис. 1) Не о всех мы знаем по их изображениям, о некоторых сохранились только краткие упоминания в публикациях. Они представлены не только натальными крестиками, но и крестовидными накладками, типологически близкими к исследуемым крестам.

География находок и примерное описание археологических комплексов могут быть представлены следующим образом:

1) **Могильник Удрай II**, Новгородская область. Погребения №№ 1, 5 в каменной насыпи, представляющей оригинальное земляное сооружение вымощенное камнями (первая половина – середина XI в.) (Платонова-Зелевская 1981; Платонова 1983). Крест из погребения № 1 представляет собой серебряную крестовидную накладку с расширяющимися концами размером приблизительно 30 x 30 мм (рис. 2: 13). Накладка налагалась на дно или крышку несохранившейся деревянной чаши с бронзовыми оковками. Само погребение было совершено в каменной насыпи. Могильная яма имела обкладку из валунов в форме ящика. Ориентировка погребенной – северо-западная. Из инвентаря важно отметить овальнощитковые височные кольца, два милиарисия – подвески Василия II и Константина VII (977-1025), два дирхема (894-902) и (977-1011), полые серебряные бусы с гроздевидными окончаниями, полые гладкие бусы и подковообразную спиралеконечную пряжку.

Погребение № 5 было центральным в каменной насыпи и совершено в деревянной камере. Над могилой фиксируется неопределенная столбовая конструкция. Среди инвентаря найден сломанный меч с клеймом рейнских мастеров, топор, поясной набор с сердцевидными накладками и деревянная чаша с бронзовыми оковками. Сам крест массивный, неправильной формы с прокованными концами и с ушком для подвешивания. Лопастей слегка расширяются, концы закруглены. Размеры 45 x 50 мм (рис. 2: 14).

2) **Федово**, Тверской области. Погребение № 26 – 2 экземпляра (XI в.) (Ширинский-Шихматов 1906: 53-62). А. Спицын указал, что крест оловянный, размеры приблизительно 17 x 20 мм, кресты происходят из безынвентарного грунтового погребения у сопки (рис. 2, 12).

3) **Калихновщина (Псковская область)**. Несколько особняком стоит находка боевого топора с крестообразными накладками на рукоятке в местечке Калихновщина (Псковская область), курган № 273, погребение № 1 (рис. 2: 15). Топор датируется XI–XII вв., погребение совершено до 1177 г., однако, А. Спицын датировал его XI в. (Спицын 1903: 56). Курган с каменной обкладкой. Погребение совершено на материке. При женском погребении крученный и спиральный браслеты.

4) **В местечке Озера**, Лодейнопольский район Ленинградской области в начале XIX века был найден клад арабских монет, серебряный пластинчатый браслет, а так же четырехконечный крест-тельник с треугольными оконечностями, украшенный пуансонным орнаментом в виде

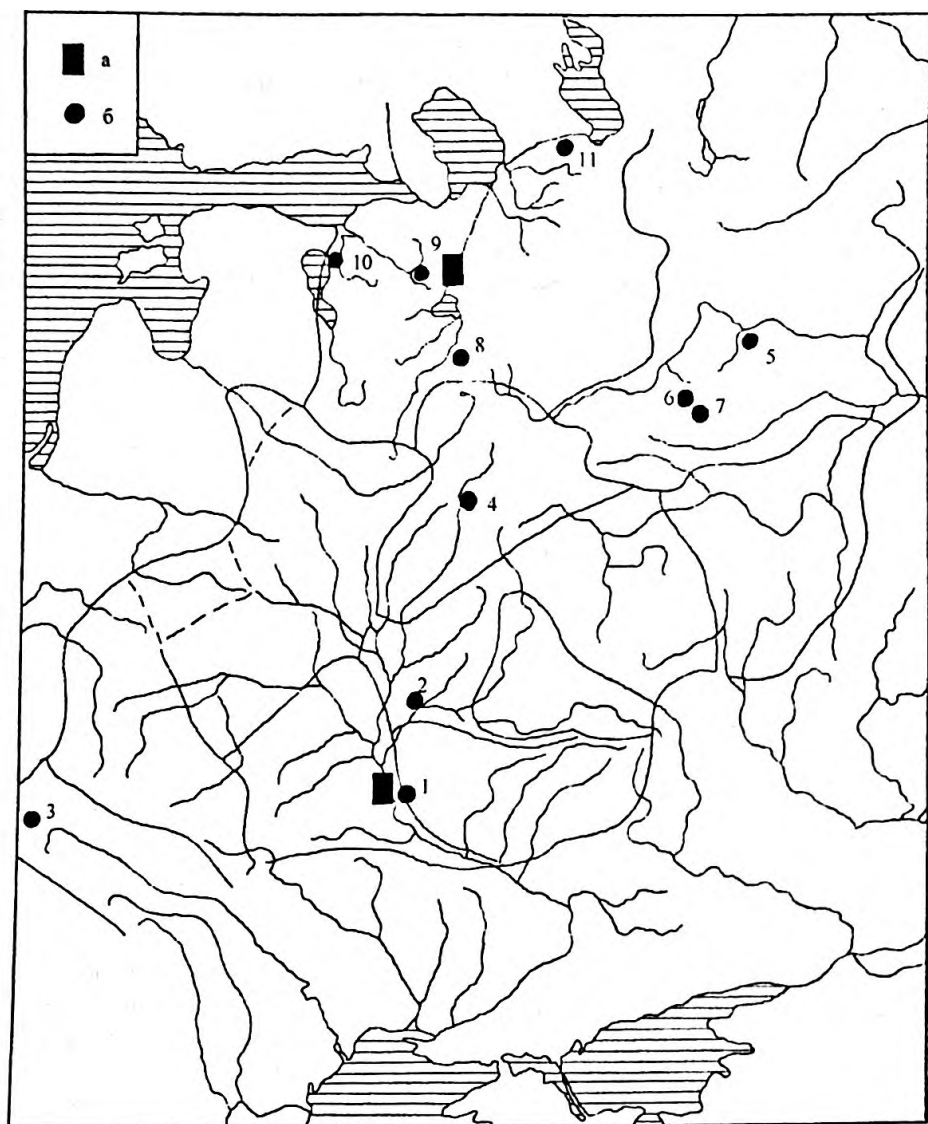

Рис. 1. Карта находок крестов из листового серебра X-XI вв. а-христианские общины на Руси до 988 г., б- пункты находок 1-Киев, 2-Шестовицы, 3-Подгорцево, 4-Гнездово, 5-Тимерево, 6-Васильки, 7-Весь, 8-Федово, 9-Удрай, 10-Калихновщина, 11-Озера пирамидок, точек и кружочков. В ушке для подвешивания было кольцо из серебряной проволоки. Клад ныне хранится в ГИМ (Корзухина 1954: 17, 102-103).

5) Киев: усадьба Десятинной церкви, погребения № 14 – 3 экземпляра (возможно, середина X в., погребение совершено в могильной яме в сосновом гробу с западной ориентировкой, ожерелье, котором есть сердоликовые граненые бусы, дирхем Исмаила ибн Ахмада 892-907) (Каргер 1958: 142-143).

Киев, № 110 (середина X в., дирхем Ахмад ибн Исмаила 911-912) (Каргер 1958: 174-177), форма крестика несколько отличается от остальных, представляя собой накладку с круглыми завершениями концов и розеткой в центре (рис. 2: 1). Погребение камерное, детское. Крестовидная накладка была специально положена на грудь усопшего. На одном из дирхемов процарапан крест с тремя перекладами. В погребении найден богатый инвентарь, представленный посудой, костяными изделиями, амулетами. Однако, по мнению некоторых исследователей, это погребение может быть датировано второй четвертью X в. (Церква Богородиці ... 1996: 43).

Киев, Усадьба Марра: № 117 – 2 экземпляра (X в.) (Каргер 1958: 190-191); судя по инвентарю погребение камерное, в котором был найден скелет лошади, меч, стрелы, шлем, копье, топор и конское снаряжение. М. Каргер считал, что в одном из сообщений инвентарь этого погребения перепутан с погребением № 125, в результате чего в его инвентаре “оказались” крестики (Каргер 1958: 190).

Киев, № 125 – 2 экземпляра, крестики 30 x 30 мм с расширяющимися концами вписанными в круг и пуансонным орнаментом в виде точек идущих по периметру (вторая четверть – середина X в.) (Каргер 1958: 208-210), погребение может быть камерным, в инвентаре скорлупообразные фибулы, стеклянные бусы и дирхемы середины VIII в. (рис. 2, 2,3).

Кирилловская улица: № 124 (середина X в.) (Каргер 1958: 210-211). Погребение судя по всему камерное, в инвентаре скорлупообразные фибулы, круглая серебряная фибула с накладным орнаментом из рубчатой проволоки, серьги волинского типа, золотое колечко из рубчатой проволоки с завязанными концами, византийские серебряные монеты Романа, Константина, Стефана и Константина 931-944 гг. Крест аналогичен по форме крестам из погребения № 125, размеры 28 x 28 мм, точечный орнамент сделал зубчатым колесиком, в центре образует ромб (рис. 2: 4).

6) **Тимерево:** погребения 417 и 459 (рис. 2: 5) (Ярославско Поволжье 1963: 37, рис. 21: 12). Крестообразные подвески были вырезаны из серебряных арабских дирхемов второй половины X в. (997, 969-970 соответственно), то есть представляют из себя кресты, вписанные в идеальный круг. Курганы обнаружены на краю кладбища и могут датироваться X – началом XI в. Погребение № 417 совершено на горизонте, при погребении топор и нож. Погребение № 459 совершено в яме, при нем серебряная витая гривна с бусинами глухого стекла, серебряный дровотый завязанный браслет, серебряный широкосерединный завязанный перстень с орнаментом “волчий зуб”, нож, пружинные ножницы, серебряная ложка, деревянная чаша с серебряной бляшкой, обломок бронзовой чаши, деревянное ведро с железными обручами и дужкой.

7) **Шестовицы,** курган № 78 (Блифельд 1977: 160-163, 210, 211, табл. XXI, XXII). Вторая четверть – середина X в. Крест четырехконечный с узкими лопастями, в круглых завершениях которых следы циркульного орнамента. Размер 40 x 35 мм (рис. 2: 6). Погребение совершено в яме, в инвентарь входят скорлупообразные фибулы, ажурная монетовидная привеска с изображением зверя, бусы, раковины каури, железные обручи от ведра, дирхемы 913/914, 909/910. Согласно хронологии

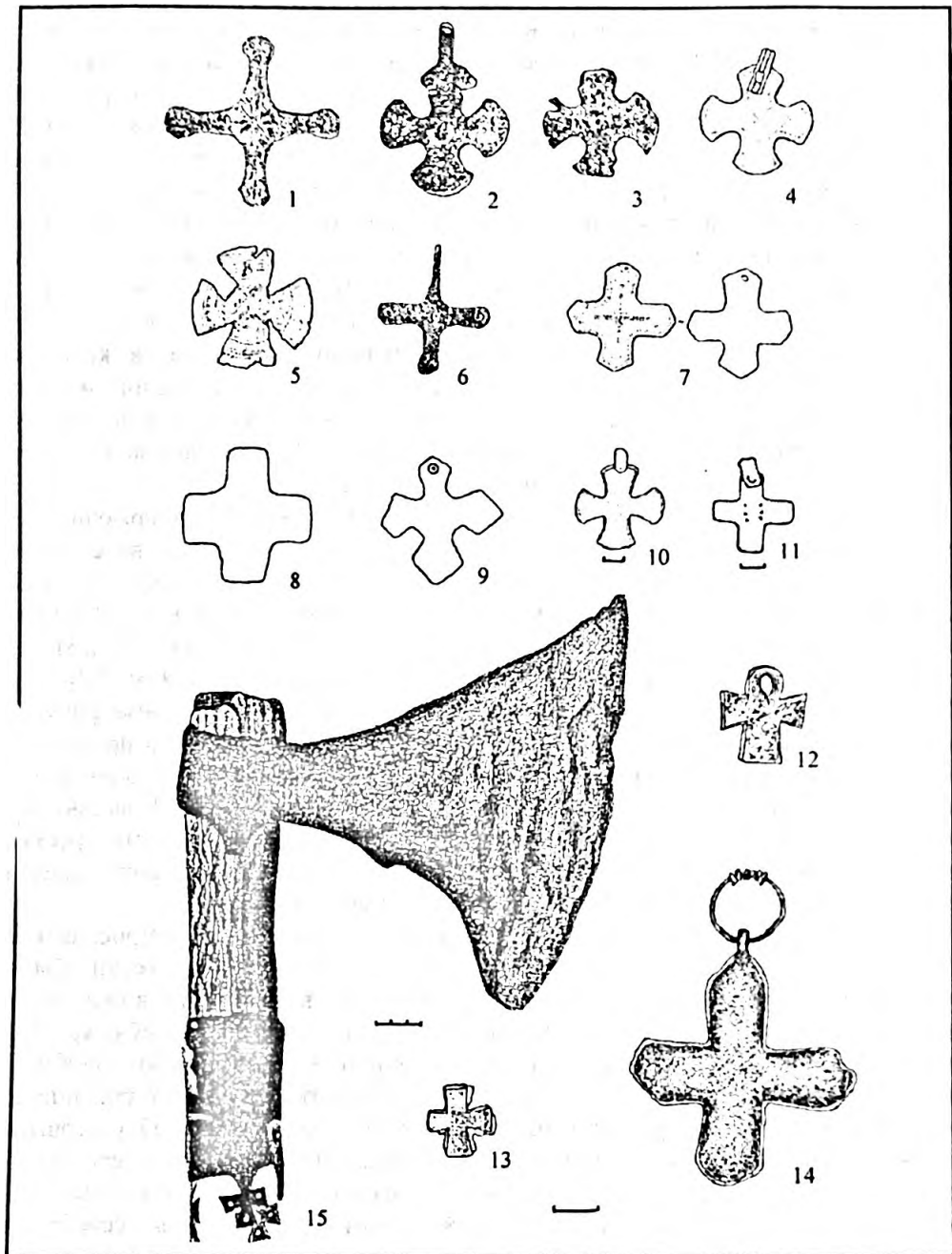

Рис. 2. Сводная таблица крестов из листового серебра и листовидных накладок X-XI вв.

- 1-Киев №110, 2-Киев № 125, 3-Киев №125, 4-Киев №124,
 5-Тимерево №459, 6-Шестовицы №78, 7-Гнездово, Заольшанская
 группа №27, 8- Гнездово, Заольшанская группа №38, 9-
 Гнездово, Заольшанская группа №5, 10 -Гнездово, Ц-301,
 11-Гнездово, Дн-4, 12-Федово №26, 13-Удрай №5, 14-Удрай
 №1, 15-Калихновица №273/1

Ф. Андрощука это погребение датируется 900–950 гг. (Андрощук 1995: 115-122).

8) **Гнездово:** Заольшанская группа – курганы №5 (рис. 2: 9), 27 (рис. 2: 7), 38 (рис. 2: 8) (середина – вторая половина X в.) (Каменецкая 1991: 164, 167, 168, рис. 12: 1, 2, 3). Все погребения совершены в ямах, в которых читается древесный тлен, ориентировка запад — юго-запад. Погребение № 5, возможно сидячее, в его инвентаре нож, деревянная чаша, бусы, среди которых мозаичная черная с черно-бело-синими глазками. Погребения характеризуются очень скудным инвентарем. Кресты из погребений 27 и 5 имеют подтреугольные завершения лопастей, последний с пуансонным орнаментом. Крест из погребения 38 четырехконечный, с квадратными лопастями.

Гнездово, Центральная группа – № 198 (Путь ... 1996: 53, №№ 277-284), 301 (рис. 2: 10) (970-е годы) (Авдусин, Пушкина 1989: 193-196, 203, 204, рис. 4: 2), № 97 из сборов С.И. Сергеева “14 июля 1899 года”.

Погребение 14 июля представляет собой по своему инвентарю типичную камеру. В составе инвентаря меч, копье, наконечники стрел, умбон, наконечник ножен, стремена, две овальные фибулы, фибула трехлопастная, гривна с 5 молоточками Тора, обрывки ткани шелковой прошитой тонкими серебряными нитями и канителью, сломанная медная оправа гребня, две чашечки от весов, ведро. Скелет лошади. Из монет дирхем с ушком: аш-Шаш, Ахмад ибн Исмаил, 913 г. и монета Василия I и Константина VIII (у Т.В. Равдиной не отмечена), которая, впрочем, может происходить и из другого погребения (Спицын 1905: 6-74; Равдина 1988: 42; Булкин 1982). Крестик серебряный, литой, имеет расширяющиеся лопасти и рельефную окантовку по краям.

Гнездово, погребение № 198 – камерное. Погребение № 301 тоже камерное, крестик с расширяющимися концами вписанными в круг имеет пуансонный орнамент, размеры 30 x 30 мм. В погребении найден фрагмент равноплечной фибулы, остатки деревянного ведра, фрагмент овальной серебряной фибулы, следы деревянной чашечки.

Гнездово, Днепровская группа № 4 (рис. 2: 11) (дендродата 975 г. (Авдусин, Пушкина 1989: 196-200, 233, рис. 4: 7) – крест литой, прямоугольный, 30 x 30 мм, в центре орнамент “волчий зуб”. Погребение является камерным. В составе инвентаря необходимо отметить меч с полукруглым навершием, ланцетовидное копье, двусоставные удила, стремена, ведро, боченковидные гири. Погребенный был облачен в кафтан.

9) **Васильки, Владимирской области** (раскопки А.С. Уварова) (Уваров 1871: 830).

10) **Весь (Владимирские курганы)**, курган № 4. Очевидно, речь идет о кресте интересующего нас типа, поскольку он обнаружен в комплексе со скандинавской овальной фибулой и назван серебряным (Уваров 1871: 827).

11) **Кемский некрополь, д. Болтинская (Вологодская область, Белоозеро)**, курган № 9, (погребение № 1 – вторая половина XI в.), грунтовая могила № 7 (XI в.) (Макаров 1990: 151, 160); оба крестика вырезаны из серебряных западноевропейских динариев, что сближает их с находками из Тимерева.

12) Подгорцевский могильник (Львовская область). Есть сообщение о находке в 1881-1882 гг. в подкурганной яме Подгорцевского могильника (Львовская область) парного захоронения с дружинным инвентарем (меч, кольчуга, ведро), в составе которого находились серебряные крестики. В обряде прослеживается великоморавское культурное влияние (золотая круглая пластинка во рту – “обол мертвых”) (Моця 1990: 101, 106).

Концы крестиков имеют самую различную форму: округлую, подтреугольную, прямоугольную. Наиболее характерны кресты с расширяющимися концами, вписанные в круг (Киев, Тимерево, Болтинская, Гнездово – 13 экз.); некоторые из них вырезаны из серебряных монет, представляющих идеальную заготовку для этого типа. Таким образом, форма лопастей позволяет выделить четыре типа. Однако при незначительных различиях чувствуется их несомненное иконографическое единство, которое еще больше подчеркивается схожей техникой изготовления и украшения. Это и позволяет объединить их в одну группу, что гораздо важнее, чем их внешние различия.

Подобный тип крестов достаточно широко известен в Северной Европе. По наблюдениям Й. Стеккера эти кресты, представлены двумя основными типами – крест, вписанный в идеальный круг и крест с прямыми ветвями, заканчивающимися закруглениями, Оба типа имеют пуансонную орнаментацию – найдены в 20 пунктах, в том числе в Бирке в погребениях №№ 480, 517, 703, 835, 968, 983 (Arbman 1940-1941; Stacker 1994: в печати). Эти кресты обычно связываются с миссией епископа Унно в Швеции (930 г.). Н.Г. Недошивина предположила в свое время, что кресты изготовлялись в Средней Швеции и попадали на Русь вместе с их носителями-варягами (Недошивина 1983: 224), однако, еще ранее Л.А. Голубева указала аналогии этим подвескам в изображениях крестов на престолах херсонских храмов VIII–IX вв. (Голубева 1951: 111).

Действительно, непосредственно в древностях франкской империи IX–X вв. подобные кресты неизвестны. Между тем среди византийских древностей этого времени крест, вписанный в круг, как один из древнейших изводов изображения креста, известный с конца IV века продолжает существовать (Rice 1959: Pl. 9, 23, 29, 71). С середины X в. в прикладном искусстве Византии появляется декоративная деталь сопоставимая с пуансонным орнаментом, который характерен для наших крестов. Речь идет о крестчатом нимбе Христа, где ветви креста украшены двумя рядами точечного орнамента. Прежде всего речь идет об интронизационных диптихах Константина VII (ок. 944 г.) и императора Романа и Евдокии (ок. 950 г.). Впоследствии этот мотив появляется и на византийских монетах, в частности Василия II и Константина VII (976-1025 гг.) (Rice 1959: Pl. 96, 97). Орнаментация и сама форма исследуемых крестов вполне может воспроизводить данный иконографический тип, возникший непосредственно к середине X в. В целом необходимо признать, что непосредственные истоки крестов из листового серебра определить затруднительно, поскольку прямые аналогии предшествующего времени нам неизвестны.

Учитывая экземпляры, найденные в Тимерева и Кемском некрополе, изготовленные из серебряных монет, очевидно, на месте, можно предположить, что единого центра производства таких крестов не существовало. Они должны были изготавливаться в местных христианских общинах по идеальным типам, существовавшим в общественном сознании. Такой тип крестов с расширяющимися концами господствует в древнерусской христианской культуре XI в., что в частности, явствует из корпуса граффити Софийского собора в Новгороде, где расширение лопастей креста передано в виде небольших треугольников на концах равноконечных прочерченных крестиков (Медынцева 1978: 25-138).

Необходимо обратить внимание на взаимосвязь находок нательных крестов со всем комплексом погребального инвентаря. Можно утверждать, что они связаны с военно-дружинной и торговой атрибутикой эпохи сложения древнерусского государства. Это находки оружия в погребениях (меч — 5 раз, топор) Киев, № 110, 117, Тимерева № 417; Удрай II № 5; Калихновшина № 271; Гнездово Дн-4, Ц-97; ведра и деревянные чаши с серебряными оковками — 5 раз (Гнездово Дн-4, Ц-97, Ц-301, Киев 122, Шестовицы № 78, Удрай II № 1), весы — 3 раза (Киев 110, Удрай II № 1, Гнездово), арабские и европейские монеты (Киев №№ 14, 110, 124, 125; Шестовицы № 78, Гнездово Ц-97, Тимерева №№ 417, 450; Удрай II №№ 1, 5; Кемский некрополь №№ 9 — 1,7). Такое совмещение подтверждает тот факт, что христианство распространялось, прежде всего, среди военно-торгового и дружинно-административного слоя, созидавшего древнерусское государство (Тихомиров 1975: 272).

Элементы скандинавской культуры (прежде всего овальные фибулы — 6 раз, подвеска в стиле Борре) очень часто коррелируют с раннехристианскими древностями. Нам представляется возможным в свете имеющихся данных, положительно решить вопрос о роле варягов в христианизации Руси, в духе летописного известия 945 “Мнози бо беша варязи христиане...” (ПВЛ 1950: 39).

Любопытно сопоставить кресты из Тимерева и Кемского некрополя вырезанные из серебряных монет. Очевидно, что сходные политико-географические условия, в которых оказывались древнерусские христиане (отрыв от основных церковных центров) порождали схожие пути удовлетворения духовных потребностей. Н.Г. Недошивина, исследовавшая крестовидные привески из листового серебра, предположила, что оба креста из Тимерева были специально изготовлены для погребения, чтобы соблюсти канон, существовавший в местной христианской общине. Очевидно, обычая постоянного ношения крестов не существовало и там (Недошивина 1983: 224).

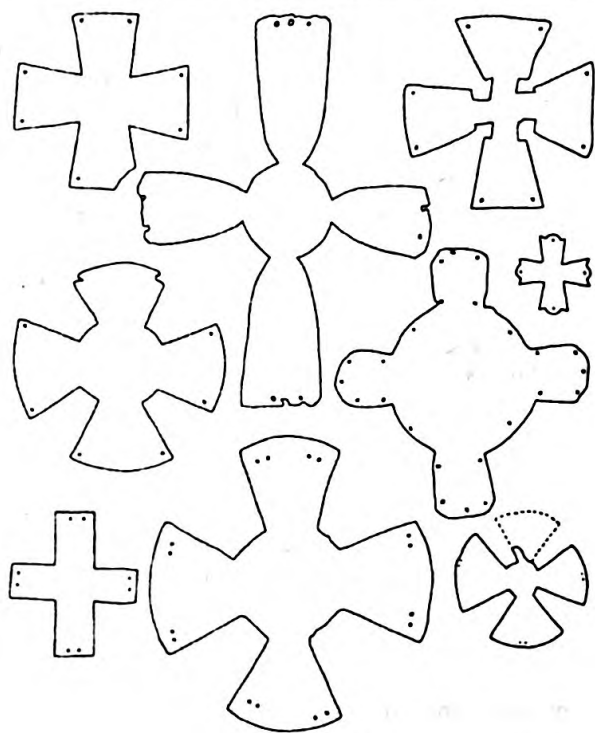
Во всех случаях, когда можно проследить положение крестов в составе погребального инвентаря, выясняется, что они были найдены в области груди, а если входили в состав ожерелья, то занимали в нем центральное место. Так, в погребении № 110 Киевского некрополя крестовидная накладка была положена непосредственно на грудь погребенного.

Примечателен и тот факт, что практически все кресты происходят непосредственно из погребений. Учитывая определенные различия между

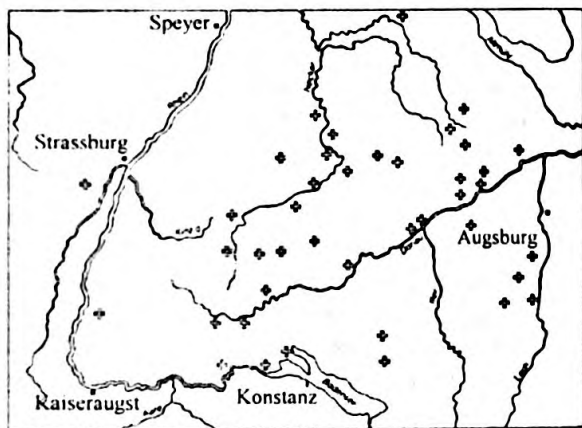
“культурой жизни” и “культурой погребения” возможно вслед за Н.Г. Недошивиной предположить, что часть крестов (Тимерево, Болтинская) изготовлялись непосредственно для погребального ритуала. В любом случае, представляется, что определенной стадияльной аналогией крестам из листового серебра являются кресты из золотой и серебряной фольги в погребениях франкской и аллеманской знати империи Меровингов (VI–VII вв.), характерные именно для эпохи христианизации (рис. 3: 1, 2). С началом существования регулярной церковной организации и прочного становления христианской культуры подобные кресты исчезают. Расположение крестов в погребениях (поверх усопшего, 4 по бокам, один в центре), а также маленькие дырочки на концах крестов свидетельствуют о том, что эти кресты нашивались на саван и в силу этого были характерны только для погребальной культуры (Müller-Wille 1993: 21, fig. 14). Очевидно, религиозное сознание христианизуемой знати именно перед лицом смерти особым образом демонстрировало свою христианскую принадлежность. Вместе с тем отсутствие этого типа крестов в культурном слое торгово-ремесленных поселений подтверждает нашу мысль о специфической погребальной функции. Те кресты, которые входили в состав ожерелий и в повседневном быту являлись украшениями, подчеркивавшими христианский статус их владельцев, очевидно исключались из живой культуры вместе с их владельцами. Это не даст оснований для заключения о длительном функционировании предметов личного благочестия в системе раннехристианской культуры, что соответствует отсутствию глубоких традиций в местной общине эпохи христианизации.

С дружинными некрополями связана еще одна уникальная находка, относящаяся к христианской культуре. Речь идет о погребении № 1 кургана № 61 Шестовицкого могильника (раскопки Д. Блифельда, 1957 г.). В его инвентарь входила бронзовая печатка с изображением Иисуса Христа с нимбом и Евангелием и надписью “IC XC”, в публикации почему-то названная перстнем (рис. 4) (Блифельд 1977: 150-155, рис. 29). Могила, находившаяся в соседстве с еще тремя, перекрытыми одной курганной насыпью (фамильный склеп) представляла собой погребение подростка в деревянном гробу, сколоченном гвоздями. Ориентировка западная. На правом боку – на уровне пояса и находилась печатка по соседству с астрагалом бобра и бабками для игры в кости. Возможно, вещи лежали в несохранившейся сумочке. Погребение датируется серединой X в. (дирхем аш-Шаш, Наср ибн Ахмад 935-936 гг.). Заманчиво сопоставить факт существования христианской печати, синхронной подписанию договора 945 г. князя Игоря с Византией, с самим договором, в котором принимали участие и русские христиане. Возможно, это была личная печать, которая со смертью владельца была погребена вместе с ним. По мнению Д. Шпард иконографический тип Спасителя, представленный на печати возникает после 945 года; это позволило Ф. Андрощуку датировать комплекс погребений кургана № 61 достаточно узким временем 945-970 гг. (Андрощук 1995: 119).

Находки крестовидных подвесок происходят, преимущественно, из дружинных некрополей и могильников открытых торгово-ремесленных

1

2

Рис. 3. 1-Типы крестов из золотой фольги в погребениях алеманской знати VI-VII вв., 2-распространение крестов из золотой фольги на территории племени алеманов (по М.Мюллер-Вилли, Р.Кристлайну, М.Мартину)

поселений X в. на основных торговых путях. Исключение составляют экземпляры XI века. Прежде всего, это Федовский могильник, представляющий собой, очевидно, кладбище боярской патронимии. Могильники Калихновщина, Удрай II, и Кемский некрополь характеризуют

Рис. 4 Печать с образом Иисуса Христа из погребения №61 Шестовицкого могильник

кладбища военных гарнизонов на периферии древнерусского государства и торговых перекрестках. В этих общинах продолжались дружинные традиции предшествующего времени (Алешковский 1960). Однако очевидно, что в XI в. камерный обряд и кресты из серебра вытесняются на северные окраины Новгородской земли. С одной стороны, это свидетельствует о некотором запаздывании христианизации Северной Руси. С другой стороны, функции дружинных коллективов в системе социально-политических связей Древней Руси существенно изменились. Вместе с тем изменилось и направление

и культурные формы христианизации: то что раньше было характерно для древнерусских городов, а именно курганный обряд, камерные погребения и характерные для них предметы личного благочестия, стало обычным для сельских районов. На смену дружинно-общинному типу организации древнерусского духовенства приходят епархиально-приходские структуры, которые приносят с собой новый тип предметов личного благочестия.

Особенности древнерусского христианского сознания и обусловливались отчасти дружинно-общинной организацией Церкви на Руси в начальный период ее истории. Духовенство изначально не составляло обособленного социального слоя, а включалось непосредственно в систему княжеского окружения и боярской патронимии. "Русская Правда" не знает ни духовенства, ни монашества как отдельных групп населения. Статья о церковных людях, как подсудных лишь Церкви, попадает в архетип Оленинской и Синодально-Волинской группы редакций Устава князя Владимира о десятине, очевидно, не раньше середины XII в., хотя формируется в предшествующее время. (Щапов Я.Н. 1972: 118-120) Однако еще Владимирский собор 1274 г. протестует против практики поставления в священный сан без предварительного освобождения из холопства. (Памятники 1880: 80 "ни раба на священство привести аще не прежде господин его отпустит пред многими послухи с грамотой, и пустит аможе хоцет, и по поставлении да не присовит себе"). Этому предшествовала грамота никейского патриарха Германа 1228 г. с подобным запрещением, адресованная митрополиту Кириллу I. (Памятники 1880: 79-84 "Приспе в слухи нашему смиренню, яко енции в рущьстей стране прежесмеющем мужи некии купяше, к равскому игу влекуще, аще и пленники некия, и потом и учителем их

предающе учить священныя грамоты и учения священныя возраст, возводят по чину их к священному достоянию, и к епископом сих приводящу, не прежде сих отпустивше работного ига, яко же и по поставлению священна совершения работному быти, и опять иереем рабскому имени бесчестном быти... Како ли к Господеви ходатай иже господствуя от ходатающего?") Очевидно, проблема была достаточно серьезна, что потребовало вмешательства Константинопольского первосвятителя. Такая ситуация имела место прежде всего в боярской патронимии.

Дружинно-княжеская среда так же имела в своем окружении "собственное" духовенство. Пресвитер упоминается при княгине Ольге (ПВЛ 1950: 32). "Свой презвутер" был у князя Бориса на Альте. (Абрамович Д.И. 1916: 33-34). Наконец, в белозерском походе Яна Вышатича 1071 г., вместе с дружиной присутствует "попин Янев" (ПВЛ 1950: 76). Совершенно уникально сообщение НПЛ 1136 г. о венчании Святослава Ольговича в Николо-Дворищенском соборе в Новгороде "своими попы", поскольку архиепископ Нифонт запретил своему духовенству венчать князя. (НПЛ 1950: 24, 209) Сообщение о существовании в Новгороде первой половины XII в. духовенства, неподконтрольного местному епископу, но подчиненному черниговскому князю, представляется заслуживающим внимания. Это свидетельствует о дискретности церковной юрисдикции в самом Новгороде и подтверждает нашу мысль о существовании на Руси особой иерархии княжеского, а изначально и дружинного, духовенства.

Подводя итог нашему исследованию, постараемся на основании археологических данных выделить в христианизации Киевской Руси IX–XI вв. следующие этапы с характерными особенностями. Первый этап относится к началу – второй половине IX в. В это время начинает складываться новый протофеодальный военно-дружинный и торгово-административный слой – "русь". Начинаются духовные поиски новой социальной верхушки, и это приводит к тому, что данный слой населения выступает как активный сторонник принятия христианства: среди его представителей начинает распространяться ингумация в камерах (сама ингумация фиксируется летописным текстом) и появляются первые христианские древности, которые, однако, почти сразу же выпадают из повседневной культуры.

Второй этап христианизации обнимает конец IX – первую половину X в. Появляются новые типы христианских древностей, связанные прежде всего с княжеской дружиной и варяжскими наемниками. Языческая реакция времени правления князя Олега после захвата Киева в 882 году на археологических материалах не прослеживается. Более того, представляется очевидным поступательное развитие христианского погребального обряда – погребение в гробовище в подкурганной яме (Киев № 14). Развитие христианского погребального обряда и дружинной культуры приводит и появлению камерного обряда погребения во второй четверти – середине X в.

Третий этап распространения христианства на Руси продолжается до 60-70 гг. X в. Проявляются местные особенности древнерусского христианства. Значительно расширяется география христианских общин

(Киев, Шестовицы, Гнездово) и социальная география христианства. Погребения в камерах соответствуют высокому общественному рангу христианина. Большинство христианских символов происходит из женских погребений, что указывает на большую религиозность женщин в древнерусском обществе. Находки печатки с изображением Иисуса Христа может свидетельствовать о некотором развитии делопроизводства в общине. Все говорит о возрастании роли христианства в обществе. Этот период дает нам наибольшее число параллелей с христианизацией Великой Моравии и Скандинавии. Корреляция скандинавских элементов в культуре с христианскими древностями говорит о высокой степени участия варягов в христианизируемом дружинном слое, и, следовательно, в христианизации Руси.

В конце этого периода наблюдается прекращение функционирования христианского некрополя на усадьбе Десятинной церкви и перемещение центров христианской жизни на север из-за языческой реакции при Святославе. Однако, появляются на короткое время, новые черты погребального обряда – использование свечей – связанные с христианским импульсом из Дании.

Новый четвертый этап существования христианства на Руси начинается в последней четверти X в. и продолжается до второй половины XI в. Он характеризуется коренным изменением положения христианства в обществе и государстве, что известно из письменных источников (Крещение Руси 988 г.). Эти изменения находят подтверждение и в археологических материалах. В конце этого периода появляются новые типы христианских древностей – крестики с распятием (наглядные изображения сущности христианской проповеди). Они отмечают появление церковной общины в Новгороде. Христианский в своей основе обряд ингумации, в разной степени влияя на древнерусское население, вытесняет кремацию. Представляется, что к концу X в. общество имеет весьма солидный объем знаний о новой религии. Становление церковной организации на Руси, открытие епископских кафедр является кристаллизующим фактором новой государственной структуры. Примечательно, что синхронное перемещение христианских древностей из открытых торгово-ремесленных поселений и дружинных могильников в древнерусские города и сельские некрополи наверняка отражает процесс сложения тех же самых новых общественных связей. Такое перемещение является отражением создания постоянной церковной организации и собственно началом истории Русской Православной Церкви. В этой связи вопрос о существовании епископии (митрополии) на Руси до Крещения можно, скорее всего, решить отрицательно. Возможно, что при кафедрах (миссионерских центрах) могли создаваться мастерские по производству предметов христианского культа. Это должно было бы привести к унификации их формы, что и можно отметить на примере крестов с Распятием.

Самостоятельное изготовление предметов культа связано с удаленностью от церковных центров (Тимерево, Кема). Очевидно, что разнообразие форм крестов из листового серебра X в. отражает отсутствие единых центров их производства.

Древнерусское христианство представляется способным воспринимать и перерабатывать к своей пользе инокультурные влияния, в частности,

из христианских стран Западной и Северной Европы. Это не может быть связано исключительно с фактом неразделенной Церкви, существовавшей до 1054 г. В этом видится особенность древнерусской христианской культуры в период ее становления. Об особенном жизнеутверждающем характере древнерусского христианства писал Д.С. Лихачев (Лихачев 1976: 131-134). Древнерусское общество не только аккумулировало разнообразные христианские импульсы. Оно являлось проводником христианского влияния во вне как на Севере, так и на Юге. Христианизация Руси, в конечном итоге, являлась лишь частью распространения христианства в Европе.

Распространение христианства в дружинной среде привело к становлению характерных черт идеологии феодализирующегося общества. Соседство предметов культа с предметами вооружения в погребениях свидетельствует о складывании религиозной психологии части “новых христиан” как психологии “дружины Господней”, известной по англосаксонскому и скандинавскому эпосам (Мельникова 1987: 141-156). Однако такое соседство обнаруживается не только в момент смерти, но и при жизни “новых людей Христовых”. Крест и топор являлись новым функциональным отображением культуры, складывающейся народности, существенным атрибутом формирующейся феодальной символики (Кирпичников 1966). Этим должны объясняться находки мечей в княжеских погребениях при храмах. В русских письменных источниках отражение подобной дружинной идеологии имеет место в Летописных статьях 1071 и 1077 г. (Ян Вышатич и волхвы на Белом Озере, победа князя Глеба над волхвом в Новгороде) (ПВЛ 1950: 76, 78). Оружие, как и крест, становится символом не столько смерти, сколько победы над смертью, будущего торжества христианства на Руси. Именно власть над будущим становится в древней Рус предместом спора христиан и язычников. В Повести Временных Лет есть ряд сюжетов, где своеобразно проявляется власть христиан над будущим и над смертью как элементом этого будущего. В 1071 двум деятелям христианской Руси приходится столкнуться с волхвами – Яну Вышатичу на Белозере и Глебу Святославичу в Новгороде. Сопратники Яна предостерегают его от встречи с волхвами: “Вида идиши на смерть, не ходи.” Однако Яну удается пленить волхвов. После своеобразной проповеди, которая описывает посмертную судьбу язычников, и предупреждения волхвам о грядущей смерти, волхвы отвечают Яну: “нама бози поведают, неможеши нама сотворити ничесоже.” Ян отвечает: “Лжут вама бози”, и он оказывается прав: после экзекуции волхвы признают, что “сице нам бози молвят, не быти нама жива.” Правда опять остается за Яном, представляющего Бога христиан: “То ти вама право поведали” (ПВЛ 1950: 76-77). Таким образом, христианский воин становится господином как метафизического, так и физического будущего язычников.

В таком же господствующем положении оказывается и князь Глеб по отношению к взбунтовавшемуся волхву в Новгороде. Претендуя на власть над будущим, волхв оказывается посрамлен точным ударом профессионального воина: “Глеб же взем топор под скутом. Взем

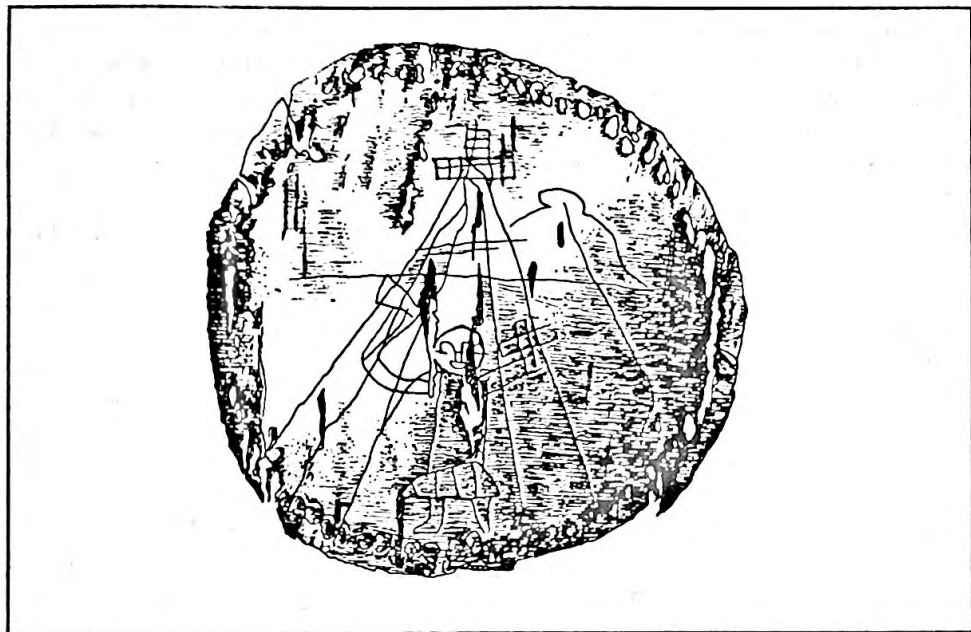

Рис. 5 Берестяное донце из раскопок в Новгороде (сер. XI в.) с изображением воина с крестом и топором

эпор и прииде к волхву и рече ему: “То веси ли что утро хошет ыти, и что ли до вечера?” Он же рече: “Проведе вся”. И рече леб: “То веси ли, что ти хошет быти днесь?” “Чюдеса велика сотворю”, рече. Глеб же вынем топор и ростя и, и паде мертв, и люди разидошася”. И так, победа князя “над будущим” оказалась победой в настоящем. (ПВЛ 1950: 78)

Таким образом, тема смерти, власти над смертью с помощью креста и оружия, преодоления смерти становится одной из основных в эпоху христианизации древнерусского общества. Новообращенный христианин “умирал” для языческого общества и его ценностей. Обращение в христианство, в новую веру определенно воспринимается как смерть и христианами и язычниками. Однако, если для первых смерть – это осознанная богословская фигура, отображающая мистический процесс перерождения человека и связанная с глубинной онтологией души, “умирающей для жизни греховной”, то для других это неосознанный момент психологического переживания, сопровождающий расставание с близким человеком и сопровождаемый заупокойным ритуальным плачем. Достаточно вспомнить, как после ухода прп. Феодосия в Киевский монастырь, “мати же его много искавши в граде своем и в крестных градах, и яко не обрете его плакашеся по нем люте биючи в перси своя яко и по мертвем” (Успенский сборник 1971: 80-81.) То же происходит когда боярин отпускает сына своего Иоанна в монастырь: “Бысть же тогда вещь причудна и велик яко и по мертвым, раби и рабыни плакахуть сына господина своего, отец и мать сына своего плакостася, яко отлучашася от них и тако с плачем великим провожахути” (Успенский сборник: 85).

Знаменита сцена, когда князь Владимир “нача поимати у нарочитыи чади дети, и даяти нача на учение книжное. Матери же чад сих плакахуся по ним, еще бо не бяху бо ся утвердили верою, но акы по мертвеци плакахся” (ПВЛ 1950: 53). Плач родных “яко по мертвой” сопровождает прп. Евфросинию Полоцкую как при ее уходе в монастырь (1113 г.), так и в намерении отправиться в паломничество в Святую Землю, хотя последнее событие относится уже к началу 70-ых гг. XII в. (Сапунов 1888). Монашеский постриг, паломничество, начало учебы в христианской школе, и, стоит предположить, обращение в новую веру вообще воспринималось как языческим, так и христианизируемым обществом как смерть конкретного человека.

Иллюстрацией к такому синтезу меча и креста как символу победы над смертью и своеобразному палладиуму новой веры, является изображение на бересте середины XI в. из Новгорода (рис. 5), представляющего воина с крестом и топором в руках на фоне шатрового храма, увенчанного крестом (Хорошев 1988: 68-76). Именно этому этапу и соответствовало первое поколение христианских древностей средневековой Руси.

- Абрамович, Д.И.* 1916. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр.
- Авдусин, Д.А., Т.А. Пушкина.* 1989. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. Москва.
- Алешковский, М.Х.* 1960. Курганы русских дружинников XI-XII вв. // Советская археология 1.
- Андрущук, Ф.О.* 1995. Топографія та хронологія Шестовицького могильника // Археологія 3: 115-122.
- Блифельд, Д.І.* 1977. Давньоруськи пам'ятники Шестовиці. Киев.
- Булкин, В.А.* 1982. “Курган 97” из раскопок С.И.Сергеева в Гнездове // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Ленинград.
- Голубева, Л.А.* 1951. Киевский Некрополь // Материалы и исследования по археологии СССР 11.
- Каменецкая, Е.В.* 1991. Заольшанская курганная группа Гнездова // Смоленск и Гнездово. Москва.
- Каргер, М.К.* 1958. Древний Киев. Ч.1. Москва-Ленинград.
- Киртичников, А.Н.* 1966. Древнерусское оружие. Москва-Ленинград.
- Корзухина, Г.Ф.* 1954. Русские клады IX-XIII вв. Москва-Ленинград.
- Лихачев, Д.С.* 1976. Стилеформирующая доминанта домонгольского искусства и литературы // Средневековая Русь: 131-134. Москва.
- Макаров, Н.А.* 1990. Население Русского Севера в XI-XIII вв. Москва.
- Медынцева, А.А.* 1978. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. Москва.
- Мельникова, Е.А.* 1987. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. Москва.
- Моця, А.П.* 1990. Погребальные памятники южнорусских земель в IX-XIII вв. Москва.
- Недошивина, Н.Г.* 1983. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // Советская археология 4.
- НПЛ,* 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва-Ленинград.

- Памятники 1880.* Памятники древнерусского канонического права X-XV вв. РИБ. Т. 6. Санкт-Петербург.
- ПВЛ.* 1950. Повесть временных лет. Ч. 1. Москва-Ленинград.
- Платонова, Н.И.* 1983. Отчет о полевых исследованиях в Ленинградской и Новгородской областях в 1983 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 10653. 66 л., № 10653 А. 34 л., № 10653 Б. 17 л.
- Платонова-Зелевская, Н.И.* 1981. Отчет об археологических раскопках Лужского отряда Ильменской экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. // Архив ИА АН СССР Р. 1. № 8740. 19 л; № 8740 А. 19 л; № 8740 Б. 13 л.
- Путь ...* 1996. Путь из варяг в греки и из грек. Каталог выставки. Москва.
- Равдина, Т.В.* 1988. Погребения с монетами X-XI вв. на территории Древней Руси. Москва.
- Сапунов А.* 1888. Житие прп. Евфросинии, княжны Полоцкой (по трем редакциям). Витебск.
- Спицын, А.А.* 1903. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // Материалы по археологии России 29.
1905. Гнездовские курганы в раскопках С.И.Сергеева // ИАК 15: 6-74. Санкт-Петербург.
- Тихомиров, М.Н.* 1975. Начало христианства на Руси // Древняя Русь. Москва.
- Уваров, А.С.* 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. Москва.
- Успенский сборник.* 1971. Успенский сборник XII-XIII вв. Москва.
- Хорошев, А.С.* 1988. Христианизация Руси по археологическим данным // Природа 7: 68-76.
- Церква Богородиці.* 1996. Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 ліття освячення. Київ.
- Ширинский-Шихматов, А.А.* 1906. Федовский могильник // Труды II областного тверского Археологического съезда 1903 г.: 53-62. б/м.
- Щапов Я.Н.* 1972. Княжеские уставы и Церковь в Древней Руси XI-XIV вв. Москва.
- Ярославское Поволжье.* 1963. Ярославское Поволжье X-XI вв. Москва.
- Arbman, H.* 1940-1941. Birka. Die Graber. Text T. 1. Taflen T.2. Upsala.
- Staecker, J.* 1994. (в печати). Made in Constantinople or made in Rome? Some Reflections on the origin of the ecclesiastical material in Scandinavia // "Rome and Byzantium in the North. Missionary work and change in faith in 8-14 centuries". Kiel.
- Müller-Wille, I.* 1993 Death and Burial in medieval Europe. Lund.
- Rice, D.T.* 1959. Art Byzantin. Paris.

СОВРЕМЕННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ВАРЯЖСКОЙ ПРОБЛЕМЕ НА ФОНЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

“Нормандский вопрос” или “варяжская проблема” в широком и традиционном понимании основывается на той или иной трактовке “варяжской легенды” русских летописей и ответе на вопрос о роли варягов в образовании государственности на Руси.

Проблема была поднята еще в середине XVIII в. в трудах работавших в Академии наук в Санкт-Петербурге немецких ученых Г.-З. Байера и Г.-Ф. Миллера с критикой построений которых выступил М.В. Ломоносов. В дальнейшем этот вопрос постоянно фигурировал в отечественной историографии, то затухая, то вспыхивая с новой силой, отражая, в конечном счете, сложный путь движения общественной и научной мысли в России. Освещению данной проблемы в русской науке посвящено множество работ и сейчас вряд ли имеет смысл их повторять (Мавродин 1949; Шушарин 1964; Шаскольский 1965; Рыздзевская 1978; Хлевов 1997 и др.).

В определенной степени, то явно, а то и завуалированно, подход к рассмотрению этого вопроса подпитывался двумя тенденциями. Одну из них можно назвать “российской”. За ней стояла приверженность к национальному самоутверждению, отстаивание национального самосознания, признание самобытности русской-славянской культуры, отрицание всякого рода иноземных влияний. Тенденция вполне понятная, если следовать течению русской общественной мысли и в истории России отнюдь не новая, а в иных проявлениях и формах живущая и сейчас. Вторая тенденция – “скандинавская”. Она основывается на романтической идеализации викингов и их эпохи, “золотого периода” скандинавской истории (Wilson 1997). Эта тенденция особенно ярко проявилась во второй половине XIX в. “Викинги” – образ национальной гордости скандинавов. Они предстают как бесстрашные путешественники и доблестные воины, опытные мореходы и искусные ремесленники, торговцы и колонисты-землепашцы, основатели городов и государственных посланники и князья, телохранители византийских императоров, носители цивилизаторских тенденций и всего самого прогрессивного.

Обе названные тенденции взаимно исключают друг друга, отталкиваясь от разной национальной почвы. Стоящий за ними наивный патриотизм (естественный для любой массовой культуры), периодически подогреваемый политически, осязательно чувствовался на протяжении всего XX в. Достаточно вспомнить широкое использование викингских символов в нацистской пропаганде (Wilson 1997: 76-78), достаточно,

взглянуть на десятки современных популярных книг и множество так называемых “документальных” фильмов о викингах, потоком появляющихся на Западе, как достаточно, с другой стороны, обратить внимание на статьи типа “Рюрик – солевар из Старой Русы” (Анохин 1994: 77-92), публикуемых в российской массовой литературе и наполненных наивной гордостью за славные дела древних новгородцев, чтобы убедиться в справедливости сказанного.

Однако, нас в данном случае будут интересовать не эти популярные издания, рассчитанные на массовую публику и коммерческий успех, а движение мысли в академической сфере. Здесь же наблюдается определенная закономерность. Суть ее заключается в том, что в начале нашего столетия подход к вопросу о варягах на Руси в академической науке, под которой я понимаю науку основанную на всестороннем критическом источниковедении, по существу, стал достаточно однозначен и позиции наиболее крупных отечественных исследователей русской истории сближались. Именно это позволило Ф.А. Брауну в 1925 г. заключить, что “дни варягоборчества, к счастью, прошли” (цитирую по Шаскольскому 1965: 12). Подобная ситуация в историографии объясняется тем, что этап формирования академической базы основных научных дисциплин, питающих историю, к этому времени завершился.

Трудами А.А. Шахматова была заложена фундаментальная основа изучения русского летописания, остающаяся таковой и в наши дни. Развитие либеральной русской исторической науки достигло своих вершин в сочинениях В.О. Ключевского и его школы. В числе блестящих представителей исторической мысли нельзя не упомянуть С.Ф. Платонова и А.Е. Преснякова. В области исторической географии появился прекрасный труд С.М. Середонина. Кропотливые сборы А.А. Спицына привели к формированию достоверной фактологической базы археологических источников древнейшего периода истории Руси. Если отрешиться от частностей, то, в традиционном понимании предшествующей историографии, все названные исследователи, а они представляют не только себя, а направления в науке, – норманисты. Это совсем не значит, что норманизм победил. В своей крайней форме он также проиграл. Суть заключалась в том, что не зыбкое “национальное” своеобразие и анализ выборочных сведений определяли теперь научную мысль, а реальный исторический факт, устанавливаемый на основе комплексного источниковедения. Были или нет варяги на Руси, сыграли или не сыграли они значительную роль в ранней русской истории, являлись ли первые князья скандинавами и т.д. – подобные вопросы стали достоянием прошлого. Требование времени заключалось в оценке роли скандинавов на Руси в различные хронологические периоды и в различных сферах жизни древнерусского общества в свете установленных достоверных фактов.

Весьма показательными в этой связи представляются рассуждения В.О. Ключевского в его “набросках по варяжскому вопросу”. “Я, собственно, равнодушен к обеим теориям, и норманской и славянской, –

писал В.О. Ключевский, – и это равнодушие выходит из научного интереса. В тумане ранних известий о наших предках я вижу несколько основных фактов, составляющих начало нашей истории, и больше их ничего не вижу. Эти факты, которые приводят меня к колыбели нашего народа, остаются те же, с тем же значением и цветом, признаю ли я теорию норманистов или роксоланистов. Поэтому, когда норманист или роксоланист начнут уверять, что только та или другая теория освещает верным светом начало русской национальности, я перестаю понимать того и другого, то есть становлюсь совершенно равнодушен к обоим” (Ключевский 1983: 113).

Мне думается, что при нормальном (естественном) развитии исторической науки пресловутый “норманский вопрос” был бы закрыт к тридцатым годам, а позиции отечественных и западных исследователей значительно бы сблизились и различия определялись бы различиями научных школ, а не границами политических систем.

К сожалению, случилось иное. В Советском Союзе насильственным внедрением всеобщей социологизации, примитивного марксизма, всепоглощающих понятий классово-борьбы, феодализма, формационности, как обязательной стадии развития общества, история (и археология, как историческая наука) были поставлены на службу идеологии. Исконность, национальное своеобразие и экономический детерминизм были положены во главу угла исторических концепций. Все стало объясняться развитием аграрных обществ, накоплением прибавочного продукта, возникновением городов, как центров сельских округ, пунктов концентрации дани и размещения феодалов и т.д. Места дальней торговли, торгово-военным путям, иноземным влияниям при таких построениях не оставалось. В этой ситуации вполне естественно варяги оказались у дел. В новые концепции Б.Д. Грекова, С.В. Юшкова, М.Н. Тхомирова и других историков взгляды В.О. Ключевского не вписывались. Роль географического фактора в истории Руси, а он играл не малое место в концепциях многих маститых отечественных исследователей первой четверти века, замалчивалась. Обусловленность природной средой уступила место социологическим объяснениям.

Результаты сказались очень скоро. Если репрессии и гонения порой и обходили стороной тех или иных представителей академической науки, то чувство самосохранения и стремление защититься от полной конъюнктурности, заставляли их уходить в замкнутое источниковедение. Возникли две науки – официальная, до предела подчиненная идеологии тоталитарного государства и воплощавшаяся в обобщающих трудах, вузовских и школьных учебниках, и конкретная. Именно последняя и была той отдушиной, при которой можно было писать и заниматься “собственно” наукой, оставаясь максимально искренним. Эта работа в области изучения ранней русской истории не прерывалась.

Перед самой войной экспедиция В.И. Равдоникаса провела значительные раскопки скандинавского могильника в урочище Плакун в Старой Ладобе, а в 1945 г. в печати появилась первая информация о результатах этих работ (Равдоникас 1945: 40, 41). Тогда же

А.Н. Юзefович провел антропологические определения костных остатков из могильника у церкви Климента в Старой Ладогe и пришел к выводу, что значительная часть погребенных принадлежала германскому (скандинавскому) типу (работа, написанная для Кратких сообщений Института антропологии и этнографии, к сожалению, не была издана, но сохранилась в архиве и была известна исследователям, занимавшимся Ладогой – Юзefович 1940). Е.А. Рыздзевская, как историк и филолог, работавшая в центральном археологическом учреждении страны – ГАИМК – ИИМК АН СССР, в 1930-40 гг. велa активное изучение скандинавских источников по истории Древней Руси и русско-скандинавским связям (Рыздзевская 1978). Примечательно, что ее сводка сведений о Старой Ладогe в древнесеверной литературе, остающаяся ценнейшим источником вплоть до наших дней, была опубликована в том же номере Кратких сообщений, что и статья В.И. Равдоникаса о плакунском могильнике (Рыздзевская 1945: 51-65). Конкретные примеры постоянного накопления в 1930-1940 гг. археологических материалов о скандинавских древностях на Руси нетрудно продолжать.

Можно было заставить замолчать исследователей, но нельзя было остановить саму мысль и появление все новых свидетельств интенсивных русско-скандинавских контактов. Заложенная школа русской истории, традиции анализа источника, критического отношения к факту и интерпретации, воспитываемые в стенах дореволюционных университетов, не исчезали при идеологическом окрике. Однако, в целом, разгром учиненный за железным занавесом на востоке отбросил отечественную историю назад. Утрачивались традиции, утрачивалась способность мыслить и критически оценивать источник. Присутствие “правильной идеи” и начальные ссылки на классиков марксизма и “направляющие” статьи оправдывали вольное обращение с материалом в угоду идеологическим догмам. Прямым образом это касалось и археологии, где общие исторические или социологические выводы отнюдь не следуют прямым образом из археологических данных.

Занавес нанес непоправимый урон и западной археологической науке. Помимо того, что и она, особенно в середине столетия, была отнюдь не без идеологических шор, исследователи оказались оторванными от источников, от новых фактов (еще в начале 1960-х годов официальными властями не поощрялись визиты в СССР скандинавских археологов для изучения в музеях и архивах конкретных материалов эпохи викингов – см. Стальсберг 1994: 192). Настольными книгами (своего рода первоисточниками) западных археологов и историков, занимавшихся этим периодом русской истории, до самого недавнего времени оставался (а зачастую и остается сейчас) труд Т. Арне опубликованный в 1914 г., который просхав по России и посетив многие музеи, смог издать каталог известных тогда здесь находок скандинавского облика, и книга В.И. Равдоникаса, увидевшая свет в Стокгольме на немецком языке в 1930 г. (Arne 1914; Ravdonikas 1930). Характерно, что даже в солидных исследованиях самого последнего времени многих ведущих западных историков и археологов

мы не найдем упоминаний о могильнике Плакун, о германских чертах в антропологии Ладоги и Шестовиц, обнаружим весьма поверхностное знакомство с материалами раскопок древнерусских городов и т.д., (Clark, Ambrosiani 1993: Chapter Six), хотя многие из имеющихся фактов казалось бы находятся в русле их построений. Объяснение лишь одно – эта информация вполне доступная советским исследователям, на западе долгое время просто была не известна.

Со второй половины пятидесятых годов, с ходом хрущевской либерализации жизни страны, начинает ослабевать и идеологический прессинг на общественные науки, что ощутимо проявилось не сразу, а к началу 1960-х гг. Наряду с этим 1950-е годы явились годами интенсивных раскопок поселений и могильников, которые имеют принципиальное значение для понимания роли варягов в Восточной Европе. Продолжалось систематическое археологическое изучение Ладоги, гнездовского могильника, крупных курганных комплексов на Верхней Волге и т.д. (обзор работ по этим памятникам с упором на скандинавскую тематику см.: Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 227-230). Все это давало новый материал, который постепенно входил в научный оборот, независимо от характера его общей оценки исследователями непосредственно при публикации.

Начало 1960-х гг. ознаменовалось появлением целой серии работ, посвященных изучению археологических материалов, дающих информацию о связях Скандинавии и Руси, что свидетельствовало о явном оживлении интереса к “варяжскому” вопросу. Не стремясь к представлению полной библиографической сводки, назову лишь некоторые исследования, характеризующие, на мой взгляд, существовавшую тенденцию.

Несомненно следует подчеркнуть роль Г.Ф. Корзухиной в области критического осмысления археологических материалов, отражающих скандинавские влияния на Руси. Особенно это хотелось бы отметить учитывая ее теплое и критическое участие в становлении, как исследователей, многих молодых археологов-медиевистов Ленинграда. В 1963 г. Г.Ф. Корзухиной была опубликована статья об истории игр на Руси, в которой она доказала, что игра в шашки была занесена на Русь с севера (Корзухина 1963: 89, 100), в 1964 г. работа о находках скандинавских вещей близ Торопца (Корзухина 1964: 297-312). В следующем году увидела свет публикация об обнаруженной на Рюриковом городище под Новгородом отливке фибулы, принадлежащей скандинавскому кругу древностей (Корзухина 1965: 45-46), а в 1966 г. блестящая заметка о ладожском топорике, найденном Н.И. Репниковым в 1910 г. Г.Ф. Корзухина пришла к заключению, что мастер сделавший топорик был выходцем из Швеции (Корзухина 1966: 94). Эти статьи, иногда просто этюды, отличались отточенностью конкретного анализа и указываемых аналогий, не оставляя сомнений в убедительности выводов, которые как бы не претендовали на всеобщность, а констатировали неоспоримые факты. В 1961 и 1966 гг. появились работы Г.Ф. Корзухиной, имеющие

принципиальное значение для понимания ключевых моментов хронологии и стратиграфии древнейшего ладожского поселения и его ранней истории (Корзухина 1961: 76-84; 1966а: 61-63), а в 1968 г. под ее руководством проведены новые раскопки скандинавского могильника в урочище Плакун в Старой Ладогe (Корзухина, Давидан 1969: 16-17).

В самом начале 1960-х годов увидели свет исследования о ладожских глиняных дисках (Штакельберг 1962: 109-115), о резной кости и гребнях из Ладоги (Давидан 1961: 16-18, 1962: 95-108). В них отчетливо проглядывали северные черты, представленной в Ладогe материальной культуры. В 1963 г. появилась коллективная публикация Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников, содержащая обширные данные для изучения русско-скандинавских отношений по материалам археологии (Ярославское Поволжье 1963). Е.А. Шмидт в 1963 г. издал интереснейшие результаты раскопок могильника Новоселки поблизости от Гнездова (Шмидт 1963: 114-127), которые, хотя сам автор был крайне осторожен в оценках, позволяли поставить вопрос о скандинавских древностях конца IX в. в этом районе. В начале 1960-х гг. сотрудниками Государственного исторического музея В.С. Дедюхиной, М.В. Фехнер, В.П. Левашовой готовились, а в 1967 г. были опубликованы сводки различных украшений X-XIII в. найденных на территории Древней Руси, в числе которых были учтены и скандинавские вещи – фибулы, гривны, браслеты (Очерки 1967). В статье 1966 г. М.В. Фехнер рассматривала вопросы происхождения и датировки железных гривен, а в публикации следующего года – археологические данные по торговле Руси со странами Северной Европы (Фехнер 1966: 101-104; 1967: 33-41). В 1967-1968 гг. под руководством И.И. Ляпушкина проводились раскопки гнездовского поселения (Ляпушкин 1971: 33-37), реально положившие начало изучению поселенческих частей этого уникального комплекса, имеющих принципиальное значение для понимания его общего характера. В 1967 г. в историографическом обзоре М.И. Артамонов, рассматривая вопросы расселения славян в освящении советских археологов, отмечал, что “новая хронология заселения славянами северо-западной области заставляет пересмотреть старый вопрос о славяно-варяжских (норманнских) отношениях”. В частности он полагал, что варяги появились в Приладожье раньше славян и нельзя исключать проникновение варягов на Днепр ранее конца IX в. (Артамонов 1967: 68). В статье 1968 г. Н.В. Тухтина заключила, что “волховские сопки оставлены скандинавами, жившими в Старой Ладогe” (Тухтина 1968: 192).

Как мы видим в 1960-е гг., как результат идеологических послаблений в исторической науке, наблюдался стихийный ответ на долгий запрет свободного обсуждения варяжской темы на археологическом материале. Подчеркну, что приведенные многочисленные даты публикаций работ, это именно даты их выхода в свет, предполагающие предшествующие годы исследований и размышлений. К середине десятилетия стало совершенно очевидно, что роль археологии в разработке проблемы русско-скандинавских отношений постоянно растет.

В статье об археологических данных по варяжскому вопросу, А.В. Арциховский в 1966 г. справедливо заметил, что эта проблема “чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии” и “археологические материалы по этой теме уже многочисленны и, что самое главное, число их из года в год возрастает” (Арциховский 1966: 40).

В атмосфере новых веяний в исторической науке, в 1965 г. была издана монография И.П. Шаскольского “Норманская теория в современной буржуазной науке” (Шаскольский 1965: 1965), которой предшествовали несколько авторских статей по этой тематике. Всегда осторожный в жизни и в научных заключениях, что вполне понятно, учитывая годы творчества И.П. Шаскольского и затрагиваемую им тематику, историк построил свою книгу на критической оценке современного норманизма, норманистской литературы о Начальной летописи, теории норманского завоевания, норманской колонизации в работах археологов и историков. Книга оказалась чрезвычайно ценной для советской исторической аудитории. Дело в том, что И.П. Шаскольский детально излагал концепции западных исследователей по варяжской проблеме и истории Древней Руси, обильно цитировал их труды, привел огромное количество литературы, в том числе почти недоступной в СССР. Он, если так можно выразиться, “просвещал” отечественную историческую среду, не знакомую или знакомую весьма поверхностно со взглядами западных коллег. Критические суждения и оценки, в конце концов, каждый делал сам.

В этой мозаике стихийного возрождения интереса к варяжской проблеме, в стенах Ленинградского университета на кафедре археологии, на “Проблемном семинаре”, руководимом Л.С. Клейном, в 1965 г. была проведена “Норманская дискуссия”, которая заключалась в публичном обсуждении участниками семинара указанной выше монографии И.П. Шаскольского. Через несколько лет итоговый результат дискуссии был опубликован в виде обширной статьи “Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения” (Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 226-252). Г.С. Лебедев справедливо заметил, что ее публикация стимулировала дальнейшее изучение археологического аспекта “норманской” проблемы (Лебедев 1995: 68).

Однако, “варяжский” вопрос не существует сам по себе, он существует только в рамках общих концепций истории Древней Руси. Если меняется отношение к оценке роли скандинавов в той или иной сфере жизни древнерусского общества, это значит, что меняются в целом научные ориентиры.

Эту связь варяжского вопроса и общих представлений о ранней истории Древнерусского государства прекрасно иллюстрирует пример со статьей В.А. Булкина и Г.С. Лебедева “Гнездово и Бирка” (Булкин, Лебедев 1974: 11-17), которая, по существу, открыла новую страницу в послевоенной историографии посвященной проблеме происхождения городов на Руси (Носов 1993: 66-67; Nosov 1993: 243). Непоследовательность

ряда заключений и некоторая декларативность выдвинутых тезисов не снимает значимости отстаиваемых в статье взглядов. Во-первых, в ней впервые в советской историографии за многие годы было четко заявлено о значительной (а иногда даже определяющей) роли международной торговли в процессе становления первых городов, во-вторых, выделен на территории Восточной Европы особый тип торгово-ремесленных предгородских поселений, аналогичных по типу северо-европейским викам, а, в-третьих, процесс становления городов на Руси, по крайней мере, располагавшихся на крупнейших международных путях, был сопоставлен и увязан с аналогичным процессом в Скандинавии.

Существование на Руси особого типа торгово-ремесленных поселений было сразу напрямую отвергнуто лишь Д.А. Авдусиным. По его мнению "рассуждения" о виках и открытых торгово-ремесленных поселениях это не "исследование исторической закономерности возникновения древнерусских городов", а "приспособление к русским условиям построений западных археологов" и почти неприкрытый норманизм. Эти "рассуждения", отмечал Д.А. Авдусин, "перекликаются с давно разбитой теорией "торговых городов" В.О. Ключевского" (Авдусин 1980: 39-42). Последнее замечание особенно ценно, поскольку оно верно. Действительно имеется определенное сходство построений В.А. Булкина и Г.С. Лебедева и идей В.О. Ключевского, сходство, которое сами авторы, как мне кажется, не поняли, во всяком случае, они о нем не упоминали.

Стоит напомнить некоторые ключевые моменты концепции нашего знаменитого историка. В.О. Ключевский тесно увязывал возникновение первых городов с процессом славянского расселения, рассматривал их генезис, как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего, восточную, имея в виду выходы славян к черноморскому, азовскому и каспийскому рынкам (Ключевский 1956: 127, 128, 148-150; 1994: 20-38). Большое значение в построениях исследователя уделялось природно-географической обусловленности славянского расселения, в том числе роли речных систем (Носов 1999). Историю Руси В.О. Ключевский начинал с VI в., когда о славянских племенных союзах в районе Карпат можно уже говорить достаточно определенно. Аварское нашествие вызвало передвижение славян в восточном и северо-восточном направлении и в VII-VIII вв. мы застаем славянское общество на стадии разложения племенных и родовых союзов. На новых местах, занятых в процессе колонизации, славяне селятся отдельными дворами, прежние связи распадаются, родство заменяется соседством, начинает формироваться "новое сцепление", обусловленное уже экономическим интересом, движущей силой которого была внешняя торговля с Востоком. Торговля стягивала одиночные дворы в сельские торговые средоточия (погосты), потом в большие торговые города с тянущими к ним областями. Эти города возникли в VIII в., как сборные места торговли, пункты склада и отправления русского вывоза, они были

посредниками между городскими округами и приморскими рынками. В IX в. города окружаются укреплениями, в них сосредотачивается военная сила общества, одна из основных целей которой была охрана торговых путей, спланиваются тянущие к городам территории. “Вооруженный торговый город, – полагал В.О. Ключевский, – стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных славян на новых местах жительства” (Ключевский 1994: 23). В одно время с превращением уже существующих городов в политические центры, а прилегающих к ним областей в государственные территории, на торговых путях Восточной Европы появились норманны. Их присутствие начинает ощущаться в первой половине IX в., а в дальнейшем приток заморских выходцев усиливается. Норманны активно включились в процесс сложения новых правящих социальных групп Руси, которые В.О. Ключевский называл “торгово-военной аристократией”. Местами пришлый элемент в составе правящего класса преобладал, и город с тянущей к нему областью получал характер варяжского владения.

В настоящее время заключение, что на Руси в VIII–X вв., как и в некоторых странах Балтики, существовал особый тип торгово-ремесленных поселений предгородского плана, которые возникли благодаря активному участию в международной торговле, контролю над важнейшими торговыми путями, развитому ремеслу, обслуживавшему новый социальный (военно-дружинный) слой общества, поддерживается большинством исследователей. Подобный путь формирования первых городов на Руси не был всеобщим и единственным, но для нескольких центров, прежде всего, в северной части страны он очевиден (Ладога, Рюриково городище – древнейший Новгород, Гнездово). Возникновение части древнерусских городов на основе подобных центров, подкрепляемое новыми археологическими материалами, действительно перекликается с предложенной еще в начале века схемой В.О. Ключевского (Носов 1993: 59-78; Nosov 1994: 185-196).

На уровне концепционных построений варяжский вопрос неотделим от той или иной трактовки основных представлений о начальной истории Руси. К примеру, можно привести общий подход М.И. Артамонова к оценке взаимоотношений славян и варягов в Восточной Европе в период образования Русского государства (Артамонов 1988; 1990; Носов 1998). В нарисованной им картине славянского расселения, завоеваниях, грабежах и торговле, взаимодействии и столкновении славянских и варяжских дружин, формировании разнородной по составу руси, как “военно-торгового сословия” в представлениях арабов и византийцев, появлении торгово-военных центров, предшествовавших Смоленску, Чернигову, Ярославлю, нет места для возникновения городов, как племенных славянских образований, выраставших на базе развивающихся и крепнувших сельскохозяйственных округ, что преимущественно утверждается в отечественной историографии, начиная с С.В. Юшкова и М.Н. Тихомирова (Носов 1993: 59-78). Здесь

видна Русь “Днепровская, городовая, торговая” построений В.О. Ключевского и выделенного им первого периода русской истории (Ключевский 1956: 33). Здесь мысли М.И. Артамонова созвучны заключениям, сделанным на основе новейших материалов раскопок Ладоги, Рюрикова городища и Гнездова, которые предстают не центрами сельских округ, а торгово-военными и административными поселениями на важнейших участках водных магистралей, соединявших Северную Русь с Востоком и Югом (Носов 1993: 67-76).

В настоящее время, можно отметить ряд обоснованных позиций, которые определяют подходы к рассмотрению варяжского вопроса, если опираться на новые археологические материалы.

1. Скандинавы впервые появились на территории Руси в середине VIII в. в Ладоге, с самого начала существования поселения.
2. Со второй половины – последней четверти VIII в. начал активно функционировать “восточный” путь, основные направления которого четко высвечиваются находками кладов куфических монет. Путь пролегал вверх по Волхову, далее по рекам Ильменского бассейна с переходом волоками в верховья Волги и через Волго-Окское междуречье уходил на Дон и к низовьям Волги.
3. Пласт ранних скандинавских находок VIII–IX вв. прослеживается именно в этой зоне балтийско-волжского пути (Поволховье, Волго-Окское междуречье).
4. Варяги на Руси были представлены воинами, торговцами, ремесленниками. В ряде центров они жили постоянно, семьями и составляли довольно значительную и влиятельную группу общества.
5. Иногда скандинавское влияние прослеживается по антропологическим материалам (грунтовые захоронения у церкви Климента в Старой Ладоге, курганы в Шестовицах под Черниговом, могильник Куреваниха в бассейне р. Мологи).
6. Одним из вариантов становления городов на Руси был путь через торгово-ремесленные поселения, аналогичный варианту формирования городов в центральной части Балтийского региона (Скандинавия, западнославянские земли).
7. Восточный путь и система водных коммуникаций в лесной зоне Восточной Европы сыграли важнейшую роль в формировании структур расселения, образовании городов и тянущих к ним территорий.

Все перечисленные факты, установленные на археологических материалах, при учете новейших наблюдений и выводов, сделанных историками и филологами, занимающимися русско-скандинавскими отношениями, создают совершенно иную базу для решения многих ключевых проблем русской истории, нежели та на которую можно было опираться несколько десятилетий назад. Проступающие контуры новой концепции истории Руси во многом восходят не к построениям ведущих советских историков середины века – Б.Д. Грекова, С.В. Юшкова и М.Н. Тихомирова, а к русской исторической мысли начала столетия – В.О. Ключевскому, С.Ф. Платонову, А.Е. Преснякову. Путь вперед

в наши дни должен аккумулировать лучшие достижения либеральной отечественной историографии, незаслуженно отброшенные в тридцатые – начале пятидесятых годов нашего столетия. Варяжский вопрос, как вопрос о роли скандинавов в начальной русской истории, в новых построениях займет совершенно определенное заметное место и должен решаться на основе строгого анализа фактического материала, а не заданных идеологических установок.

Кажется сейчас несомненным и то, что вопрос о варягах на востоке, должен постоянно анализироваться на фоне глобальной проблемы движения викингов, а явления происходившие в разных частях мира викингов необходимо рассматривать в сравнении. Хотя это представляется вполне очевидным, в советской и уже в новой русской историографии рассмотрение варяжского вопроса зачастую замыкается в границах Древней Руси, а в результате многим общим явлениям истории предается излишняя исключительность и своеобразие.

Что же касается определений “норманизм” или “антинорманизм”, то, стремясь избегать недопонимания или двусмысленности, я бы считал целесообразным не использовать их при современной оценке роли скандинавов в истории Руси, поскольку эти термины отягощены “богатым” наследием, строго говоря, к академической науке отношения не имеют.

- Авдусин, Д.А.* 1980. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории 12: 24-42.
- Анохин, Г.И.* 1994. Рюрик – солевар из Старой Руси // Человек 4: 77-92.
- Артамонов, М.И.* 1967. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Историографический сборник: 29-69. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
1988. Славяне и норманны в Восточной Европе в период образования Русского государства // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. Вып. 4: 3-6.
1990. Первые страницы русской истории в археологическом освещении / Советская археология, № 3: 271-290.
- Арциховский, А.В.* 1966. Археологические данные по варяжскому вопросу Культура Древней Руси: 86-41. Москва: Наука.
- Булжин, В.А., Г.С. Лебедев.* 1974. Гнездово и Бирка (к проблеме становления городов) // Культура средневековой Руси: 11-17. Ленинград: Наука.
- Давидан, О.И.* 1961. Резная кость Старой Ладogi // Сообщения Государственного Эрмитажа XXIII: 16-18. Ленинград.
1962. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4: 95-108. Ленинград.
- Клейн, Л.С., Г.С. Лебедев, В.А. Назаренко.* 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв.: 226-252. Ленинград: Наука.
- Ключевский, В.О.* 1956. Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. Москва: Издательство социально-экономической литературы. 428 с.
1983. наброски по варяжскому вопросу // В.О. Ключевский. Неопубликованные произведения: 113-123. Москва: Наука.

1994. Боярская Дума Древней Руси. Москва: Ладомир. 547 с. (Репринт с третьего издания 1902 г.).
- Корзухина, Г.Ф.* 1961. О времени появления укрепленного поселения в Ладогe // Советская археология 3:
1963. К истории игр на Руси // Советская археология 4: 85-101.
1964. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // Скандинавский сборник VIII: 297-312.
1965. Находка на Рюриковом городище под Новгородом // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 104: 45-46.
1966. Ладожский топорик // Культура Древней Руси: 89-96. Москва: Наука.
- 1966а. К уточнению датировки древнейших слоев Ладого // Тезисы докладов третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии: 61-63. Тарту.
- Корзухина, Г.Ф., О.И. Давидан.* 1969. Раскопки на урочище Плакун в Старой Ладогe // Археологические открытия 1968: 16-17. Москва: Наука.
- Лебедев, Г.С.* 1995. Петербург как центр региональной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара "Проблемы истории и историографии археологической науки". Вып. 1: 56-88. Санкт-Петербург.
- Ляпушкин, И.И.* 1971. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России: 33-37. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета.
- Мавродин, В.В.* 1949. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Ленинград.
- Носов, Е.Н.* 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие. русские города Балтики): 59-78. Санкт-Петербург: Центр "Петербургское востоковедение".
1998. М.И. Артамонов как историк Древней Руси (некоторые мысли о формировании концепции) // История и культура древних и средневековых обществ / Проблемы археологии. Вып. 4: 43-51. Санкт-Петербург.
1999. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы: 157-170. Москва: Русские словари.
- Очерки.* 1967. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // Труды Государственного исторического музея 43. Москва. 296 с.
- Равдоникас, В.И.* 1945. Старая Ладога // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР XI: 30-41.
- Рыдзевская, Е.А.* 1945. Сведения о Старой Ладогe в древнесеверной литературе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР XI: 51-65.
1978. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв. Москва: Наука.
- Стальсберг, А.* 1994. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII-XI вв. (по археологическим собраниям СНГ) // Археологические Вестн 3: 192-200. Санкт-Петербург.
- Тухтина, Н.В.* 1968. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // Славяне и Русь: 188-193. Москва: Наука.
- Фехнер, М.В.* 1966. О происхождении и датировке железных гривен // Археологический сборник / Труды Государственного исторического музея 40: 101-104. Москва.

1967. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X-XI вв. // Новое о прошлом нашей страны: 33-41. Москва: Наука.
- Хлевов, А.А.* 1997. Норманская проблема в отечественной исторической науке. Санкт-Петербург.
- Шаскольский, И.П.* 1965. Норманская теория в современной буржуазной науке. Москва-Ленинград.
- Шмидт, Е.А.* 1963. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области (МИСО) V: 85-128. Смоленск: Смоленское книжное издательство.
- Штакельберг, Ю.И.* 1962. Глиняные диски Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4: 109-115.
- Шушарин, В.П.* 1964. Современная буржуазная историография Древней Руси. Москва.
- Юзефович, А.Н.* 1940. Антропологические материалы из археологических раскопок в Старой Ладoge // Архив Института антропологии и этнографии АН России. Фонд К-1. Опись 1. № 524.
- Arne, T.J.* 1914. La Suede et l'Orient. Uppsala.
- Clarke, H., B. Ambrosiani.* 1993. Towns in the Viking Age. Leicester and London: Leicester University Press.
- Mosov, E.N.* 1993. The Problem of the Emergence of Early Urban Centres in Northern Russia // Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe (Eds. J. Chapman and P. Dolukhanov) / Worldwide Archaeology Series 6: 236-256. Avebury: Ashgate Publishing Ltd.
1994. The emergence and development of Russian towns: some outline ideas // Archaeologia Polona 32: 185-196.
- Ravdonikas, V.I.* 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.
- Wilson, D.M.* 1997. Vikings and Gods in European art. Hojbjerg.

ПЕРЫНСКИЙ КАМЕННЫЙ КРЕСТ

О новгородских каменных крестах в течение последнего столетия писали различные исследователи. Одни из них преимущественно интересовались общей типологией изделий (Спицын 1903: 203-234; Шляпкин 1906; Бочкарева 1974: 107-110), другие – уделяли внимание наиболее примечательным образцам (Порфиридов 1963: 184-195; Матюшкина 1970: 250-252; Николаева 1984: 86-93). Наконец, сравнительно недавно предметом специального изучения стало почитание этих крестов в плане исследования их культа в народной культуре Северо-Запада России (Панченко 1996: 40-43). Включение новгородских каменных крестов XIII–XV вв. с сюжетными рельефными изображениями в общую схему развития скульптурной концепции (Вагнер 1980: 113-120, 134-148, 152-156), казалось бы, исключает необходимость последующего обращения к выяснению особенностей конкретных памятников. В действительности же дело обстоит совсем иначе, особенно если речь идет об оригинальных художественных формах.

Пример тому – крест из церкви Рождества Богородицы на Перыни, датируемой первой половиной XIII в. (Кацнельсон 1952: 69-85; Раппопорт 1982: 75, № 117). Каменный крест из Перынского скита детально описан и тщательно проанализирован Г.К. Вагнером, отметившим, что изделие обнаружено в кладке восточной стены храма, которая относится к XVI в., в качестве ремонтного материала (Вагнер 1980: 143-148). Следовательно, к указанному времени крест, принадлежавший к типу “процветших”, уже имел фрагментированный вид вследствие утраты верхнего и правого концов. Как писал исследователь, “Перынский крест был довольно больших размеров. Даже сейчас, в фрагментированном виде, он имеет в высоту 0,92 м. Если допустить, что верхний конец креста был не менее боковых, то первоначальная высота креста достигала 1,10 м, а ширина – 0,52 м. Нижний конец креста образует “шип”, значит, крест стоял на некоем “цоколе” и вероятно, был обозрим со всех сторон, хотя обратная его сторона по традиции оставлена еще гладкой... Трудно сказать что-либо определенное о художественных качествах рельефа Богоматери, до того он испорчен временем. Фигура же Христа довольно примечательна. По пропорции она заметно отличается от вытянутой фигуры Христа на окладе Евангелия Симеона Гордого, но очень схожа с ней характером распростертых прямых рук. Раздвоенная борода Христа, очень узкая грудная клетка, низко спущенный набедренный плат с довольно условными врезами складок – все это не отвечает распространенным в XV–XVI вв. образам. В частности юбкообразный набедренный плат Христа очень близок к аналогичной детали Алексеевского креста. Поперечины на концах Перынского креста ведут,

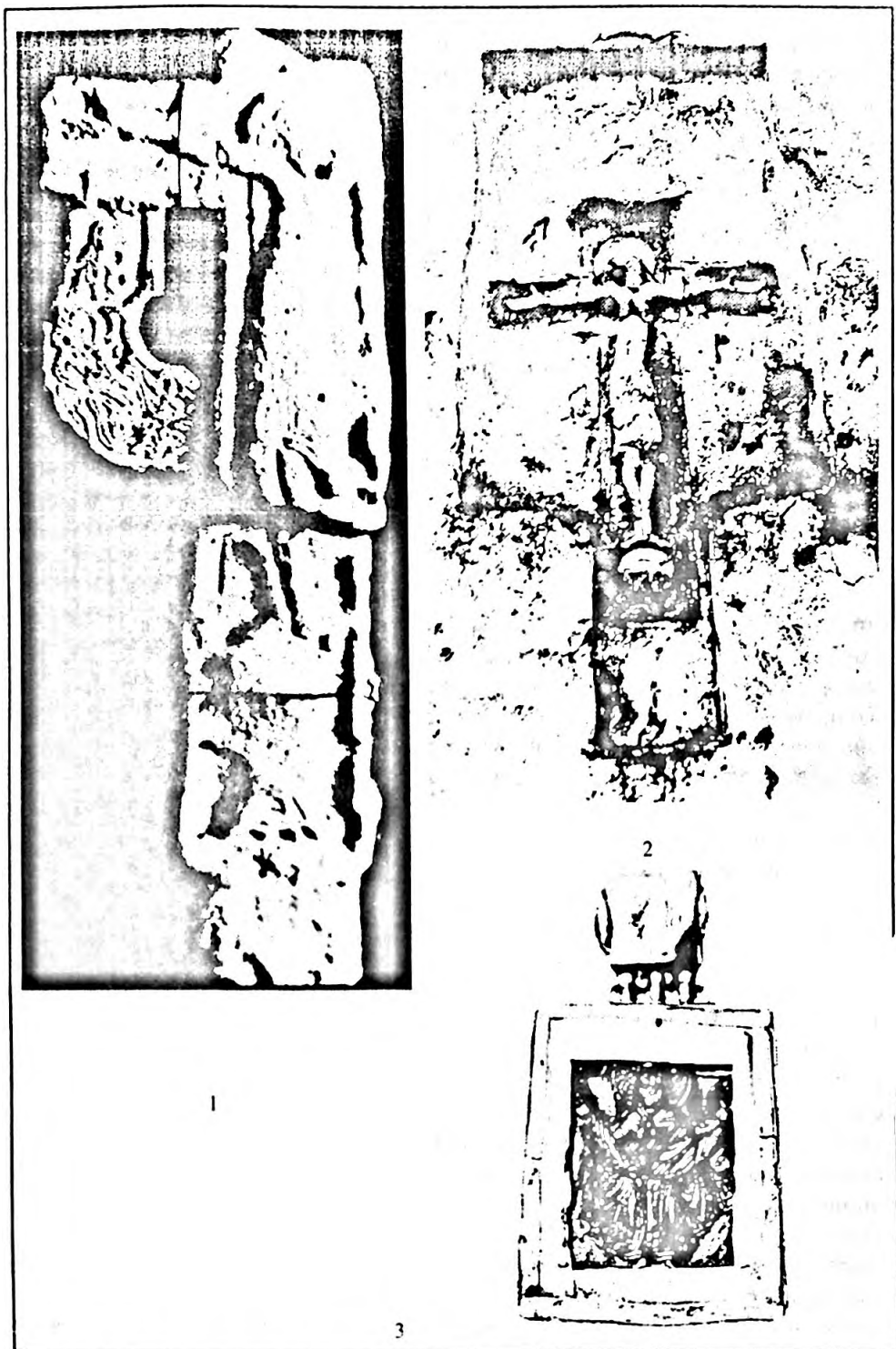

Рис. 1 1 – новгородский Перынский каменный крест; 2 – Знаменский каменный крест; 3 – двусторонняя каменная икона Богоматери Одигитрии и Николы Зарайского

скорее, в XIV в., где они известны на крестах-мошевиках” (Вагнер 1980: 144, 147). В отличие от приведенных наблюдений, попытку ученого объяснить особенности композиции рельефов креста нельзя признать удачной, поскольку не был учтен художественный контекст. Г.К. Вагнер полагая, что: “В пользу того, что Перынский крест относится к XIV в., говорит характер орнамента на боковых “ответвлениях”. Перед нами хорошо известный мотив чередующихся прямых и “опрокинутых” пальметт на общем стебле. Мотив этот очень типичен для сербского искусства, где он был распространен с XIV в.” (Вагнер 1980: 148).

Прежде всего надо отметить, что Перынский крест принадлежит к числу немногих, новгородского происхождения, украшенных сюжетным рельефом, в данном случае – изображением Распятия с вынесенными на плоскость кронштейнов полуфигурами предстоящих (рис. 1: 1). Форма креста близка изделию, расположенному в восточной части церкви Рождества Богородицы на Молоткове в Новгороде 1370 г. Не менее существенной аналогией служит резной каменный крест с Распятием прежде вмонтированный в кладку ограды Знаменского собора (рис. 1: 2). Манера резьбы здесь совершенно иная, хотя рельеф, возможно, ориентирован на тот же образец, столь различно интерпретированный двумя мастерами. Во всех названных случаях крайне трудно датировку каменных крестов поставить в зависимость от времени сооружения тех построек, в кладку которых они были включены. Только по отношению к молотковской церкви можно с некоторой уверенностью говорить об изготовлении креста ранее 1370 г., может быть на несколько десятилетий. Тем не менее, определение времени выполнения резьбы вполне возможно, по крайней мере по отношению к Перынскому кресту.

Появление в Новгороде каменных крестов “процветшего” типа, с кронштейнами, не было случайным, но явилось откликом на популярность этой формы в европейском искусстве XIII в. Широко известен датируемый третьей четвертью XIII в. серебряный выносной крест из монастыря св. Трудберта во Фрейбурге на Бресгау (Лапковская 1971: 27, табл. 61, 62). Он усложненных форм и украшен скульптурной золотой фигурой распятого Христа и укрепленными на отростках креста серебряными фигурами предстоящих. Перынский крест, однако, скорее ориентирован на круг произведений византийско-киевской металлопластики начала XIII в., может быть даже непосредственно на бронзовый киотный крест, лучший экземпляр которого происходит из квартала XVII Северного района в Херсонесе (Византийский Херсон 1991: 148-149; Пуцко 1994: 87, илл. 6). Он имеет типологически сходную фигуру распятого Христа, такие же удлинённые пропорции и отростки-кронштейны с фигурами предстоящих, из которых уцелела лишь одна (рис. 2: 1). Разумеется, в каменной резьбе не воспроизведены ни Этимасия, ни полуфигуры ангелов и святых в верхней части креста; иначе оформлены плоскости кронштейнов, большей частью заполненные орнаментом. Но случаи упрощения

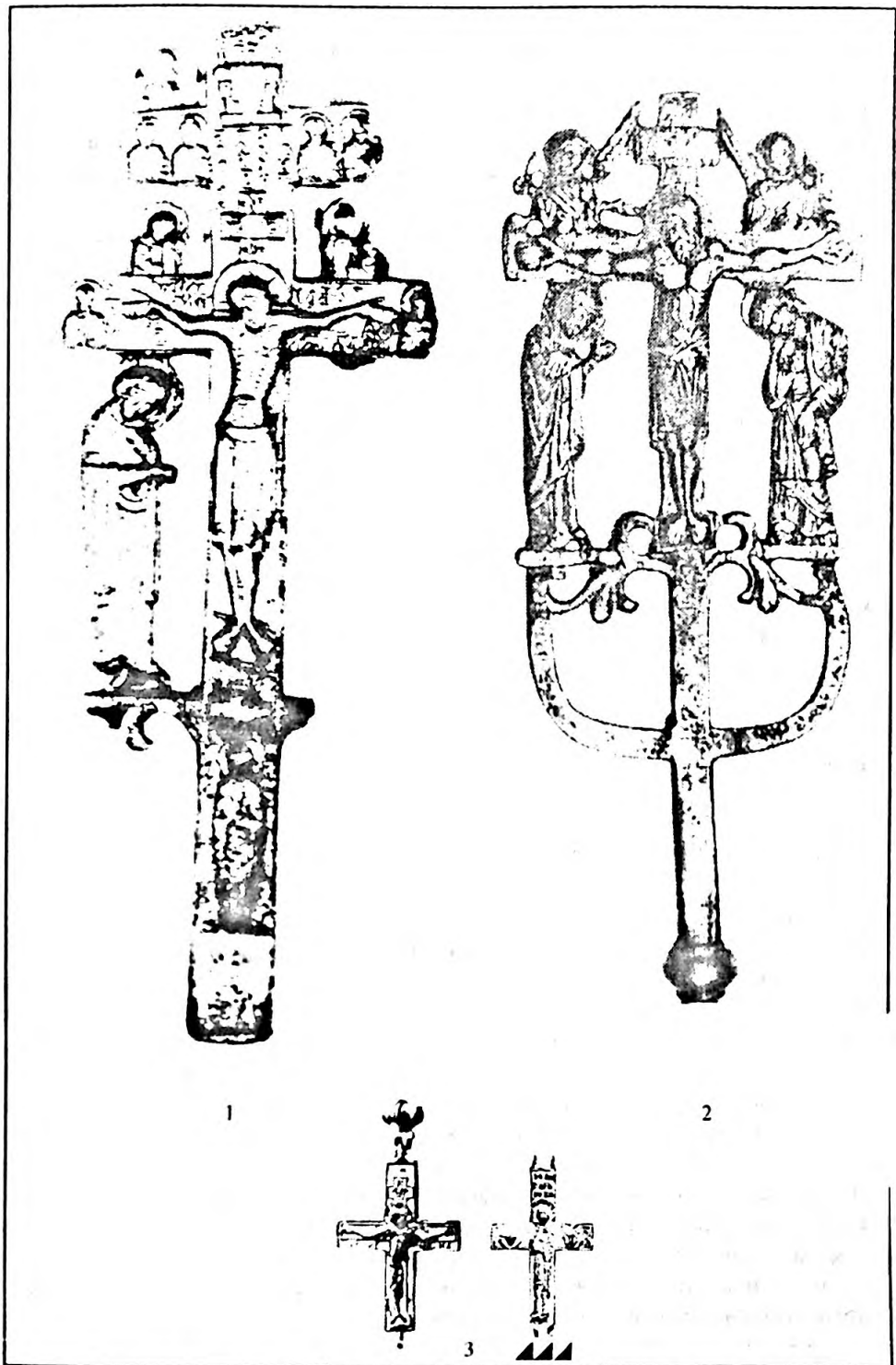

Рис. 2 1 – бронзовый крестный крест из Херсонеса; 2 – бронзовый выносной крест из Василева; 3 – бронзовый крест-энколпион

модели встречаются и в художественном литье, примером чего может служить бронзовый крест того же времени, найденный в древнем храме Василева (рис. 2: 2). Варьируются пропорции, иконография, стиль, трактовка деталей, тогда как общая типологическая схема сохраняется. Не эти ли или им подобные изделия оказались в Новгороде и послужили образцом для работавших там ремесленников? Можно не спешить давать на поставленный вопрос определенный ответ, но соотнести Перынский каменный крест с упомянутыми образцами металлопластики необходимо, поскольку речь идет о генезисе форм.

Если сравнивать изображение распятого Христа в каменной резьбе Перынского креста и в рельефе киотного креста из Херсонеса, трудно не заметить близкое типологическое сходство, при всем том, что новгородский мастер явно интерпретировал классически правильный византийский образец. Работая в манере скульптурной графики, он не в состоянии был заметить пластические нюансы оригинала, и поэтому охотно прибегал к усилению орнаментально-декоративного начала. Это сказалось и в общем рисунке и особенно в трактовке деталей. Идя по пути деформации анатомических форм тела Христа, резчик достигает той выразительности, которая свойственна продукции ремесленников, умеющих акцентировать внимание на определенных мотивах. В данном случае это изможденный вид распятого Христа, с неестественно тонкими руками и нижней частью ног, склоненная на правое плечо голова. Выделение отмеченных черт наиболее последовательно прослеживается уже в киевской металлопластике начала XIII в., примером чего служит бронзовый крест-энколпион, украшенный рельефными изображениями Распятого и скорбящего Иоанна Богослова, найденный между Княжей и Марьиной горами (рис. 2: 3) (Ханенко Б., Ханенко В. 1900: 4-5, табл. XVIII, № 220 а-б). Резчик Перынского креста схематизирует фигуры, а их расположение на плоскости не в состоянии осуществить так, чтобы избежать "пустот". Трудно представить, что это могло иметь место в XIV в., когда в Новгороде было широко развито искусство художественной обработки камня, засвидетельствованное многочисленными рельефными иконами, отличающимися богатой иконографией и разнообразием творческих манер (Николаева 1983; Пуцко 1995: 78-81). Именно среди образцов мелкой каменной пластики новгородского происхождения можно обнаружить сравнительный материал, позволяющий правильно датировать Перынский крест.

Распятие в типологическом плане обнаруживает некоторое сходство с рельефом херсонесского меднолитого креста начала XIII в. В то же время его трудно соотносить с сильно фрагментированной теракотовой иконой того же времени, с Княжей Горы, выполненной в архаизирующем стиле (Пуцко 1998: 224, рис. 1, 2). Миниатюрная икона из сланца, найденная там же в 1899 г. и датируемая первой четвертью XIII в., при наличии сходных общих тенденций имеет такую отличительную иконографическую особенность как сильно изогнутые в локтях руки, не говоря уже о весьма оригинальной индивидуальной

манере исполнения (Медынцева 1991: 112, рис. 17). Значительно ближе в целом “Святославов крест” Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, датируемый 1230–1234 гг., хотя его рельефное Распятие иных пропорций (Вагнер 1980: 110, рис. 67). Одним словом, роль образца раннего XIII в. в творчестве новгородского резчика отрицать невозможно. Если при этом еще соотнести Перынский крест с двумя новгородскими двусторонними каменными иконами XIII в. (№№ 105, 90)¹, можно убедиться, что результаты отраженной здесь эволюции иконографии и стиля налицо в конце этого столетия. Таким образом, потенциально нет причин выводить выполнение резьбы за хронологические пределы XIII в.

Оглядываясь еще раз на образцы византийской каменной пластики, можно лишь подтвердить генетическую связь рельефа Перынского креста именно с памятниками раннего XIII в., в частности с иконами в Никосии на Кипре и в Стокгольме, в Музео Сакро в Ватикане и в Британском музее в Лондоне, а также пластиной реликвария в соборном музее Мдины на Мальте (Kalavrezou-Maxeiner 1985: 168, 180-184, 192-194, pl. 44, 57, 56, 51, №№ 76, 77, 118, 117, 102b). Именно к этому кругу принадлежит и четырехчастная стеатитовая икона из Благовещенского собора Московского Кремля, заключенная в “годуновскую” ренессансную оправу конца XVI в., что косвенно подтверждает историческую связь предмета с Россией (Пуцко-Бочкарева 1989: 100-106). Эти византийские модели совершенно иное истолкование получали на Западе, о чем позволяет судить, в частности, мраморный рельеф в Музее Чивико в Венеции (Lange 1964: 105-106, Abb. 38). Если о господствовавших в странах латинской художественной традиции пластических формах Распятий говорить, опираясь на данные итальянской деревянной скульптуры или же немецкой металлопластики (Caril 1963; Bloch 1977: 291-330, Bd. 5), то подозревать в новгородском искусстве рубежа XIII–XIV вв. какие-либо западные влияния не приходится. Факт нахождения в Антониевом монастыре книжных окладов лиможской работы второй трети XIII в., с композициям Распятия и Христа во славе (Даркевич 1966: 31-32, табл. 23, №№ 52-5) примечательный сам по себе, похоже, не привел к заимствованию иконографической схемы, ни стилистических особенностей.

В Новгороде в конце XIII – начале XIV вв. появляется так называемая “мастерская с чертами романо-готической пластики и византийской иконографии” (Николаева 1983: 29-30), к продукции которой принадлежат икона Богоматери Умиление, из собрания Н.П. Лихачева, привлекавшая внимание исследователей сплетенной из ремней стрельчатой аркой обрамления (№ 107), шиферная икона Христа Пантократора из ризницы Троице-Сергиевой лавры (№ 119), икона из темно-серого сланца с изображением Богоматери Умиление (№ 118), а также ряд иных образцов, включая и те, которые иногда датируют более ранним временем, ввиду архаизированных элементов, явно унаследованных

¹Здесь и далее взятые в скобки номера соответствуют каталогу Т.Н. Николаевой (Николаева 1983).

от моделей (Пуцко: в печати). Перечисленные рельефные каменные иконы столь совершенны по исполнению, что их принадлежность резцу выдающегося мастера не вызывает сомнений. Здесь не приходится дискутировать о том, где именно и в какой среде оформилась его творческая манера, со столь органично слитыми казалось бы разнообразными элементами. Общие условия, однако, должны были оказаться максимально приближенными к тем, которые в XIII в. обусловили симбиоз византийской и западной художественных традиций, как это имело место прежде всего в пределах Латинской империи на Востоке и в Венеции¹. На новгородской почве перечисленные образцы элитарной резьбы по камню если и не занимают обособленное положение, то все же окружены то достаточно искусными, то совсем робкими подражаниями, что сопровождает усвоение любого художественного стиля. Об этих подражаниях, может быть, и не стоило говорить, если бы среди них не оказалась двусторонняя каменная икона в серебряной сканной оправе XIII в. из ризницы Троице-Сергиевой лавры и, без достаточных оснований, локализуемая Рязанью (№ 310). На одной ее стороне большеголовая фигура стоящей в рост Богоматери Одигитрии, на другой – Никола Зарайский (рис. 1: 3). Если изменение пропорций, общий характер рельефа и даже структура складок одежд могут найти как при сходстве, так и различиях самые разнообразные объяснения, то гораздо труднее это сделать по отношению к форме лица. Между тем и в резьбе упомянутой иконы, и в Распятии Перынского креста нетрудно заметить такой признак индивидуальной манеры резьбы. Относится ли он к числу случайных совпадений? Нам представляется это маловероятным.

Для того, чтобы не осталось впечатления об изолированном развитии новгородской каменной пластики малых форм на рубеже XIII–XIV вв., следует напомнить, что теми же стилистическими особенностями отмечена резьба монументального Боровичского креста, выполненного в указанное время. Там можно заметить и орнаментальные мотивы, родственные как популярным в Новгороде, так и получившим распространение в Скандинавии. Сходен с ними и причудливый растительный узор на плоскости Перынского креста, структуру которого, следовательно, излишне искать на Балканах. Столь же бесперспективными могли бы оказаться и поиски стилистической аналогии для довольно примитивно выполненной полуфигуры Богоматери. Последнее, что необходимо отметить, так это отсутствие явного воздействия палеологовских образцов, становящегося заметным в новгородской каменной пластике XIV в. Примером может служить икона с изображениями Распятия и трех различных святых, из ризницы Троице-Сергиевой лавры (№ 111). С учетом всех особенностей выполнение Перынского креста логичнее всего отнести ко времени около 1300 г.

Г.К. Вагнер заметил, что наличие на нижнем конце Перынского креста “шипа” предполагает его первоначальное крепление на “цоколе”.

¹ Из обширной литературы по этой проблеме отметим лишь некоторые работы: (Demus 1960, 1970; Weitzmann 1975: 53-93; Buchthal 1957; 1979).

Трудно усомниться в том, что крест мог иметь иное функциональное назначение, как быть поклонным, стоящим на открытом пространстве, как, впрочем, дело обстояло не только в Новгороде, но и в далекой Ирландии (Ненту 1964; Richardson 1984: 127-134, pl. 1-25), а еще раньше – на Голгофской скале в Иерусалиме, под открытым небом, как о том свидетельствуют паломники IV–VI вв. (Айналов 1895: 45-51). Для установки этого креста рядом с церковью Рождества Богородицы на Перыни могли быть свои побудительные причины, и их нетрудно понять, зная о том, что храм сооружен на месте языческого капища, точнее – трех капищ вдоль Волхова в срединной части Перынского холма (Седов 1953: 92-103; Рыбаков 1987: 255-278). Существующий храм иногда датируют достаточно точно, 1221 г., предполагая, что ему предшествовал деревянный. Сегодня вряд ли можно с определенностью указать непосредственный повод выполнения рассматриваемого каменного креста около 1300 г.: ведь он точно так же мог заменить один из деревянных, нейтрализовавших воздействие языческого третища.

Говорить об элементах некоторой упрощенности манеры резьбы Перынского креста особенно не приходится, если вспомнить о том, насколько шаржированным был облик языческих идолов, таких как найденный у р. Промежицы в окрестностях Пскова. В целом это каменное изваяние, несмотря на свою фрагментарность и частичную поврежденность рельефа, занимает одно из почетных мест в развитии монументальной скульптуры средневекового Новгорода, представленной, к сожалению, весьма немногими произведениями. Впрочем и они пока не все стали предметом специального изучения, хотя, казалось бы, давно заслуживают того, чтобы о них можно было говорить с полной определенностью.

- Айналов, Д.В.* 1895. Мозаики IV и V ввек. Санкт-Петербург.
- Бочкарева, М.Н.* 1974. Новгородские каменные кресты из собрания Ростовского музея // Культура средневековой Руси: 107-110. Ленинград.
- Вагнер, Г.К.* 1980. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV ввек. С. 113-120, 134-148, 152-156. Москва.
- Византийский Херсон.* 1991. Византийский Херсон. Каталог выставки. Москва.
- Даркевич, В.П.* 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) // Свод археологических источников Е 1–57. Москва.
- Кацнельсон, Р.* 1952. Древняя церковь в Перынском скиту близ Новгорода // Академия наук 2: 69-85.
- Кирпичников, А.Н.* 1988. Древнерусское святилище у Пскова // Древности славян и Руси: 34-37. Москва.
- Лапковская, Э.А.* 1971. Прикладное искусство средних ввек в Государственном Эрмитаже. Изделия из металла. Москва.
- Матюшкина, Г.И.* 1970. Крест мастера Серапиона // Советская археология 3: 250-252.
- Медынцева, А.А.* 1991. Подписные шедевры древнерусского ремесла. Очерки эпиграфики XI–XIII ввек. Москва.

- Николаева, Т.В.* 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. // Свод археологических источников Е 1–60. Москва.
1984. Победный крест XIV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв.: 86–93. Москва.
- Панченко, А.А.* 1996. Почитание каменных крестов на Северо-Западе России // Живая старина 3(11): 40–43.
- Порфиридов, Н.Г.* 1963. Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры. Каменный крест из Боровичей // Древнерусское искусство XV – начала XVI вв.: 184–195. Москва.
- Пуцко, В.Г.* (в печати). Новгородская каменная резьба на рубеже XIII–XIV вв.: становление традиции.
1994. Византийские мастера в XIII в. на Руси // *Byzantinorussica*. 1994.
1995. Сюжеты новгородских каменных икон // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года 2: 78–81. Санкт-Петербург–Псков.
1998. Архапзующий стиль у кипивскому художньому ремеслі XIII ст. // Історія Русі-України (історико-археологічний збірник). Кієв.
- Пуцко-Бочкарева, М.Н.* 1989. Стратифицированный рельеф из кремлевского Благовещенского собора // Византия и Русь: 100–106. Москва.
- Раппопорт, П.А.* 1982. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников // Свод археологических источников Е 1–47. Москва.
- Рыбаков, Б.А.* 1987. Язычество Древней Руси. Москва.
- Седов, В.В.* 1953. Древнерусское языческое святилище в Перыни // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 50: 92–103.
- Спицын, А.А.* 1903. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА РАО V/1: 203–234.
- Ханенко, Б.И., В.Н. Ханенко.* 1900. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко. Древности русские II. Киев.
- Шляпкин, И.А.* 1906. Древние русские кресты. 1. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы. Санкт-Петербург.
- Bloch, P.* 1977. Staufische Bronzen: die Bronsekruzifixe // *Die Zeit der Stauer: Geschichte-Kunst-Kultur*. Stuttgart.
- Buchthal, H.* 1957. Miniature Painting in the Latin Kingdom of Jerusalem. Oxford. 1979. The “Musterbuch” of Wolfenbüttel and its Position in the Art of the Thirteenth Century. *Byzantina Vindobonensia* XII. Wien.
- Carli, E.* 1963. La scultura lignea italiana dal XII al XVI secolo. Venezia.
- Demus, O.* 1960. The Church of San Marco in Venice. History-Architecture-Sculpture. *Dumbarton Oaks Studies* VI. Washington. 1970., *Byzantine Art and the West.*, New York.
- Henry, F.* 1964. Croix sculptées irlandaises. Dublin.
- Kalavrezou-Maxeiner, I.* 1985. Byzantine Icons in Steatite. *Byzantina Vindobonensia* XV. Wien.
- Lange, R.* 1964. Die byzantinische Relieffikone. Recklinghausen.
- Richardson, H.* 1984. The concept of the High Cross // *Irland und Europa. Die Kirche im Frühmittelalter*. Stuttgart.
- Weitzmann, K.* 1975. Byzantium and the West around the Year 1200 // *The Year 1200: A Symposium*: 53–93. New York.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БИБЛЕЙСКИЕ ТЕКСТЫ В ИНТЕРЬЕРЕ НОВГОРОДСКИХ ХРАМОВ¹

Сохранившиеся на стенах некоторых храмов Новгорода эпиграфические тексты — как процарапанные надписи-граффити, так и фресковые тексты в составе живописных композиций, сделанные кистью художников, — памятники письменности, сосуществующие в едином храмовом пространстве. В отличие от неофициальных надписей-граффити, уже ставших предметом филологического анализа (Рождественская 1992, 1994), древнерусские надписи при фресковых изображениях почти не исследованы в лингво-текстологическом аспекте.

В 1863 г. академик И.И. Срезневский включил в свой знаменитый перечень древнерусских памятников письма и языка несколько таких надписей, в том числе надписи из ц. Спаса на Нередице и ц. Спаса на Ковалеве (Срезневский 1863: 82, 243), тем самым определив их место в системе письменных текстов Древней Руси.

По мере развития искусствоведческих и реставрационных исследований фресковые надписи начали привлекать внимание исследователей как самостоятельный письменный источник. Однако, поскольку эти тексты оказались в поле зрения историков и реставраторов древнерусской живописи, они рассматривались преимущественно в трех аспектах.

Во-первых, надписи служили вспомогательным материалом в ходе собственно иконографической интерпретации живописи храма. Основное внимание уделялось палеографической датировке. Языковой анализ таких надписей нацелен обычно на выявление характерных древнерусских языковых и орфографических норм.

Во-вторых, описываются графические особенности надписей без лингвистического и текстологического комментария.

Встречающийся в искусствоведческой литературе третий аспект предполагает специальное палеографическое описание фресковых текстов, часто выделенное в особый раздел, но не касающееся взаимоотношений надписей с книжно-текстовой традицией.

В предвоенные, а особенно в последние десятилетия в Югославии и в Болгарии активно разрабатываются исследования, специально посвященные эпиграфическому богатству южнославянских средневековых храмов, нацеленные на комплексное лингвистическое изучение фресковых надписей, выявление их связей с параллельными книжными текстами, представленными, по-возможности, в рукописях, синхронных

¹ Работа выполняется в рамках проекта РГНФ (96-04-06074) и РФФ (96-06-80372).

надписям (Грабар 1927; Гъльбов 1963; Васильев 1976; Babia, Walter 1976; Бакалова 1983; Бакалова, Смядовски 1995; Стефанов 1989; Смядовски 1993, 1998¹ и др.).

Болгарский языковед и эпиграфист Ив. Гъльбов, разработавший методику изучения фрескового языкового материала на основе надписей из Боянской церкви, писал в 1963 г.: “Эпиграфический материал нашего средневековья остается в своей массе неопубликованным, отсутствует очерк развития монументального письма, почти не исследованы в должной мере принципы, в соответствии с которыми распределялись тексты в общей композиции росписей; остаются неизученными и вопрос о редакциях, к которым относятся тексты, и причины, по которым эти редакции использовались” (Гъльбов 1963: 5).

Эти слова болгарского ученого с еще большим основанием можно отнести сегодня к древнерусскому, и в частности, к древненовгородскому материалу. В отличие от сербской и, в особенности, болгарской традиций, где такая работа успешно развивается, древнерусские фресковые надписи, сохранившиеся фрагментарно *in situ* или в прорисях и фотографиях, даже не собраны воедино в пределах одного храма. Исключение составляют издания материалов Новгорода: В.К. Мясоодовым фресок XII в. и надписей на них из ц. Спаса-Нередицы (Фрески... 1925), фресок конца XIV в. церкви Успения на Волотовом поле, включающее воспроизведение и атрибуцию надписей на них, осуществленное Г.И. Вздорновым (Вздорнов 1989: 109-198²), а также небольшая статья В.Г. Пуцко, специально посвященная надписям на свитках пророков в куполе новгородского Софийского собора, которые автор датирует концом XI в. (Пуцко 1983: 47-70). При всем внимании авторов к фресковым надписям и приводимым атрибциям в книжных источниках специальный лингво-текстологический анализ этих памятников, за исключением некоторых наблюдений В.Г. Пуцко, оставался за пределами искусствоведческих задач.

Конечно, стоит учитывать то обстоятельство, что и фресковые надписи, и граффити в разных древнерусских храмах сохранились фрагментарно. Тем не менее фрагментарность источников не может служить препятствием для избранного нами аспекта исследования. Мы вынуждены иметь дело с реконструкцией самого явления – реконструкцией храма как памятника письменности определенной эпохи.

Изучение монументальных фресковых надписей и богослужебных граффити как письменных источников при всем различии их прагматических и коммуникативных функций предполагает по крайней мере два аспекта: текстологический и лингвистический. **Текстологический** аспект имеет целью, во-первых, выявить репертуар цитируемых источников, их славянских редакций; во-вторых, определить, в какой мере отразились в надписях различные правописные школы, орфографические реформы, редакторские изменения. **Лингвистический** аспект предполагает анализ языковых предпочтений, возможность проникновения инноваций или диалектов, вариативности нормы, в результате

¹ Там же литература вопроса.

² См. раздел Документация.

чего можно говорить об участии и роли местных мастеров и их приверженности определенной письменной традиции.

Сложность текстологического исследования пассажей из Св. Писания в составе фресковых росписей состоит, среди прочего, и в том, что рукописная традиция литургических сборников (Октоихов, Триодей, Часословов, Служебников) только еще начинает быть объектом самостоятельного лингво-текстологического анализа. Тем важнее включение фресковых росписей в круг исследуемых источников, тем более, что в некоторых случаях эти надписи старше, чем дошедшие до наших дней древнерусские богослужебные рукописи. Так, пророческие тексты на свитках пророков в куполе Софии Новгородской, датирующиеся большинством искусствоведов началом XII в., в рукописной традиции сохранились в составе паремийных чтений в списках не старше XIII–XV вв. Лексические и лексикословообразовательные варианты в этих надписях показывают, что софийские тексты отразили, по-видимому, так называемую “преславскую” редакцию Малых Пророков, создавшуюся в Болгарии в X в., в кругу книжников болгарского царя Симеона в Преславе.

Тексты на свитках пророка Исаяи: сѣ | дѣ | ваа въ чревѣ | зачьнетъ | н | рвднтъ сы | нъ | н нарекоу | тъ | нмв | кмюу | кмманоуил | ь | еже | естъ | съказаемо | с | ъ | нам(н) | Бгъ (Ис. VII, 14) и пророка Аввакума: Бгъ | о | тъ | оу | га | при | деть | н | стын | отъ | го | ры | прі | сѣнь | ныв | часты (Авв. III, 3) имеют разночтения по сравнению с книжными текстами в рукописных сборниках (зачьнетъ – приемлетъ; дѣваа – дѣвица; присѣнными – сѣнными). То же можно сказать и о других пророческих надписях. Существенным представляется тот факт, что эти разночтения характерны для тех рукописей XIV–XV вв., протографы которых, по мнению исследователей, изучающих преславскую редакцию славянских библейских переводов, восходят к принципам перевода преславских книжников X в. (Златанова 1993). На основании этих наблюдений можно предположить, что новгородская по происхождению рукопись, содержащая славянский текст Толковых Пророков, созданная писцом Упырем Лихим в XI в. и дошедшая в списках не старше XV в., использовала в качестве протографа преславскую редакцию этих библейских текстов.

По-видимому, можно говорить о преславской книжной традиции в новгородской письменности XI в., о том, что мастера, расписывавшие Софийский собор, опирались на авторитетный для них текст в его преславской редакции. Напомню, что следы этой редакции прослеживаются не только в разнообразных литургических и гимнографических произведениях, но и в текстах внебогослужебного характера (Минчева 1997: 15-22).

Что же касается Волотовских надписей, идентифицированных Г.И. Вздорновым, то проведенное нами предварительное сопоставление цитат из литургий Иоанна Златоуста, Василия Великого, тропарей из канона Косьмы Маюмского, их графика-орфографических норм и лексических вариантов (животь – ковчегъ, пиво новое – питье новое и др.) с литургическими текстами рукописных Служебников

XIII–XIV вв. новгородского и южнославянского происхождения (напр., РНБ. Сол. 1016/1125; Сол. 1017/1126; Соф. 519; Соф. 525) показало, что в волоотовских надписях нашли отражение черты, характерные для сербской редакции церковнославянского языка, текстологически связанной в это время с распространением в Новгороде во второй половине XIV в. Иерусалимского устава (Рождественская 1999).

Одной из сложных задач в изучении фресковых надписей является идентификация библейских цитат в их связи не только с богослужебными рукописями, но и с общественным и частным богослужением. Следует установить, использованы ли они в канонической форме (т.е. в качестве прокимнов, причастных, стихов перед стихирами, антифонов и пр.), либо в их богослужебном приспособлении. С большей долей уверенности в этом отношении можно говорить о цитатах в граффити, воспроизводившихся наизусть. Чаще всего мы здесь имеем дело именно с богослужебными текстами. В качестве примера назову граффити из Нередицы, датирующееся по палеографическим признакам XIV в., включающее строки из 1 и 17 стихов 54 псалма: [вѣи]ѹши Б(о)ж)є молитвоу моа [...] | ко Б(о)гоу възвах и г(оспод)ь [оуслы]ша ма (Рождественская 1992: 84; 1995: 6)

Этот текст был определен нами как прокимен вечера среды Светлой седмицы. Однако диакон А. Мусин уточнил, что эти строки используются в великопостной службе Шестого часа как стихи-припевы к тропарю “Иже в шестый день же и час”. По мнению исследователя “это граффито было вызвано именно службой великопостных часов, поскольку в течение Великого поста данные стихи повторяются практически ежедневно за исключением субботы и воскресения около 30 раз”. Более того, А. Мусин считает, что такой состав молитвословий Шестого часа связан с Иерусалимским уставом и что “уже на рубеже XIII–XIV вв. клир Спасо-Преображенской церкви служит по Иерусалимскому уставу, о чем свидетельствуют рассматриваемые граффити” (Мусин: в печати¹).

К рассматриваемой группе текстов относятся также граффити XV в. в Нередице, содержащие инципиты ирмосов “Отверзу уста моя” 4 гласа на Успение Св. Богородицы Иоанна Дамаскина, граффити XV в. на скосе окна на хорах новгородской ц. Федора Стратилата на Ручью – строки запричастного стиха и др. Если, ориентированные на церковнославянскую языковую традицию, официальные фресковые надписи принадлежат “верхнему” ярусу письменной книжной культуры, то надписи-граффити, неофициальные по своему характеру и предназначению, можно отнести к ее “нижнему” ярусу. Они отражают бытование богослужебного слова, по-видимому, не только в профессиональной среде мастеров-живописцев, монашества, но и клира и прихожан.

Палеографический анализ фресковых надписей может быть осложнен в том случае, если композиции поновлялись, но и тогда

¹ Благодарю автора за возможность познакомиться с рукописным вариантом статьи.

поновления, как правило, стремились к воспроизведению древних начертаний, в особенности, если это касалось цитат из текстов Св. Писания в свитках пророков или святителей.

Выскажем несколько соображений по поводу фресковых надписей в ц. Спаса на Нередице¹. Палеографико-текстологический анализ этих надписей еще не был предметом специального анализа. А между тем В.К.Мясоедов писал по поводу Нередицких надписей: “Исследуя Нередицкие росписи, я мог убедиться, что во время ее исполнения мастера не делились по специальностям, как это несомненно вошло уже в обычай с XIV ст. Каждый из них писал и лики, и одежды, и околичности, а также и надписи. Любопытно, что манера данной фрески всегда находится в соответствии с манерой ее надписи. Если живопись исполнена строго, то строго выписана и надпись и наоборот. Надписи Нередицкой церкви, за исключением одной испорченной греческой надписи на свитке Иоанна Крестителя сплошь русские; мало того, их язык обнаруживает обычные черты новгородских текстов с их типичной меной “ц” и “ч” и другими характерными особенностями. Вот почему мне кажется небезосновательным видеть в Нередицкой церкви, особенно в ее росписи, воспроизведение местное, чисто новгородское, хотя таящее в себе в высшей степени разнообразные, подчас очень далекие переживания и художественные течения” (Фрески... 1925: 17-18).

По нашим наблюдениям, в надписях Нередицы можно выделить по крайней мере три почерка. Во-первых, – “графический” почерк, характеризующийся тонкими, красивыми буквами. Этим почерком выполнены тексты на страницах кодексов в руках евангелистов (наиболее ярко он проявился при изображении св. Матфея “**Рѣ[че] Г[осподь] своимъ оученикомъ**”), на свитке при изображении святого Давида, в надписи на рипиде в композиции “Таинства Евхаристии, приобщения апостолов под видом хлеба” и др. Для этого почерка характерны “**У**” с уплощенной чашей с чуть загнутыми внутрь краями, “**Ъ**” с фигурным коромыслом, “**М**” с уступчатой перекладиной.

Во-вторых, выделяется группа надписей, выполненных сходным почерком, но отличающемся большей вытянутостью форм (напр. надпись при изображении св. Улианы: **ОАГІА УЛИАНА**).

В-третьих, – “живописный” почерк с соразмерными формами букв, с красивыми лигатурами, изогнутыми титлами с поперечными волнистыми черточками. Буквы “**Є**”, “**С**” имеют утолщения на концах, “**М**” – середину в виде сочетания двух полудуг. Таким почерком написаны тексты в большинстве нередицких изображений. Все три почерка имеют несомненные аналогии в рукописных памятниках новгородского происхождения. Четвертую группу начертаний составляют

¹ Пользуемся фотографиями, хранящимися в Отделе эстампов РНБ (шифр Э (АлТ63)/3-Н726, фотографические снимки с фресок Спасо-Нередицкой церкви, близ Новгорода, исп. фотогр. Имп. Археологической Комиссии И.Ф. Чистяковым). Полное описание фресковых надписей Спаса на Нередице подготавливается мной в специальной работе.

формы в немногих надписях более позднего времени с явными следами поновлений. Так, в средней части изображения Страшного Суда на западной стене под хорами читается слово “Силы”, где “И” с косой перекладиной, фигурная “Л”, “Ъ” с косой вытянутой спинкой и маленькой круглой петлей указывают на формы зрелого XV в. Несомненные черты поновления имеются и в ктиторской надписи с изображением князя Ярослава Всеволодовича.

В отношении графико-орфографических особенностей нередицких надписей отмечу написание слова “агиос” через “О” и через “W”. В надписях “графического” почерка преобладают формы с буквой “О”, “живописный” почерк предпочитает “W”. Чем вызваны эти предпочтения, сказать сложно. Только комплексный анализ всех форм, может быть, позволит ответить на этот вопрос более определенно.

Пока могу лишь отметить тот факт, что фресковые надписи, исполненные в так называемой живописной манере, в большей степени, чем надписи “графической” манеры, следуют книжно-языковой церковнославянской норме. В них реже проявляются характерные языковые и орфографические новгородские черты, такие как смешение графем “Ъ” и “О”; “Ъ”, “Є” и “ѣ”; “О” вместо “Ъ” на конце слова и ряд других. Вместе с тем эти надписи составляют большинство всего имеющегося материала, В отношении графики и орфографии они имеют аналогии среди надписей ц. Георгия в Старой Ладогe, среди которых можно по тем же параметрам выделить грецизированные и русифицированные тексты¹. Важно подчеркнуть, что и нередицкие, и ладожские фресковые надписи обнаруживают одинаковую степень колебания в традиционных написаниях типа “агиос” с “W”, конечной “О” – огласовке имен (типа Кононо, Аково и т.п.), т.е. одинаковую степень свободы в орфографии по сравнению с рукописными памятниками, что вообще характерно для новгородской не книжной письменности. Эта вариативность проявляется уже в пророческих цитатах на свитках пророков из купола Софии Новгородской и, по всей видимости, отличает новгородских мастеров, выполнявших фресковые надписи, от живописцев, работавших в других древнерусских землях.

Совокупность письменных текстов на стенах храмов Древней Руси – пояснительные надписи и цитаты Св. Писания в составе мозаичных и фресковых композиций и неофициальные надписи-граффити, от азбуки до литургического возгласа, от автографа “такой-то писал” до записи летописного характера придает храмовому литургическому пространству свойства интертекста. Эти свойства проявляют себя на разных уровнях и в разных регистрах (ярусах) христианской письменной культуры, В совокупности этих текстов отразилось и движение письменной традиции во времени – каждая новая надпись-граффити соседствовала с другими, сделанными ранее, и, таким образом, включалась в принципиально открытую систему с ее константами – монументальными цитатами текстов Св. Писания в составе фресковых росписей.

¹ Пользуюсь случаем выразить признательность В.Д. Сарабьянову за предоставленную возможность ознакомиться с результатами его реставрационных исследований в ц. Георгия в Старой Ладогe.

Сравнение надписей-граффити с записями писцов и читателей на полях рукописных книг уже стало традиционным. Продолжая эту аналогию, мы вправе представить прихожанина древнерусского храма одновременно и читателем, и писцом вневременного литургического “текста”, воплощением которого и был средневековый храм.

Ориентация христианской культуры на Слово предопределила приоритет письменной традиции. Использование храмового пространства в качестве “писчего материала” – явление, характерное для средневековой культуры *Slavia Orthodoxa*, опирающейся на византийские традиции, и почти не известное в западноевропейском средневековом мире.

- Бакалова, Е.* 1983. Общност на идейно-художествени процеси в литературата и изкуството през XIV в. (Методологически подстъпи) // Литературознание и фолклористика. В чест на 70-годишнината на академик Петър Диневков.
- Бакалова, Е., С. Смядовски.* 1995. Ивановските стенописи и надписи – текст и функция // *Palaeobulgarica* XIX/1: 22-65.
- Васильев, Ас.* 1976. Ерминии. Технология и иконография.
- Вздорнов, Г.И.* 1989. Волоотово. Фрески церкви Успения на Волоотовом поле близ Новгорода. М.
- Грaбар, А.* 1927. Погановският манастир // Известия на Българския археологически институт 4 (1926-1927).
- Гълъбов, Ив.* 1963. Надписите към Боянските стенописи.
- Златанова, Р.* 1993. Преславският превод на Дванадесетте малки пророци // 1100 години Великий Преслав. Великопреславски научен събор (16-18 септември 1993 г.) 2. Шумен.
- Мишчева, А.* 1997. Актуални езикови проблеми на преславската книжнина // Преславска книжовна школа 2. Изследвания в чест на акад. Александър Панченко: 15-22. Шумен.
- Мусин, А.Е.* В печати. О некоторых особенностях древнерусского Богослужения XI–XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи).
- Плцко, В.Г.* 1983. Надписи на свитках пророков в купольных росписях Софии Новгородской // *Cyrrillomethodianum* VII: 47-70. Thessaloniki.
- Рождественская, Т.В.* 1992. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., СПбГУ.
1994. Эпиграфические памятники Древней Руси X–XV вв. (проблемы лингвистического источниковедения). СПб.
1995. Древнерусские надписи XI–XV вв. на стенах храмов как источник по церковной археологии // Церковная археология 2. Христианство и древнерусская культура. Материалы Первой Всероссийской конференции. СПб.-Псков.
1999. Богослужебные тексты в не книжной письменности средневекового Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы: 338-344. Москва: “Русские словари”.
- Смядовски, Ст.* 1993. Българска кирилска епиграфика XI–XV век.
1998. Надписите към Земенските стенописи.
- Ерзеневский, И.И.* 1863. Древние памятники русского письма и языка. СПб.
- Петрефанов, П.* 1989. Фресковни надписи и графити във Вуково (1598) // *Palaeobulgarica* 13/1: 67-80.
- Фрески...* 1925. Фрески Спаса-Нередицы. Л.
- Valbix G., Chr. Walter.* 1976. The inscriptions upon liturgical rolls in Byzantine aps decoration // *Revue des études byzantines* 34.

“ДЕРЕВЯННЫЙ МИР”
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАДОГИ
(по материалам раскопок Земляного городища
в 1973-1985 гг.)

Подводя итоги монографического изучения новгородских изделий из дерева, Б.А. Колчин констатировал: “Археология Новгорода открыла неизвестный и невиданный доселе мир деревянных вещей древней Руси. Мир этот многообразен и крайне интересен. Он дал нам новый источник информации по истории русской культуры и искусства X-XV вв.” (Колчин 1971: 5). В этом отношении особое значение приобретают находки из нижних отложений Старой Ладogi, документирующие своим присутствием в слоях последней четверти I тыс. н.э. предысторию “деревянного мира” русского средневековья.

К изучению ладожских деревянных изделий, в подавляющей своей части происходящих из раскопок экспедиции В.И. Равдоникаса на Староладожском Земляном городище, обращались разные исследователи. За исключением не опубликованной диссертации С.Н. Орлова, посвященной анализу всего накопленного к началу 1950-х гг. фонда источников (Орлов 1954; 1954а), в остальных работах рассматривались отдельные категории деревянных предметов – сельскохозяйственный инвентарь, посуда и техника ее изготовления, игрушечное оружие, судовые детали, а также некоторые наиболее выразительные изделия культового характера. Несомненно, что эта важная тема, непосредственно связанная с выявлением истоков севернорусской народной культуры и в достаточной степени обеспеченная многочисленным и разнообразным материалом, еще должна стать предметом последующего специального изучения.

Данная публикация посвящена краткой характеристике основных разновидностей деревянных изделий, обнаруженных при возобновлении раскопок на Земляном городище в 1971-1975, 1981-1985 гг. В процессе этих работ найдено свыше 100 определенных предметов из дерева, 85% которых происходит из самых ранних отложений горизонта Ез, датированных второй половиной VIII – первой третью IX вв. (Рябикин 1997: 45-48)¹. При этом в указанную цифру не включены архитектурные детали интерьера и внешнего оформления построек, многочисленные деревянные рукоятки ножей,

¹ По стратиграфическим и дендрохронологическим данным устанавливается следующее деление нижних отложений Земляного городища: горизонт Ез, нижний слой (750-760-е гг.); Ез, средний слой (770-790-е гг.); Ез, верхний слой (800-830-е гг.); горизонт Е₂ (840-е – середина 860-х гг.); горизонт Е₁ (870-920-е гг.); горизонт Д в пределах рассматриваемого участка поселения представлен строительными остатками 930-950-х гг. (Рябикин, Черных 1988: 72-100).

почти все судовые детали и предметы неясного назначения, включающие поделки с резным орнаментом. Тем не менее, учтенная в работе выборка изделий представляется достаточно репрезентативной.

Ряд находок связан с сельскохозяйственной деятельностью древних ладожан. Среди них — зуб бороны с площадкой (рис. 1: 1). Он обнаружен на уровне основания “большого дома” горизонта Е₁ (890–920-е гг.) в хозяйственном отсеке постройки. По условиям залегания не исключено его вторичное использование в качестве подкладки под настил и, соответственно, более раннее происхождение самого изделия. Длина изогнутого стержня орудия составляет 40 см, длина зуба 24 см, его ширина в средней части около 3 см, на суженных концах — 1–1,5 см.

В материалах Земляного городища представлены 11 зубов от бороны, встреченных в хозяйственных постройках горизонтов Е₃, Е₂ и Д (Миролюбов 1976: 120–124, рис. 1: 10). По своим размерам находки из нижних отложений Ладоги соответствуют рассматриваемому экземпляру.

По наблюдениям М.А. Миролюбова, старолadoжские зубья относятся к бороне типа суковатки, но только с более короткими зубьями. Этнографические материалы позволяют сопоставить их с наиболее ранней формой — бороной смык, представляющей усовершенствованную форму “вершалины” и предназначенную для использования на уже обработанной почве, очищенной от пней и камней.

Из культурных отложений 770–790-х гг. происходит деревянная мотыга (рис. 1: 2), изготовленная из плотного дерева лиственной породы. Представляет собой сук с вырубленным корневищем. Длина изогнутой рукоятки 80 см, диаметр 3–3,6 см; длина фрагментированной рабочей части превышает 22 см, ее диаметр составляет около 4 см.

В Ладоге встречено 6 деревянных мотыг, происходящих только из древнейших горизонтов Е₃ и Е₂ (Миролюбов 1976: 120–121, рис. 1: 4; Орлов 1954б: 345, 347, рис. 3: 3). По своим размерам (длина 70–100 см, длина основы рабочей части 15–30 см) они также вполне соответствуют рассматриваемому экземпляру.

Являясь незаменимыми орудиями для окуливания огородных культур, мотыги применялись и для рыхления почвы. В VIII–X вв. они использовались при обработке уже засеянного участка земли с целью ускорения прорастания посевов. Первое упоминание этого орудия приводится в летописи под 1074 г. (Миролюбов 1976: 121).

К возможным сельскохозяйственным орудиям относится чекмарь, или колотушка, обнаруженный в верхнем слое горизонта Е₃ (800–830-е гг.). Представляет собой круглый болван длиной 38 см и диаметром 15 см с фрагментированной рукоятью диаметром 4 см (рис. 1: 3). Сходные находки серийно представлены на Старолadoжском городище при их преимущественной концентрации в древнейшем горизонте Е₃ (11 из 15 экз.). По некоторым параметрам они могут быть сопоставлены с рассматриваемым предметом, однако отличаются меньшим диаметром рабочей части. С.Н. Орлов интерпретировал такие колотушки в качестве орудий для выколачивания семян льна (Орлов 1954б: 347), М.А. Миролюбов отнес их к первому типу глызобоек-колотушек цилиндрической формы, использовавшихся при вторичной обработке почвы —

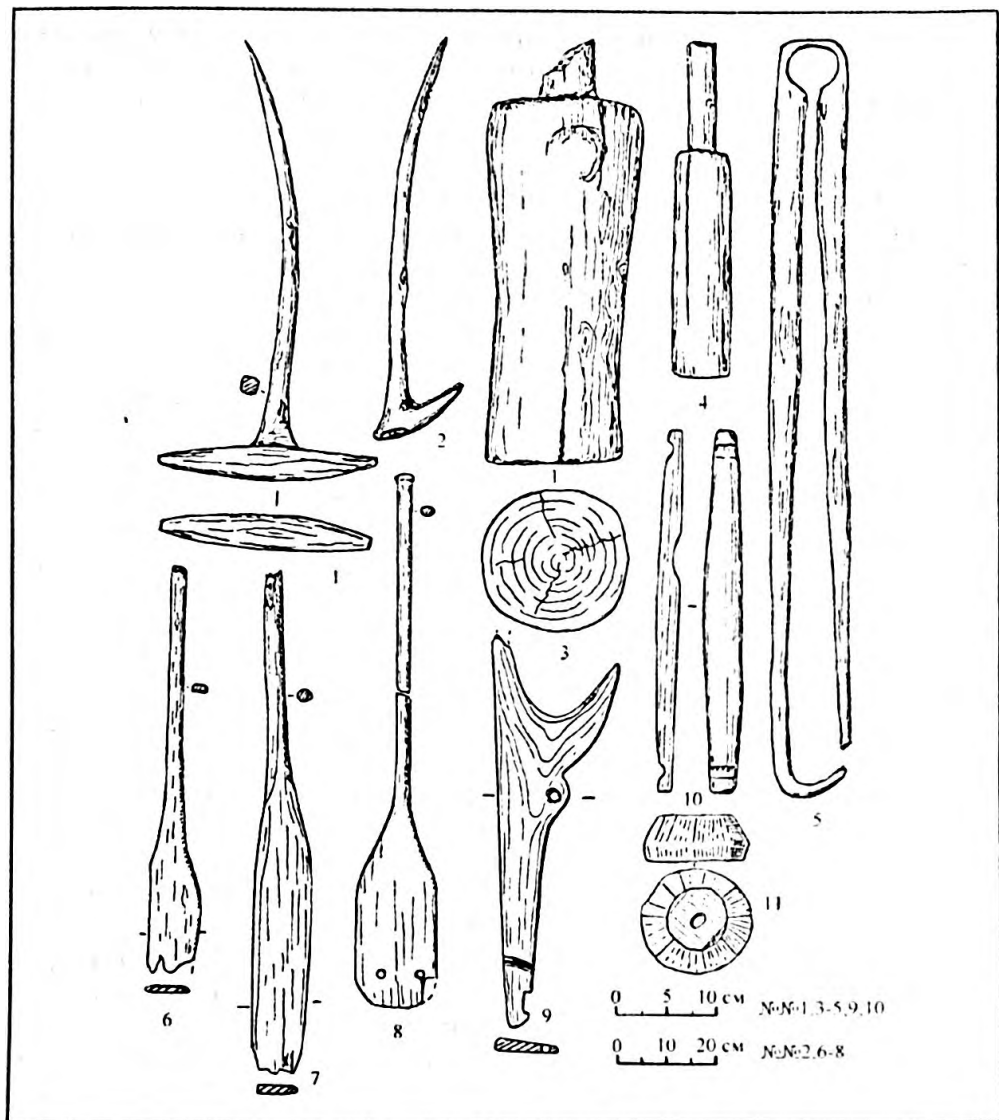

Рис. 1

для разбивания комьев земли (Миролюбов 1976: 120-121, рис. 1: 5). Подобные же орудия в массовом количестве представлены в Новгороде, где отмечено их бытование на протяжении всех веков. Чекмарь – круглые деревянные болваны с ручкой – варьировали от огромных изделий диаметром 15-20 см и длиной валика 90-100 см, до маленьких, диаметром 7-8 см и длиной рабочей части 28-30 см. Б.А. Колчин рассматривает их в качестве универсальных орудий труда, применявшихся при раскалывании бревен на тесны для удара по клиньям (Колчин 1968: 19, табл. 4: 1-4).

Сходными с чекмарями, но имевшими иное назначение и размеры являлись вальки, широко применявшиеся в домашнем обиходе – при стирке одежды и белья, белении холстов, обмотке льна и т.п. Происходящие из слов Новгорода вальки имеют средний диаметр 7-9 см, длину болвана

23–25 см, длину ручки 10–12 см (Колчин 1968: 19). По своим размерам (диаметр болвана 6 см, длина 18,5 см, длина ручки 11,5 см) новгородским находкам полностью соответствует валеk из верхнего яруса горизонта Ез (рис. 1: 4). В нижних отложениях Земляного городища также найдены вальки значительно меньших размеров, по этнографическим данным сопоставляемые с хозяйственными толкушками (рис. 2: 13, 15–17).

Из культурных отложений последней четверти VIII в. происходит массивный деревянный предмет с круглой и плоской нижней площадкой и сужающимся коническим верхом (рис. 1: 11). Диаметр основания 10,5 см, верха 6,5 см, высота 5,5 см. Посередине имеется сквозное отверстие. Предполагаемая функциональная принадлежность находок определяется по новгородским аналогиям, где такие изделия – ботала – появляются с середины XI в. (Колчин 1968: 23, табл. 8: 6). По определению Б.А. Колчина деревянные кольца на шестах применялись для рыбной ловли: ударяя боталом по дну водоема, рыбак пугал рыбу, которая уходила в сторону установленной сети. Учитывая хронологический разрыв между ладожским экземпляром конца VIII в. и появлением рыболовных ботал в Новгороде, возможно и иное применение рассматриваемого предмета при сходном с новгородскими находками характере его исполнения.

Неокончательно решенным, на мой взгляд, остается назначение четырех однотипных предметов, обнаруженных в культурных отложениях 770–790 х гг. Это крупные и относительно узкие стержни с одной уплощенной стороной, имеющей вырубку посередине, и зарубками на противоположных концах (рис. 1: 10). Показательно, что два найденных по соседству изделия полностью совпадали по размерам, подгонке уплощенных плоскостей и соотношению зарубок, что предполагает их парное использование.

По данным С.Н. Орлова, к середине нашего столетия на Земляном городище было встречено 17 таких предметов, сконцентрированных в нижних отложениях памятника (Орлов 1954б: 352, рис. 8). Им же отмечено, что по своим признакам они полностью аналогичны “лещеткам”, хорошо известным по этнографическим данным и до недавнего времени применявшимся в коноваленном деле.

Из крупных деревянных предметов следует отметить ряд находок, связанных со средствами передвижения. Среди них вяз (вязовье) – деталь саней, служившая для соединения копылов возков (рис. 1: 5). Происходит из отложений 800–830-х гг. Представляет собой толстый, согнутый вдвое прут диаметром 1,5–3 см. В местах накладки на копыла имеются вырезы. Концы вяза после того, как ими охватывали два параллельно идущих копыла, связывали лозой, веревкой или сыромятным ремнем (ср.: Колчин 1968: 53, табл. 43: 11). Ладожская находка не только полностью аналогична по форме новгородским, но и свидетельствует о традиционной выработанности остальных их параметров: длина вязовьев X–XIV вв. из Новгорода, то есть расстояния от копыла до копыла (“ход саней”) колеблется в пределах 72–74 см, длина рассматриваемого экземпляра составляет 74 см.

В отложениях 770–790-х гг. найдена уключина – бортовой упор для гребельных весел (рис. 1: 9). У основания рога в планке уключины просверлено отверстие для крепления ремня, соединенного с бортовым веслом. На верхнем суженном конце планки имеется паз шириной 2,5 см,

встречающийся на некоторых новгородских уключинах X–XIV вв. Ладожская находка полностью совпадает с ними и по основным размерам (длина свыше 40 см, высота от основания планки до верха рога 13 см, толщина 2 см) (Колчин 1968: табл. XXXIV, 54, 55).

В том же строительном ярусе и рядом с уключиной встречено большое весло, изготовленное из корабельной доски с нагельными отверстиями (рис. 1: 8). Его длина составляет не менее 110 см (рукоять сохранилась неполностью), длина лопасти достигает 45 см, ширина – 24 см. По своим признакам эта находка может быть отнесена к рулевым веслам крупных судов (см.: Сорокин 1997: 40, 170, рис. 18: 5).

Менее определенной представляется трактовка еще двух фрагментированных предметов, происходящих из культурных отложений первой трети IX в. (рис. 1: 6, 7). Их общая длина превышает 90–115 см, сохранившаяся целиком рукоять одной находки имеет длину 70 см. Нижние лопасти асимметричны, характеризуются наличием выступа лишь с одной боковой стороны. Нельзя исключать их использования в качестве весел, но вполне возможна интерпретация рассматриваемых находок как землеройных лопат. Во всяком случае, асимметричность лопастей неоднократно отмечалась на лопатах из Новгорода (Колчин 1968: 17, рис. 5: 2, 3, табл. 1: 1, 2, 5–7). В предшествующие годы раскопок на Земляном городище было найдено восемь деревянных остовов лопат, 3 из которых принадлежат к горизонту Е₃, 1 – к горизонту Е₂, 1 – к горизонту Е₁ и 3 – к отложениям горизонта Д (Миролюбов 1976: 119–120, рис. 7: 1, 2).

Завершая обзор рассмотренных выше категорий находок производственного назначения, хотелось бы обратить внимание еще на две интересные разновидности деревянных предметов.

Первая из них представлена ножевидными орудиями, по характеру оформления рабочей части которых выделяются два типа:

Тип 1. Изделия с уплощенной рукояткой и клиновидным, сужающимся к концу ровным лезвием (рис. 2: 3, 4). Два экземпляра происходят из культурных отложений 770–790-х и 800–830-х гг. Рукоятки сохранились полностью. Длина клинка составляет 8,5–12 см, ширина 1,7–1,9 см, толщина обуха не превышает 3,5 мм.

Тип 2. Изделия, отличающиеся от орудий типа 1 наличием зубчатого рабочего края (рис. 2: 1, 2). Встречены в слоях 750–760-х и 800–830-х гг. (3 экз.). Полностью сохранившийся экземпляр имеет следующие параметры: общая длина 21 см, длина клинка с семнадцатью зубьями 11,5 см, его ширина 1,7 см.

По формальным признакам оба типа соотносятся с разновидностями трепал – орудий для очистки волокон льна от кострики и мелких грубых частиц, представленных в ладожской коллекции из раскопок прошлых лет 27 целыми и фрагментированными изделиями. Тип 2 (тип А по С.Н. Орлову) рассматривается исследователем в качестве древнейшей формы трепал, бытовавшей в период накопления культурных отложений горизонта Е₃; тип 1 (тип Б по С.Н. Орлову) трактуется как последующая стадия развития той же формы в IX–X вв. (Орлов 1954б: 349–351, рис. 6: 1–6).

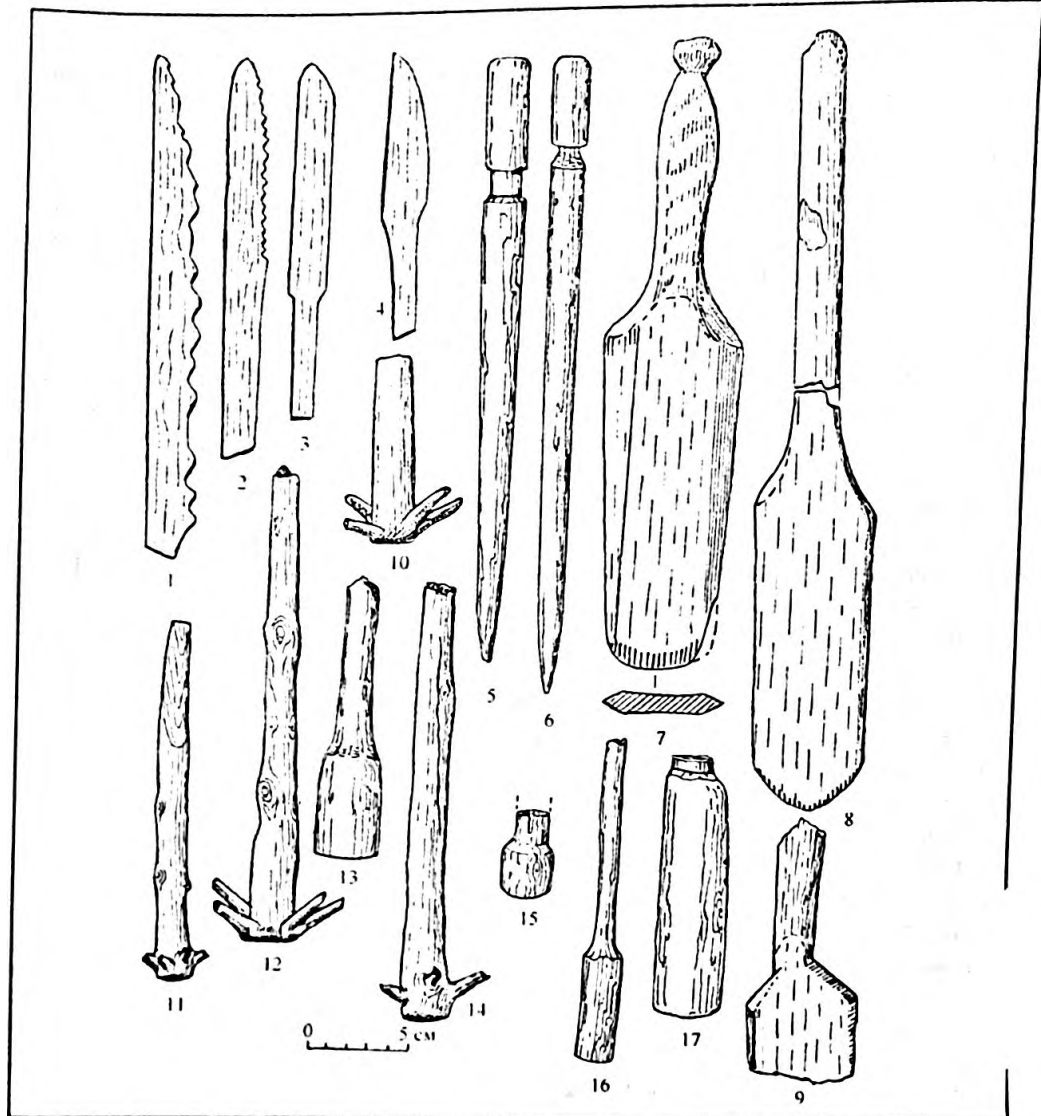

Рис. 2

Аналогичные по исполнению предметы найдены в слоях IX–X вв. Новгородского (Рюрикова) городища (Носов 1990: 64–66, рис. 23: 1, 2; 24: 1–3) и в массовом количестве представлены в отложениях XI–XV вв. Новгорода. При этом Б.А. Колчин выделяет ножевидные орудия с гладким рабочим краем в качестве трепал, используемых для начальной очистки волокон льна, а изделия с зубчатым краем – в качестве чесал, предназначенных для окончательной очистки и выравнивания отдельных волокон в одном направлении (Колчин 1968: 65, табл. 61. 62).

Особенностью наших находок, отличающих их от известных ладожское новгородских изделий, являются значительно более скромные размеры орудий. Так, новгородские трепала представлены длинными массивными орудиями с круглой рукоятью; их средняя длина составляет 45–50 см, высота клиновидного лезвия 6 см, ширина у обуха 1,5–2 см.

Сходные размеры при меньшей высоте рабочей части наблюдаются при обращении к новгородским чесалам, количество зубьев у которых обычно составляет не менее 35-50. Близкие параметры отмечены для более ранних находок с Рюрикова городища. Судя по опубликованному материалу, размеры ладожских трепал и чесал также составляют 38-48 см, хотя рабочая часть последнего типа орудий могла насчитывать лишь 11-14 зубьев. В целом, есть все основания полагать, что рассматриваемые находки имели то же функциональное назначение, но были рассчитаны на более тонкие работы.

Еще одна интересная разновидность предметов представлена двумя изделиями из культурных отложений 800-830-х гг. Обе находки имеют сходную форму и размеры. Они характеризуются наличием сужающегося и заостренного к концу основного тела общей длиной 31-33 см, наличием узкого перехвата и цилиндрического завершения на противоположном конце длиной около 5 см и диаметром 1,8-2 см (рис. 2: 5, 6). Еще один сходный предмет обнаружен на Земляном городище при раскопках Н.И. Репникова (Гроздилов, Третьяков 1948: 99, табл. VII, 7).

Однозначно решить вопрос о назначении этой формы изделий не представляется возможным. Рассматриваемые находки по своим размерам и очертаниям основного тела с заостренным концом несколько напоминают древнерусские веретена, в массовом количестве представленные в Новгороде, начиная с его древнейших слоев. Однако последние характеризуются иной конструктивно выработанной формой — утолщенной в центре деревянной палочкой сигарообразных очертаний с обоими сужающимися концами (Колчин 1968: 66, табл. 64).

Вместе с тем, обращает на себя внимание, что в Ладоге, несмотря на обилие встреченных пряслиц (свыше 400 экз.) и прекрасную сохранность дерева в нижних отложениях памятника, определимые экземпляры веретен “новгородского” типа отмечены лишь в четырех случаях, хотя их присутствие зафиксировано уже в горизонте Ез (Давидан 1981: 109-111). Не означает ли это, что здесь на раннем этапе могли использоваться и иные разновидности веретен, пока не выделенные среди археологического материала? Такое предположение основано на этнографических параллелях — в частности, на бытовании у севернорусского населения так называемых веретен с головкой, характеризующихся наличием на противоположном конце заостренной палочки утолщения цилиндрической или шарообразной формы, отделенной от основного тела узким перехватом (Зеленин 1991: 185, рис. 79). Последние, как представляется, вполне могут быть сопоставлены с рассматриваемыми ладожскими находками.

Среди бытового инвентаря следует отметить мутовки — словые палки с коротко срезанными на одном конце разветвлениями нескольких сучьев (рис. 2: 10-12; 14). Четыре определимых экземпляра происходят из отложений 750-760-х и 770-790-х гг.

К орудиям хозяйственного и кухонного назначения принадлежат крупные лопаточки с уплощенной рабочей частью и круглой рукоятью (рис. 2: 7-9). Представлены четырьмя находками из культурных напластований второй половины VIII в. В слое 800-830-х гг. встречена изящная по отделке миниатюрная лопаточка с изогнутой прямосрезанной

лопастью и фигурной плоской рукояткой, декорированной тонким геометрическим узором. Сходные находки из Новгорода, по мнению Б.А. Колчина предназначались для сервировки стола (для соли, масла), а также для косметических средств (Колчин 1968: 18-19).

Рамки данной статьи не позволяют остановиться на достаточно подробной характеристике столовой и бондарной посуды из новых раскопок. Эта тема заслуживает отдельной публикации, приведу лишь самые общие сведения о таких находках.

Столовая посуда представлена 30 целыми и фрагментированными изделиями, из которых один предмет обнаружен в горизонте E₂ (840–860-е гг.), 6 встречены в верхнем слое горизонта E³ (800–830-е гг.), остальные находки происходят из отложений второй половины VIII в. Среди сосудов преобладают чаши, миски и ковши, дважды отмечены находки корытца; значительной серией находок представлены столовые ложки (рис. 3). Новые материалы корреспондируются с ранее полученными данными об ассортименте и характере ладожских изделий (ср.: Давидан 1991: 131-135) и, в свою очередь, обнаруживают полные аналогии с набором посуды из Новгорода. Наблюдается преимущественное использование резной посуды. Токарные сосуды отмечены лишь в единичных случаях. Среди последних наибольший интерес представляет чаша из основания культурного слоя (750–760-е гг.). Эта находка служит дополнительным подтверждением высказанного заключения о бытовании токарного станка в Ладоге со времени возникновения поселения – примерно за 200 лет до появления станка в Восточной Европе и ранее его фиксируемого использования на землях западных славян, где древнейшие образцы токарной работы и следы токарного производства относятся к IX–X вв. (Давидан 1970: 81-88).

Бондарная посуда представлена деревянными сосудами, собранными из отдельных клепок-планок и соединенными в обхват обруча. В отложениях последней четверти VIII в. обнаружены остатки крупной цилиндрической кладки, в слое 800–830-х гг. – фрагменты четырех малых сосудов, которые по размерам и способу соединения клепок с дном полностью соответствуют пропорциям бондарных стаканов, известных в новгородском материале XI–XIV вв. (ср.: Колчин 1968: 26-28).

Особую категорию деревянных поделок образуют игрушечные воспроизведения оружия (рис. 4). Известная ранее коллекция ладожских находок насчитывает 25 имитаций мечей и два воспроизведения копий (Штакельберг 1969: 252-254). По данным О.И. Давидан, из 25 ладожских мечей-игрушек семь относятся к горизонту E₃, семнадцать – к горизонтам E₁₋₂ и лишь одна находка происходит из отложений горизонта D (Давидан 1971: 140-142). В ходе новых исследований найдено еще 13 мечей и 2 копия (Рябинин 1995: 55-56). Почти все резные поделки происходят из нижнего горизонта E₃ (750–830-е гг.) и только один игрушечный меч обнаружен в горизонте E₁ (конец IX – начало X в.).

Историко-культурная значимость таких находок обусловлена почти полным отсутствием в пределах складывающейся Руси оружия предгосударственной эпохи и возможным использованием деревянных имитаций для заключений типологического порядка.

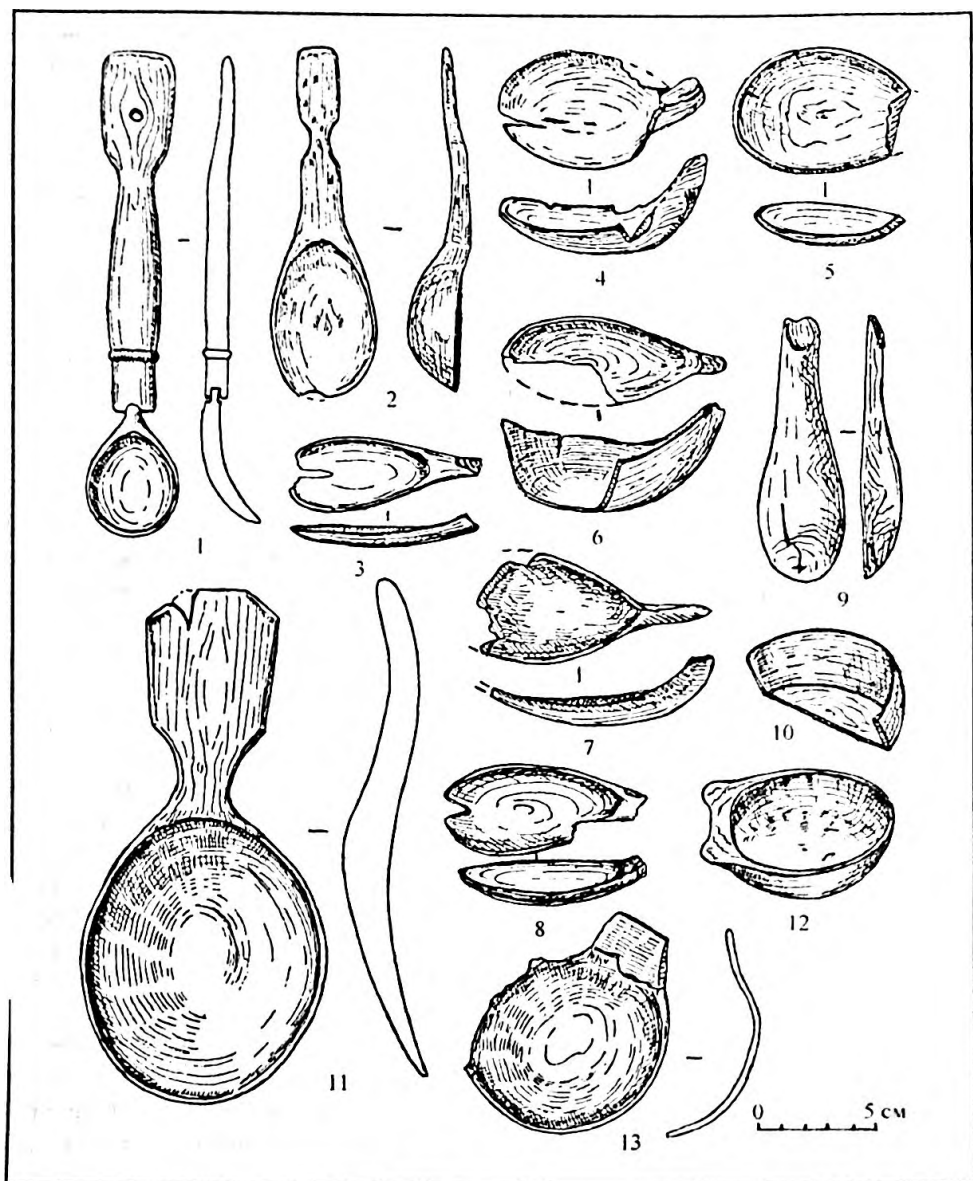

Рис. 3

По форме рукоятей выделяются две основные разновидности мечей. В четырех случаях рукоять завершается треугольным навершием без нижнего пояска. Реализмом исполнения отличается находка этой серии, датируемая 750–760-ми гг. (рис. 4: 2). Она обнаруживает наибольшее сходство с мечами типа В, распространенными в VIII–IX вв. в Центральной и особенно Северной Европе и представленными лишь единичными экземплярами IX в. на памятниках Древней Руси (об этом см.: Кирпичников 1966: 26, 42). Вместе с тем, некоторые детали профилировки навершия сближают изделие с мечами североευропейского типа Н, являющегося, как полагают, дальнейшим развитием типа

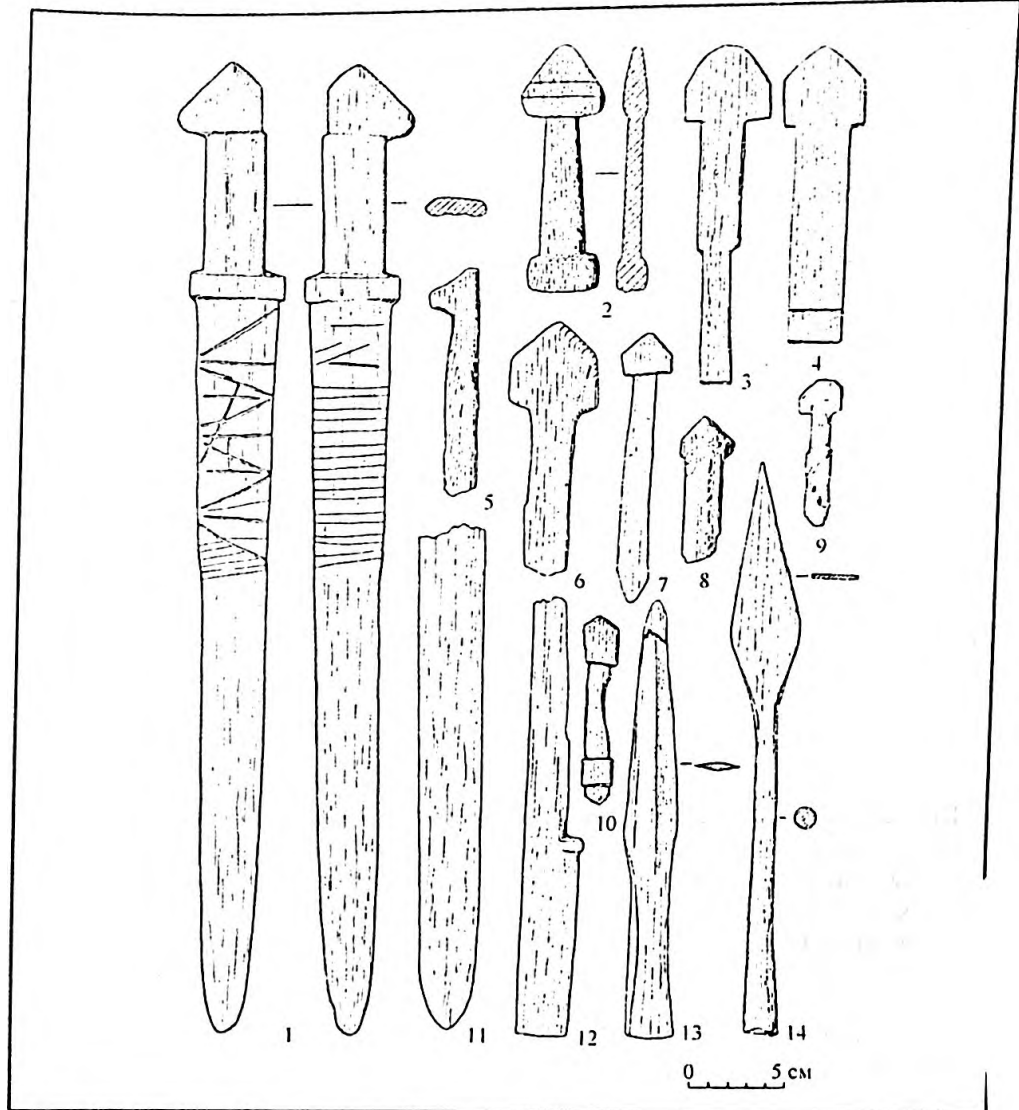

Рис. 4

В (Petersen 1919: 66-70, fig. 57, 58). Интересно полностью сохранившееся воспроизведение меча типа В из отложений 770–790-х гг. (рис. 4: 1). По определению А.Н. Кирпичникова, на нем “в подражание подлинному весьма правдоподобно вырезано клеймо” в виде поперечных и наклонных черт (Кирпичников, Сарабянов 1997: 75).

Остальные находки деревянных мечей с навершием в виде низкого треугольника с пояском в нижней части являются вероятным подражанием общеевропейского типа Н, а также относящихся к той же группе типов 92 и 76 норвежских клинков по Я. Петерсену.

Один из наконечников копий (рис. 4: 13) происходит из слоя 770-790-х гг. и представляет собой подражание ланцетовидным копьям северо-европейского типа Е (тип I древнерусских копий по А.Н. Кирпичникову)

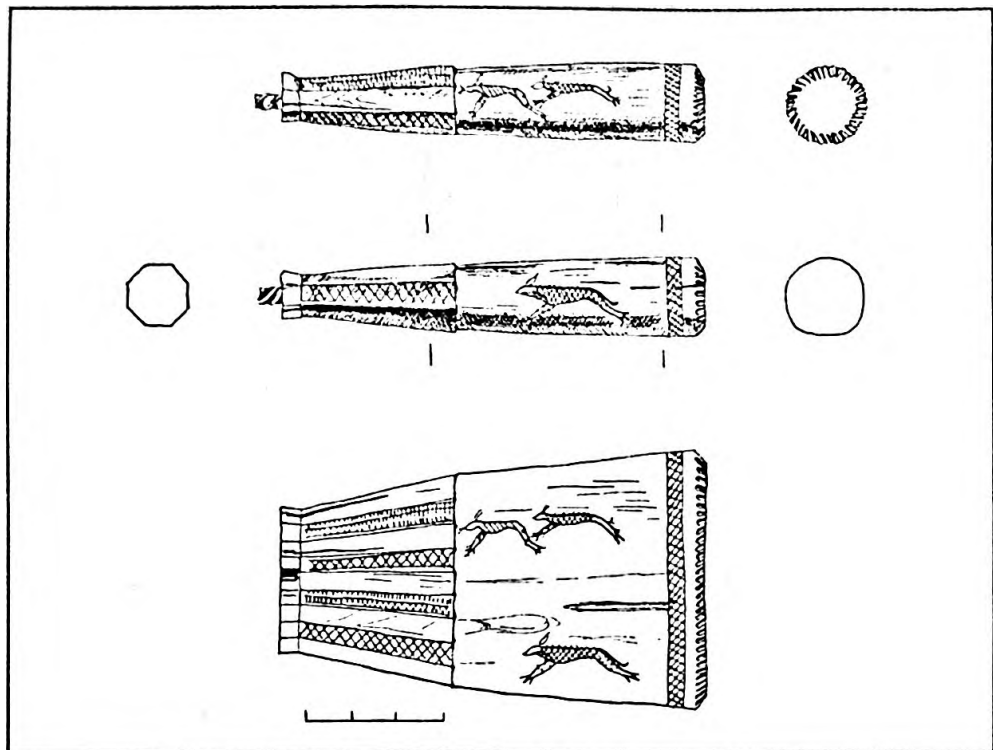

Рис. 5

(Кирпичников 1966а: 9-12). Второй (рис. 4: 14) имеет листовидный наконечник. Реальные прототипы листовидных копий также известны в нижнем горизонте Ез и связаны по своему происхождению с европейским вооружением второй половины I тыс. н.э.

Можно заключить, что, несмотря на определенный схематизм воспроизведения реального оружия в детских деревянных игрушках, последние все же могут быть использованы для реконструкции воинского снаряжения предгосударственной эпохи в истории Северной Руси.

Особым направлением исследования должно стать обращение к орнаментированным образцам изделий и их фрагментов, серийно представленным в коллекции новых раскопок. В качестве примера приведу лишь один яркий образец художественного творчества древних ладожан – тонко прочерченный рисунок на деревянной рукояти несохранившегося железного инструмента из слоя 770–790-х гг. (рис. 5). Он воспроизводит динамичную сцену бегущих животных, в которых специалисты-зоологи распознают волков или собак.

В заключение краткого и далеко не полного обзора деревянных изделий раннесредневековой Ладоги следует отметить следующее. Традиционным и вполне оправданным является преобладающий интерес исследователей к археологическим свидетельствам особой роли этого памятника как центра международной торговли, развитого ремесла и места сосредоточения полиэтничного населения. Массовый материал поселения, к которому принадлежат и многочисленные находки деревянных предметов, пока еще не получил должной научной оценки. Вместе с тем, именно он содержит

основную информацию о повседневной жизни древних ладожан, их быте и народной культуре. Полагаю, что лишь при паритетном учете ярких дефиниций, выделяющих этот памятник на фоне синхронных рядовых поселений Восточной Европы, и его бытового культурно-хозяйственного комплекса может быть с достаточной ясностью раскрыт феномен перерастания международного торгово-ремесленного центра в древнерусский "пригород" Великого Новгорода.

- Гроздилов, Г.П., П.Н. Третьяков.* 1948. Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н.И. Репниковым в 1909-1913 гг. // Старая Ладога. Л.
- Давидан, О.И.* 1970. О времени появления токарного станка в Старой Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 12.
1971. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией // Скандинавский сборник 16. Таллин.
1981. Ткани Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 22.
1991. Деревянная посуда Старой Ладоги VIII-IX вв. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 31.
- Зеленин, Д.К.* 1991. Восточнославянская этнография. М.
- Киртичников, А.Н.* 1966. Древнерусское оружие // Свод археологических источников Е 1-36 (1). Л.
- 1966а. Древнерусское оружие // Свод археологических источников Е 1-36 (2). Л.
- Киртичников, А.Н., В.Д. Сарабьянов.* 1996. Старая Ладога - древняя столица Руси. СПб.
- Колчин, Б.А.* 1968. Новгородские древности: Деревянные изделия // Свод археологических источников Е 1-55. М.
1971. Новгородские древности: Резное дерево // Свод археологических источников Е 1-55. М.
- Миролюбов, М.А.* 1976. Орудия вторичной обработки почвы и уборки урожая из Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 17.
- Носов, Е.Н.* 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Орлов, С.Н.* 1954. Деревянные изделия Староладожской экспедиции // Рукописный дисс. ... канд. ист. наук. Российская государственная библиотека ДК 54-7/987
- 1954а. Деревянные изделия Старой Ладоги VII-X вв. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- 1954б. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII-X вв. из Старой Ладоги // Советская археология XXI.
- Рябишин, Е.А.* 1995. Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладоги (материалы новых исследований) // Древности Северо-Западной России. СПб.
1997. Заметки о ладожских древностях (о "двух культурах" раннесредневековой Ладоги) // Современность и археология: Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб.
- Рябишин, Е.А., Н.Б. Черных:* 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // Советская археология 1.
- Сорокин, П.Е.* 1997. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.
- Штакельберг, Ю.М.* 1969. Игрушечное оружие из Старой Ладоги // Советская археология 2.
- Petersen, J.* 1919. De norske vikingesverd. Kristiania.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КАРЕЛЬСКИХ КРЕПОСТЕЙ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Традиция изучения карельских крепостей эпохи средневековья ведет свое начало с последней четверти XIX в. Тогда же были произведены первые раскопки в Кореле (Кексгольм – Приозерск), Тиверском городке и ряде городищ северо-западного Приладжья, относящихся в то время к Финляндии. Результаты этих работ опубликованы в монографии Я. Аппельгрена (Appelgren 1891). Впоследствии, как в довоенное время, так и после передачи этой части Карелии СССР в 1944 г. вплоть до 1970-х годов, значительных по масштабам раскопочных работ на этих памятниках не проводилось. В 1971 г. практически одновременно А.Н. Кирпичников и С.И. Кочкуркина начали раскопки на Тиверском городке. Петрозаводские археологи продолжили раскопки городка в 1972-1974 гг. (Кирпичников 1984: 144-149; Кирпичников, Петренко 1974: 106-113; Кочкуркина 1976: 63-70, 1981: 30-62; Kirpitsnikov 1983: 66-78). В 1972 г. экспедиция под руководством А.Н. Кирпичникова приступила к раскопкам крепости Корелы в г. Приозерске, продолжавшимся четыре года и принесшим совершенно новые данные о культурном слое и истории города в новгородское время (Кирпичников 1979: 52-73; Кирпичников 1984: 119-144; Kirpitsnikov 1983: 66-78). В 1989 г. раскопки в Кореле были продолжены под руководством автора предлагаемой работы. Они проводились также в 1990, 1992 и 1993 гг. Первые два года в работе экспедиции в соответствии с Российско-Финляндским соглашением непосредственное участие принимала Пирьё Уйно из Музейного ведомства Финляндии (Saksa 1992; 1998: 107-125; Saksa, Kankainen, Saamisto, Taavitsainen 1990: 55-63; Uino 1997: 261-268; Uino, Saksa 1993: 213-217). Третье карельское укрепленное поселение, как стало очевидно после раскопок В.А. Тюленева, располагалось в устье Выборгского рукава Вуоксы (Tjulenev 1982, 1983, 1987). На этом же месте шведы построили в 1293 г. каменный замок. Отсюда и название острова – Замоквой.

Мы в настоящей работе остановимся на рассмотрении Тиверского городка и Какисалми – Корелы. Итоги работ в Выборге подведены В.А.Тюленевым (Тюленев 1995).

Тиверский городок

Это островное укрепление располагается у Тиверских порогов примерно в 14 км к югу от пос. Мельниково. До искусственно произведенного спуска воды в Вуоксе в районе Кивиниеми (ныне Лосево) в 1857 г. оно располагалось на острове, омываемом двумя рукавами р. Вуоксы. После падения уровня воды в Вуоксе в этой части Карельского перешейка на 2,5 и более метров осталась одна узкая западная протока. Тиверский городок, находясь на одном из самых сложных и стратегически

важных участков восточного рукава Вуоксы. контролировал и обслуживал речной путь из Финского и Выборгского заливов в Ладогу, формируя совместно с Выборгом и Корелой систему прикрытия центральных районов карельской земли от неприятеля.

Относительно даты возникновения упомянутого укрепления среди исследователей нет единого мнения. Финские археологи, начавшие работы на городище еще в конце XIX в., принимали за время его сооружения X век или время около 1000 г. (Айлио, Хакман) не исключая и более позднюю дату (XII в.) (Ринне) (см. Saksala 1998: 87-88; Taavitsainen 1990: 239-240; Uino 1997: 297-300). С.И.Кочкуркина относит основание Тиверского городка ко времени между 1293 и 1323 гг. ссылаясь на то, что Ореховский договор запрещал возведение новых пограничных крепостей по обе стороны границы и, с другой стороны, возведение крепости на Вуоксе стало актуальным после строительства шведами Выборгского замка в 1293 г. (Кочкуркина 1976: 70, 1981: 59-60). А.Н. Кирпичников, справедливо отмечая, что Ореховский мир часто нарушался и что новгородский летописец не отмечает городка во время походов шведов в устье Вуоксы в 1295, 1322 и 1337 гг., полагает, что основание городка у Тиверских порогов могло состояться в конце 1330-х гг. или даже во второй половине XIV в. (Кирпичников 1984: 145-146). В письменных источниках Тиверский городок впервые упомянут в списке "всем градом руским далним и ближним", составленном в 1390-1396 гг. Последнее упоминание содержится в новгородской летописи, в записи о взятии зимой 1411 г. его шведами (Кирпичников 1964: 144-146; Кочкуркина 1981: 31).

В настоящее время, когда практически все категории карельских древностей подверглись детальному исследованию, создана их хронологическая шкала и, что не менее важно, проведены дополнительные полевые работы, стало возможным обратиться к рассмотрению материалов раскопок 1970-х годов с учетом более полной картины развития Карелии на момент сооружения упомянутых карельских крепостей. Среди материалов раскопок Тиверского городка присутствует ряд вещей эпохи викингов (Кочкуркина 1981: 40-61; Saksala 1993: 89-91; Taavitsainen 1990: 239-240; Uino 1997: 300). Все они обнаружены в южной части городища. Здесь же при рытье погребка в конце XIX в. был обнаружен клад серебряных вещей (Кочкуркина 1981: 35-36). В состав его входили 11 украшенных филигранью бусин, двойная плетеная цепочка с наконечниками, головное украшение из серебряной проволоки ("сюкерё"), круглая с филигранью подвеска, две восточные монеты с ушками (894-902, 976 гг.), круглый медальон, две новгородские монетные гривны и три отпиленных от них кусочка (Кочкуркина 1991: 36; Schwandt 1893: 88-89; Talvio 1980: 15). Часть перечисленных серебряных украшений характерна и для других карельских кладов из Сиппялямяки в приходе Саккола и Кильпола в Хиитола. В них также находились типичные для карельского праздничного костюма подковообразные фибулы, отсутствующие в Тиверском кладе. Следует отметить, что "сюкерё", круглые пластинчатые медальоны и подковообразные плоские, либо овально-выпуклые фибулы с растительным

или плетеным орнаментом входили в набор инвентаря могил периода расцвета средневековой карельской культуры (Кочкуркина 1962, 93-101; Appelgren-Kivalo 1910: 63-90; Salmo 1956: 69-94). В настоящее время этот период устанавливается в промежутке от конца XII в. до конца XIII – начала XIV вв. (Saksa 1998: 163-166, 249-253, 255-258). Следует отметить, что подковообразные фибулы, отсутствующие в рассматриваемом кладе, были редки для памятников в целом богатого находками XII-XIV вв. района нижнего течения р. Вуоксы (бывший приход Райсяля). На самом Тиверском городке найдена лишь одна серебряная игла от подковообразной фибулы, а на самом большом могильнике этого времени Тонтинмяки (ныне пос. Кротово, п-ов Большой) всего два экземпляра (Saksa 1998: 89). Таким образом, зарытие клада произошло именно в период, когда материальная культура карел достигла своего расцвета. Этому не противоречат и монетные гривны из клада (Янин 1956: 161-162).

Следует отметить, что погреб, при рытье которого был обнаружен клад, был вырыт на валу. Клад, таким образом, был заложен в толще вала или, что более вероятно, в том числе и по глубине его залегания, вещи остались в культурном слое, перекрытом позднее валом. Остановимся на этом последнем предположении подробнее, поскольку оно имеет прямое отношение к строительной истории укреплений острова.

Попытки изучения вала предпринимались уже в конце прошлого века, когда Т. Швиндт и А. Хакман произвели раскопки на месте находки клада, затронув и часть вала. Тогда в черной углистой земле вблизи материка нашли кальцинированные кости, внутри вала среди валунов также была черная земля, в которой найдены обломки глиняных сосудов, наконечник стрелы от арбалета, фрагмент браслета со вставкой, обломками оселка, ножа и железной пластины с пятью отверстиями (Кочкуркина 1981: 36; Saksa 1998: 91-92; Schwindt 1893: 86-90; Uino 1997: 297-298). Швиндт не отмечает при описании раскопок никаких особенных конструкций, лишь валуны в основании.

К изучению оборонительных сооружений Тиверского городка вернулись в начале 1970-х гг. А.Н. Кирпичников и С.И. Кочкуркина. При этом изучению подверглись как вал, защищавший южную часть острова (С.И. Кочкуркина), так и каменная стена в северной части острова (А.Н. Кирпичников). С.И. Кочкуркина прорезала вал траншеей (раскоп IV) в южной оконечности городища в непосредственной близости от погребца и раскопа конца XIX в., к западу от них (Кочкуркина 1981: 32, 45-48). При этом выяснилось, что в основании вала находились огромные валуны, лежавшие непрерывной цепочкой (ширина 6-7 м) в один ряд на чистом материковом песке. Среди них находились более мелкие камни, валуны сверху засыпаны культурным слоем, взятым с территории городища, вал в этой части городища имеет прослойку желтого материкового песка, что говорит о его подсыпке. В засыпке вала обнаружены фрагменты гончарной керамики, наконечники стрел и целый ряд других предметов (Кочкуркина 1981: 47). Аналогичная картина отмечается и в раскопе X, заложенном примерно в 25 м от предыдущего на восточном отрезке

вала и примыкающей к нему территории. Высота каменного основания в этой части достигала однако от 0,5 до 1,03 м (Кочкуркина 1981: 48). При раскопках на этом участке обнаружено много фрагментов керамики, предметы бытового инвентаря, украшения (пастовая бусина, копоушка), оплавленный кусочек меди, кости животных, кальцинированная косточка (Кочкуркина 1981: 48).

При раскопках вала таким образом установлено, что он насыпан из взятого непосредственно на острове культурного слоя. Найденные в этой массе земли предметы свидетельствуют, что вал появился лишь после того, как культурный слой на городище сформировался, время его сооружения с большой долей вероятности можно отнести к концу эпохи крестовых походов (1050-1300 гг.) и даже более позднему времени. Если исходить из предположения, что клад был оставлен в культурном слое, вала на месте его находки ещё не было в конце XII и, возможно, даже в первой половине XIII вв., именно к этому времени относится часть вещей клада, а также обнаруженные в засыпке вала копоушка и керамика. Последняя представлена формами, которые судя по материалам из Новгорода и Корелы, были в употреблении и в XIV в. (Кирпичников 1979: 71-73; Кочкуркина 1982: 127-132; Смирнова 1956: 242-246; Schwindt 1893: рис. 140-164). На этом основании сооружение вала (или один из этапов его строительства) возможно даже отнести к XIV в. К сожалению, в материалах раскопок С.И. Кочкуркиной нет таких, которые позволили бы сделать заключение о какой-либо конкретной по времени разнице в выделяемых ею двух этапах подсыпки вала. Обнаруженная в траншее раскопа IV прослойка песка не выделяется в других раскопах на валу. Она может иметь и случайный характер; в каком-то месте подсыпая вал прорезали культурный слой до материкового песка. Найденные в засыпке вала вещи различного времени и интенсивный черный слой этой земли могут указывать на то, что вал был насыпан с использованием слоя площадки городища после разрушительного военного нападения и перед угрозой нового. Это предполагает, что поселение на острове было уничтожено пожаром, в результате которого и формируется такого рода культурный слой. Учитывая, что земля и найденные в насыпи вала вещи не отличаются от того, что раскопано на самой площадке, как предшествующее сооружению вала поселение, так и этап существования городка укладываются в один и тот же временной и историко-культурный интервал – вторая половина эпохи крестовых походов и начало раннего средневековья (конец XII-XIV вв.).

В 1996 г. нами была зачищена восточная стенка раскопа X С.И. Кочкуркиной. На месте открылась поставленная на культурном слое стена из трех слоев камней высотой до 1 м, которую перекрывала черная земля. Единственная находка – наконечник стрелы от арбалета – была сделана непосредственно под дерном. Вал южной части городища, следовательно, не однороден и имеет в своей строительной истории несколько этапов, которые предстоит еще прояснить. Так же неясно хронологическое соотношение вала и каменной стены в северной части городища. Последняя тоже установлена на культурном слое (Кочкуркина 1981: 48-50).

Эпоха крестовых походов и начало раннего средневековья несомненно являются последним этапом развития Тиверского городка и одновременно периодом его расцвета. Изделия карельских типов с городища находят аналогии в ряде могил периода расцвета карельской культуры на могильнике Ховинсаари в этом же регионе нижнего течения Вуоксы (Saksa 1998: 94). На финальную часть эпохи крестовых походов указывают и зооморфная подвеска конца XIII-XIV вв. (тип XX по Е.А. Рябинину – 1981: 39-43, № 681), бронзовые рукояти ножей, овально-выпуклые фибулы. Неслучайно и то, что все украшения конца XII-XIV вв., также как предметы вооружения и более ранние находки предметов эпохи викингов, происходят из южной части городища (Кочкуркина 1981: 45-59; Appelgren 1891: 102-106; Schwindt 1893: 87-90). В северной части выявлены прежде всего следы производственной деятельности, особенно железообрабатывающего ремесла (Кочкуркина 1981: 59). Это различие в материалах двух частей городища подчеркивается различием в характере укреплений: вал в южной части городка и каменная стена в северной. Полагаю, что вал является более ранним сооружением по отношению к каменной стене, что было отмечено и А.Н. Кирпичниковым (1984: 149). Есть основания полагать, что вал на первоначальном этапе истории городища защищал лишь южную часть острова, на которой и сосредоточены практически все доисторические находки. На каком-то этапе и здесь принялись возводить каменную стену, но по каким-то причинам она осталась недостроенной и её компенсировали насыпкой вала. Когда же в таком случае укрепления охватили весь периметр острова и какие внешние обстоятельства послужили поводом для этого?

Из письменных источников этого времени важнейшим является Новгородская I летопись. Применительно к истории Тиверского городка во внимание прежде всего следует принять известия о событиях времени после строительства Выборгского замка, поскольку шведы (а именно они и могли сжечь городок) приходили ранее в Ладогу по Неве (последние из этих походов сделаны были в 1284 и 1292 гг.). Путь из Выборга в Ладогу лежал по Вуоксе мимо Тиверского городка и поэтому при усилении внешней угрозы его следовало укрепить. Шведы предпринимали походы на Кякисалми (с 1310 г. Корелу) в 1294/95, 1314, 1322, 1337 и 1338 гг. Целью походов 1294/95 и 1322 гг. было захватить военным путем крепость, в то время как во время походов 1314, 1337 и 1338 гг. карелы выступали как союзники шведов, поскольку карельская знать боролась со всё усиливающимися попытками Новгорода ограничить её самостоятельность.

В свете этого можно предположить, что Тиверский городок, также как и в случае с Кякисалми, шведы могли захватить и сжечь во время похода 1294/95 г. Известно, что до завоевания Западной Карелии шведами на месте будущего Выборгского замка и в Кякисалми были уже карельские укрепления. Несомненно таковое существовало и у Тиверских порогов. Последние раскопки в Приозерске показали, что первоначальное поселение в устье Вуоксы возникло задолго до его первого упоминания в летописи, нижний строительный горизонт здесь

датируется самое позднее первой половиной XIII в. (Saksa 1992: 16-17, 1998: 110-125; Saksa, Kankainen, Saarnisto, Taasvitsainen 1990: 65-68; Uino, Saksa 1997: 262-269).

Находки более ранних вещей в культурном слое позволяют с уверенностью говорить о наличии здесь постоянного населения уже в эпоху меровингов и эпоху викингов. Также и на территории Тиверского городка обнаружены вещи древнее XII–XIV вв. Эпоха крестовых походов в обоих случаях является той границей, ниже которой находятся места с не совсем четко определяемыми функциями (временный лагерь или место сбора воинов, вероятное место могильника и др.), а выше – карельское поселение, с какого-то времени укрепленное.

Между Тиверским городком и Кякисалми – Корелой есть общее и в том, что оба находятся на островах. Эта сформировавшаяся в XIII в. цепочка укреплений Выборг – Тиверский городок – Кякисалми сделала Вуоксу внутренней карельской артерией, осью, на которой формировалась Карельская земля. В этой системе все же было одно слабое место; тот, кто сумел бы захватить их получил бы контроль над всей Карелией. Это хорошо понимали шведы, отправившиеся из только что отстроенного Выборгского замка завоевывать восточную часть Карельской земли.

В источниках ничего не говорится о судьбе Тиверского городка во время похода 1294/95 г. и в последующее время. Это, однако, по нашему мнению не может быть достаточным основанием для утверждения, что укрепленного поселения на острове в то время еще не было. Новгородская летопись лишь отмечает под 1295 годом, что шведы поставили город в кореле, а новгородцы его “розгребоша” (НПЛ 1950: 32-93). Шведская хроника Эрика рассказывает о захвате крепости в устье Вуоксы как об одном из эпизодов сражения за Карелию (Рыдзевская 1978: 112). Как для шведов, так и для новгородцев стратегически важными были оба устья Вуоксы и защищавшие их укрепления. Вокруг борьбы за обладание ими и разворачиваются известия хроник.

Есть основания предполагать, что восстановление и укрепление Тиверского городка произошло, как и в случае с Кякисалми, после шведского похода и, вполне вероятно, не без помощи новгородцев – еще одна параллель в судьбе обоих рассматриваемых пунктов. Вал Тиверского городка, его древнейшую часть, можно относить в свете сказанного выше к периоду конца XIII – начала XIV вв. Второй этап укрепления острова мог бы произойти во время, предшествующее подписанию Ореховецкого мирного договора, когда борьба между Новгородом и Швецией на Неве, Ладоге и в Карелии усилилась (шведский поход в Ладогу 1317 г., безуспешная попытка захватить Корелу в 1322 г., постройка новгородцами крепости на Ореховом острове в истоке Невы в 1323 г.).

Что касается каменной стены, то следует учитывать, что в “Списке русских городов, дальних и ближних”, относящемся к 1390-х гг., Тиверский городок уже назван (Кирпичников 1984: 145; Кочкуркина 1981; Тихомиров 1952: 225). Стало быть к концу XIV в. он достиг статуса города (града) и был окружен укреплениями по всему периметру острова. По А.Н. Кирпичникову основание городка могло состояться в конце

1330-х гг., когда Корелой управлял Валит-корелянин, с чьим именем легенда связывает строительство на севере первых каменных укреплений. Не исключается возможность отнесения времени основания городка и ко второй половине XIV в. (Кирпичников 1984: 145-146). О строительстве крепостей карелами в XIV в. также свидетельствует упоминание летописи под 1375 г. о строительстве корелой семидесятской нового городка (Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 50-51).

Кякисалми – Корела (Корельский город)

Первые известия о карельском укреплении в устье Вуоксы связаны с попытками шведов взять под свой контроль приладожскую (восточную) часть Карельской земли, центром которой и являлась небольшая островная крепость Кякисалми (Корела новгородских источников). Попытка эта, как выше отмечалось, не удалась и новгородцы, осознав опасность, прогнав шведов, крепость укрепили в том же 1295 г., а в 1310 г. срубили на реке Узерве (Уусиярви – Новая река) на порогах новый “ветхий сметавше” (Кирпичников 1984: 125; НПЛ 1950: 92, 93, 333). Летописные известия и относящийся к тому же времени рассказ шведской хроники о событиях в Карелии вызвали дискуссию о местоположении первоначального карельского поселения 1294/95 г. Его помещали как на самом острове, где и поныне находится Старая крепость и где с конца XIX в. археологически известны слои с вещами карельских типов, так и на различных островах в районе устья Вуоксы на территории современного города Приозерска (Громов, Шаскольский 1976: 6; Кирпичников 1979: 55-56; 1984: 124-126; Ailio 1921: 62; Komonen 1931; Kuujo 1958; Rinne 1932: 266; Schvindt 1898: 1; Taavitsainen 1990: 240-242).

Несмотря на хорошую освещенность ранней истории города в источниках XIII-XVII вв., как русских, так и шведских, наличие дискуссионных вопросов, неясность строительной биографии, планировки, отсутствие данных о первоначальных укреплениях и, наконец, времени основания, планомерные археологические исследования древней Корелы были предприняты лишь в 1972-1973 и 1975-1976 гг. А.Н. Кирпичниковым. После первых раскопок Т. Швиндта в крепости в 1891 г. (две траншеи) прошло немногим более 80 лет.

Целью раскопок 1970-х гг. было дополнить данные письменных источников по истории города на Вуоксе археологическими материалами, изучить культурные напластования и выявить их стратиграфию, получить достоверные данные о постройках и материальной культуре периода средневековья.

Раскопы А.Н. Кирпичникова 1970-х гг. (10) охватили значительную часть внутренней площадки крепости. Наиболее перспективный участок обнаружился в северо-восточном углу крепостного двора, где раскопки проводились в течение 1972, 1975 и 1976 гг. (Кирпичников 1979: 52-73, рис. 1; 1984: 125-134; Kirpitsnikov 1983: 72-73). Автор раскопок, рассматривая вопрос о соотношении первоначально упомянутой в летописи карельской крепости Кякисалми (1295 г.) и построенного новгородцами в 1310 г. нового “города”, приходит к выводу, опираясь на летописные источники и результаты раскопок, что заново

построенный "Корельский городок" (Корела) существовал на новом месте. Строительство 1310 г. осуществлялось по единому плану и в течение короткого срока (Кирпичников 1979: 56-57; 1984: 126). Раскопками 1970-х гг. выявлено, что культурные остатки, связанные с периодом средневековья, подразделяются на два утолщающихся к краям острова строительных горизонта общей толщиной 0,5-2,6 м. Толщина верхнего горизонта, выявленного на глубине 0,5-0,7 м (у края острова на глубине до 1,5-2,6 м), составляла 0,2-0,9 м. Его выявленная по данным дендрохронологии дата 1360-1380 гг. Границей между этим и лежащим ниже горизонтом является углистый слой, сопоставимый с отраженным летописью пожаром 1360 г. Общая толщина нижнего горизонта 0,3-1 м. Дендрохронологически он относится к 1310-1360 гг. Дерево в культурном слое значительно лучше сохранилось в окраинной части города. При разборке нижнего строительного горизонта в разных местах острова обнаружено 8 срубных жилищ со стороной 3,5-5 м и печами в одном из углов. Для увеличения площади острова строители возвели по его краю незатопляемую подкладочную деревянную платформу, на которой установили дома и, вероятно, круговые укрепления из городней. По расчетам А.Н. Кирпичникова, в крепости 1310 г. было построено 100-110 изб с населением – включая женщин и детей – 300-330 человек (Кирпичников 1979: 59-60). При исследовании нижнего строительного горизонта в соседстве с русскими изделиями встречены вещи карело-финского облика, что приводит к заключению, что наряду с новгородцами в "городе" проживали также карелы, что согласуется с известиями летописи. Постройки верхнего горизонта сохранились хуже. Подавляющее большинство изделий этого горизонта бесспорно связано с русским городским ремеслом. Первоначальные укрепления Корельского городка при раскопках выявлены не были; они, вероятно, перекрыты трассой укреплений позднейшей поры. Из летописи известно, что после тотального пожара 1360 г. городские укрепления были усилены боевой каменной башней "костром", открытой при раскопках 1972 г. в юго-западном углу крепости (Кирпичников 1979: 52-73; 1984: 122-144, рис. 57-60).

В 1989 г. экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством автора данной работы приступила по инициативе А.Н. Кирпичникова к новому циклу исследований на территории крепости в г. Приозерске. Целью работ было получение новых данных о культурных слоях и, прежде всего, наиболее древних напластованиях, учитывая опыт и материалы раскопок 1970-х гг. Под место раскопок был выбран участок площадью 50 кв. м в северо-восточном углу крепостного двора между раскопом 10 А.Н. Кирпичникова 1976 г. и куртиной крепости. С северной стороны его границей был раскоп 1975 г. (№ 9). Раскопки на этом участке продолжили и в следующем 1990 г. Объектом исследования 1990 г. была восточная куртина; раскоп этого года (30 кв. м) стал продолжением раскопа 1989-90 гг. к востоку. Работы 1993 г. носили прикладной характер. Следовало определить состояние фундамента здания кордегардии 1780 г., которое предполагалось вос-

становить. Исследованы были юго-западный (12 кв. м) и северо-восточный (8 кв. м) углы основания здания.

Основным, давшим стратиграфию всех культурных напластований, хорошо сохранившимся горизонты дерева и большое количество предметов материальной культуры, был раскоп 1989-90 гг. Он, собственно говоря, являлся полигоном, на котором использовались и отработывались методы полевой археологии и естественных наук, принятые в России и Финляндии. Последняя была представлена археологом Пирьё Уйно из Музейного ведомства (раскопки были включены в протокол сотрудничества археологов обеих стран). Остальные учреждения и научные дисциплины представлены археологом Ю.-П. Таавитсайненем и палеоботаником Тертту Лемпийнен из университета г. Турку, П. Зеттербергом из ун-та г. Йюенсуу (дендрохронология), геологом М. Саарнисто, палеоботаником Ирмели Вуорела, Туови Канкайнен (радиоуглеродное датирование) из Геологической службы Финляндии. Результаты работы этой Российско-Финляндской междисциплинарной экспедиции подробно представлены на различных конференциях и опубликованы в различных изданиях (подробнее об этом см.: Saksa 1998: 107-125; Uino 1997: 261-269). Остановимся на кратком изложении результатов.

Раскопки проводились по методике, при которой сетка разбивалась по двум взаимнопересекающимся линиям ("x" и "y"), причем "0" находится за пределами памятника. Таким образом, юго-западный квадрат, в данном случае, имел номер 200/210, следующий по оси север-юг был 202/210, а по оси запад-восток 200/212. Глубина обозначалась индексом "z". Это делало возможным фиксировать находки в трёхмерном измерении с точностью до сантиметра.

Вся верхняя часть земли в раскопе состояла из строительного мусора – обломков кирпичей, кусков извести и известняка с включениями обломков стекла, костей животных, гвоздей, обломков глиняных сосудов, а также крупных камней – остатков ранее здесь находившихся, но впоследствии разобранных построек XVII–XVIII вв. Мощность этого слоя 80-130 см. Под ним фиксировались тонкие в 20-30 см слои и линзы глины, ниже которых следовал слой черной "жирной" земли толщиной в 20-40 см – верхний горизонт напластований периода средневековья. На большей части раскопа непосредственно под слоем дерна встречены большие камни, после снятия которых выявилась нижняя часть каменной постройки со стенами шириной в 2 м. Её восточная стена осталась не вскрытой, так как она перекрыта более поздней куртиной.

Стены постройки сохранились на высоту 80-200 см. Постройка, как показали последующие раскопки, была поставлена непосредственно на мощные бревна конструкции новгородского времени. Её строители лишь заложили под фундамент один слой продольных бревен. Вход на месте которого был положен большой плоский камень, находился на уровне глиняных прослоек, то есть около 1 м ниже уровня современной дневной поверхности. На этом же уровне находится поверхность, с которой был выкопан котлован для этой постройки. Время её строительства можно определить с помощью карт шведского

периода (XVII в.). Каменная постройка на этом месте видна на карте 1680 г. (Schvindt 1898: 91, приложения). Однако её нет на карте 1650 г., также как и на позднейшей карте 1697 г. Стало быть некая постройка была возведена между 1651 и 1680 гг. По картам этого времени видно, что в крепости именно в этот период проводились капитальные строительные работы: спрямляли стены, менялись формы угловых бастонов, на дворе крепости появлялись новые постройки (Schvindt 1898: 89). Эта деятельность продолжалась и позднее, что видно и из того, что на месте восточной стены рассматриваемой постройки прошла обновленная и расширенная куртина. Постройка, занимая большую часть раскопа, разделила его на две части: западную и восточную (внутри стен). В обеих частях фиксировался упомянутый выше слой черной земли, в котором было много древесной щепы, обломков гончарных сосудов, костей животных, а также вещи: янтарный крестик с процарапанным на поверхности восьмиконечным крестом, игральная фишка, восемь вислых свинцовых печатей. Последние найдены в пределах одного квадрата и относятся к заместникам новгородского владыки, утверждавшим акты землевладения. Они являются остатком небольшого “семейного” архива и датируются серединой – третьем четвертью XV в. (Сакса, Янин 1996: 187-194). Никаких остатков построек в этом слое не было. Единственно, в юго-западном углу раскопа на месте находки печатей зафиксирована линза глины диаметром 1 м и толщиной 20 см. Там же были камни, уголь и зола – вероятные остатки печи. Обращает на себя внимание факт отсутствия слоев московского времени (последняя четверть XV-XVI вв.). При раскопках куртины в 1992 г. эта загадка раскрылась – эти слои составили заполнение куртины. Тогда же было выяснено, почему столь мощная каменная постройка, о которой выше шла речь, существовала такое короткое время. Она просто оказалась помехой при модернизации укрепления крепости в конце XVII в. Внутри куртины нами была обнаружена предшествующая ей каменная стена шириной 2 м, которая одновременно служила и задней стеной упомянутой постройки. Эта стена прослежена также на месте северо-восточного бастиона крепости.

Ниже слоя черной земли на глубине 230-250 см был выявлен горизонт дерева, состоящий в западной части раскопа из настила из толстых бревен, уложенных в направлении С-СЗ – Ю-ЮВ, под которыми лежали несколько поперечных. Внутри постройки зафиксирована нижняя часть сруба с полом из тонких стволов ели, а также угол второй, уходящей под куртину постройки. При раскопках 1992 г. было замечено, что отмеченный горизонт дерева продолжается и под выявленной тогда каменной стеной. Горизонт застройки новгородского времени, таким образом, в этой части острова выходил за границы крепости шведского и более позднего русского времени. Для этого горизонта имеется серия дендрохронологических и радиоуглеродных дат. Датирование произведено в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, в лаборатории Геологической службы Финляндии и в отделе экологии ун-та Йосенуу (дендрохронология). В общей сложности дендрохронологически датированные

7 спилов относят его ко времени 1330-е – 1370-е гг. н. учитывая, что кора не сохранилась и бревна могли утратить по различным причинам верхние кольца. эту дату можно еще омолодить (Zetterberg, Saksa, Uino 1995: 215-220). Внутри каменной постройки при разборке основания сруба с полом ниже его на слое крупнозернистого песка прослежено одно отдельное бревно. Поскольку составляющие нижний венец сруба бревна были плохой сохранности, для радиоуглеродного датирования был взят образец дерева из пола, давший конец XIII в. (Kankainen, Saksa, Uino 1995: 41-47; Saksa 1998: 115; Saksa, Kankainen, Saarnisto, Taavitsainen 1990: 65-68; Uino 1997: 265-266). Налицо противоречие в датировке лежащих на одном уровне бревен двух частей раскопа. Можно объяснять его использованием двух методов датирования, если бы конструктивно эти части не различались: в восточной части бревна составляли платформу, а внутри постройки за каменной стеной обнаружены были срубы, поставленные на слою крупнозернистого песка. Под бревнами же платформы прослеживался слой щепы и песка, а лишь затем следовал слой такого же песка с включением мелких камней. В этом горизонте дерева были найдены грузила и поплавков от рыболовных сетей, пряслица, обломки кремня, донышко от берестяного туеса, поясная пряжка.

Чрезвычайно интересным оказался слой крупнозернистого песка толщиной 40-60 см, ранее принимаемый за материк. Он начинался на глубине 180-220 см от дневной поверхности. В этом слое фиксировались трослойки древесной щепы, а также обнаружено значительное количество различных предметов и изделий из металла, дерева, кожи. Среди находок преобладают пряслица, грузила для сетей, точильные камни, обломки бронзовых пластин, капли застывшей бронзы. Много керамики, бус, украшений из бронзы, в том числе и карельских типов. Из бытовых предметов выделяются два цилиндрических замка. Никаких деревянных конструкций в этом горизонте не обнаружено. Слою щепы, наиболее интенсивный из которых зафиксирован в средней части слоя крупнозернистого песка (толщиной 5-10 см), а также вертикально стоящие колья свидетельствуют о какой-то деятельности на острове в момент возникновения этого слоя. Об этом же свидетельствует более мощная прослойка щепы и обрезков дерева в юго-западном углу раскопа, выступая своеобразным клином, основная часть которого скрыта за пределами раскопа. Анализ находок из верхней и нижней частей слоя песка показывает, что между ними нет какой-либо значительной разницы во времени; они также не различаются по структуре – весь песок этого слоя происходит из одного места. Наличие в нем украшений карельских типов (рукоятки ножей, овально-выпуклые и подковообразные фибулы, цепедержатели крестовидные и их фрагменты) и керамики, среди которой имеется характерная именно для карельских городищ форма с прямым венчиком и тремя валиками на внешней стороне, приводит к предположению, что песок на окраинную часть острова был принесен из места, на котором уже существовали культурные отложения. По-видимому, в срединной части острова находилось возвышение, на котором располагалось первоначальное

карельское поселение, а еще ранее, по всей видимости, могильник. Предположение основывается на находке в слое вещей последней четверти I тыс. – начала второго тыс. н.э. (равноплечные фибулы эпохи меровингов и эпохи викингов, обломки пластинчатых браслетов с тремя рельефными валиками на поверхности, топор, некоторые типы бус, подковообразная фибула типа 10 по Х. Сальмо), а также на факте отсутствия в слое лепной керамики, что не характерно для культурного слоя поселения, но обычно для могильников VII-XI вв. в Восточной Финляндии и Карелии.

Ниже этого слоя на глубине 260 см от дневной поверхности в юго-западной части раскопа выявлен еще один горизонт дерева, лежащий непосредственно на материке – голубой глине, неровности которого сnivelированы подсыпкой из мелкозернистого песка. Это самый край первоначального поселения, представленный лежащими в направлении З-В бревнами и составляющими прибрежную платформу. Целая серия радиоуглеродных дат относит время существования этого поселения к XIII в. (Kankainen, Saksa, Uino 1995: 41-47; Saksa 1992: 16-17; 1998: 116-125; Uino 1997: 266-267).

Раскопки 1989-90 гг. выявили еще одну особенность, связанную с этой островной крепостью. Проведенные нами нивелировочные замеры показали, что нижний горизонт дерева находится лишь на 32 см выше современного уровня Вуоксы, который до спуска воды в районе Кивиниеми (Лосево) в 1857 г. был на 2,5-4 м выше (Seppovaara 1984: 18). Значительно выше уровень воды в районе Кексгольма был и в XVII в., что хорошо видно из шведских карт этого времени. Следовательно, на момент возникновения поселения на острове уровень воды был близок к современному и на этом участке и находились пороги, отмеченные новгородской летописью. Теперь уже совершенно ясно, что вся история древнего Корельского городка связана с этим островом. Постоянный подъем уровня воды Вуоксы, связанный с наклоном и поднятием земной коры на территории Финляндии и Карельского перешейка, а также вражеские набеги вынуждали укреплять и расширять остров, поднимая его берега и укрепляя их деревянными настилами. Следы этой деятельности, отмеченные также летописью под 1295 и 1310 гг., хорошо выявились при раскопках 1989-90 гг.

В итоге можно заключить, что цикл проведенных в 1970-х гг. под руководством А.Н. Кирпичникова раскопочных работ и исследования средневековых напластований в древней Кореле не только раскрыл характер застройки города и особенности его материальной культуры, но и определил узловыe моменты будущих раскопок. Последние, в свою очередь, поставили целый ряд новых вопросов, как то: размеры и особенности застройки нижнего строительного горизонта XIII в., занятия его жителей, последовательность последующих строительных этапов и связанной с ними динамики расширения острова, особенности материальной культуры на каждом из этих этапов, изменение гидрологической обстановки на протяжении всей истории существования крепости на Вуоксе. В настоящий момент можно все

же утверждать, что главным в занятиях жителей уже первоначального карельского поселения, наряду с рыбной ловлей были ремесло и торговля. Достаточное развитие получило и сельское хозяйство, в окрестностях крепости, как явствует из последних палеоботанических исследований, уже в XIII в. существовали постоянно обрабатываемые поля (Lempinen 1995: 83-94; Uino 1997: 156-164). Эта ориентация на сложение и развитие торгово-ремесленного и укрепленного племенного центра сохранялась на протяжении всего средневековья.

Факт возникновения к концу XII–XIII вв. на Вуоксе новой системы укреплений – племенных карельских центров, ориентированных также на торгово-ремесленную деятельность, фиксирует этап сложения качественно нового этно-территориального и хозяйственно-культурного образования – Карельской (Корельской) земли. В основе жизнедеятельности её населения лежали в значительной мере определяющиеся её географическим положением факторы: удобные водные пути, возможности пушной охоты и торговли, плодородные земли. Системообразующую роль играла водная система Вуоксы, на которой и концентрируется основной массив средневекового населения. Основным элементом системы расселения была деревня, как правило однодворная, с прилегающими к ней земельными и прочими угодьями, а также чахотымся рядом кладбищем. Общими могли являться наиболее богатые рыбной ловли, оборона, торговые операции и другие формы экономической деятельности, требующие больших усилий. В основе безопасности этой экономически и культурно процветающей системы помимо рассмотренных выше укреплений и поголовного вооружения мужского населения лежали также хорошо отлаженные политические и торгово-экономические, взаимовыгодные связи с Новгородом. С последней четверти XIII в. характер этой связи меняется в сторону наибольшей зависимости от Новгорода в связи с изменившейся внешнеполитической ситуацией; Карелия стала порубежьем.

- Громов, Б.И., И.П. Шаскольский. 1976. Приозерск. Ленинград.
- Кирпичников, А.Н. 1979. Историко-археологические исследования древней Карелии (Карельский город XIV в.) // Финно-угры и славяне: 52-74. Ленинград.
1984. Каменные крепости Новгородской земли. Ленинград.
- Кирпичников, А.Н., В.П. Петренко. 1974. Тиверский городок // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 139: 106-113.
- Кочуркина, С.И. 1976. Тиверск // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 146: 63-70.
1981. Археологические памятники карелы. V-XV вв. Ленинград.
1982. Древняя карела. Ленинград.
- Кочуркина, С.И., А.М. Спиридонов, Т.Н. Джаксон. 1990. Письменные известия о карелах. Петрозаводск.
- НПЛ. 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва-Ленинград.
- Рыдзевская, Е.А. 1978. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв. Москва.
- Рябинин, Е.А. 1961. Зооморфные украшения древней Руси X-XIV вв. // Свод археологических источников Е 1-60. Москва.

- Сакса, А.И.* 1994. Корела – Кякисалми как этап освоения Вуоксы // “Приозерск – Кексгольм – Кякисалми в истории России и Финляндии. К 700-летию основания города”. Тезисы докладов: 8-10. Санкт-Петербург.
- Сакса, А.И., В.Л. Яшии.* 1996. Свинцовые печати из раскопок в Кореле // Новгород и Новгородская земля, история и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 23-25 января 1996 г.) 10: 137-194.
- Смирнова, Г.П.* 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР 55.
- Тихомиров, М.Н.* 1952. Список русских городов, дальних и ближних // Исторические записки 40.
- Тюленев, В.А.* 1995. Исследования древнего Выборга. Санкт-Петербург.
- Яшии, В.Л.* 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. М.
- Ailio, J.* 1921. Suomen vanhat linnat // Oma maa II: 50-66.
- Appelgren, H.* 1891. Suomen muinaislinnat // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XII. Helsinki.
- Appelgren-Kivalo, H.* 1910. Romansk ornamentik // Finskt Museum 1910: 83-90.
- Kankainen, Ö., A.Saksa, P.Uino.* 1995. The Early History of the Fortress of Käkisalmin, Russian Karelia - Archaeological and Radiocarbon Evidence // Fennoscandia archaeologica XII: 41-47. Helsinki.
- Kirpitsnikov, A.N.* 1983. Steinfestungeu Nordrusslands aus der Sicht der nauårån bautechnisch-archäologischen Forschungen // Burgen und Schlösser II.
- Komonen, Antti.* 1931. Käkisalmen vanha linna. Käkisalmi.
- Kuujo, Erkki.* 1959. Käkisalmen kaupungin ja maalaiskunnan historia I (vuoteen 1721) // Käkisalmen historia. Lahti.
- Lempiäinen, Terttu.* 1995. Medieval Plant Remains from the Fortress of Käkisalmin, Karelia (Russia) // Fennoscandia archaeologica XII: 33-94. Helsinki.
- Rinne, J.* 1932. Suomen Karjalan vanhat linnat // Karjalan kirja. Porvoo-Helsinki
- Saksa, A.I.* 1992. Käkisalmen maasta esiin kaivettu historia // Viipurin Suomalais Kirjallolilissuusseuran toimitteita 10: 5-17. Helsinki.
1998. Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja kehity // Studia Carelica Humanistica 11. Joensuu.
- Saksa, A., T. Kankainen, M. Saarnisto, J.-P. Taavitsainen.* 1990. Käkisalmin linna 1200-luvulla // Geologi 42: 65-68. Helsinki.
- Taavitsainen, J.-P.* 1990. Ancient Hillforts of Finland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 94. Helsinki.
- Tjulenev, V.A.* 1983. Die festung Wyborg in 13. bis 16. Jahrhundert aus der Sicht der neueren bautechnisch-archäologischen Forschungen // Burger und Schlösser 24: 79-86.
- Schwindt, T.* 1898. Käkisalmen pesälinnan ja entisen linnoitetun kaupungin rakennushistorian aineksia // Analecta Archaeologica Fennica II, 2.
- Schwindt, T.* 1893. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sitä seuraavilta ajoilta Käkisalmen kihlakunnan alalta saatujen löytöjen mukaan // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XIII.
- Uino, P., A.I. Saksa.* 1993. Results and perspectives of archaeological investigations at the castle of Käkisalmin (Kexholm) // Castella Maris Baltici: 213-217. Stokholm.
- Uino, P.* 1997. Ancient Karelia. Archaeological studies. Muinais-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 104. Helsinki.
- Zetterberg, P., A. Saksa, P. Uino.* 1995. The Early history of the fortress of Käkisalmin, Russian Karelia, as evidenced by new dendrochronological dating results // Fennoscandia archaeologica XII: 215-220.

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ГОРОДОВ В СЕВЕРНОЙ РУСИ И ВАРЯГИ

Начало первых городов в Северной Руси по данным археологии определяется X в. К этому времени в Восточной Европе уже функционировали балтийско-волжский и балтийско-днепровский международные торговые пути, связывавшие Северноевропейские земли с Востоком и Византией. В их активизации заметная роль принадлежала скандинавам, именуемым в русских летописях варягами.

В Северной Руси наиболее ранние вещи скандинавского происхождения найдены в Ладоге и они свидетельствуют о проникновении варягов в этот регион во второй половине VIII в. (Давидан 1986: 99-105; Кирпичников 1985: 3-26). В следующем столетии скандинавский этнический компонент распространяется вширь. На Сарском городище первые находки североевропейского происхождения датируются первой третью IX в. (Леонтьев 1981: 141-150; 1996: 68-192). В середине IX в. варяги поселяются у истоков Волхова на Новгородском (Рюриковом) городище (Носов 1990), во второй половине этого столетия – в Тимерёве в Ярославском Поволжье (Дубов 1982: 124-187) и в Белозерье.

В X в. пребывание варягов фиксируется по данным археологии уже в более двух десятков пунктов, среди которых важнейшими кроме названных памятников являются Гнездово и Новоселки в Смоленском Поднепровье, Торопец в верховьях Западной Двины, Михайловское в Ярославском Поволжье. Варяжские купцы в это время вели активную деятельность как в международных, так и восточноевропейских торговых операциях. Нередко их сопровождали воины-скандинавы. Крупную роль играли варяжские наёмники и в составе древнерусской дружины и среди княжеского окружения на Руси. В настоящей статье предпринята попытка осветить роль скандинавов в становлении первых городов в Северной Руси.

Новгородское (Рюриково) городище близ истоков Волхова, на котором с середины IX в. фиксируется скандинавский этнический компонент, являлось не рядовым поселением. Это был значительный неаграрный укрепленный центр с разноэтничным населением, с активно развивающейся ремесленной деятельностью и участвующий в дальней международной торговле. Его население, как свидетельствуют материалы раскопок, составляли в основном славяне и варяги. Проживание последних документируется значительным числом изделий скандинавского происхождения, в том числе культовыми предметами и подвесками с руническими надписями. Славянский компонент выявляется по керамическим материалам, домостроительству и печам.

Рюриково городище с самого начала своей истории состояло из укрепленной площадки на вершине холма и прилегающей к ней неукрепленной части. Динамика роста поселения и его торгово-ремесленной деятельности выявляется вполне отчетливо. Расцвет его приходится на X столетие, особенно на середину и вторую половину его. В напластованиях этого времени фиксируется наибольшая активность ремесленной деятельности и преобладающее количество вещей скандинавского происхождения. В это время на городище было налажено и собственное изготовление предметов скандинавских типов.

Становление города Новгорода происходило параллельно, независимо от жизни на Городище. Никаких переселений жителей последнего, ни отлива ремесленников при этом не наблюдается. Город возникает на относительно невысоких берегах Волхова. Первоначально это были три поселения, ставшие историческими ядрами трех коренных концов Новгорода Великого – Славенского, Людина и Неревского. Ранние пласты культурного слоя относятся к первой половине X в. Древнейшие уличные мостовые в Людином конце появляются около 950 г. (Троицкий раскоп). В Неревском конце первые мостовые датируются 953 г. (Неревские раскопы), а на Славне (Михайлова улица) – 973–974 гг. Следовательно около середины X в. Новгород приобретает черты, делающие его городом с системой мощеных улиц, с устойчивой усадебной застройкой и замощением дворов (Янин 1994: 16-19; 1997: 6-12).

Керамические и вещевые материалы Новгорода из напластований X в. достаточно определенно свидетельствуют, что основателями и жителями Новгорода в это время были славяне. Из их среды происходила и родоплеменная верхушка, потомство которой составило ядро новгородского боярства, а также ремесленный люд. Присутствие финноязычного населения в слоях X в. Новгорода не фиксируется. Зооморфные привески финских типов появляются только с рубежа X–XI вв., другие вещи финно-угорского облика датируются в Новгороде не ранее XI в., за наибольшее распространение приходится на XII–XIII вв. (Седова 1981; Покровская 1997: 261-269; Nosov 1990: 81-86). Не участвовал в становлении города и варяжский этнический элемент¹. Жизнь на Рюриковом городище во второй половине X в. шла своим чередом, она нем же оставалась и варяжская дружина.

Возникновение города означало разрыв между поселением близ истоков Волхова и Новгородом, который становился и административным центром Новгородской земли. Теперь на довечевых собраниях новгородцами решались все политические и военные вопросы (до этого межплеменные собрания собирались где-то в неизвестном нам пункте, согласно В.Л. Янину, возможно, на Перыни или на Бронницкой

¹ Весьма немногочисленные находки скандинавских типов в Новгороде встречены преимущественно в слоях XI в. Ко второй половине X в. достоверно относится только билонная привеска с изображением “молоточка Тора” (Седова 1981: 37, рис. 13: 5).

горе). Активное развитие Повгорода привело в начале XI в. к замиранию жизни на Городище.

Аналогичным образом началась история Ростова. На р. Саре, близ ее впадения в оз. Неро (летописное Ростовское озеро) находилось Сарское городище – крупный укрепленный центр VII-X вв. с развитой ремесленной деятельностью, с торговыми и административными функциями. На период IX-X вв. приходится расцвет жизни на городище. В составе его населения, как свидетельствуют вещевые находки скандинавских типов, в том числе культовые амулеты, немалую роль играли выходцы из Скандинавии.

В середине X в. на низком участке побережья озера Неро, лишенном естественных защитных рубежей, возникает город Ростов (Леонтьев 1987: 151-157; 1997: 210-217). Как и Новгород он строится на месте небольшого аграрного селения. Археологические раскопки показали, что к последним десятилетиям X в. в Ростове сложилась типичная для северорусских городов усадебная застройка. Установившаяся планировка города оставалась неизменной на протяжении последующих столетий. В городе налаживается ремесленное производство, развиваются торговые связи (уже в 90-х годах X в. 3% керамики составляет привозная посуда из Волжской Болгарии). Основателями города несомненно были славяне. Среди его населения небольшой процент, возможно, составляла и финноязычная мера. Вместе с тем, очевидно, что варяжский этнический компонент не участвовал в градообразовании.

В второй половине X и начале XI в. параллельно функционировало и Сарское городище. Никаких следов перемещения его жителей в Ростов не выявляется. В первой половине XI в. городская жизнь в Ростове интенсивно развивается, а Сарское городище заустевает.

Подобная ситуация наблюдается и в истории становления Белоозера, Муром и Смоленска. В 8 км от Муром расположено Чадаевское городище, на котором найдены вещи скандинавского происхождения X и XI вв. Из его округа происходят ещё несколько скандинавских находок (Пушкина 1988: 162-169). Городище, по всей вероятности, было местом торговой деятельности выходцев из Скандинавии. Раскопки в Муроме показали, что город начал строиться около середины X в. В XI в. это был уже город со стабильной застройкой, развитым ремеслом и обширными торговыми связями (Чалых 1985: 52-53; 1987: 116; 1988: 101). Его основателями, судя по керамике и вещевым находкам, были местные жители. Варяжский этнический элемент в становлении города опять-таки не участвовал. В XI в. Муром активно развивался, а жизнь на Чадаевском городище в этом столетии постепенно замирает.

В Белозерье ремесленно-торговым пунктом со следами деятельности норманнов является городище Крутик, расположенное близ устья Шексны. Поселение датируется второй половиной IX – концом X в. Уже во второй половине IX в., судя по находкам скандинавских типов, здесь появляются варяги, активность которых заметно возрастает в X в. (Голубева, Кочкуркина 1991: 101-117). Параллельно на южном берегу

Белого озера, недалеко от истоков Шексны, в низменной местности возникает город Белоозеро. Уже в X в. это было поселение, базирующееся на ремесле и торговле и имевшее административно-политическое значение. Заселено Белоозеро было в это время в основном славянами (Голубева 1973). Скандинавский этнический элемент в его материалах не проявляется, в становлении он не участвовал. К концу X в. жизнь на городище Крутик приостанавливается.

В Верхнем Поднепровье центром скандинавской деятельности стало Гнездово. Наличие норманнского элемента в Гнездовском курганном могильнике фиксируется и по многочисленным вещевым находкам и по особенностям погребальной обрядности. Наибольшая активность скандинавского элемента, судя по курганам, приходится на середину и вторую половину X в. Параллельно в 12 км от Гнездова в этом столетии основывается город Смоленск. Правда, культурных слоев этого времени в Смоленске не обнаружено. Однако концентрация находок восточных монет и денежно-вещевогоклада X в. позволяет исследователям говорить о том, что древнее ядро города находилось где-то на его современной территории (Смоленск... 1991). Более определенно на основе данных археологии можно утверждать, что первыми жителями Смоленска были славяне, гнездовские варяги не участвовали в его становлении. Следов переселений из Гнездова в Смоленск не обнаруживается. Дальнейшая история Смоленска и Гнездова очевидны – во второй половине X – первой половине XI в. они функционировали параллельно, затем жизнь в Гнездове замирает, а Смоленск вырастает в крупный древнерусский город.

Из рассмотренных материалов вытекает следующий вывод. Предшественниками первых городов в Северной Руси были протогорода – укрепленные поселения IX–X вв. с ремесленно-торговыми функциями, в жизни которых заметная, если не ведущая, роль принадлежала скандинавам. Не исключено, что некоторые из них обладали и политическими функциями и были племенными центрами. Располагались протогорода на торговых путях или их ответвлениях, связывающих Северную Европу со странами Востока и Византией. Поблизости от таких селений около середины X в. возникают первые городские поселения. Их основателями были местные славяне, скандинавский этнический элемент в процессах становления ранних городов не участвовал. Некоторое время протогорода и города сосуществовали. В этот период наблюдается активизация жизни протогородов, однако соперничество между ними и городами во всех случаях выигрывали города. Протогородские поселения прекращали существовать.

Протогородские поселения IX–X вв. сыграли немаловажную роль на первом этапе градообразования Северной Руси. Они внесли немалый вклад в развитие древнерусского ремесла, приобщили славянское население к международным торговым и культурным связям, способствовали изменению социально-экономической системы общества. Заметная роль в предгородской жизни Северной Руси принадлежала выходцам из Скандинавии. Однако в X в. протогородские поселения перестали соответствовать условиям и требованиям крепнущего Древнерусского

государства. Назрела необходимость в становлении поселений собственно городского типа, экономически тесно связанных с сельскими округами, с административными функциями нового типа. Основателями городов и городской жизни в Северной Руси стало восточнославянское население. Внешние связи ушли на второй план, норманнский этнический компонент утратил свои прежние роли, варяги превратились в простых наемников русских князей.

Рассмотренный путь становления ранних городов в Северной Руси был доминирующим, но не единственным. Иная ситуация наблюдается в процессах зарождения городской жизни в Ладоге, Изборске и Пскове.

- Голубева, Л.А.* 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. Москва.
- Голубева, Л.А., С.И. Кочуркина.* 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв. Петрозаводск.
- Давидан, О.И.* 1986. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–IX ввек // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 27: 99–105. Ленинград.
- Дубов, И.В.* 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Ленинград.
- Киртчииков, А.Н.* 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 3–26. Ленинград.
- Леонтьев, А.Е.* 1981. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // Скандинавский сборник XXVI: 141–150. Таллин.
1996. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. Москва.
1987. Ростов. Предпосылки возникновения древнерусского города // Труды V Международного Конгресса славянской археологии 1/2а: 151–157. Москва.
1997. Ростов в X–XI вв. // Славянский средневековый город. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии 2: 210–217. Москва.
- Носов, Е.Н.* 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Ленинград.
- Покровская, Л.В.* 1997. Зооморфные привески древнего Новгорода (X–XIV вв.) // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии 3: 261–269. Москва.
- Пушкина, Т.А.* 1988. Скандинавские находки из окрестностей Муром // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси): 162–169. Москва.
- Седова, М.В.* 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва.
- Смоленск...* 1991. Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). Москва.
- Чалых, Н.Е.* 1985. Археологическое изучение Муром // Археология и история Пскова и Псковской земли: 52–53. Псков.
1987. Раскопки в Муроме // АО 1985 года: 116. Москва.
1988. Раскопки в Муроме // АО 1986 года: 101. Москва.
- Янит, В.Л.* 1994. Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения: 16–19. Новгород.
1997. Основные итоги археологического изучения Новгорода // Славянский средневековый город. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии 2: 6–12. Москва.
- Nosov, E.N.* 1990. Traces of Finno-Ugrian Culture in Novgorod // Fenno-Ugri et Slavi. 1988 (ISKOS 9): 81–86. Helsinki.

О НЕКОТОРЫХ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ БОРЬБЫ НА ВОДЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

С первых веков существования Древней Руси в ее пределах активно развивается судовое дело, одним из основных направлений которого, в период средневековья, было – военное. В основе его лежат общеславянские тактические приемы использования судов в войнах, приобретенные еще в период славянского расселения на Балканах и в Подунавье.

Уже в самых ранних сообщениях о военных действиях славян на территории Византии упоминается использование в них судов. При этом прослеживается и определенная система их строительства – славянские племена постоянно располагали определенным количеством плавсредств, преимущественно однодревок, а в период военных действий производилось их массовое строительство для выполнения конкретных задач. Легкие славянские челны, вмещавшие около 20 человек, постоянно упоминаются византийскими авторами во время войн на Балканах. Так во время осады Константинополя в 626 г. попытка славян переправиться на азиатский берег на челнах окончилась неудачей из-за того, что они были перехвачены византийцами. Вскоре после этого, славяне вновь готовят челны для переправы аварского войска на территорию Империи. В Стратигиконе Маврикия говорится, что славяне “опытны ... в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей” (Мишулин 1941: 395-396, 253, 261-265).

Раннесредневековые однодревки – две целые (8,33 и 9,8 м длиной) и одна фрагментированная, были обнаружены в Микульчице (Чехия) (Роч' 1974: 80-83). Судя по их вытянутой обтекаемой форме, они были быtroходны и маневренны. Вероятно, именно такие суда использовали славянами во время боевых действий в Подунавье. Такие однодревки известны и в других районах более позднего славянского расселения – в Польском Поморье и в Среднем Поднепровье (Сорокин 1997: 93).

После переселения восточнославянских народов на территорию Восточно-Европейской равнины они оказываются на определенном удалении от морей. На северо-западе освоенные ими земли вплоть до XIV века ограничивались Южным Приладожьем, Ижорским плато, Верхним Понаровьем, на юге средним течением таких рек, как Днепр, Днестр и Южный Буг. Определялось это не только опасностью со стороны соседей, но и ориентацией хозяйства восточнославянских народов на сухопутные промыслы. В этих условиях чрезвычайно важную роль играли речные системы, связанные с морями и служившие торговыми путями древнерусского государства. Такие природные условия влияли и на развитие судостроения. Малая осадка и прочность корпуса однодревок позволяла широко использовать их на внутренних путях. Суда, плававшие по морю, должны были быть достаточно легки,

маневренны и иметь мелкую осадку для успешного преодоления порогов и мелководий на реках, поэтому первоначально морские суда представляли собой модификацию речных, производившуюся по мере надобности – при выходе в море. Этот процесс описан для Черноморского бассейна у Константина Багрянородного, где говорится о дооборудовании однодревок на Днестре по мере приближения их к Черному морю (Константин Багрянородный 1989: 45-51). Другая ситуация существовала на Севере Руси, где по свидетельству скандинавских саг, стоянка и снаряжение больших морских судов для плавания по Балтике, производились в Старой Ладогe, за пределами труднопроходимых Волховских порогов (Глазырина, Джаксон 1987: 81, 87). Движение же по внутренним водным магистралям осуществлялось преимущественно на однодревных и плоскодонных плавсредствах. Учитывая, что Ладога до XII столетия находилась под управлением размещавшихся в ней скандинавов, можно предположить, что организация мореплавания на Балтике находилась в их компетенции.

На протяжении всего средневековья прослеживается отчетливое стремление Древнерусского государства к установлению надежного контроля за выходами важнейших внутренних водных путей в моря. Расцвет русского мореплавания на юге относится к X–XI вв., когда у Руси существовали опорные пункты на побережье Черного моря – в Тмутаракани и Олесье. На Балтике наибольшая активность новгородцев наблюдается в XII столетии, после подчинения Ладоги, когда они совершают самостоятельные торговые поездки на Готланд, в Германию и Данию. В тот же период начинается включение в сферу влияния Полоцкого княжества нижнего течения Западной Двины.

Поступательный процесс колонизации окраин русского Северо-Запада приводит к тому, что наряду с навигационным освоением водных путей, начиная с XIV века, происходит постепенное заселение русским населением берегов рек Невы, Наровы и Луги, обеспечившее его непосредственный выход к Балтийскому морю. На юге в XVI–XVII вв. казаки осваивают нижние течения Днестра и Дона, выходя к Черному и Азовскому морям.

Общегосударственная система организации подготовки судов прослеживается уже в сообщении Константина Багрянородного (945 г.) о постройке и сборе судов со всех восточнославянских земель в Киеве для их последующего похода в Византию (Константин Багрянородный 1989). Подобная же система упоминается в XV столетии в Пскове, когда при встрече царевны Софьи, ехавшей из Эстонии через Псковское озеро, каждый из шести городских концов обязан был выставить по насаду (ускую) (Сорокин, Ершова 1989). Судя по всему, подобная общественная организация в строительстве и содержании судов имела и в других частях Руси.

Следует отметить, что эта система напоминает скандинавскую систему ледунга, когда отдельные территории с эпохи раннего средневековья до Нового времени обязаны были первоначально выставить определенное количество судов для королевского флота, а позднее финансировать их строительство. В древности подобный порядок существовал у многих европейских народов, в частности в Древней Греции, в Византии, у западных славян. Учитывая, что Русь была по преимуществу

сухопутной державой, система строительства и содержания общегосударственного флота не получила здесь окончательного оформления. Централизованное строительство судов на Руси осуществлялось, чаще всего, по специальным указаниям в период подготовки к войне.

В древнерусское время военно-морские походы восточных славян были достаточно редки. В предприятиях на Черном море принимали участие два типа судов: однодревные с нашитыми бортами, на которых плавали славянские дружины, и дощатые — скандинавского типа, использовавшиеся варягами, состоявшими на службе русских князей. Небольшие размеры древнерусских судов объясняются тем, что основные пункты их базирования располагались в глубине континента и для выхода их в море требовалось преодоление мелководных и порожистых участков рек.

Судя по описаниям византийских авторов, характерными тактическими приемами борьбы русского флота с византийским были: внезапность нападения, окружение крупных неповоротливых гребных и парусных кораблей большим количеством малых маневренных гребных судов. В бою использовались обстрел лучников, abordаж и рукопашная схватка, переносившаяся на борт неприятельских судов. При этом русские суда двигались обычно в прибрежных водах и в случае неудачи укрывались от преследования на мелководье, недостижимом для больших византийских кораблей. В летописном описании похода Олега на Царград в 907 году сообщается, что русские суда были поставлены на колеса и пошли на приступ крепости, что устрало неприятеля и заставило его капитулировать. Судя по всему, в данной ситуации речь шла не о штурме крепостных стен, так как они конечно не были доступны для русских ладей. Опасность для осажденных могло представлять пересволакивание судов в закрытую бухту Золотой Рог, огражденную с моря цепями, откуда открывался прямой путь в город.

Подобные тактические приемы применялись и на Балтике. В 1447 году в период войны Новгорода с Орденом, русский парусно-гребной ладейный флот у устья Наровы столкнулся с немецким флотом, сформированным из больших парусных коггов. В ходе этой битвы, новгородцам, державшимся прибрежных отмелей и пользовавшимся преимуществами более маневренных гребных судов, удалось захватить три ганзейских когга.

Гораздо шире суда применялись в военных действиях внутри континента. Основной функцией древнерусских флотов в периоды таких войн была транспортировка воинских континентов, провианта, оружия, в условиях, когда основными путями сообщения были водные пути. Судовые рати использовались и для предотвращения переправ противника через реки, как это было в 1151 г. на Днепре, когда князь Изяслав препятствовал переправе войск Юрия Долгорукого. В описании насада, имеющемся под 1151 годом в Лаврентьевской летописи, говорится: "... исхитрил Изяслав лодьи дивно: беша бо в них гребыми гребуть невидимо, токмо весла видети, а человек бяше невидети, бяхуть бо лодье покрыты досками, бяхуть же борци стояше горе во бронях и стреляюще, а кормника два беста, один на корме, а другой на носе". Интересно, что по этому описанию насад напоминает византийский

дромон, где гребцы располагались под помостом. Не исключено, что насад представлял собой некую военную модификацию речного судна, созданную на основании византийских аналогов. Два рулевых весла на носу и в корме не были чем-то необычным. Еще Ташит отмечал подобную особенность у судов свсонов. Два руля значительно повышали маневренность судов, позволяя быстро менять направление движения и оперативно реагировать на появление подводных камней и мелей.

Под 1459 г. упоминается псковская насада "с пушичами и всем нарядом ратным", что является первым свидетельством транспортировки артиллерии на русских судах. Пскову и Новгороду, находившимся на западных рубежах Руси, достижимым по внутренним водным путям из Балтики, приходилось постоянно совершенствовать свои суда, а также приемы и методы борьбы на воде. Ярким примером этому может служить столкновение 1300 г. на Неве между новгородцами и шведами, когда, преследуя противника, русские изготовили специальные плоты, подожгли их и пустили по течению на шведский флот, стоявший у только что отстроеной Ландскроны. Только благодаря срубленной сосне, преградившей путь плотам-брандерам, шведам удалось спасти свои корабли (Шаскольский 1987: 47).

Впоследствии в 1480 году орденские войска применяют подобный прием при штурме Пскова. Они пускают по ветру горящие, нагруженные горючими материалами учаны из Завеличья на стены Запсковья и вслед за ними на шнеках, ведя обстрел из пушек, пищалей, арбалетов и луков, бросаются на приступ крепости. В результате отчаянной вылазки псковичей одна шнека была захвачена, другие отошли на противоположную сторону (ПСРЛ 1851: 40).

Известно, что еще в 1204 году при штурме Константинополя византийцы без особого успеха пытались сжечь флот крестоносцев брандерами, те же в свою очередь, с большим успехом использовали корабли для овладения стенами города (Де Клари 1986: 55)

Параллели таким способам борьбы на воде прослеживаются и в последующее время. Их применяли донские и запорожские казаки в своих стремительных рейдах на турецкое побережье. Основными приемами и здесь были внезапность нападения, использование маневренности гребных судов и их незначительной осадки для отхода, в случае неудачи на мелководье. Для обхода неприятельских застав в устьях рек казаки широко использовали переволоки, перетаскивая суда по суше в обход неприятельских заслонов.

Сходная тактика боевых действий прослеживается и в петровское время. Это использование малых гребных судов для блокады и штурма крепости Азов на Азовском море. И на Балтике, в начальный период Северной войны, основная ставка делалась Петром Великим на легкие и маневренные парусно-гребные суда с небольшой осадкой. Они были способны успешно продвигаться по мелководным шхерам Финляндии, будучи недоступны для неприятельских линейных кораблей. Стратегия заключалась в постепенном выдавливании шведского флота из Финского залива. В Гангутском сражении, как в войнах руси (поход Олега на Цареград) и казаков (обход

неприятельских кордонов в устьях рек), внезапность нападения была обеспечена переволокой судов по суше в тыл противника.

Тактические приемы борьбы на воде, применявшиеся в Древней Руси были вполне сопоставимы с приемами, использовавшимися в других странах Европы периода средневековья. Однако, находясь длительное время в условиях удаленности от морских побережий, русское государство сохранило средневековую военно-морскую тактику и в Новое время – вплоть до эпохи Петра Великого.

Глазырина, Г.В., Т.Н. Джексон. 1987. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М.

Клари, Робер, де. 1986. Завоевание Константинополя М.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей. М.

Мишулин, А.В. 1941. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древней истории 1: 230-280.

ПСРЛ. 1851. Полное собрание русских летописей V. СПб.

Сорокин, П.Е. 1997. Волные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб.

Сорокин, П.Е., Т.Е. Еришова. 1992. Судходство и судостроение в средневековом Пскове. Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Шаскольский, И.П. 1987. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю. Л.

Poulik, J. 1974. Mikulcice velkomoravske mocenske ustredi. Praga.

ЛАДОГА И ЕЕ ОКРУГА В ПЕРВЫЕ ВЕКА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Предлагаемая статья – результат постоянного интереса к проблеме становления русской государственности и происхождения городов. Помещая ее в сборнике, посвященном крупнейшему знатоку и многолетнему исследователю ладожских древностей А.Н. Кирпичникову, автор отдаст себе отчет в том, что “южный” взгляд не во всем может сойтись с “северным”. И, тем не менее, хотелось бы надеяться, что он не окажется лишним в обсуждении “ладожской” проблемы. Тем более, что Ладога это не только специфически северное явление ранней истории Руси, но и органическая часть общедревнерусской.

Типологически ранняя Ладога вписывается в торгово-ремесленную модель происхождения древнерусских городов. Однако в отличие от ряда синхронных и близких ей социально поселений на Волхове, Днестре, Десне и Верхней Волге, прекративших свое существование в начале XI в., она продолжала жить полнокровной жизнью феодального города и в последующие столетия. По существу, Ладога является уникальным примером “выживаемости” так называемого открытого торгово-ремесленного поселения.

Чем его можно объяснить? Безусловно, ранним “окняжением” Ладоги, причем двукратным. Первое, как убедительно показал А.Н. Кирпичников, произошло между 60-ми и 90-ими годами IX в. Конечно же “столицей империи Рюриковичей”, как кажется А.Н. Кирпичникову, в этот период Ладога не была (Кирпичников 1985: 25). Не было еще империи. Но княжеским городом, по-видимому, стала. Именно в этот период в Ладоге строятся первые укрепления и город приобретает двучленную социальную структуру. Второе “окняжение” Ладоги приходится на конец X – начало XI вв., когда она становится столицей так называемого “русско-норманского” ярлства.

Счастлирое объединение хозяйственных и политических функций в одном центре послужило залогом его будущего непрерывного развития. По-существу, на старой поселенческой основе, возник новый социальный организм, унаследовавший от старого свое название.

Исследование культурных слоев Ладоги VIII–IX вв. привело в свое время В.И. Равдоникаса к выводу, что ладожанам было присуще индивидуальное крестьянское сельское хозяйство с домашней промышленностью и наличием выделившегося ремесла. Они обитали в жилых гнездах – дворах, приспособленных к сельскому индивидуальному хозяйству. Основные элементы таких дворов: небольшой дом, хлев или крытый двор для скота, постройка для хранения запасов (Равдоникас 1949: 48, 54).

Вывод В.И. Равдоникаса вызвал определенное удивление современников. В своем фундаментальном труде Б.Д. Греков, говоря о ранней Ладоге, заметил, что “перед нами не городского типа поселение, а деревня” (Греков 1949: 102).

Еще большее удивление вызывает этот вывод в наше время. Привыкшие к определению ранней Ладogi как торгово-ремесленной фактории современные исследователи, разумеется, не могут согласиться, с тем, что она могла быть и крестьянской. Ныне, как полагает А.Н. Кирпичников, такой вывод кажется ничем иным, как неоправдавшей себя попыткой архаизации ладожского общества и его экономики. Находки единичных земледельческих орудий VIII–IX вв. не дают основания говорить о крестьянской Ладoge. В структуре существовавших здесь производств занятия сельским хозяйством не преобладали, а служили, очевидно, самообеспечению отдельных семей (Кирпичников 1985: 5).

Если иметь в виду Ладogu VIII–IX вв., то такой вывод, безусловно, правильный. Она развивалась на преобладающей торгово-ремесленной основе. Однако распространять его и на X–XI вв., кажется, неправомерно. По мере изменения социального облика поселения происходили существенные изменения и в его экономике. Окняжение Ладogi обусловило концентрацию в нем знати, а следовательно, и более тесную связь с земледельческой округой. Очевидно, уже в X в. значительно увеличился удельный вес сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствуют находки сошников, предназначенных для обработки тяжелых лесных почв.

Крупный специалист по истории древнерусского земледелия А.В. Кирьянов отмечал, что в ранний период жизни Ладogi земледельческая техника, занесенная или же заимствованная у земледельцев из более южных областей, очевидно областей Поднепровья, не отвечала задачам освоения пахотных земель лесной полосы (Кирьянов 1959: 361). Не исключено, что так оно и было на самом деле. Однако неудачное приложение аграрных навыков и орудий труда южного региона на Ладожской земле может свидетельствовать лишь о временном неуспехе предприятия, но не об его отсутствии. К тому же, утверждение об бой “тяжелости” подзолисто-торфяных почв Приладожья, якобы не ластных распашке южными сошниками, мягко говоря преувеличено. Причина относительно слабого развития сельского хозяйства в Л была не в несовершенстве южных орудий труда, а в отсутствии ско-нибудь крупных массивов плодородных земель в ее окрестностях.

И тем не менее, вывод исследователей о незначительной роли сельского хозяйства в экономике ранней Ладogi, кажется неоправданно абсолютизированным. Материалы о Ладoge позднесредневековой, мастерски систематизированные и проанализированные А.Н. Кирпичниковым, также позволяют усомниться в его корректности. Согласно писцовой книге 1568 г., ладожский посад состоял из дворов и дополняющих их огородов, причем, дворы занимали 3 га, а огороды – 7 га. Кроме того, ладожане имели свыше 45 га покосов и пашен в окрестностях города (Кирпичников 1985а: 175–177). Интересна в этом отношении и перепись 1500 г. В ней запрещалось горожанам заводить в городской черте пашни и хмельники. Трудно сказать, с чем связан этот запрет, но само его появление свидетельствует о большом интересе ладожан к сельскохозяйственным занятиям.

Разумеется, делать выводы о хозяйственных занятиях жителей ранней Ладogi на основании источников XV–XVI вв. рискованно, но все же, возможно. Здесь следует согласиться с А.Н. Кирпичниковым, что

эти поздние источники “таят в себе плодотворные возможности исторической ретроспекции” (Кирпичников 1985: 170). Можно спорить о том, каков был удельный вес сельскохозяйственного производства ранней Ладogi в ее общем экономическом балансе, но отрицать его наличие нет никаких оснований.

Большой исследовательский интерес вызвал вопрос о княжеском владении с центром в Ладoge в начале XI в. Выводы, к которым пришли историки, разноречивы, а иногда и просто неверны. Единодушие наблюдается лишь в том, что несмотря на то, что передача Ладogi и ее округи фиксируется лишь в Саге об Олаве Святом Снорри Стурлусона и Пряди об Эймунде и не имеет подтверждения в отечественных летописях, практически никто из них не высказал сомнения о достоверности этих сведений. Е.А. Рыздзевской казалось, что сведения саг о ладожском владении сходятся с нашей летописью в том, что в этом городе с примыкающей к нему территорией нет своего князя, в противоположность Новгороду, Полоцку и другим (Рыздзевская 1945: 51-65). Аргумент не очень убедительный. Отсутствие “своего” князя не обязательно должно предполагать присутствие “чужого”.

Разумеется, понятие “чужой” здесь весьма условное. Ладoga с ее округой даже в скандинавских сагах считалась землей Владимира Святославовича (Вальдемара Старого) и нет основания полагать, что во времена его сына Ярослава было по-другому. Исходя из этого, А.Н. Насонов считал, что киевские князья держали в Ладoge наемного заряга-воина, который должен был охранять вход с Ладожского озера в Волхов и путь по Волхову. За свою службу Рагнвальд, а затем и его сын Эйлив, получали жалование по договору (Насонов 1951: 70). Замечание А.В. Кузы о том, что связь Ладogi с Кисвом не могла быть непосредственной, обходящей Новгород, по существу, ничего не меняет в выводе А.Н. Насонова, если учесть, что сам Новгород пребывал в тесной связи со столицей Руси (Куза 1975: 144-201).

Г.С. Лебедев рассматривает Рагнвальда и его сына Эйлива, как великокняжеских наместников в Ладoge, при этом отмечает, что в середине XI в. “ладожское ярлство” становится предметом шведско-новгородских раздоров, а в последней четверти XI в. Ладoga подчиняется уже не великокняжеской киевской, а новгородской администрации (Лебедев 1985: 215-216). По-видимому и здесь подразумевается, так называемая, “непосредственная” связь. Ведь нельзя же всерьез утверждать о потере суверенитета Киева над частью своей государственной территории только на том основании, что она (эта часть) управлялась непосредственно из (в данном случае) Новгорода. Тем более, что новгородская администрация формировалась в этот период исключительно киевскими князьями.

По мнению А.Н. Кирпичникова, в низовьях Волхова образовалось русско-норманское ярлство, задачей которого было оборонить северные рубежи страны от подымавшихся к самостоятельности финских племен. В приведенном утверждении несколько озадачивает определение Ладожского ярлства, как “русско-норманского”. В переводе на юридический язык оно должно означать совместный русско-шведский суверенитет над Ладожской землей. Ярлство, в таком случае, оказывается сродни

современному совместному предприятию с ограниченной ответственностью, в котором акции сторон поделены 50 на 50.

Еще более четко по поводу юридического статуса Ладожской волости высказались Г.В. Глазырина и Т.Н. Джаксон, полагающие что в начале XI в. она становится “условным держанием скандинавов” (Глазырина, Джаксон 1986: 109, 114). Позднее, правда, Т.Н. Джаксон несколько смягчила приведенный вывод, опустив в нем слово “скандинавов”, что, разумеется, существенно меняет его смысл. К сожалению, на основании столь ненадежного источника невозможно ответить на вопрос – как было в действительности. В лучшем случае, мы можем говорить, как могло бы быть. Сомнительным выглядит уже утверждение саги о необычном свадебном даре Ингигерд. За согласие выйти замуж за Ярослава она, якобы потребовала себе Ладогу и Ладожское княжество. “Если я выйду замуж за конунга Яришлейва, то хочу я в свадебный дар себе Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему относится”. Вторым ее условием было обязательное сопровождение ее в Русь ярлом Рагнвальдом, который бы имел на востоке титул не ниже, чем у себя в стране, и ничуть не меньше прав и почета. Русские послы от имени своего князя согласились с этими условиями. Прибыв в Русь, Ингигерд передала принадлежавшую ей волость Рагнвальду, который был там ярлом долго и был он известным человеком (Джаксон 1994: 74-75).

Конечно, в этом рассказе много от легенд. Прежде всего, русская имущественно-правовая практика этого времени не знала прецедента владения и распоряжения женщиной земельным наделом. Так что, скорее всего, “условия” Ингигерд являются не более чем красивым вымыслом позднейшего времени. Сага ведь записана не ранее конца XII – начала XIII вв.

Что касается Рагнвальда, то, как явствует из саги, ко времени выезда в Русь он уже не пользовался почетом и уважением на родине. За содействие женитьбе Олава Норвежского на дочери шведского конунга Астрид, Рагнвальд пал в немилость и должен был быть повешен. Только заступничество Ингигерд спасло ему жизнь, однако условия прощения была высылка из страны. “Ингигерд просила своего отца нарушать клятвы, которую он дал ей, и к тому привели её просьбы, что конунг говорит, что Рагнвальд может свободно покинуть Свиавельд, но больше не попадаться конунгу на глаза и не возвращаться в Свитьод, пока Олав будет там конунгом” (Джаксон 1994: 74).

Разумеется, Ингигерд могла просить Ярослава взять на службу её протеже, но ставить какие-то особые условия о размерах его чести и достоинства на Руси, вряд ли осмелилась бы. Тот факт, что Рагнвальд не последовал за Ингигерд в Киев, как другие знатные норманны, а довольствовался небольшой Ладожской волостью, как раз и свидетельствует, что особой чести на Руси он не удостоился. Видимо, не случайно русские летописцы не сохранили о нем и памяти.

Возвращаясь к юридическому статусу владения Рагнвальда на Руси следует сказать, что ни о какой передаче Ладоги и тянувшей к ней округи в условное владение скандинавам не могло быть и речи. Выходцы из Скандинавии занимали на Руси и более высокие государственные должности. Например, Свенельд некоторое время, имел

право фискального распоряжения огромной Древлянской землей, но ведь нельзя же на этом основании утверждать, что она находилась в руках скандинавов или являлась русско-норманским владением. Так ведь недалеко и до утверждения о том, что вся Русь имела аналогичный статус, поскольку её княжеская династия была норманнской по происхождению.

На Руси скандинавы, будь то Рюрик, Олег, Свенельд или Рёгнвальд, превращались в политических русских, служили русскому государству и не помышляли блюсти интересы своей исторической родины. Ладога и Ладожская волость в первой половине XI в. являлась составной частью Киевской Руси, но управлялась наемным варягом, получавшим за это от киевского князя жалование по договору. Сказанное не следует понимать слишком буквально. Конечно, Рагнвальд не ездил в Киев за жалованием для себя и своей дружины. Можно предположить, что он, как и Свенельд, был облечен правом сбора дани в Ладожской волости и какую-то часть использовал на содержание свое и дружины. Об этом прямо говорится в "Пряди об Еймунде". "Рагнвальд Ульвесон был ярлом над Альдейгьюборгом ... Он был великий вождь и обязан данью Яришлейву конунгу" (Джаксон 1994: 119). На службе Ярославу Рагнвальд находился до глубокой старости, а после его смерти Ладожская волость перешла в управление сына Эйлива, на тех же условиях.

В заключение необходимо отметить, что, в силу своего географического положения, Ладога не имела шансов надолго закрепиться на положении столицы Северной Руси. Несмотря на значительную роль в истории Руси ее мочальной поры, она так и не обрела статуса княжеского центра. В административной таблице о рангах Ладожская волость представляла собой в X-XI вв. небольшое наместничество, управлявшееся великокняжескими посадниками. Видимо, таким был статус Рагнвальда и его сына Эйлива, справедливо названных А.Н. Насоновым "варягами-воинами".

Глазырина, Г.В., Т.Н. Джаксон. 1986. Из истории старой Ладоги (по материалам скандинавских саг) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985: 108-115. Москва.

Греков, Б.Д. 1949. Киевская Русь. Москва.

Джаксон, Т.Н. 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Москва.

Кирпичников, А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога: (Итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога: 3-26. Ленинград.

1985а. Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога: 170-180.

Ленинград.

Кирьянов, А.В. 1959. История земледелия Новгородской земли X-XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР 65: 306-362. Москва.

Куза, А.В. 1975. Новгородская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв.: 144-201. Москва.

Лебедев, Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.

Насонов, А.Н. 1951. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. Москва.

Равдоникас, В.И. 1949. Старая Ладога // Советская археология XI: 5-54.

Рыдзевская, Е.А. 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XI: 51-65.

ЗАМОК И ЕГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XIII В. В ЭСТОНИИ

Многолетние исследования древнеэстонских укреплений – городищ – дали представление о развитии их оборонительных сооружений: от деревянных стен и каменных оградок периода поздней бронзы до системы мощных валов и каменных стен первых веков II тыс. н.э. Особенно большое усовершенствование оборонной системы произошло в первые десятилетия XIII в., в период борьбы с немецко-датской агрессией и насильственной христианизации в Эстонии.

Из данных Хроники Генриха, основного письменного источника ранней истории Эстонии, хорошо видно, что в начальный период этой борьбы немцы и их союзники завоевывали и сжигали эстонские замки почти без сопротивления, за исключением замка Вильянди (рис. 1: 1). К концу периода, в 1220-х годах, завоевание эстонских замков требовало, как правило, уже длительной осады и применения различных осадочных машин и приемов, которые к этому периоду имелись в арсенале военного искусства крестоносцев. Свою роль в развитии событий в Эстонии играли и военные походы русских князей, которые начались еще в XI в.

Один из замков, где хорошо прослеживается развитие оборонительной системы в первые десятилетия XIII в., является городище Лыхавере в юго-западной Эстонии (рис. 1: 2). Оно упомянуто в Хронике Генриха как замок старейшины Лембиту (HCL XV 1955: 7). Как простое мысовое укрепление с валом, очевидно только с напольной стороны, городище возникло, видимо, еще в XI в., но основным периодом его использования были именно первые десятилетия XIII в. Для его датировки особое значение имеют многочисленные наконечники арбалетных стрел. Как известно, арбалеты попали в Прибалтику благодаря немецким крестоносцам и распространились здесь с конца XII – начала XIII в. Характерно, что наконечники арбалетных стрел найдены именно на тех городищах, где по данным Хроники произошли военные столкновения с немцами. В типологическом отношении наконечники арбалетных стрел первых десятилетий XIII в. составляют особую группу, отличающуюся от более поздних наконечников (Mäesalu 1991: 170 и сл.).

В результате значительных работ, произведенных в Лыхавере в начале XIII века, характер природного основания городища настолько сильно изменился, что фактически возникла новая, искусственно созданная, форма рельефа в виде отдельно стоящего возвышения овальных очертаний (Rõuk, Tõnisson 1984: 336-338). В это же время площадка городища была окружена по всему периметру валом, то есть была создана замкнутая система обороны. Вал состоял из песчаной насыпи, подпираемой с обеих сторон стеной из горизонтально сложенных

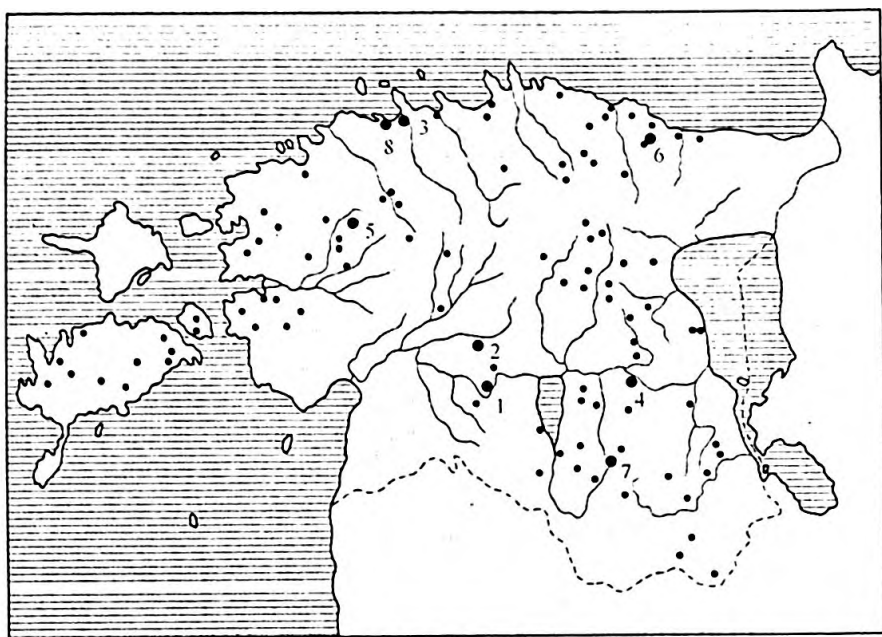

Рис. 1. Городища Эстонии.

В том числе: 1 - Вильянди, 2 - Лыхавере, 3 - Иру, 4 - Тарту, 5 - Варбола, 6 - Пада, 7 - Отепя, 8 - Таллин

бревен. Эти стены были соединены между собой поперечными стенами. Лучше сохранились остатки стены на внутренней стороне насыпи вала (рис. 2: 1), где они прослеживались местами до высоты 15 бревен. Судя по ним, высота стены была первоначально 2,5–3 м. Стена подпиралась столбами диаметром 0,30–0,35 м, расположенными друг от друга в среднем на расстоянии 3 м и вбитыми в землю до глубины 0,7 м (рис. 2: 3). Местами стена была двойная. С внутренней стороны к ней примыкали пристройки, которые, в свою очередь, были соединены с постройками на площадке (рис. 2: 2). Таким образом, оборонительные сооружения вала были связаны с постройками на площадке, составляя вместе одно конструктивное целое.

От опорной стены на внешней стороне насыпи сохранились многочисленные головни на склоне вала. Нет сомнения, что именно высокая стена на внешней стороне вала имела большое значение в обороне. При сооружении вала из песка существование подобной стены было необходимо. Вероятно, что эта стена возвышалась над валом и образовывала бруствер.

Найденные в верхней части вала головни, лежавшие, как правило, поперек направления вала, относятся, очевидно, к бревенчатой мостовой. В некоторых местах они находились в значительной концентрации, что наводит на мысль, что кроме бревенчатой мостовой и бруствера наверху вала стояли и более высокие башнеобразные сооружения. На этом основании можно предположить существование на валу, по крайней мере, 5–6 подобных сооружений. Хотя и высказывалось мнение о существовании башнеобразного сооружения уже на городище Иру около Таллина (рис. 1:

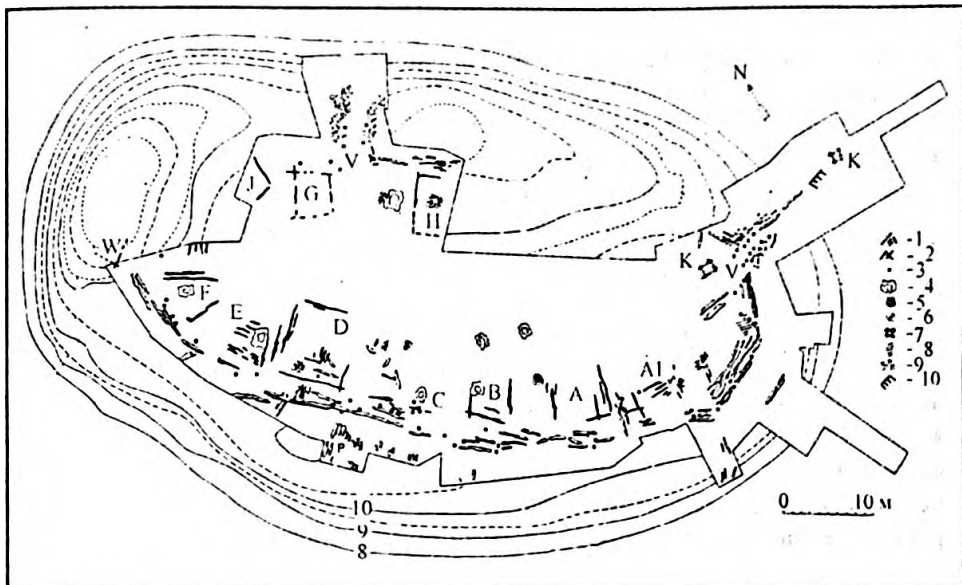

Рис. 2. Лыхавере. Сводный план раскопок:

1 – остатки опорной стены вала, 2 – остатки построек на площадке, 3 – столбы, 4 – развалы печей, 5 – каменные мостовые, 6 – очаги, 7 – колодцы, 8 – слой навоза (место хлева), 9 – развалы каменных стен у воротных проездов, 10 – ступенчатая тропинка. Буквы на плане: А-І – постройки, К – колодцы, V – воротные проезды, W – остатки основания башни

3) во второй половине I тыс. н.э. (Lang 1996: 60, 61), более широко башни распространились в Эстонии, вероятно, именно с XII в.

Интересна наиболее высокая часть вала на северо-западном конце городища Лыхавере (рис. 2), занимавшая центральное место во всей оборонительной системе замка. Насыпь вала была здесь подкреплена внутренними деревянными срубными конструкциями (W на рис. На этой части вала стояла, по всей вероятности, наиболее высокая и мощная башня, которую можно идентифицировать с упомянутым в Хронике Генриха в Лыхавере так называемым укреплением – *municio* (HCL XVII: 7). Основной целью этого сооружения была защита расположенного рядом воротного проезда замка и ведущей к нему дороги.

Судя по данным Хроники Генриха, башнеобразные сооружения имелись и в других эстонских и латвийских замках (Tõnisson 1985: 174-181). То, которое находилось в Вильянди, упоминается в Хронике не только как укрепление (*municio*), но и как верх замка (*summitas castri*) (HCL XIV: 11). При осаде Вильянди вся борьба сконцентрировалась именно вокруг этого сооружения, которое, по словам Хроники, было выстроено из плах – *planca*, очевидно наколотыми, или обтесанными со всех сторон бревнами.

При описании осады и штурма в 1224 году Тартуского замка (рис. 1: 4) это сооружение называется в Хронике как верх укрепления или просто укрепление – *summitas municionis*, *municio* (HCL XXVIII: 5, 6). Как в Вильянди, так и в Тарту основная борьба шла за это

укрепление. В то же время оно играло роль цитадели или убежища, где пытались скрываться находящиеся среди защитников русские, оборонявшиеся, по словам Хроники, дольше всего.

Кажется вероятным, что башнеобразные сооружения могли находиться не только на валу, но и на площадке некоторых городищ. Тут следует отметить одну лыхаверескую постройку, расположенную во дворе напротив главных ворот замка. Она (D на рис. 2), отличалась не только более крупными размерами, но и тем, что при ее возведении были использованы бревна более крупного диаметра. Можно полагать, что она была и выше остальных построек на площадке.

Не исключена возможность, что эта лыхавереская постройка имела некоторое функциональное сходство с башней-крепостью типа донжона. Правда, эти башни известны, прежде всего как каменные сооружения, распространение которых началось в Эстонии в XIII в. после вторжения немцев и датчан (Tuulse 1942: 345 и сл.). В Средней Европе, а также Скандинавии эти башни распространились еще раньше и, возможно, что они оказали влияние на крепостную архитектуру Прибалтики уже с конца XII – самого начала XIII в.

Как в Лыхавере, так и в Вильянди, Тарту и других замках упомянутые в Хронике сооружения как “верх замка” или “укрепление” были связаны с обороной главного воротного проезда. Ворота замка – *porta castris* – упомянуты в Хронике в Вильянди и Тарту (HCL XIV: 11; XXVIII: 5). Места ворот прослеживаются на многих городищах в виде оплывших проездов в валах. Лучше они сохранились на городищах с каменным валом в Западной Эстонии. Воротных проездов было, как правило, два, и расположены они были на противоположных сторонах. В результате археологических раскопок исследованы воротные проезды на городищах Лыхавере, Варбола, Иру и Пада (рис. 1:5,6).

Городище Лыхавере имело также, по крайней мере, два проезда через вал – главный проезд на северо-восточной стороне рядом с вышеупомянутым башнеобразным сооружением, другой – на тыльной юго-восточной стороне (V на рис. 2). Главный проезд имел длину 8–9 м, ширину 1,8–1,9 м. Внешняя часть проезда оказалась сильно разрушенной. По обеим сторонам проезда была сложена стена сухой кладки из известняка (рис. 2: 9). Остатки каменных стен обнаружены и у юго-восточного проезда, длина которого была около 5 м, ширина 0,8–0,9 м. Отметим, что в остальных сооружениях Лыхавере не найдено каменных стен, более характерных для городищ Северной и Западной Эстонии.

Каменные боковые стены проезда подпирались деревянными столбами, служившими также опорами для верхнего перекрытия. От столбов, нижние концы которых были вкопаны в землю на 0,5–0,6 м, сохранились в основном только их обуглившиеся части. Пол проезда был замощён кусками известняковых плит. Для заполнения его основания служили также куски шлака. О военном значении данного проезда свидетельствует значительная концентрация находок предметов оружия, в частности наконечников копий, обнаруженных в районе его внутреннего приустья. Вероятно, этому проезду, который относится к последнему периоду существования замка, предшествовал более древний проход.

В ходе археологических раскопок в 1980-х годах городища Варбола, самого крупного и мощного древнего укрепления в Эстонии, расположенного примерно в 50 км к югу от Таллина (рис. 1: 5), был исследован его западный воротный проезд (рис. 3). Кроме западного, городище имело и восточный проезд. Высказано предположение существования в Варболе и третьего воротного проезда на северо-восточной стороне городища (Lavi 1991). Городище, площадка которого занимает два гектара, было окружено по всему периметру каменной стеной сухой кладки, сохранившейся в виде вала. Общая его длина 576 м, высота в среднем 3–6 м. С юго-восточной стороны высота вала достигает 7–8 м. На этой же стороне перед валом прослеживается ров шириной 6–8 м, глубиной 3 м.

Видимо, закладка оборонительной системы городища Варбола, в том числе и его воротных проездов, совершилась в основном в первые десятилетия XIII в. Замок Варбола и его округа несколько раз упомянуты в Хронике Генриха. В 1212 г. Варбола был целью похода князя Мстислава с новгородцами в Эстонию (HCL XV: 8). По сообщению Новгородской первой летописи это событие произошло в 1214 г. (НПЛ 1950: 62,63).

Место западного воротного проезда выделялось до раскопок в виде пологого углубления в валу. После разбора каменного развала по обеим сторонам проезда были обнаружены сложенные из известняковых плит боковые стены. Лучше сохранилась южная стена высотой до 1,3 м. Как южная, так и северная стены были двойные. При кладке этих стен были использованы крупные плиты длиной 0,7–0,8 м, шириной 0,3–0,4 м. Ширина проезда была 2,2–2,4 м, на 0,4–0,5 м больше, чем у воротного проезда в Лыхавере, его длина достигала до 8–9 м.

Боковые стены подпирались деревянными столбами диаметром 0,3–0,4 м. От последних сохранились лишь обуглившиеся остатки, но их места хорошо прослеживались в каменных стенах. Кажется вероятным, что внутренние каменные стены по обеим сторонам проезда были сложены после установ столбов, отстоящих друг от друга в среднем на 0,7–0,9 м. Сохранившиеся остатки представляют собой лишь нижнюю часть проезда. Первоначально его высота составляла, очевидно, не менее двух метров, а поэтому проездом могли воспользоваться даже всадники. Столбы в боковых стенах служили одновременно и опорами для их верхнего перекрытия.

Пол проезда был замощён известняковыми плитами, ниже которых прослеживались наслоения более ранних строительных периодов. В центральной части проезда в этих наслоениях найдено значительное скопление гашёной извести, перемешанной с углистой землей. Это скопление образовалось, вероятно, в результате обызвествления известняковых плит при сгорании деревянных конструкций проезда при высокой температуре в условиях сильной воздушной тяги во время пожара.

С внешней стороны к проезду примыкала несколько расширенная часть, которая, дугообразно поворачивая к югу в направлении вала, имела также боковые каменные стены, являвшиеся непосредственным продолжением боковых стен самого проезда (Тамла, Тыниссон 1988: 351, 352). Очевидно, эта часть длиной 6 м, шириной 3 м, образовывала своего рода небольшое предворотное укрепление. В южном направлении укрепление заканчивалось уступом (глубиной 0,7–0,8 м)

из известняковых плит. Этот уступ свидетельствует, возможно, о существовании деревянного моста, вероятно, подъемного. Судя по прослеживаемым местам двух воротных столбов в концах боковых стен, здесь же находились, очевидно, передние ворота замка.

К воротам выходила к замку дорога, шириной 2,5–3 м. Она была замощена известняковыми плитами и окаймлена каменной стеной. Очевидно, и дорогу следует рассматривать как часть внешней оборонительной системы замка. Следы подобной системы обнаружены у воротного проезда городища Пада в северо-восточной Эстонии (Тамла 1986: 366-370). В пределах предворотного укрепления и ведущей туда дороги найдены 13 наконечников стрел, часть из которых связана, очевидно, с осадой Варбола Мстиславом в 1212 г.

Примеры Лыхавере, Варбола и других городищ свидетельствуют о том, что в первые десятилетия XIII в. в оборонительной системе древнеэстонских укреплений появляются элементы, характерные уже для феодальных замков, но в то же время в их социальном характере сохранились сильные элементы общинности, в частности, в Северной и Западной Эстонии. Укрепления сооружались здесь общими силами населения окружающей их территории, правда, руководящую роль при этом играли представители знати, упоминающиеся в Хронике Генриха как “старейшины” – *seniores* (HCL XII: 6; XV: 7 и т.д.), а иногда и как “лучшие” – *meliores* (HCL II: 6; X: 14 и т.д.), богатые – *divites* (HCL XV: 7), знатные – *nobiles* (HCL XXX: 5).

Роль старейшин сильнее выражалась в Южной Эстонии, где представители знати добились, очевидно, более высокого социального положения. Отметим, что южноэстонское городище Лыхавере, единственное из древнеэстонских укреплений, которое упомянуто в Хронике Генриха по имени местного старейшины. Именем этого старейшины – Лембиту – названа и одна деревня или усадьба – *villa Lambite, Lembiti* (HCL XV: 7; XXI: 5). Кажется вероятным, что в Лыхавере стали складываться отношения, характерные для дружинной организации, и здешнее городище имело характер дружинного замка.

В археологическом материале, в частности северо- и западноэстонских городищ, следы упомянутых “старейшин” или “лучших” все же трудно найти. Судя по обнаруженным остаткам, жилища в Варбола были однообразные. Известным единообразием отличается и найденный вещественный материал. Встречены лишь отдельные более престижные предметы. К ним относятся, например, найденная у западного воротного проезда посеребренная шпора, тип которой хорошо известен по работе А.Н. Кирпичникова (Кирпичников 1973: табл. XX: 3). По сравнению с археологическим материалом городища Варбола, среди лыхаверских находок число оружия, снаряжения боевого коня, украшений из драгоценных металлов и других более ценных предметов несколько больше.

По социальному характеру древнеэстонские замки выполняли в значительной степени функцию военных и политических центров окружающей их территории. Эти функции значительно возросли в первые века II тыс. н.э., когда замки стали важной составной частью организации обороны страны. Замки также играли существенную роль при образовании территориальных подразделений и всего общественного строя.

Война в Эстонии в начале XIII в. была по существу войной за замки. Следует прибавить, что и походы русских князей в Эстонию начиная с XI в. были, как правило, направлены против замков.

На тесную связь между замком и его округой указывает и то, что они обозначаются в Хронике Генриха иногда одним и тем же словом. Например, *Warbolenses* — это не только жители самого укрепления Варбола, но и население, проживающее на окружающей территории (HCL XIII: 9,10). То же самое относится и к ряду других укреплений, упоминаемых в Хронике Генриха. Аналогичное значение имеют встречаемые в древнерусских летописях *медвежские*, то есть жители Медвежьей Головы (Отпя, рис. 1: 7), или *юрьевцы* (жители Юрьева, Тарту).

Роль древнеэстонских замков в экономическом развитии страны требовала бы особого рассмотрения. Мы отметим лишь, что в ряде мест — в Тарту, Таллине (рис. 1: 8) и др. — замки были связаны с расположенными рядом с ними торговыми поселениями. Возникновение примыкающих к крепости поселений относится еще ко второй половине I тыс. н.э. В первых веках II тыс. н.э. некоторые из этих поселений приобретали характер посадов, где, кроме торговли, сосредоточивалось и ремесленное производство, но в целом же они сохранили характер сельскохозяйственных поселений (Моора, Лиги 1969: 25). Поэтому было бы преждевременным считать расположенные у этих поселений замки укрепленными центрами городов, которые можно было бы сравнить в функциональном отношении с соответствующими древнерусскими крепостями.

- Кирпичников, А.Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников Е I-36. Л.
- Моора, Х., Х. Лиги. 1969. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII века. Таллинн.
- НПЛ. 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л.
- Тамла, Т. 1986. Уникальная оборонительная конструкция на первом городище Пада // Известия Академии наук. Общественные науки 4: 366-370.
- Тамла, Ю., Э. Тыниссон. 1988. Варболаская экспедиция 1986-1988 гг. // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки 4: 351,352.
- HCL. 1955. Heinrici Chronicon Livoniae. Editio altera. Recognoverunt Leon Arbusov et Albertus Bauer. Hannoverae. Т II; X; XII; XIII; XIV; XV, XVIII; XXI; XXVIII; XXX.
- Lang, V. 1996. Muistne Rävola. I. köide // Muinasaja teadus 4: 60, 61. Tallinn.
- Lavi, A. 1991. Nägemus Varbola väravakohast // Eesti Arheoloogiaseltsi Teataja 3. Tallinn.
- Mäesalu, A. 1991. Otepää linnuse ammuooleotsad // Muinasaja teadus I Arheoloogiline kogumik. Tallinn.
- Rõuk, A-M., E. Tõnisson. 1984. Lõhavere linnamägi ja selle lähiümbruse kujunemisest paleogeograafia ja arheoloogia alusel // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused 4: 336-338.
- Tuulse, A. 1942. Die Burgen in Estland und Lettland. Tartu.
- Tõnisson, E. 1985. Summitas castri tähendusest Henriku Liivimaa kroonikas // Eesti ajaloo probleeme: 174-181. Tallinn.

ГОРОД ИЛИ ПРОТОГОРОД?

(Об одной надуманной исторической категории)

Одним из дискуссионных вопросов в изучении истории домонгольской Руси является понимание механизма градообразовательного процесса.

Начиная с 30-х гг. XX в., когда в качестве методологической основы отечественной исторической науки утверждался марксизм, на вооружение был взят известный тезис Ф. Энгельса о генезисе города "на высшей ступени варварства". Обтекаемость формулировок немецкого ученого, согласно которым город, с одной стороны, "сделался средоточием племени или союза племен", с другой стороны, как центр ремесла и торговли противостоял деревне (Маркс, Энгельс 1961: 163-165), обусловила различия во мнениях советских историков по вопросу о том, рассматривать ли древнерусские городские поселения в системе феодализирующегося или уже сложившегося классового общества. К тому же до конца 30-х гг. продолжалась полемика о временных рамках установления феодализма на Руси (Фроянов 1990: 213-257).

Н.Н. Воронин, С.В. Бахрушин, В.А. Пархоменко, С.В. Юшков увязывали воедино процессы градообразования и зарождения в недрах первобытного общества классовых отношений. Так, согласно Н.Н. Воронину, в возводимых Рюриковичами крепостях сосредотачивалась "феодализирующаяся знать", которой подчинялось обложенное данью население сельских округ. С.В. Бахрушин считал градостроительную деятельность киевских князей важным фактором становления классовых отношений. В.А. Пархоменко характеризовал ее как мероприятия "полufeодального государства, связанного с иноземной торговлей, содействовавшей разложению сельской общины и племенного уклада". С.В.Юшков обратил внимание на многообразие укрепленных поселений VIII – середины XIII вв. и охарактеризовал их племенными центрами восточных славян, пришедшими им на смену "княжьими городами – замками", пунктами "в общей административной системе земли – княжения". Поскольку все они, по мнению историка, функционировали в период зарождения и развития феодализма, то и были зачислены им в разряд городов (Пархоменко 1924: 49-50, 87; 1941: 212; Воронин 1935: 18; 1948: 441; Бахрушин 1937: 168, 1938: 96; Юшков 1939: 21, 46-49, 134-135; 1949: 61-62, 257, 260-262).

С критикой взглядов С.В. Юшкова выступил Б.Д. Греков. Согласно его определению, город как центр ремесла и торговли, противоположный сельскохозяйственной деревне, окончательно оформился только в классовом обществе. Все не соответствовавшие этой характеристике укрепленные поселения классифицировались историком на: племенные центры, которые "еще не совсем обособились от "мира", но уже

принадлежали “определенным владельцам”, феодалыне замки и зашщавшие “государственные границы” крепости. Точка зрения Б.Д. Грскова на долгие годы утвердилась в исторической науке. Ее воспринял, развил и представил в виде концепции М.Н. Тихомиров (Грсков 1953: 96-101, 110; Тихомиров 1946, 1956).

Исходя из определения Б.Д. Грскова – М.Н. Тихомирова, их последователи – археологи начали изыскивать на городищах “ремесленно-торговые посады” (Гончаров 1950: 50-54; Виезжев 1962: 131-154; Довженок, Гончаров, Юра 1966: 18, 59-64; Мезенцева 1968: 25, 28; 1986: 317-318). Это не всегда удавалось сделать. Тогда для характеристики укрепленных поселений, не обладавших качествами “настоящих феодалыных городов”, был изобретен термин “протогород”, иначе – “эмбрион”, “зародыш” городского центра. По социальной природе “эмбрионы” оказались разнообразными. Так, В.А. Богусевич подразделял их на “дофеодалыные” общинные поселки славян и замки “княжеско-дружинной верхушки”, Н.Н. Бондар – на пограничные крепости и укрепленные усадьбы феодалов. По мнению М.Н.Тихомирова, “большинство русских городов выросло из княжеских замков”. Некоторые небольшие укрепленные усадьбы (например, Торческ, Юрьев, Пересопница и др.) “не получили экономического развития” и феодалыными городами не стали (Богусевич 1951: 34-48; Бондар 1959: 59-63; Тихомиров 1956: 222, 295-304, 323, 345-348).

М.Н. Тихомирова поддержал В.И. Довженок. Его концепцию становления южнорусского города иногда называют “замковой”, потому что он упорно исследовал именно этот тип поселений, именно от него производил все феодалыные центры ремесла и торговли. Причем полагал, что вплоть до Батыева нашествия в Поднепровье количественно преобладали укрепленные усадьбы знати, которые в военное время превращались в крепости, укрывавшие за своими стенами все окрестное население. Идс В.И. Довженка воспринял М.Ю. Брайчевский, и авторы совместными усилиями продолжили разработку “замковой” концепции (Брайчевский 1953: 32-33; Довженок 1953: 10-26, 1961: 96-102, 1962: 11-27, 1968: 37-45, 1970: 21-22, 1975: 3-14; Довженок, Брайчевский 1950: 62-63).

Ее оспорили Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт. Исследователи отмечали многообразие протогородов на Руси: ими являлись и “дофеодалыные” центры восточных славян, и отдельные поселения, построенные или укрепленные князьями, и замки феодалов, и пограничные крепости, возведенные по единому плану и населенные “специальными гарнизонами” “воинов-земледельцев” типа позднейших казаков. П.А. Раппопорт предложил археологическую типологию укрепленных поселений. “Классифицирующими элементами в ней служат плановая схема оборонительных сооружений в ее взаимосвязи с защитными свойствами рельефа местности”. Разными также предстают догородские центры в работах В.В. Мавродина (Археология СССР 1985: 39-40; Воронин 1951: 9, 13; Воронин, Раппопорт 1963: 14-15; Мавродин 1940: 139; 1971: 50-58; Раппопорт 1956: 38, 143, 175, 177; 1965: 14; 1967: 7-9).

С 60-х гг. изучение древнерусского города вступило в новую фазу: знания, приобретенные в результате исследования массовых археологических

источников, которые в свою очередь были получены в процессе ежегодных планомерно проводившихся раскопок, вошли в противоречие с концепцией Б.Д. Грекова – М.Н.Тихомирова. Стало очевидным, что предложенное исследователями определение древнерусского города не отражает всей многогранности сложного исторического явления. С другой стороны, накапливались сведения о полифункциональности укрепленных поселений. Назревала потребность в новом определении города, в систематизации всех известных укрепленных пунктов, в пересмотре понятия “протогород”.

Первый шаг к пересмотру устоявшихся представлений сделали исследователи, зачислившие в разряд городских поселения, не имевшие “торгово-ремесленных посадов”. В.Т. Пашуто назвал княжескими частновладельческими городами населенные дружинниками “опорные пункты на территории подвластных Руси иноязычных народов”, не указывая, были ли здесь “посады”. О.М. Рапов почти все малые поднепровские центры, в том числе ранее считавшиеся замками или крепостями, охарактеризовал княжескими городами (Пашуто 1966: 93-98; Рапов 1977: 44, 75, 78, 108, 111-112, 115, 117, 120, 123, 158, 161, 180, 219 и др.).

Большое значение для разработки вопроса в то время имели исследования Б.А. Рыбакова. Определяя домонгольский город “как бы коллективным замком крупнейших земельных магнатов округа во главе с самим князем”, ученый обращал внимание прежде всего на его аграрный, а не торгово-ремесленный характер. Он также писал о полифункциональности древнерусских городских поселений. Однако, по-прежнему рассматривая их в системе феодального общества, Б.А.Рыбаков был вынужден признавать существование протогородов и уточнять признаки, отличавшие “настоящий” город от “зародыша”. Предложенные исследователем отличительные городские признаки (площадь поселения, наличие оборонительных сооружений, ремесленных мастерских, церковей и др.) формальны, причины и механизм трансформации “эмбрионов” в феодальные города ученым не раскрыты. Так, историк охарактеризовал различные типы “зародышей”: городища-островки, служившие “то ли убежищами от ставших воинственными соседей, то ли укрытиями от племенных дружинников или же узловыми пунктами княжеского полудья”; замки; сторожевые заставы; крепости с мощными укреплениями, функционировавшие лишь в военное время; цитадели “с постоянным русским крестьянским населением” (закупами), сочетавшим труд в поле с воинской повинностью; поднепровские левобережные земледельческие поселки, приспособленные к обороне, – но не объяснял, почему и каким образом некоторые из них стали “настоящими” городами, другие же остановились на протогородской стадии развития в то время, как в непосредственной близости от них функционировали феодальные городские центры (Рыбаков 1964: 50, 87-91, 186; 1970: 76, 79-81; 1971: 163-164, 167; 1980: 40; 1982: 322, 332-333, 362, 478 и др.).

Идея о полифункциональности древнерусского города получила признание в науке. Вместе с тем последователи Б.А. Рыбакова попытались систематизировать “протогорода” и раскрыть механизм перерастания

их в городские поселения. Здесь прежде всего следует указать на работы В.В. Карлова, Л.В. Алексева и П.П. Толочко.

Рассуждения В.В. Карлова противоречивы. С одной стороны, он вслед за Б.Д. Грековым считал, что главной причиной появления средневекового города было отделение ремесла от сельского хозяйства, с другой стороны, представлял его “сложным и многозначным социально-политическим и экономическим организмом”, впитавшим и “переварившим” “немало компонентов, выходящих за пределы феодализма и генетически с феодализмом не связанных”. По классификации учёного, основными типами догородских укрепленных поселений являлись отвечавшие социально-политическим потребностям формирующегося классового общества замки знати и княжеские крепости, вызванные к жизни экономическими процессами ремесленно-торговые поселки, рядки, торжки, погосты, наконец, племенные центры. Первыми в феодальные города перевоплощались племенные центры. Это происходило в период разложения территориальной общины и становления “земляческих союзов”. Процесс окняжения территории “земляческих общностей” и организация здесь феодального властвования в XI – первой трети XIII вв. обусловили быстрый рост городов: “одни могли возникнуть из древних городищ-убежищ, другие – из поселков феодализирующейся местной знати, третьи – из сельских поселений, четвертые – из более ранних княжеских погостов, а пятые – из укрепленных пунктов в областях славянской колонизации”. Особый разряд составляли частновладельческие центры (Карлов 1976: 32-69; 1980: 66-84).

Согласно Л.В. Алексеву, изучавшему историю Смоленской земли, первые города здесь возникли в IX – начале XI вв. на базе племенных средоточий. Тогда же вдоль водных магистралей появились “открытые торгово-ремесленные поселения”. Со второй половины XI в. до середины XIII в. шел процесс становления феодального города и угасания жизнедеятельности в центрах, зародившихся в доклассовый период. 40–50-ми гг. XII в. исследователь датировал начало третьего этапа урбанизационного процесса, обусловленного “вызреванием в прежних центрах самостоятельных производительных сил и притоком всего, несомненно, ремесла, что делало горожан особой экономической силой” (Алексеев 1980: 186-193).

Несколько стадий генезиса и развития городских поселений на южных землях Древней Руси обозначил П.П. Толочко. По его мнению в VII-VIII вв. существовали укрепленные племенные и межплеменные центры восточных славян с “вполне обозначившимися ремесленными, торговыми и, вероятно, редиистрибутивными функциями”. В VIII-X вв. на их базе “восточнославянской элитой” были основаны первые города – средоточия “русской государственности”. Становление “настоящего” города происходило тремя путями: в IX – начале XI в. “торгово-ремесленным” и “общинно-феодальным”, при котором историк наблюдал “наложение государственного начала на общинное и приспособление последнего к новым задачам”, во второй половине XI – 30-х гг. XIII вв. – “феодальным” или “государственным”, когда в “условиях углубления процессов феодализации всей страны” укреплялись

“центры древнерусской государственности”. Феодальные города систематизированы исследователем на основании выделения ведущей отрасли их экономики и в зависимости от статуса поселения. С одной стороны, они подразделены на центры, развивавшиеся “преимущественно на сельскохозяйственной основе”, ремесленные, торговые и сочетавшие несколько “ведущих функций”, с другой стороны, – на государственные (в этот разряд включены как “удельные столицы”, так и “опорные пункты на территории подвластных Руси иноязычных народов”), частновладельческие и церковные поселения (Толочко 1980: 126, 131, 161; 1989: 20-34, 40-48, 52-53, 61-75, 81-95, 97, 164-165, 180-183). При этом возникают сомнения в правильности выявления ученым “ведущей” хозяйственной функции, а также в верности определения статуса того или иного центра.

Сложные, многоуровневые и разветвленные схемы генезиса урбанизационного процесса на Руси, на наш взгляд, порождены искусственно созданной структурой “протогород – настоящий феодальный город”. Ее приверженцы рискуют, выявляя новые или обследуя уже известные городские “эмбрионы”, давать им непривычные характеристики и тем самым множить вариативность путей их “созревания”. Такие примеры в историографии известны. С конца 70-х гг. археологи отмечают существование вдоль водных магистралей “открытых торгово-ремесленных поселений”, разновидность вигов. В их число включают Ладогу, Рюриково городище под Новгородом, Гнездово под Смоленском, Тимерёво около Ярославля (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 138-139; Лебедев 1985: 105; Кирпичников 1988: 39). Согласно Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухину и Т.А. Пушкиной, племенные средоточия развивались двояко: непрерывным путем и дискретным. Во втором случае они на определенной стадии эволюции утрачивали господствующее положение в округе. Их функции переходили к недолго существовавшим “погостам” – опорным пунктам великокняжеской власти в борьбе с “феодализирующейся родоплеменной знатью” (Петрухин, Пушкина 1979: 105-110; Мельникова, Петрухин 1986: 108). Еще один вид “протогородов” “открыл” украинский исследователь А.П. Моця, упоминавший о функционировании в XI – середине XII вв. на торговом пути “Галич – Киев – Волжская Болгария” “караван-сараяв”, крупных факторий у сел Липовое, Горналь, Гочево и у хутора Зеленый Гай (Моця 1987: 164)¹.

Следует, однако, заметить, что некоторые ученые пытались преодолеть устоявшиеся стереотипы в изучении вопроса о генезисе древнерусского города. Сторонник мнения о перерастании разнотипных “эмбрионов” в феодальные центры М.Г. Рабинович, противореча сам себе, предположил, что городом являлось лишь то поселение, которое признавали таковым сами современники (Рабинович 1978: 17, 20-21; 1983: 19, 21, 22, 24).

Ценны отдельные замечания А.В. Кузы. В поисках новых подходов к исследованию урбанизационного процесса в Древней Руси ученый высказывал противоречивые суждения. С одной стороны, обобщив

¹ См. также Е.Н. Носов, О.М. Рапов, В.В. Седов, М.П. Кучера, В.П. Коваленко, Б.А. Тимошук (Михайлова 1993: 34-35, 39-41, 48).

обширный археологический материал с 1500 городищ, он уточнил формальные признаки города, выделенные еще Б.А. Рыбаковым, свел их в корреляционные таблицы, на основании которых пришел к выводу, что городское поселение обязательно должно было иметь площадь не менее 2–2,5 га, развитые ремесло и административное управление, дворово-усадебную застройку, “вещественные следы имущественной дифференциации”, “сложную планировку оборонительных линий”, церкви. Догородские укрепленные поселения на основании археологических критериев более четко систематизированы, чем это делалось раньше, и подробно описаны. Пытаясь выйти за рамки чисто археологического исследования в плоскость исторических обобщений, А.В. Куза столкнулся с трудностями, преодолеть которые не сумел или, уйдя из жизни в расцвете творческих сил, не успел. В принципе являясь сторонником точки зрения на древнерусский город как явление феодального общества, он раздумывал над различными его определениями, но к окончательному решению так и не пришел. С одной стороны, исследователь отмечал “узость подхода к древнерусскому городу только как к центру развитого ремесла и торговли”, писал о перспективности взгляда на него как на многофункциональное явление. Однако тут же противоречил себе, предлагая “конкретизированное” для Древней Руси определение О.Г. Большакова и В.А. Яковсона, согласно которому городским “можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта”, то есть делал акцент на ремесленной и редиистрибутивной его функциях.

Вместе с тем А.В. Куза выступил против В.В. Карлова, резко критиковавшего В.В. Мавродина и И.Я. Фроянова за их предложение вывести генезис и начальные этапы древнерусского города за рамки классового общества. Ученый упрекал коллегу за то, что тот понял стремления ленинградских историков рассмотреть процесс градостроения в динамике. Сам же А.В. Куза, видимо, под непосредственным влиянием ленинградских исследователей, отошел от привычных идей о домонгольском обществе как феодальном, когда сравнивал древнерусские города с городами-государствами древнего мира и упоминал о “городовых общинах” X–XI вв., “пользовавшихся не только известным самоуправлением, но и правом голоса в решении общегосударственных дел” (Куза 1982: 12-13; 1983: 14, 27; 1984: 4, 10; 1989: 40-44, 55-56, 69; Археология СССР: 39-43, 45, 47, 51-53).

Наиболее перспективным в изучении градообразовательного процесса представляется подход, предложенный учеными Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. Согласно ему, город – это сложное, полифункциональное явление, возникшее в первобытную эпоху. В родовом обществе (VIII–X вв.) это племенной и межплеменной, организующий, координирующий и направляющий жизнедеятельность округа центр. На последней стадии доклассового периода (XI – середина XIII вв.) город преобразился в средоточие территориальной общины. Это военный, хозяйственный, политический, административный,

культурный центр неразрывно связанной с ним сельской округи (Фроянов 1980: 216-243; 1992: 22-74; 1995; Фроянов, Дворниченко 1988: 29-30, 34; Михайлова 1993). Подобный подход учитывает характеристики древнейших “градов” (Киева, Искоростеня, Белгорода и др.), запечатленные на страницах летописей современниками; ликвидирует надуманные, кабинетные схемы эволюции “эмбрионов”.

В завершение рассуждений о механизме градообразования в Древней Руси упомянем имя В.П. Даркевича, попытавшегося рассмотреть феномен домонгольского города в русле новейшей, “цивилизационной” концепции и использовавшего при этом результаты разработок Санкт-петербургских ученых. Автор, несомненно, прав, возражая археологам, сводившим понятие “город” к “застывшему набору признаков”, подчеркивая, что “индивидуальность” городского поселения определялась “преобладающей ролью тех или иных его функций, разнообразием их сочетаний”. Унаследовав от Санкт-петербургских коллег тезис о начале урбанизационного процесса в родоплеменном обществе, он дополнил его заслуживающим внимания положением об ослаблении “в пестрой городской среде” кровнородственных связей и замене их соседскими отношениями. Увязав синхронно протекавшие процессы образования государства и городов, исследователь охарактеризовал последние как организмы “политической и духовной солидарности”. Однако едва ли можно согласиться с противопоставлением городских поселений сельскохозяйственной округе, тезисом об их возникновении не эволюционным путем, а в результате “скачка, взрыва” в условиях формирования христианской по сути “древнерусской цивилизации”, в которой “городские образования” выступали прежде всего как космополитические очаги поглощения византийской православной культуры. Рассмотрение генезиса и развития города в замкнутом пространстве классовой формации или “цивилизации” естественно предполагает наличие его предшественников – “зародышей”. Не избежал упоминания о них и В.П. Даркевич, тем самым не сумевший освободиться от устаревших представлений.

Искусственные, изобретенные более полувека назад категории “протогород”, “эмбрион”, “зародыш” неизменно будут вставать на пути исследователя средневекового общества каждый раз, когда он попытается вписать многогранное полифункциональное явление – древнерусский город – в четко прочерченные рамки формации или цивилизации, отказываясь рассматривать его в эволюции, в динамике.

Алексеев, Л.В. 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.

Археология СССР. 1985. Древняя Русь. Город, замок, село. М.

Бахрушин, С.В. 1937. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист 3(61). М.

1938. “Держава рюриковичей” // Вестник древней истории 2 (3).

Богусевич, В.А. 1951. Походження і характер давньоруських міст Наддніпрянщини // Археологія V. Київ.

Бондар, М.М. 1959. Пам’ятки стародавнього минулого Каневського Придніпров’я. Київ.

- Брайчевский, М.Ю.* 1951. К происхождению древнерусских городов (Города Среднего Поднепровья, Поднестровья и Побужья в VIII–IX вв. н.э. по полевым данным последних лет) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР 41.
- Булкин, В.А., И.В. Дубов, Г.С. Лебедев.* 1978. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.
- Вицежсев, Р.І.* 1962. Будівлі “Малого городища” X–XIII ст. в с. Горосьдку // Археологічні пам’ятки УРСР XII. Київ.
- Воронин, Н.Н.* 1935. К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, слобода, село, деревня. Л.
1948. Крепостные сооружения // История культуры Древней Руси (Под ред. Н.Н. Воронина) 1. М.: Л.
1951. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР 61.
- Воронин, Н.Н., П.А. Раппопорт.* 1963. Археологическое изучение древнерусского города // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 96.
- Гончаров, В.К.* 1950. Райковецкое городище. Киев.
- Греков, Б.Д.* 1953. Киевская Русь. М.
- Даркевич, В.П.* 1994. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории 10: 51–59.
- Довженко, В.И.* 1953. Феодальный масток в эпоху Київської Русі в світлі археологічних даних // Археологія VIII. Київ.
1961. Древньоруські городища-замки // Археологія XIII. Київ.
1962. Про дофеодальний період в історії Русі // Археологія VI. Київ.
1968. Сторожевые города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь (отв. ред. Е.И.Крупнов). М.
1970. Об историческом содержании городищ Киевской Руси // Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине (август 1970 г.): 21–22. М.
1975. Про типи городищ Київської Русі // Археологія XVI. Київ.
- Довженко, В.И., В.К. Гончаров, Р.О. Юра.* 1966. Давньоруське місто Воїнь.
- Довженко, В.И., М.Ю. Брайчевский.* 1950. О времени сложения феодал в Древней Руси // Вопросы истории 8.
- Карлов, В.В.* 1976. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья. (К постановке вопроса) // Русский город. М.
1980. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город. 3. М.
- Киртичников, А.Н.* 1988. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности I. Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л.
- Куза, А.В.* 1982. О происхождении древнерусских городов (История изучения) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 171.
1983. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. Исследования и материалы 6. М.
1984. Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 179.
1989. Малые города Древней Руси. М.
- Лебедев, Г.С.* 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.
- Мавродин, В.В.* 1940. Очерки истории Левобережной Украины. Л.
1971. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.

- Маркс, К., Ф. Энгельс. 1961. Полное собрание сочинений 21. М.
- Мезенцева, Г.Г. 1968. Давньоруське місто Родень. Княжа гора. Київ. 1986. Белгород // Археология Украинской ССР 3. Киев.
- Мельникова, Е.А., В.Я. Петрухин. 1986. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М.
- Михайлова, И.Б. 1993. Малые города Южной Руси в VIII – середине XIII вв. Автореф дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Моця, А.П. 1987. К проблеме градообразования на Левобережье Днестра в XI–XII вв. // Труды V Международного конгресса Славянской археологии, Киев, 18-25 сентября 1985 г. 1/2а: М.
- Пархоменко, В.А. 1924. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л. 1941. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Ученые записки ЛГУ. Серия историч. наук 8.
- Пауто, В.Т. 1966. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М.
- Петрухин, В.Я., Т.А.Пушкина. 1979. К предыстории древнерусского города // История СССР 4: 105-110.
- Рабинович, М.Г. 1978. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М. 1983. К определению понятия “город” (в целях этнографического изучения) // Советская этнография 3.
- Ратов, О.М. 1977. Княжеские владения на Руси в X – перв. половине XIII в. М.
- Раппопорт, П.А. 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР 52. М:Л. 1965. Древние русские крепости. М. 1967. О типологии древнерусских поселений // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 110.
- Рыбаков, Б.А. 1964. Первые века русской истории М. 1970. Политическое и военное значение южной “Русской земли” в эпоху “Слова о полку Игореве” / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М. 1971. “Слово о полку Игореве” и его современники. М. 1980. Город Кия // Вопросы истории 5. 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
- Тихомиров, М.Н. 1946. Древнерусские города // Ученые записки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова 99. М. 1956. Древнерусские города. М.
- Толочко, П.П. 1980. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев. 1989. Древнерусский феодальный город. Киев.
- Фроянов, И.Я. 1980. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л. 1990. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л. 1992. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. Санкт-Петербург. 1995. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М: Санкт-Петербург.
- Фроянов, И.Я., А.Ю. Дворниченко. 1988. Города-государства Древней Руси. Л.
- Юшков, С.В. 1939. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М:Л. 1949. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.

Список научных работ А.Н. Кирпичникова

1957

1. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // СА. № 3. С. 60-76.

1958

2. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси // Сборник исслед. и материалов Артиллерийского ист. музея. Вып. 3. С. 243-252. (Совместно с В.Б. Вилинбаховым).
3. К вопросу об устройстве древнерусских метательных машин // Сборник исслед. и материалов Артиллерийского ист. музея. Вып. 3. С. 405-418.
4. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XIV-XVII веках // МИА. № 77. С. 143-149; ил. (совместно с И.Н. Хлопиным).
5. Метательная артиллерия Древней Руси: (Из истории средневекового оружия VI-XV вв.) // МИА № 77. С. 7-51; ил.
6. Русские шлемы X-XIII вв. // СА. № 4. С. 47-69; ил.

1959

7. К истории древнего Белгорода в X-XI вв. // КСИИМК. Вып. 73. С. 21-32; ил.
8. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии: (К характеристике городского наряда Московского государства вт. четверти XVII в.) // Сборник исслед. и материалов Артиллерийского ист. музея. Вып. 4. С. 265-328.
9. Погребение воина XII-XIII вв. из Южной Киевщины: (По материалам экспедиции АИМ) // Сборник исслед. и материалов Артиллерийского ист. музея. Вып. 4, С. 219-226; ил.
10. [Обзор]: История античной и раннесредневековой артиллерии в книге А. Бруни-Хоффмейер "Античная артиллерия" [Brühl-Hoffmeier A. Antikens artillerie. - København, 1959]. // Сборник исслед. и материалов Артиллерийского ист. музея. Вып. 4. С. 341-346.

1961

11. Мечи Киевской Руси (IX-XI вв.) // СА. № 4. С. 179-197; карт.
12. О некоторых памятниках русской средневековой артиллерии // СА. №3. С. 233-240; ил. (Совместно с И.Н. Хлопиным).
13. Русские мечи XI-XIII веков // КСИИМК. Вып. 85. С. 11-25; ил.
14. [Рец.]: Blair C. European armour. - London, 1958. // ВИЖ. № 1. С. 114-115.

1962

15. Шлем XII века из погребения кочевника: (По материалам раскопок Кобяковской экспедиции 1960-г.) // Археологические раскопки на Дону. Ростов/н/Д. С. 138-141; ил.
16. Шлем XI в. из Юго-Западной Руси // СА. № 2. С. 230-234; ил.
17. [Рец.]: Nadolski A., Abramowicz A., Poklewski T. Smentarzysko z XI wieku w Lutomiensku pod Łodzi'. - Łódź, 1959. // ВИ. № 2. С. 175-176.

1963

18. Русское оружие ближнего боя (X-XIII вв.): Автореф. канд. дис. (АН СССР. ЛОИА). -Л. -17 с.

19. К 60-летию М.К. Каргера // СА. № 4. С. 124-126: портр. (Совместно с Г.К. Вагнером)

1964

20. Восточноевропейская клинковая эпитафия // Тезисы докл. на I Междунар. конгрессе славянской археологии в Варшаве. М. С. 73-74.
21. Древнейший русский подписной меч // СА. № 3. С. 196-201: ил.
22. Так называемая сабля Карла Великого // СА. № 2. С. 268-276: ил.
23. [Рец.]: Ярославское Поволжье X-XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М., 1963 // СА. № 1. С. 317-320. (Совместно с И.П. Шаскольским).

1966

24. Древнерусское оружие: Вып. 1. Мечи и сабли IX-XIII вв. / АН СССР. ИА. -М.;Л. : Наука. - 176 с.: ил., карт. (Археология СССР. САИ. Е1-36). -Рез. фр.
25. Древнерусское оружие: Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. / АН СССР. ИА. -М.;Л. : Наука. -147 с. : ил., карт. (Археология СССР. САИ. Е1-36). -Рез. фр.
26. Мечи куршей // Древности Белоруссии. Минск. С. 299-300.
27. Надписи и знаки на клинках восточно-европейских мечей IX-XIII вв. // Сканд. сб. № 11. С. 249-298: ил. Рез. эст., швед.
28. Популярная археология: [О работе лектория при ЛОИА] // СА. № 3. С. 289-291. (Совместно с А.Н. Мелентьевым).
29. Страницы железной книги // НиЖ. № 6. С. 49-54: ил.
30. [Рец.]: Пятышева Н.В. Железная маска из Херсонеса. -М., 1964. // СА. № 4. С. 214-217.

1967

1. М.К.Каргер // Культура и искусство Древней Руси. Л. С.7-20: портр.
2. О своеобразии и особенностях в развитии русского оружия IX-XIII вв.: (К проблеме культурных влияний в истории раннесредневековой техники) // Культура и искусство Древней Руси. Л. С. 90-95.
33. Les armes de la Médiévale (en russe). - М.;Л., 1966. -Vol. 1-2 // Gladius. Vol. 6. С. 95-101: ил.

1968

34. Конское боевое наголовье пер. пол. XIII в. из Южной Киевщины // Славяне и Русь. М. С. 62-65: ил. (Совместно с Е.В. Черненко).
35. Памяти Яна Петерсена // СА. № 3. С. 306-307. (Совместно с Д.А. Авдусиным).
36. Die russischen Waffen des 9-13 Jahr. und orientalische und westeuropäische Einflüsse auf ihre Entwicklung // Gladius. Vol. 7. №. 45-74: эб.

1969

37. Битви Стародавньої Русі (IX-XIII ст.) // УІЖ. № 10. С. 74-83.
38. Древнерусский бой // 2-я Всесоюз науч. конф. оружейников: ТД. Тбилиси. С. 23-24.
39. Обследование башен Соловецкого Кремля // АО. 1968 (1969). С. 25-26.
40. Памяти Туре Арне // СА. № 2. С. 242-243.
41. Памяти Хольгера Арбмана // СА. № 1. С. 262-264. (Совместно с М.А. Тихановой).
42. Раскопки древнего Орешка // АО. 1968 (1969). С. 24-25.
43. Федор Конь и старец Александр: К выявлению одной исторической подделки // СА. № 2. С. 278-280. (Совместно с И.Н. Хлопиным).

44. Russisk-skandinaviske forbindelser i IX-XI århundrede illustreret ved våbenfund // Kuml. С. 265-189: ил. Рез. нем.
45. [Рец.]: Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига, 1965 // СА. № 1. С. 307-308.
46. [Рец.]: Oakeshott R.E. The Sword in the age of chivalry. -London, 1964 // СА. № 3. С. 271-274.

1970

47. Вивчення давньоруської зброї // УІЖ. № 10. С. 126-131.
48. Вооружение Руси в IX-XIII вв. // ВИ. № 1. С. 42-55.
49. Камнеметная артиллерия // Уральский следопыт. № 12. С. 61-62.
50. Ключ-город // Стронтельство и архит. Ленинграда. № 12. С. 28-29: ил.
51. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX-XIII вв. // I Międzynar. kongres archeologii s'owianskiej. Wrocław. Т. 5. С. 336-351: ил.
52. Неожиданная находка на Урале // НиЖ. № 10. С. 15-17. (Совместно с Р.М. Джанполадян).
53. Потайное золото скифов // Курьер ЮНЕСКО. № 10. С. 13-21: ил.
54. Результаты раскопок древнего Орешка // АО. 1969 (1970). С. 29-31: ил.
55. Сабля Карла Великого // Уральский следопыт. № 1. С. 68-70: ил.
56. Снаряжение русского всадника в IX-XIII вв. // Тезисы докл. сов. делегации на 2-ом Междунар. конгрессе славянской археологии в Берлине. М. С. 22-23.
57. Страна городов // НиЖ. № 6. С. 61-64: ил.
58. Connections between Russia and Scandinavia in the 9-th and 10-th cent., as illustrated by weapon finds // Varangian problem. Copenhagen. С. 50-76: ил.
59. Die Feldschlacht in Altrussland (IX-XIII jh.) // Gladius. Vol. 9. С. 31-51.
60. [Рец.]: Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968 // УІЖ. № 3. С. 142-143.

1971

61. Древнерусское оружие: Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. / АН СССР. ИА. - Л.: Наука. -92 с.: ил. - (Археология СССР. САИ. Е1-36). -Рез. фр.
62. Изучение древнего Орешка // АО. 1970 (1971). С. 27-28.
63. Крюк для натягивания самострела (1200-1240 гг.) // КСИА. Вып. 1 С. 100-102: ил.
64. Оружейные новшества в русском войске XII-XIII веков // Тезисы д и сообщ. 3-й Всесоюз. конф. историков оружия. Л. С. 61-63.
65. Раскопки в Копорье // АО. 1970 (1971). С. 25-27. (Совместно с О.В. С сянниковым).
66. Oreszek: Rezultaty badan historyczno-archeologicznych miasta i twierdzy na jez. adoga // Kwartalnik historii kultury materialnej. Rok 19. № 4. С. 679-688: ил.

1972

67. Великая государева крепость. - Л.: Художник РСФСР. - 254 с.: ил. (Совместно с И.Н. Хлопниным).
68. Крепость Орешек. - Л.: Лениздат. - 99 с.: ил. (Совместно с В.М. Савковым).
69. Археологическое и геофизическое обследование в Соловецком кремле // АО. 1971 (1972). С. 45-46.
70. Военное дело Руси XII-XIII вв.: (Итоги изучения техники и тактики боя) // Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвящ. итогам полевых исслед. в 1971 г. М. С. 49-53.
71. Исследование древнего Тиверского городка // АО. 1971 (1972). С. 40-41. (Совместно с В.П. Петренко).

72. Исследования средневековых городов-крепостей на территории Ленинградской области // Краткие тез. докл. к пленуму, посвящ. итогам археол. исслед. 1971 г. Л. С. 21-23.
73. Озброєння воєнних Кипівської Русі в світлі русько-скандинавських контактів IX-XI ст. // УІЖ. № 7. С. 76-35.
74. Раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре // АО. 1971 (1972). С. 45. (Совместно с И.Н. Хлопниным).
75. Раскопки древнего Ямгорода // АО. 1971 (1972). С. 42-43.
76. Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале // ЭВ. № 21. С.23-29. (совместно с Р.М. Джанполадян)

1973

77. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / АН СССР. ИА. Л.: Наука. — 112 с.: ил. — (Археология СССР. САИ. Е1-36): Рез. фр.
78. Загадочный Орешек // Хочу все знать. Л. С. 209-219.
79. Исследования древней Корелы и Ладужской крепости // АО. 1972 (1973). С. 17-18.
80. К методике изучения городов-крепостей Северо-Западной Руси XIII-XVII вв. // Тезисы докл. сессии, посвящ. итогам полевых исслед. 1972 г. в СССР. Ташкент. С. 259-260.
81. Когда, кем и почему строилась самая большая русская крепость XVII века // История СССР. № 1. С. 202-210: ил. (Совместно с И.Н. Хлопниным).
82. О времени появления шпоры со звездочкой на территории Древней Руси // Kwartalnik historii kultury materialnej. Rok 21. № 2. С. 299-304: ил.
83. Планы из шведских архивов как источники для изучения замков и городов-крепостей Эстонии и Северо-Западной Руси // ТД Сканд. 6. Таллин. Ч. 1. С. 123-125. (Совместно с Е.А. Кальюндия).
84. Der sogenannte Säbel Karls der Grossen // Gladius. Vol. 10. С. 69-80: ил.
85. Harnchement du cavalier et de la monture en Russie aux IX-XIII siecles // Gladius. Vol. 10. С. 100-103.
86. Mittelalterlicher Säbel mit einer armenischen Inschrift, gefunden im Subpolaren Ural // Gladius. Vol. 10. С. 15-23: ил.
87. Russische Helme aus dem frühen Mittelalter // Waffen und Kostümkunde. Hf. 2. С. 89-98: ил.
88. Les armes de la Russie medievale. — L., 1971. Vol. 3 (en russe) // Gladius. Vol. 10. С. 114-117.

1974

89. Древнерусский храм в Копорье // Культура средневековой Руси. Л. С. 139-146: ил.
90. Каменщики Костоусовы // Культура средневековой Руси. Л. С. 194-199: ил. (Совместно с И.Н. Хлопниным).
91. К 70-летию М.К. Каргера // Культура средневековой Руси. Л. С. 3-4: портр.
92. Обследование острова Коневец на Ладужском озере // АО. 1973 (1974). С. 14-15. (Совместно с И.Н. Хлопниным).
93. "Петровский Шлиссельбург": (По новооткрытым архивным материалам) Русское искусство первой четверти XVIII века. М. С. 27-54: ил.
94. Раскопки в Ладужской крепости в г. Приозерске // АО. 1973 (1974). С. 12-14.
95. Тиверский городок (К вопросу изучения древностей Русской Карелии) // КСИА. Вып. 139. С. 106-113: ил.

1975

96. Военное дело Руси IX-XV вв.: Автореф. док. дисс. / АН СССР. ИА. — М. — 35 с.

97. Броня праотеческая // ВС. № 5. С. 64-67: ил.
98. Исследования средневекового Порхова и его округа // АО. 1974 (1975). С. 18-20. (Совместно с Е.А. Рябининым).
99. Каменное оборонное строительство на границах раннефеодальной Руси // Тезисы докл. сов. делегации на III Междунар. конгрессе славянской археологии. М. С. 51-52.
100. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году: По донесению Эрика Дальберга правительству Швеции // Сканд. сб. № 20. С. 68-80: ил. Рез. зст., швед. (Совместно с Е.А. Кальюнди).
101. Ладога и Переяславль Южный – каменные крепости раннесредневековой Руси // Новейшие открытия советских археологов: ТД. Киев. Ч. 3. С. 77-79.
102. Мечи из раскопок древнего Изяславля // КСИА. Вып. 144. С. 30-54: ил.
103. Могила архитектора реставратора Ю.П. Спегальского // Материалы свода памятников истории и культура РСФСР: Псковская область. М. С. 41-43.
104. Об одной “челобитной” на Федора Коня // История СССР. № 4. С. 219-223: ил.
105. Работы в Ладужской крепости // АО. 1974 (1975). С. 17-18.
106. Разведочные раскопки древнего Велья // АО. 1974 (1975). С. 10. (Совместно с М.Е.Васильевым).

1976

107. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. / АН СССР. ИА. – М.: Наука. 104 с.: ил. – Рез. фр.
108. Архитектурно-археологические открытия в Старой Ладоге // АО. 1975 (1976). С. 18-19.
109. Исследование Островской крепости в Псковской области // АО. 1975 (1976). С. 19-20.
110. Пороховница XVI в. найденная в Порхове // Средневековая Русь. М. С. 332-335: ил.
111. Шведское и русские укрепления в Кореле-Кексгольме XIV-XVII вв. // ТД Сканд. Л.;М. Ч. 1. С. 120-121.
112. Russische Körper-Schutzwaffen des 9-16 Jh. // Waffen und Kostümkunde. Hf. 1. С. 22-37: ил.

1977

113. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // Сканд. сб. № 22. С. 159-174. Рез. зст., швед.
114. Крепость Ладога в X-XII веках // Новгород древний – Новгород социалистический: Археол., ист., искусство. Новгород. С. 11-12.
115. Ладога и Переяславль Южный – древнейшие каменные крепости на Руси // ПКНО. С. 417-434: ил.
116. Михаил Константинович Каргер // СА. № 3. С. 333-334.
117. О задачах и работе Сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР в 1974-1975 гг. // КСИА. Вып. 150. С. 107-111.
118. Окрытие коепости Велья // АО. 1976 (1977). С. 15-16. (Совместно с М.Е. Васильевым).
119. Первый советско-финляндский симпозиум по археологии // ВИ. № 7. С. 187-189.
120. Раскопки древней Корелы // АО. 1976 (1977). С. 16-17. (Совместно с В.А. Назаренко).

1978

121. Башня посадника Якова в средневековой Кореле // Древняя Русь и славяне. М. С. 352-358: ил.

122. Массовое оружие ближнего боя из раскопок древнего Изяславля // КСИА. Вып. 155. С. 30-37: ил.
123. Русские укрепления ливонских замков Эстонии // АО. 1977 (1978). С. 457-459. (Совместно с В.А. Назаренко).
124. Симпозиум советских и финских археологов // ВИ. № 10. С. 187-188. (Совместно с Е.Н. Носовым).
125. [Рец.]: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. - Göttingen. - 1973-1974. Т. 1-2 // СА. № 2. С. 321-330. (Совместно с Г.С. Лебедевым, И.В. Дубовым).

1979

126. Крепость Орешек: Историко-архитектурный очерк. -Л.: Лениздат. - 119 с.: ил. (Совместно с В.М. Савковым).
127. Изучение Копорской крепости // АО. 1978 (1979). С. 14-15. (Совместно с В.А. Назаренко).
128. Историко-археологические исследования древней Корелы: ("Корельский город" XIV в.) // Финно-угры и славяне: Докл. первого сов.-финлянд. симпоз. по вопросам археологии. Л. С. 52-73: ил.
129. Каменное оборонительное строительство на границах раннефеодальной Руси // Rapp. du 3-е CIAS. Bratislava. Т. 1. С. 427-435: ил.
130. Крепости бастионного типа в средневековой России // ПКНО. 1978 (1979). С. 471-499: ил.
131. Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований // СА. № 3. С. 102-118: ил. Рез. англ. (Совместно с О.В. Овсянниковым).
132. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев. С. 92-106: ил.
133. Находки в Старой Ладоге // ПО. № 4. С. 312-319: ил.
134. Опыт комплексного использования писцовых книг и исторической топографии для характеристики средневекового русского города: (по материалам Корелы XV-XVII вв.). // ВИД. № 11. С. 68-89: карт.
135. Открытия в Гдовской крепости // АО. 1978 (1979). С. 13-14. (Совместно с В.А. Назаренко).
136. Русско-скандинавские связи в IX-XI вв. на современном этапе археол. изучения // ТД Сканд. 8. Петрозаводск. Ч. 1. С. 172-173. (Совместно с Г.С. Лебедевым, В.А. Булкиным, В.А. Назаренко, И.В. Дубовым).
137. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX-XI вв.) // Scando-Slavica. Т. 24. С. 63-89. (Совместно с Г.С. Лебедевым, В.А. Булкиным, И.В. Дубовым, В.А. Назаренко).
138. Финно-угорские племена в составе древней Руси: (Некоторые итоги археол. исследований) // Вопросы финно-угроведения: ТД. Всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар. Ч. 2. С. 74-75. (Совместно с Е.А. Рябининым).
139. Финно-угры и славяне // Финно-угры и славяне. Л. С. 157-159.

1980

140. Древний Орешек: Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы / АН СССР. ИА. -Л.: Наука. -127 с.: ил.
141. Куликовская битва / АН СССР. ИА. - Л.: Наука. -124 с.: ил., карт.
142. Археология // Советское финно-угроведение, 1975-1980. Материалы к V Междунар. финно-угорскому конгрессу. Вып. 1. С. 8-29. - Библиогр: Вып. 2. С. 5-50.
143. Исследования Новгородского кремля // АО. 1979 (1980). С. 9-10.
144. Каменные крепости Северной Руси: (Итоги архитектурно-археол. исследования) // Тезисы докл. сов. делегации на 4-ом Междунар. конгрессе славянской археологии. М. С. 93-95.

145. Каменные крепости Северной Руси: (итоги архитектурно-археол. исследования) // Крепостное зодчество Псковской земли и ее соседей: ТД науч. конф., посвящ. 650-летию Изборской крепости. Изборск. С. 6-7.
146. Новооткрытая ладожская каменная крепость IX-XI вв. // ПКНО. 1979 (1980). С. 441-455: ил.
147. "О, светло светлая и украсно украшенная Земля Русская! ... " // ЗС. №8. С. 12-15: ил., карт. (Совместно с И.В. Дубовым).
148. О создании в Старой Ладогe историко-архитектурного и археологического музея-заповедника // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах: Материалы Всесоюзн. конф. Ереван. С. 62-64.
149. Оружие времени Куликовской битвы // ВАН. № 8. С. 92-101: ил.
150. Русская рать перед битвой // ЗС. № 9. С. 32-34: ил.
151. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археол. изучения // КСИА. Вып. 160. С. 24-38. (Совместно с Г.С. Лебедевым, В.А. Булкиным, И.В. Дубовым, В.А. Назаренко).
152. Стояние на Угре // ЗС. № 10. С. 12-14: ил. (Совместно с И.В. Дубовым, А.Я. Дегтяревым).
153. Финно-угорские племена в составе древней Руси: (некоторые итоги археол. исслед.) // Congressus Quintus Internationales Fenno-Ugristarum. Turku. P. 2. С. 328.
154. Stadt und Gebiet Ladoga zur Zeit des frühen Mittelalters // Fenno-ugri et slavi 1978. С. 141-156.

1981

155. Защитное вооружение. – Graz. – 81 с.; 8 отд. л. ил. – (Glossarium armorum. Arma defensiva). (Совместно с И.Н. Хлопным).
156. Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири // ПКНО. 1980 (1981). С. 528-533: ил. (Совместно с Д.А. Дрбоглав).
157. Северная Русь: (некоторые итоги археол. исследований) // КСИА. Вып. 164. С. 3-10. (Совместно с Г.С. Лебедевым, И.В. Дубовым).
158. Советско-финляндский симпозиум по археологии // ВАН. № 11. С. 99-102. (Совместно с Е.Н. Носовым).
159. Стены древнего Пскова // АО. 1980 (1981). С. 13-14.

1982

160. Археологические исследования острога Кирилло-Белозерского монастыр РИПК. Вып. 2. С. 82-88: ил.
161. Великое Донское побоище // Сказание и повести о Куликовской битве. Л. С. 291-305.
162. Каменные крепости Северной Руси: По данным новых архитектурно-археологических исследований // ВАН. № 5. С. 95-107: ил, карт.
163. Новые расчистки мечей, найденных в Ярославском Поволжье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 147-152: ил. (Совместно с И.В. Дубовым).
164. Памяти Евгения Алексеевича Горюнова // СА. № 4. С. 294-295. (Совместно с М.Б. Шукиным).
165. Финно-угорские племена в составе Новгородской земли: некоторые итоги новых исследований // СА. № 3. С.47-62. (Совместно с Е.А. Рябининым).

1983

166. В поисках Древней Руси // Ленингр. панорама. № 8. С. 30-32: ил. (Совместно с О.М. Иоаннисяном).
167. Исследования в Новгородском кремле и Порховской крепости // АО. 1981 (1983). С. 16-17.

168. Новые археологические исследования Сектора славяно-финской археологии из Северо-Запада СССР // Новые экспедиционные исслед. археологов Ленинграда: ТД. Л. С. 18-20.
169. Памяти Марии Александровны Тихановой // СА. № 3. С. 236-237: портр. (Совместно с М.Б. Шукиным).
170. Памятники крепостного зодчества // Охраняется государством: Архит. наследие Ленинградской земли. С. 18-99: ил.
171. Русские доспехи X-XVII вв. // Вступит. статья к Каталогу рисунков В. Семенова. М.
172. Советско-финляндский симпозиум по археологии // ВАН. № 11. С. 89-91. (Совместно с Е.Н. Носовым).
173. Спасение "Златокипящей" // Нева. № 4. С. 178-179.
174. Языческое святилище у Пскова: (по данным И.Д. Вундерера) // Древнерусское государство и славяне. Минск. С. 109-110: ил.
175. Medieval town-fortresses in the North-West of the USSR: [Буклет]. -L.- [6 с.: ил.].
176. Steinfestungen Nordrusslands aus der Sicht der neueren beaute chnisch-archäologischen Forschungen // Burgen und Schölsser. Jg. 24. Hf. 2. С. 66-78: ил.

1984

177. Каменные крепости Новгородской земли / АН СССР. ЛОИА. -Л.: Наука. -275 с.: ил.
178. К вопросу о реконструкции Ладожской каменной крепости 1490 г. по описям XVII в. // Новгородский край. Л. С. 217-222.
179. Новые архитектурно-археологические исследования в Новгородской кремле // Новгородский край. Л. С. 147-151.
180. Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л. С. 137-144: карт. Рез. нем., фин.
181. Сообщение Самуила Кихеля о Пскове (1586) // Археология и история Пскова и Псковской земли: ТД. Псков. С. 17-18.
182. Средневековая Ладога: (К итогам археол. исследований) // Древнерусский город. Киев. С. 48-50.
183. Триста лет спустя: Рисунки русских городов Николааса Витсена // ЗС. № 9. С. 24-25.
184. Reports of foreign writers and travellers on the 16-th century Pskov and Russia // ISKOS. № 4. С. 179-182.

1985

185. Вооружение // Древняя Русь: Город, замок, село. М. С. 298-363: ил. (Совместно с А.Ф. Медведевым).
186. Золотые ворота в Киеве // Архитектура СССР. № 3. С. 105-107: ил. (Совместно с П.А. Раппопортом, В.В. Косточкиным, А.А. Тиц).
187. Исторические города Ленинградской области: (К вопросу о сбережении культурного наследия) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 140-144.
188. Каменные крепости Северо-Западной Руси в свете новых архитектурно-археол. исследований // Стенам и башням Московского Кремля 500 лет: ТД. М. С. 19-23.
189. Крепнет сотрудничество // Вестник Конгресса финно-угроведов. № 2. С. 3.
190. Ладога в VII-XII вв.: Этапы городского развития по археологическим и письменным источникам // Тезисы докл. сов. делегации на V Междунар. конгрессе славянской археологии. М. С. 56-57.

191. Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 48-51. (Совместно с Е.А. Рябининым).
192. Николаевская Перынь (Перинский монастырь) у Пскова // АО. 1983 (1984). С. 13-14.
193. Новообнаруженные рисунки русских средневековых городов Николааса Витсена // Всесоюз. археол. конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Баку. С. 178-180.
194. Новые документы о строительной деятельности Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Памятники письменности в музеях Вологодской обл.: Каталог-путеводитель. Вологда. Ч. 4. Вып. 1. С. 145-162. (Совместно с И.Н. Хлопиным).
195. Новые исследования городов-крепостей Новгородской земли // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 83-91.
196. Новые исследования культуры финно-угорских племен Северо-Западной Руси // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин. С. 47-56. Рез. эст., нем. (Совместно с Е.А. Рябининым).
197. Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Л. С. 170-180.
198. Раннесредневековая Ладога: Итоги археол. исследований // Средневековая Ладога. Л. С. 3-27: ил.
199. Содружество советских и финляндских археологов // ВАН. № 7. С. 86-88: ил.
200. Факты, гипотезы и заблуждения в изучении русской военной истории XIII-XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 (1985). С. 229-243. Рез. англ.
201. [Рец.]: Wiking and Slaven: Zur Frühgeschichte der Ostselvulker. -Berlin, 1982. // ВИ. № 12. С. 153-156. (Совместно с Г.С. Лебедевым, И.В. Дубовым).

1986

202. Деятельность Сектора Славяно-финской археологии в 1974-1984 гг. КСИА. Вып. 187. С. 93-100. (Совместно с К.В. Павловой).
203. Ладога і Ладозька земля у VIII-XIII ст. // Наука и культура: Украї Кипв. Вып. 20. С.283.
204. Новая жизнь Старой Ладоги // ЗС. № 8. С. 20-22: ил.
205. Осада Пскова шведскими войсками в 1615 г.: По новообнаруженным или малонизвестным графическим документам // Археология и история Пскова и Псковской земли: ТД. Псков. С. 12-13.
206. Псков XVI в. по иностранным и русским источникам // Земля псковская, древняя и социалистическая: Краткие тез. докл. Псков. С. 12-13.
207. Раскопки в Старой Ладоге // АО. 1984 (1986). С. 9.
208. Русь и варяги: русско-скандинавские отношения домонгольского времени // Славяне и скандинавы. М. С. 188-297: ил., карт. (Совместно с И.В. Дубовым, Г.С. Лебедевым).
209. Славяне и скандинавы в эпоху средневековья: (Проблемы интеграции и периодизации культур) // ТД Сканд. 10. Ч. 1. М. С. 160-162.
210. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв.: мечи и сабли XI-XIII вв. // Злато слово: Слово о походе Игоревом: Русь и степь в эпоху Слова о полку Игореве. М. С. 362-375: ил.
211. Russische Waffen des 9-15 Jh. // Waffen und Kostümkunde. Hf. 1-2. С. 1-22, 85-130: ил.

1987

212. Встреча археологов в Ленинграде // ИАН ЭССР. № 2. С. 84-86.

213. Историко-архитектурное значение Порховской крепости и вопросы ее сбережения и использования // Памятники всков: Тез. докл. Псков. С. 7-8.
214. К образованию Русского государства // К 1125-летию Изборска: Тез. докл. Изборск. С. 20-22.
215. Ладога и Ладожская земля // Труды V МКСА. Т. 1. Вып. 2а. Секция II. М. С. 101-111.
216. Ладога и Новгородская земля в XII-XIV вв.: по данным письменных и археологических источников // Задачи сов. археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. М. С. 112.
217. Некоторые проблемы изучения славяно-финских межэтнических и культурных связей в эпоху средневековья // ПОВИ. Вып. 10. С. 92-100.
218. Охрана памятников архитектурной археологии городов-крепостей Северо-Западной Руси // Метод, основы охраны и использования памятников археологии. М. С. 88-95.
219. Раскопки в Старой Ладоге // АО. 1985 (1987). С. 14-15.
220. Сотрудничество советских и финляндских археологов // ВАН. № 1. С. 115-118.
221. Das frühmittelalterliche Ladoga im Lichte der neuesten Forschungen // Das Altertum. Bd. 33. Hf. 1. С. 54-61.: ил. (Совместно с Е.А. Рябининым, В.П. Петренко).
222. Pleskau nach dem Zengnis ausländischer Berichte und Abbildungen des 16 Jh. // Visby-Colloquium des Hansischen Geschichtsvereins. Köln; Wien. С. 129-139.
223. Finnougrische Volksstämme und Nordrussland: (Vom Standpunkt neuer Forschungen) // Fennoscandia archaeologica. Т. 4. С. 49-72. Рез. англ. (Совместно с Е.А. Рябининым).

1988

224. Введение [к сборнику] //Славяно-русские древности. № 1. С. 3-6.
225. Доклад об охране памятников Ленинградской области // Материала V съезда ВООПИК. Горький; М. С. 43-46.
226. Древнерусское святилище у Пскова // Древности славян и Руси. М. С. 34-37: ил.
227. Известия и рисунки голландца Николааса Витссена, посвященные Новгороду и Новгородскому краю // Новгород и Новгородская земля: Ист. и археол. Новгород. С. 104-105.
228. Иностранцы о Пскове XVI в.: Новые исследования // Древний Псков: История, искусство, археология: Новые исслед. М. С. 225-235.
229. Куликовская битва и исторические судьбы Руси: (Общепарод. войско городов и земель - преобраз. фактор рус. истории 14 в.) // ПОВИ. Вып. 11. С. 154-165.
230. Ладога в международной торговле VIII-XI вв.: (По находкам куфических монет) // Историко-археол. семинар "Чернигов и его округа в IX-XIII вв.: Тез. докл. Чернигов. С. 15-16.
231. Ладога и Ладожская земля VIII-XIII вв. // Славяно-русские древности. № 1. С. 38-79: карт.
232. О единообразии в изготовлении русских средневековых артиллерийских орудий и их классификация // Fasciculi archaeologiae historicae. Fasc. 2. С. 29-48: ил.
233. Памяти Кнуда Рабека Шмидта // Сканд. сб. № 31. С. 221-224: портр. (Совместно с Е.А. Мельниковой).
234. Раскопки Староладожской экспедиции // АО. 1986 (1988). С. 20-21. (Совместно с В.А. Назаренко).

235. Языческое святилище у Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч. конф. "Древнерусское язычество и его традиции". Псков. С. 18-19.
236. Det gamle Ladoga: Kronik // Skalk. № 3. С. 18-24: ил.
237. Staraja Ladoga: Alt Ladoga und seine überregionalen Beziehungen im 8-10 Jahr. // BRGK. Bd. 69. С. 307-337: ил., карт.

1989

238. А не создать ли народный банк культуры // Родина. № 1. С. 13.
239. Время собирать камни // Наше наследие. № 4. С. 1-7: ил.
240. Защитить памятники Отечества // Нарва, Ивангород, Принаровье: Тез. докл. Нарва. С. 12-15.
241. Из истории дохристианских верований в Северо-Западной Руси: (находка из Пскова) // Из истории православия к северу и западу от великого Новгорода. Л. С. 225-246.
242. Исследовательские проекты советских и финских археологов // ВАН. № 4. С. 128-131. (Совместно с Е.Н. Носовым).
243. К оценке военного дела средневековой Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев. С. 141-147.
244. Меч с именованным клеймом из Юго-Восточного Приладожья // Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья X-XIII вв. Петрозаводск. С. 336-338: ил. (Совместно с В.А. Назаренко).
245. Памяти Павла Александровича Раппопорта // СА. № 3. С. 297-298: портр.
246. Средневековые мечи: Новые исслед. // Взаимодействия древних культур в бассейне Балтийского моря: Тез. докл. симпоз. Л. С. 46-47.
247. [Рец.:] Косточкин В.В. Чердынь, Солнкамск, Усолье. – М.: Стройиздат. 1988 // Архитектура и стр-во России. № 11. С. 4-5.

1990

248. Новые данные о средневековом Торжке: (по сообщению и рисунок Николааса Витсена) // Города Верхней Руси. Торпец. С. 20-50: ил.
249. Памяти Ф.Д. Гуревич // СА. № 2. С. 281-283. (Совместно с М.В. Илевской).
250. Прибалтийско-финские племена в составе древнерусского государства и Финны в Европе VI-XV века. М. Вып. 2. С. 101-124. (Совместно с Е.А. Рябининым).
251. Приладожская лопь // Финны в Европе VI-XV века. М. Вып. 2. С. 135-144: ил.
252. Раннесредневековая Ладога: Историческая роль и международное значение // Тезисы сов. делегации на VI МКСА, М. С. 156-158.
253. Финно-угорские племена и Древняя Русь: (в свете новых исследований) // Fasciculi archaeologiae historicae. Fasc. 4. С. 7-25. (Совместно с Е.А. Рябининым).
254. Neue banarchäologische Forschungen zu den Stadtfestungen Nordwestrusland // Stadtbau Kunst im Mittelalter. Berlin. С. 104-111.
255. Old Ladoga dirhems // ISKOS. Vol. 9. С. 63-67.

1991

256. Военное дело Руси: Некоторые оценки и новые исследования // Археология и социальный прогресс. М. Вып. 2. С. 98-112: ил.
257. Вооружение Руси IX-XIII вв. // Ex oriente lux ofersen hommage au prof. J. Blankoff. Bruxelles. Vol. 1. С. 161-189.

258. От каменного века до позднего средневековья: (Советские и финские археологи совместно разгадывают тайны истории) // ВАН. № 4. С. 105-108.
259. Столица Руси в Санкт-Петербургской области // Новый журнал. № 6. С. 64-69.

1992

260. Археологические открытия в Старой Ладогe: Черты сходства средневековых городов региона Балтики // АВ. № 1. С. 141-151: ил. (Совместно с В.А. Назаренко).
261. Древнерусский воинский отряд – “клин” // *Acta et olatae. Éódÿ* С. 97-100: ил.
262. Заметки о средневековых гаковницах // *Materialy museum Wnetrz Zabytkowuch w Pszczyne. Vol. 7.* С. 189-197: ил.
263. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб. С. 64-74: ил., карт. (Совместно с В.А. Назаренко, А.И. Сакса, В.Я. Шумкиным).
264. Ливонское войско в Ледовом побоище 1242 г. // Земля Псковская, древняя и современная. Псков. С. 35-37.
265. Мечи эпохи викингов: Новые международные исследования // Новые открытия и методол. основы археол. хронологии. СПб. С. 28-30.
266. Научное сотрудничество между СССР и Финляндией в области археологии: Итоги и перспективы // Древности славян и финно-угров. СПб. С. 5-9.
267. Новообнаруженные клейма раннесредневековых мечей // *Fasciculi archaeologiae historicae. Fasc. 5.* С. 61-81: ил.
268. Потасенные сокровища Старой Ладоги // СПб. панорама. № 11. С. 8-9: ил.
269. *Bolighus i det Gamle Ladoga* // *SPOR. Erg. 7.* № 2. С. 20-21: ил. (Совместно с В.А. Назаренко).
270. *Praseller fra vikingtiden i Staraja Ladoga* // *SPOR. Årg. 7.* № 1. С. 16-17: ил. (Совместно с В.А. Назаренко).
271. *Swords from the Viking Age: Russian-Norwegian research* // *Årbok Norsk våpenhistorisk selskap.* С. 31-44: ил. (Совместно с А. Стальсберг).

1993

272. Города Новгородской земли // Древнерусское градостроительство X-XV веков. М. С. 149-153: ил. (Совместно с В.Л. Яниным).
273. Каменные крепости Северной Руси: Итоги исслед. и некоторые оценки // Древности Северо-Запада России. СПб. С. 98-114: ил.
274. Ледовое побоище 1242 г. и его тактические особенности // Сборник Гос. Эрмитажа, посвящ. эпохе Александра Невского. СПб. С. 106-120.
275. Мечи с надписью *Ulfberht* в Европе // *Слов'яни і Русь у наковій спадщині* Д.Я. Самоквасова. Чернівів. С. 78-79.
276. Норвежско-Российский проект по изучению мечей эпохи викингов // ТД Сканд. 12 Ч. 1. М. С. 108-113. (Совместно с А. Стальсберг).
277. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья: (по находкам в России, на Украине и в Татарстане) // АВ. № 2. С. 122-134: ил. Рез. англ. (Совместно с В.П. Коваленко).
278. Сотрудничество археологов России и Финляндии // АВ. № 2. С. 233-235. (Совместно с Е.Н. Носовым).
279. *Fortidens Staraja Ladoga* // *Vikingernes Rusland. Roskilde.* С. 9-26: ил. (Совместно с В.А. Назаренко).

280. Steinfestungen Nordrusslands: Untersuchungsergebnisse und einige Befunde // *Castella Maris Baltici*. Stockholm. С. 101-107: ил.
281. To sverd med innskriftenr // *Bøgda Vår*. Т. 11. С. 84-86: ил.
282. Vikingsverdene avslører sine hemmeligheter: Un uvanig vitenskapelig undersøkelse på Vitenskapsmuseet // *SPOR*. Årg. 8. № 1. С. 36-37: ил. (Совместно с А. Стальсберг).

1994

283. Василий Дмитриевич Белецкий // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. СПб. С. 8-16. (Совместно с В.И. Кильдюшевским, Г.С. Лебедевым, О.В. Овсянниковым).
284. Иностранец о Пскове XVI в.: Сообщение Самуэля Кихеля // ТПМЗ. Вып. 1. С. 47-67.
285. Исследования на Земляном городище в Старой Ладогe // АО. 1993 (1994). С. 14-15.
286. Кочівське поховання середини XIII ст. на Чернігівсько-Переяславському кордоні // Тези всеукр. наук. конф. "Переяславська земля та її місце в розитку укр. нації, державності і культури". Переяслав-Хмельницький. С. 14-15. (Совместно с В.П. Коваленко).
287. Ладога // Градостроительство Московского государства XVI-XVII вв. М. С. 152-154: ил.
288. Ладога – укрепленное поселение на востоке Балтийского региона в эпоху раннего средневековья // Археол. изыскания. Вып. 14. С. 49-50. (Совместно с В.А. Назаренко).
289. Ледовое побоище 1242 года и его тактические особенности // Древний Псков. СПб. С. 106 -121.
290. Ледовое побоище 1242 г.: (новое осмысление) // ВИ. № 5. С. 162-166.
291. Невская битва 1240 г. и ее тактические особенности // *Fasciculi archaeologiae historicae*. Fasc. 7. С. 31-36.
292. Новые исследования Древней Ладоги (1972-1994) // Материалы конф., посвятив 100-летию со дня рожд. В.И. Равдоникаса: Тез. докл. СПб. С. 42-45.
293. Новые исследования шведских мечей эпохи викингов // Археол. изыскания. Вып. 14. С. 104-107: ил. (Совместно с Л. Толин-Бергман).
294. Новые сфрагистические находки из Старой Ладоги // АВ. № 3. С. 113-135: ил. (Совместно с С.В. Белецким).
295. О сбережении отечественного культурного наследия // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. СПб. 1994. С. 100-121.
296. Оборона Пскова в 1531-1532 годах и его крепостные сооружения в период Ливонской войны // Археологическое изуч. Пскова. Вып. 2. С. 189-215: ил.
297. Памяти Владимира Владимировича Косточкина (1920-1992) // РА. № 1. С. 249-250: портр. (Совместно с Г.К. Вагнером, С.С. Айдаровым).
298. Сообщение немецкого путешественника Самуэля Кихеля о Пскове XVI в.: Публ. источника и исслед. Ч. 1-2 // ВСПбГУ. Сер. 2, № 2. С. 3-8; № 3. С. 9-20.
299. Medieval sabres with brands from the collections of the National Museum of Finland // *Fenno-ugri et slavi* 1992. Helsinki. С. 26-33: ил.

1995

300. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. – СПб. –206 с.: ил., карт. – Рез. англ. Библиогр.: С. 195-200.
301. Архитектурно-археологическое изучение Новгородского кремля // НИС. № 5. С. 76-88: ил.

302. Встреча российских и финляндских археологов в Выборге // АВ. №4. С. 292-294. (Совместно с Е.Н. Носовым).
303. Город Ладога – ровесник Русского государства // Вестник гуманит. наук. № 1/2. С. 97-101.
304. Заметки о наследии Николая Ефимовича Бранденбурга // Сб. материалов прогр. “Храм”. 3 Чтения памяти Н.Е. Бранденбурга. Вып. 3. С. 29-33.
305. Игорь Николаевич Хлопин и изучение древнерусской фортификации // Фортификация в древности и средневековье. СПб. С. 114-115.
306. Из истории фортификации Окольного города Пскова // Фортификация в древности и средневековье. СПб. С. 102-103.
307. Исследование Старой Ладоги // АО. 1994 (1995). С. 37.
308. К вопросу о распространении грамотности в дохристианской Руси: (На примере подписного меча из собр. Нац. музея истории Украины) // Церковная археология. СПб.; Псков. С. 109-110.
309. Катастрофа обнаруженная через 160 лет // Изучение памятников морской археологии. СПб. Вып. 2. С. 99-104. (Совместно с Г.С. Лебедевым).
310. Князь Александр Невский: История и современность // Князь Александр Невский: Материалы науч.-практич. конф. СПб. С. 5-8.
311. Ладога VIII-X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. Выш. 2. С. 28-53.
312. Ладога – город эпохи викингов на европейском пути Запад-Восток // Восточный путь № 1. С. 11-14; ил.
313. Невская битва 1240 года и ее тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб. С. 24-30.
314. Новые исследования мечей эпохи викингов: (По материалам норвеж. музеев) // АВ. № 4. С. 171-180; ил. Рез. англ. (Совместно с А. Стальсберг).
315. О книге и ее авторе // В. Бехайм. Энциклопедия оружия. – СПб. С. 5-6.
316. Памяти Игоря Николаевича Хлопина (7.06.1930-7.12.1994) // АВ. № 4. С. 317-320. (Совместно с В.М. Массоном).
317. Письмена на серебре // Славяно-русские древности. Вып. 2. С. 237-240.
318. Работы Староладожской экспедиции // Изучение культурных взаимодействий и новые археол. открытия. СПб. С. 63-64. (Совместно с О.И. Богуславским).
319. Раннесредневековая Ладога: Ист. роль и междунар. значение // Славянская археология 1990: Раннесредневековый город. М. С. 18-23.
320. Реликвии казачества и российской императорской армии в Брюсселе // Казачий Петербург. СПб. С. 61-65.
321. 750-летие Невской битвы и ее значение // Князь Александр Невский. Материалы науч. практич. конф. СПб. С.48-55.
322. Сообщение Иоганна Вундерера о Пскове и России 1590 г.: Исслед. и публ. источника // Славяно-русские древности. Вып. 3. С. 167-235; ил.

1996

323. Старая Ладога – древняя столица Руси. – СПб.: Славия. –199 с.: ил., карт. – Рез. англ. (Совместно с Б.Д. Сарабьяновым).
324. Александр Невский: между Западом и Востоком // ВИ. № 11/12. С. 115-118.
325. В какое время строили в Ладоге каменную крепость “огнестрельного боя” // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб. С. 148-150.
326. Виолле-ле-Дюк: Жизнь, деятельность, творчество // Виолле-ле-Дюк. Жизнь и развлечения в средние века. СПб. С.7-14.

327. Всеволод Викторович Арндт: Трагическая судьба ученого // Традиции российской археологии. СПб. С. 58-62.
328. Две великих битвы Александра Невского // Александр Невский и история России. СПб. С. 29-41.
329. Исследования в Старой Ладогe и Юго-Восточном Приладожье // АО. 1995 (1996). С. 47-48: ил.
330. О рисунках Н.Витсена, созданных во время его путешествия в Россию в 1664-1666 гг. // Витсен Н. Путешествие в Московию 1664-1666. СПб. С. 219-224.
331. Оборона Пскова в 1615 г.: (по новым русским и шведским материалам) // Средневековая и новая Россия: Сб. ст. к 60-летию И.Я. Фроянова. СПб. С. 424-450: ил.
332. Охрана и сбережение памятников отечественной культуры: Некоторые идеи и проекты // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб. С. 195-198.
333. Реликвии Русской Императорской армии в Брюсселе // Сборник материалов программы "Храм". Вып. 9. С. 86-92.
334. "Сказание о призвании варягов": Легенда и действительность // Ладога и Сев. Европа. СПб. С. 28-29.
335. Сказание о призвании варягов, как исторических источник: заметки и комментарии // *S'owiańszczyzna w Europie óedniowiecznej*. Wrocław. Vol. 1. С. 131-136.
336. Творческий портрет Павла Александровича Раппопорта // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб. С. 3-7.
337. Dwa miecze wikingów z Polesia Lubelskiego // *Archeologia żywa*. 1. С. 18-19: ил. (Совместно с М. Bienia).
338. Early harquebuses and pistols from the collections of Russian museums // *Fasciculi archaeologiae historice*. Fasc. 9. С. 43-50: ил.
339. Ladoga – an early medieval fortified settlement in the Eastern Baltic region: its significance, features and functions // *Castella Maris Baltici*. Vol. 2. С. 85-91: ил. (Совместно с В.А. Назаренко).
340. Staraja Ladoga – Russlands gamle hovedstad // *Skrift ... i meddelalderens Russland og Trondheim*. Trondheim. С. 12-14: ил.
341. [Рец.]: Elgood R. The arms and armour of Arabia in the 18-th – 19-th and 20-th centuries. 1994 // *Оружейный двор*. 1996. № 5/6. С. 86-ил. (Совместно с Д.И. Фояжковым).

1997

342. Булава-"клевец" из раскопок в Новгороде // *ННЗ*. Вып. 11. С. 186-188: ил. (Совместно с П.Г. Гайдуковым).
343. Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984-1992 гг. // *Древности Поволховья*. СПб. С. 63-82: ил. (Совместно с В.А. Назаренко).
344. Древнерусское вооружение из коллекции И.Хойновского: (По материалам польских музеев) // Любецкий съезд князей 1097 г. в ист. судьбе Киевской Руси. Чернигов. С. 76-77: ил.
345. Древнерусское вооружение из коллекции И.Хойновского: (По материалам польских музеев) // *Новые исслед. археологов России и СНГ*. СПб. С. 44-45.
346. Изучение культур славян, финнов и скандинавов в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН (1974-1994) // *Славяне и Финно-угры*. СПб. С. 196-208: портр.
347. Каменный щит // *Родина*. № 7. С. 98-103: ил.
348. Костяной предмет со знаками из Старой Ладоги // *Ладога и религиозное сознание*. СПб. С. 118-120: ил.

349. Мечи с надписью Ulfberht в Северной Европе // Славяне и финно-угры. СПб. С. 116-122: ил.
350. Ледовое побоище: Тактические особенности, построение, численность: Новые изыскания // Цейхгауз. № 6. (1/1997). С. 2-6: ил.
351. Начало древней Ладogi и новые историко-археологические изыскания: (К 25-летию деятельности Староладожской археол. экспедиции) // Петербург и Россия: Петербургские чтения. СПб. С. 7-27.
352. Новообнаруженный древнерусский подписной меч // ТОДРЛ. Т. 50. С. 717-722: ил.
353. Памяти Игоря Николаевича Хлопина (1930-1994) // РА. № 1. С. 238-245: портр. (Совместно с В.М. Массоном).
354. Первые русско-финские города // Восточный путь. № 3. С. 27-29: ил. Рез. англ. (Совместно с А.И. Сакса).
355. Печать и пломба из раскопок в Старой Ладoge // Дивинец староладожский. СПб. С.72-76: ил. (Совместно с С:В. Белецким).
356. Раннесредневековая Ладoga и основание династии Рюриковичей // ТД Сканд. 13. М.;Петрозаводск. С. 161-163.
357. Раннесредневековая Ладoga по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволховья. СПб. С. 5-25: карт.
358. Ранние ручницы и пистолеты из собраний российских музеев // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. СПб. Псков. Т. 1. С. 281-288.
359. Растительный мир крепости Орешек (Шлиссельбургской) и его изменение с XIV по XX век // Краеведческие записки музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 5. С. 38-50. (Совместно с Н.В. Малышевой, Г.П. Игнатъевой).
360. "Сказание о призвании варягов": Анализ и возможности источника // Первые Сканд. чтения. СПб. С. 7-18.
361. Старая Ладoga в свете новых историко-археологических изысканий: К итогам работ Староладожской археол. экспедиции ИИМК РАН в 1972-1997 гг. // Современность и археология. СПб. С. 37-45.
362. Тайна мечей викингов // Оружейный двор. № 6. С. 70-73: ил. (Совместно с А. Стальсберг).

1998

363. Александр Невский между Западом и Востоком // Первые Троицкие чтения. 1997 (1998). С. 133-142.
364. Византийская митрополичья печать, найденная в Старой Ладoge // Ладoga и эпоха викингов. СПб. С. 78-85: ил. (Совместно с Н.Н. Казанским).
365. Военная археология: ее международное, научная и общественная значимость // Военная археология. СПб. С. 10-12.
366. Время собирать камни: О сбережении памятников истории и культуры // Культурное наследие Российского государства. СПб. С. 28-38.
367. Историко-культурное наследие Старой Ладogi // Ладoga и эпоха викингов. СПб. С. 140-142.
368. Ладoga и Северная Европа: Вторые чтения памяти А.Д. Мачинской в Староладожском музее-заповеднике // РА. № 1. С. 227-229. (Совместно с С.В. Белецким, Г.С. Лебедевым).
369. Мечи эпохи викингов и их клейма: (По материалам норвежских музеев) // Военная археология. СПб. С. 210-213: ил. (Совместно с А. Стальсберг).
370. Научная встреча археологов России, Финляндии, Эстонии и Швеции в Хельсинки // АВ. № 5. С. 365-368. (Совместно с Е.Н. Носовым).
371. Новообнаруженный древнерусский подписной меч // Історія Русі – Україні. Київ. С. 135-141: ил.

372. О начале производства мечей на Руси // Общество, экономика, культура и искусство славян. М. С. 246-251. (Труды МКСА. Т. 4).
373. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919-1997) // РА. № 1. С. 247-249: портр. (Совместно с А.А. Александровым, С.В. Белецким, Г.С. Лебедевым, Ю.М. Лесманом, О.В. Овсянниковым, С.А. Плетневой, К.М. Плоткиным).
374. Печать византийского митрополита из Старой Ладogi // Церковная археология. Вып. 4. С. 115-124: ил. (Совместно с Н.Н. Казанским).
375. Сказание о признании варягов: Легенды и действительность // Викинги и славяне. СПб. С. 31-55: ил. Рус., англ.
376. Старая Ладога – древняя столица Руси // Паспорт-экспресс. № 6. (11). С. 78: ил.
377. Neue Untersuchungen von Schwertern der Wikingerzeit aus der Sammlung des Staatlichen Historischen Musekms in Stockholm // Studien zur Archdologie des Ostseeraums. Neumъnster. С. 497-506: ил. (Совместно с L. Thelin Bergman).
378. New investigations of Viking Age studies: Materials in Norwegian museums // Studien zur Archâologie des Ostseeraumes. Neumûnster. С. 507-513: ил.
379. Tajemnice mieczy z Lednicy // Archeologia iуwa. № 2. С. 22-24: ил.
380. Zum Gedenken an Wsewolod Arendt: (1887-1937): Neuentdeckte Materialien zur tragischen biographie des Gelehrten // Zeitschrift der Gesellschaft für historische Waffen- und Kostûmkunde. С. 67-74.

1999

381. В.В.Арендт – историк оружия и военного дела // ВИ. № 1. С. 145-149.

Составитель: Л.М. Всевиов

Список сокращений

АВ	–	Археологические Вести
АО	–	Археологические открытия
ВАН	–	Вестник Академии наук СССР
ВИ	–	Вопросы истории
ВИЖ	–	Военно-исторический журнал
ВООПИК	–	Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ВС	–	Вокруг света
ВСПБГУ	–	Вестник Санкт-Петербургского государственного университета
ЗС	–	Знание-сила
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МКСА	–	Международный конгресс славянской археологии
НиЖ	–	Наука и жизнь
НИС	–	Новгородский исторический сборник
ННЗ	–	Новгород и Новгородская земля.
ПКНО	–	Памятники культуры: новые открытия
ПОВИ	–	Проблемы отечественной и всеобщей истории
РА	–	Российская археология
РИПК	–	Реставрация и исследование памятников культуры

СА	-	Советская археология
САИ	-	Свод археологических источников
ТОДРЛ	-	Труды Отдела древнерусской литературы
ТПМЗ	-	Труды Псковского музея-заповедника
УИЖ	-	Український історичний журнал
ЭВ	-	Эпиграфика Востока
BRGK	-	Bericht der Rommisch-Germanisch Kommission

Аспиранты и соискатели, защитившие кандидатские диссертации, научное руководство которыми осуществлял А.Н. Кирпичников

- Дубов И.В. Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья. Л., 1974.
- Хвощинская Н.В. Западные районы Новгородской земли в начале II тыс. н.э. (по материалам погребальных памятников). Л., 1978.
- Назаренко В.А. Погребальная обрядность Приладожской Чуди. Л., 1983.
- Сакса А.И. Карельская земля в XII-XIV вв. (по археологическим данным). Л., 1984.
- Макаров Л.Д. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам). Л., 1985.
- Лапшин В.А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X-XIII вв. (по археологическим материалам). Л., 1985.
- Щеглова О.А. Проблемы формирования славянской культуры VIII-X вв. в Среднем Поднепровье (памятники конца VII — первой половины VIII вв.). Л., 1987.
- Уртанс Ю.В. Языческие культовые памятники на территории Латвии. Л., 1988.
- Пескова А.А. Древнерусский город Изяславль XII-XIII вв. (по материалам городища у с. Городища близ Шепетовки). Л., 1988.
- Богуславский О.И. Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н.э. (опыт историко-культурной периодизации). СПб., 1991.
- Чукова Т.А. Интерьер в русском зодчестве X — начале XIII вв. (по археологическим данным). СПб., 1992.
- Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1994.
- Мусин А.Е. Христианские древности средневековой Руси IX-XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли). СПб., 1997.

Благотворительный фонд «Русь Изначальная»

Цель фонда — возрождение Старой Ладogi — первой государственной столицы Руси, как общенародной святыни Отечества.

Старая Ладога или до 1704 года город Ладога основана не позже 753 года. В этом городе произошли события, повлиявшие на ход русской истории. В 862 г. славяне и финны пригласили сюда на правление скандинавского викинга Рюрика, ставшего основателем правящей династии. Так Ладога стала первой межплеменной столицей нового в Европе Русского государства. В 2003 году этому древнему городу — ныне поселку, исполнится 1250 лет. Здесь сконцентрировано 160 уникальных памятников археологии, архитектуры и культуры, отражающих двенадцать веков русской и международной истории.

Фонд «Русь изначальная» намерен способствовать изучению, сохранению и восстановлению комплекса выдающихся памятников истории, культуры и архитектуры Старой Ладogi, как бесценного культурного наследия России и мира. Фонд сотрудничает со Староладожским музеем-заповедником, поддерживает Староладожскую археологическую экспедицию Института истории материальной культуры Российской Академии Наук, содействует отечественному и международному туризму и развитию общерусских и интернациональных гуманитарных связей. Фонд пропагандирует культурное наследие Старой Ладogi и Руси-России, участвует в издании популярных и научных публикаций, посвященных культуре России и ее соседей. фонд борется за присвоение Староладожскому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта народов Российской Федерации.

На фото: князь Рюрик с памятника "1000-летия России" в Новгороде Великом. Скульптор М.О. Микешин.

Руководители фонда:

директор — Александр Константинович Шошин
и коммерческий директор — Навруз Наджафович Кулиев.

Говорит Александр Шошин: Я работаю и живу в Волхове. Рядом Старая Ладога — ныне небольшой поселок Ленинградской области. Меня заворожили исторические ценности этого места, к сожалению, еще мало кому известные. Я понял, что мой долг патриота и гражданина России, помочь сохранить эти ценности, показать их народу такими, чтобы не было стыдно за наше прошлое, чтобы новые поколения укрепляли себя любовью к Родине, к тому, что сделали наши великие предки. История нам отомстит, если мы опоздаем в этом деле.

Говорит Навруз Кулиев: По происхождению я дагестанец. Родился, рос, воспитывался и работаю среди русских. Это моя страна. Бывает встречаю несправедливое отношение. И тогда вспоминаю Старую Ладогу и ободряюсь. В этом древнем городе более 1000 лет тому назад произошла историческая встреча представителей народов Запада и востока. Их объединила торговая необходимость, жажда общения, обмен культурными и техническими достижениями. Замечательный пример этнической бесконфликтности и сотрудничества людей разных стран. Актуален он и в наши дни. Фонд «Русь изначальная» будет поддерживать и защищать культуру, духовность, память народа, все великое, завещенное международным сообществом людей, населявших город Ладогу. Узнал, что археологи Института истории материальной культуры подготовили сборник «Средневековые города Балтийского региона». Хочу, чтобы голос ученых был услышан, да и повод благородный — юбилей человека много сделавшего для Старой Ладоги. Фонд выделил для этого издания необходимые средства.

*Всех, кто может и хочет оказать содействие
в деле спасения культурного наследия Отечества,
приглашаем к сотрудничеству с Фондом «РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ»*

187400 Ленинградская область, г. Волхов, ул. Волгоградская, д. 15

тел. (81263) 28 161

Наш расчетный счет: ИНН 7831000267 БИК 044030653 к/сч. 30101810500000000653
р/сч. 40703810955290104048 в Волховском ОСБ 1881
счет межфилиальных расчетов 30301810755000605529
в С.-Петербургском банке СБ РФ г. С.-Петербург

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ СЕВЕРНОЙ РУСИ И ЕЕ СОСЕДЕЙ

Печатается на основании распоряжения Академии Наук
№ 10204-5215.39 от 01.08.89.

Подписано к печати 27.04.99. Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная.
Печ. л. 16.00. Тираж 1000 экз. Заказ № 199.

Институт истории материальных культур
Российской Академии Наук
191064, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Вести».
193311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3.